

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

БЛИЦКРИГ В ЕВРОПЕ

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БЛИЦКРИГ В ЕВРОПЕ ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРАНЗИТКНИГА

Москва

**TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004**

УДК 355/359"1939/40"
ББК 63.3(0)62
Б69

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.03.2004.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 4000 экз. Заказ 1338.

Блицкриг в Европе: Война на Западе. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. — 537, [7] с.: ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-022735-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0724-9 (ООО «Транзиткнига»)

ISBN 5-7921-0668-1 (Terra Fantastica)

В книге рассказывается о начальном этапе Второй мировой войны в Западной Европе — «странной войне» с октября 1939 г. по май 1940 г. и молниеносном захвате Голландии, Бельгии и Франции весной — летом 1940 г. Особое внимание уделено боевым действиям британской авиации в «Битве за Англию» — первом стратегическом поражении Гитлера.

Книга содержит обширный документальный и справочный материал и предназначена для широкого круга читателей, как специалистов, так и любителей военной истории.

УДК 355/359"1939/40"
ББК 63.3(0)62

© Составление. Б. Лозовский, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004
® TERRA FANTASTICA

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Нападение на Польшу в сентябре 1939 года вовлекло Германию в войну с западными державами, но после окончания Польской кампании 1939 года в Европе установилось странное затишье. Союзники, продолжавшие исходя из опыта Первой мировой войны считать себя в безопасности за Линией Мажино, готовились вырвать стратегическую инициативу у Германии путем активизации действий на периферийных театрах и ужесточения экономической блокады. Германия восполняла понесенные потери и готовилась к наступлению на Западном фронте, так как в позиционной войне на истощение она была обречена на поражение.

К маю 1940 года немецкие войска завершили подготовку к своему решительному сражению, призванному завершить войну, — вторжению во Францию. Им предстояло разгромить превосходящие силы противника, опиравшегося на мощные укрепления и обладавшего господством на море. Нельзя было рассчитывать и на стратегическую внезапность, так как война шла уже больше полугода. Ставка, как и в Польше, была сделана на «блицкриг»...

Французская кампания имела ошеломляющие результаты. В результате немецкого наступления на четвертые сутки капитулировала Голландия, на восемнадцатые — Бельгия. Английские войска эвакуировались из Бельгии, бросив вооружение, боеприпасы, технику и прикрывавших их французов. Когда немецкие войска подошли к

Парижу, в войну на стороне Германии вступила Италия, и через полтора месяца после начала немецкого наступления Франция капитулировала. В ходе войны произошел кажущийся перелом в пользу Германии. Однако главная цель кампании не была достигнута, так как пришедшее к власти в Англии правительство Черчилля, заручившись поддержкой США, отказалось пойти на компромиссный мир.

Новая попытка решить стратегическую проблему оперативно-тактическими средствами стала для гитлеровской Германии катастрофой. В срочно разработанной операции «Морской лев» ставка снова делалась на беспроигрышную, казалось бы, стратегию «блицкрига», а главную роль была призвана сыграть авиация. Немецкие ВВС и раньше играли важную роль во всех операциях вермахта, неоднократно являясь тем самым рычагом, способным повернуть ход кампании, а борьба в «третьем измерении» была не менее ожесточенной, нежели на земле. И почти всегда ход и исход сухопутной кампании определялся результатами борьбы за господство в воздухе. Бои лета и осени 1940 года стали первым в истории примером позиционной войны в воздухе. В тяжелых боях «Люфтваффе», вероятно, были близки к победе, но так и не завоевали ее. «Битва за Англию» завершилась первым стратегическим поражением Германии, так как военно-воздушные силы не смогли захватить господство в воздухе и операция сухопутных сил была отменена. Blitzkrieg не получился, и война на истощение стала реальностью.

В настоящий сборник вошли главы из монографии Д.М. Проэктора «Война в Европе», посвященные боевым действиям в Западной Европе. Исследуя подготовку и ход боевых действий, автору удалось живо и лаконично нарисовать картину событий, происходивших весной и летом 1940 года. К недостаткам этой работы можно отнести малое внимание, уделяемое действиям авиации сторон, и для компенсации в книгу включен материал, посвященный действиям британских ВВС в начальный период войны и «Битве за Англию».

Даниил Проэктор

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

Глава IV

«СТРАННАЯ ВОЙНА» И ПОДГОТОВКА СОЮЗНИКОВ К ОТПОРУ ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

1

Развитие вооруженных сил Франции между двумя мировыми войнами происходило под влиянием ряда условий, определявших внутривнутриполитическую обстановку в стране и внешнюю политику господствующих классов.

По Версальскому договору Франция получила новые важные промышленные районы. Уголь Саарского бассейна, железные рудники и металлургические заводы Эльзаса и Лотарингии способствовали значительному расширению военно-экономической базы Франции. Германия была побеждена, Англия и США эвакуировали с континента свои вооруженные силы, и теперь, казалось, Франция превращалась в самую могущественную

европейскую державу. В этой обстановке внешняя политика правящих кругов Третьей республики имела несколько ведущих направлений. Первое — борьба против Советского Союза и революционного движения в Европе, во имя которой французская буржуазия стала выступать инициатором и участником всевозможных антисоветских блоков, договоров и союзов. Несмотря на явное противоречие национальным интересам, французские руководители стали партнерами США и Англии в деле восстановления экономической мощи Германии и превращения недавнего врага в ударную силу, направленную против СССР. Второе направление политики правящих кругов Франции характеризовалось усилиями закрепить колонии, как старые, так и вновь приобретенные, подавить национально-освободительное движение в колониях, поставить их ресурсы на службу метрополии. Третье направление составляли попытки обеспечить страну от новой германской агрессии и реванша, угроза которых, как подсказывал исторический опыт, могла неизбежно возникнуть по прошествии некоторого времени. Участвуя в восстановлении германской военно-экономической базы, правящие круги Франции вместе с тем боялись, что возвращенный на иностранные деньги германский милитаризм направит свой первый удар не на восток, а против Третьей республики, так как политическая комбинация, при которой в мировой войне на стороне Франции сражались Россия, Англия, а потом и США, может не повториться. А остаться один на один со своим исконным врагом не сулило ничего хорошего для французского государства. Военно-экономическая база Германии превосходила военное производство Франции, хотя промышленность последней за время войны и увеличилась примерно на 30 %. Франция была страной, где численность населения почти не возрастала. В течение 50 лет перед Первой Мировой войной прирост населения Франции составлял всего лишь 1 млн 700 тыс. человек, то есть примерно 34 тыс. ежегодно. За то же время прирост населения Германии составил 27 млн человек, или

540 тыс. в год¹. Даже после военных потерь население Германии достигало внушительной цифры — 65 млн человек (против 39 млн человек во Франции). В условиях, когда военная мощь страны определялась прежде всего количеством дивизий, которые она может развернуть в военное время, отсутствие прироста населения сулило в перспективе дальнейший катастрофический спад военного потенциала Франции. По расчетам французских военных специалистов середины 20-х годов, к 1936 г. численность боеспособных граждан Германии должна была более чем вдвое превысить количество таких же граждан французской метрополии. Это внушало французской буржуазии страх за будущее. Учитывая все обстоятельства развития страны в условиях быстрого роста политической активности трудящихся масс и усиления революционных тенденций в метрополии и колониях, французская буржуазия после Первой Мировой войны в своем европейском внешнеполитическом курсе все больше и больше проникается оборонительными тенденциями. Усилению и закреплению таких тенденций способствовало то обстоятельство, что французская буржуазия стала страшиться собственного народа больше, чем своих внешних врагов. Она не считает необходимым и возможным двинуть свои армии на восток, за Рейн. Она направляет усилия к тому, чтобы укрепить новые восточные границы, а главное — «освоить» вновь приобретенные колонии, то есть железной рукой подавлять национально-освободительное движение и выкачивать ресурсы из колоний.

Французский генералитет в начале 30-х годов верил, что французская армия по крайней мере на ближайшие 10—15 лет обеспечит безопасность страны². Это успокаивало, но вместе с тем и не давало стимула к развитию, к поискам нового. Победа в Первой Мировой

¹ Венцов С. Военная система современной Франции. М. — Л.: Госиздат, 1928. С. 10.

² См.: *Général de Cugnac. Les Quarante Jours.* Paris, 1948. P. 22.

войне рассматривалась как неоспоримое подтверждение абсолютной правильности всей военной системы, военной доктрины, организационных принципов, оперативного и тактического искусства Франции.

Старые генералы мировой войны, безраздельно господствовавшие во французской армии 20-х годов, твердо стояли на теоретических позициях господства обороны над наступлением. В будущее они смотрели глазами прошлого. Чем дальше, тем с большими опасениями встречали эти столпы военной мощи Франции любую свежую мысль о радикальных новшествах и переменах в армии. В обстановке, которая все более прочно укоренялась в громоздком бюрократическом аппарате французской армии, свежих мыслей и новых веяний со временем становилось все меньше. Всей силой своего авторитета отвергали старые маршалы и генералы — Фош, Пэтэн, Вейган, Гамелен и другие — утверждения о назревающем перевороте в военном деле, который должен произойти, если начавшийся процесс моторизации вооруженных сил будет развиваться и дальше. Позиция французских военных руководителей была непоколебима: ключ к познанию будущего — в руках тех, кто победил в мировой войне, опыт которой настолько всеобъемлющ, что всякая новая война не сможет чем-либо принципиальным отличаться от минувшей с ее господством позиционных форм. Поэтому, считали они, важно последовательно придерживаться достигнутого и время от времени «подновлять» армию частными реформами. Так в начале 20-х годов во французской армии складывались взгляды, которые впоследствии были поддержаны всем политическим курсом правящих кругов. В обстановке реакции 20—30-х годов эти взгляды превращались в мертвую догму. Французская армия почти незаметно для ее руководителей постепенно отставала от других европейских армий. Вскоре это отставание стало угрожающим. Если правильна старая мысль, что разбитые армии хорошо учатся, то верно будет и то, что перед победившей армией есть особая опасность быстро-

го отставания, если, чрезмерно увлекаясь прошлыми победами, она переоценит свои возможности и силы.

Политическая реакция, господствовавшая во Франции в начале 30-х годов, целиком отразилась на состоянии вооруженных сил. Антинародная политика правящих классов вызывала в стране острейшую классовую борьбу, целиком поглощавшую усилия правительства. Быстрая смена кабинетов, постоянные интриги, непрерывная борьба между буржуазными партиями лишали армию достаточно стабильного и планомерного руководства со стороны высших органов государства. Армию старались все больше и больше отгородить от внутриполитической жизни страны.

Буржуазные правительства Франции, не жалея энергии для подавления революционного движения и для борьбы с коммунистической идеологией, недооценивали важность укрепления национальной обороны. Это видно, в частности, из того, что военные кредиты в большей части оставались неиспользованными: на 50 % — в 1933 г.; на 33 % — в 1934 г. и на 60 % — в 1935 г.¹

В 1935 г. благодаря Гамелену, назначенному вице-президентом Верховного совета национальной обороны, был получен военный кредит почти в 4 млрд франков. Главные усилия направлялись на строительство танков. Было построено некоторое количество машин типа Р-35 и Г-35. Но только в 1936 г., в силу психологического шока, вызванного ремилитаризацией Рейнской области, военный министр Даладьё потребовал, чтобы Гамелен разработал программу военного производства, рассчитанную на несколько лет. Гамелен представил ему «четырёхлетний план» на сумму в 9 млрд франков. Даладьё увеличил ассигнования до 14 млрд. Этот план был утвержден 7 сентября 1936 г. Казалось, наконец за три года до войны сдвинулось с места дело перевооружения наземных войск. Что касается подобных же мер в области

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 46.

авиации, то они начали приниматься только в январе 1938 г. с назначением министром авиации Ги ля Шамбра¹.

Было создано управление по производству вооружения, утвержденное законом от 3 июля 1935 г. Функции по организации военного производства распределялись следующим образом: Генеральный штаб выбирает объекты, подлежащие изготовлению, и утверждает программу выпуска военной продукции; управление по производству вооружения распределяет заказы по заводам военного министерства или на частных предприятиях; управление вооружения испытывает и принимает продукцию.

Деятельность всего этого аппарата можно проследить хотя бы на одном примере, который приводит в своей работе главный инженер управления вооружений Аппиш, из области изготовления новой 47-мм противотанковой пушки. Разработка ее проекта состоялась в 1931 г.; первый образец был представлен лишь в 1935 г., но так как было неизвестно, кто ее будет использовать — пехота или артиллерия, а каждая из них предъявляет свои требования, то дискуссия по вопросу о запуске ее в производство затянулась до 1937 г. Первые экземпляры пушки были изготовлены только в ноябре 1938 г., то есть за десять месяцев до начала войны, и личный состав не успел ее как следует освоить.

Короче говоря, по выражению одного из исследователей вопроса о вооружениях французской армии д'Оопа, «ответственность была рассеяна между многими, а авторитет — нигде»².

Был ли выполнен «четырёхлетний план»? В отношении сухопутных войск — с большим опозданием. Только лишь к концу мая 1940 г., то есть к тому периоду, когда поражение Франции в войне с Германией стало фактом, заводы выпустили: 387 тяжелых танков класса В вместо намеченных по программе 396, 260 средних танков класса Д

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 46.

² Там же. С. 47.

(эти вообще не намечались планом 1936 г.), 2791 легких танков вместо предусмотренных 2430¹.

Все французские танки имели сильную броню (до 40 мм, а тяжелый танк В — до 70 мм), превосходя в этом германские танки, были вооружены пушками (37-мм — на танках «Рено» и «Гочкис» и 75-мм — на танке В), способными пробивать броню германских легких и средних машин, а тяжелый танк В выдерживал попадание снарядов пушек всех калибров, установленных на немецких танках. В отношении быстроходности и радиуса действия германские танки превосходили французские.

Недооценивая роль авиации, действующей непосредственно на поле боя, французский Генштаб пренебрег противовоздушной обороной войск в пользу территориальной противовоздушной обороны, то есть противовоздушной обороны страны. Для ПВО войск армия располагала только старыми образцами зенитных пушек, которые применялись еще в 1918 г. (86 батарей); было начато производство зенитных пушек 25-мм калибра, из которых только 30 были изготовлены к моменту мобилизации и 1200 в мае 1940 г. Имелось еще некоторое количество 20-мм орудий иностранного производства, закупленных в начале 1940 г. (390 типа «Эрликон» и 34 типа «Бофор»). Такое число зенитных орудий было мизерным для армий. Почти полное отсутствие противовоздушной обороны в мае 1940 г. сильно отразилось на моральном состоянии войск, оказавшихся безоружными при атаках германских пикирующих бомбардировщиков. До 1938 г. во Франции вообще не делалось серьезных усилий для развития авиации. Так называемый «план Т» от 1933 г. предусматривал постройку только 1000 самолетов первой линии. В 1936 г. перед фактом перевооружения воздушного флота, проводимого гитлеровцами, главный штаб ВВС составил «пятилетний план» — так называемый «план II», по которому число самолетов первой линии доводилось до 1500 единиц. Этот план был

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 49.

утвержден правительством в сентябре 1936 г. одновременно с планом перевооружения наземных войск. Позже «план II», показавшийся неудовлетворительным министру авиации П. Коту, был заменен планами «III» и «IV», предусматривавшими усиление и противовоздушной обороны страны, и истребительной авиации непосредственного прикрытия наземных войск. Однако, чтобы не изменять всего плана национальной обороны в целом, Высший военный совет 15 февраля 1937 г. отверг планы «III» и «IV» и вновь вернулся к «плану II».

Когда в январе 1938 г. Ги ля Шамбр получил портфель министра авиации, он обнаружил наличие всего лишь 1375 самолетов первой линии и очень слабо развитое авиационное производство (35 машин в месяц). Под его руководством производство увеличивается до 220 самолетов в месяц в 1939 г. и 300 машин к началу 1940 г., Ги ля Шамбр вводит «план V», предусматривающий поставку 2617 современных самолетов, из них 1081 истребитель, 876 бомбардировщиков, 636 разведчиков и наблюдателей и 24 десантных самолета¹. К началу военных действий удалось выпустить лишь часть этих самолетов, главным образом истребительной авиации.

Согласно французским данным, на 15 мая 1940 г. авиация первой линии имела в строю 1300 машин, в том числе всего лишь 143 бомбардировщика².

Французская авиация значительно уступала немецко-фашистской и в качественном отношении. Скорость полета французских истребителей «Потез-63» и «Моран» составляла 480 км/час, а германский Me-110 развивал скорость до 580 км/час. Материальная часть и радиус действия гитлеровских бомбардировщиков значительно превосходили образцы французской бомбардировочной авиации. Пикирующие бомбардировщики во французской авиации вообще отсутствовали.

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 51.

² Внутри страны в школах, испытательных центрах, в ремонте и т.д. находилось до 1400 самолетов (*Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 53).

Французская армия накануне войны предназначалась служить опорой реакции, орудием крупной буржуазии и государственно-бюрократического аппарата. В 1939 г., несмотря на многие слабые стороны, она все же была достаточно боеспособной, чтобы сражаться против Германии. Но зимой и весной 1940 г. быстро развивавшиеся внутренние процессы, о которых речь пойдет ниже, подорвали ее мощь.

2

Три главных момента определяли характер военной подготовки союзников к отпору германского вторжения в 1939–1940 гг.: политика правящих кругов Франции и Англии, получившая название политики «странной войны», противоречия внутри складывающейся коалиции капиталистических государств и англо-французская стратегическая концепция. Из них первый был главным и определяющим.

Ход подготовки Франции и Англии к отпору германской агрессии в период «странной войны» — от сентября 1939 г. до мая 1940 г. — находился в прямой зависимости от внутренней и внешней политики правящих кругов этих держав. Широкие массы английского и французского народов ненавидели и презирали фашизм, его методы и цели, ставшие предельно очевидными в ходе и после окончания германо-польской войны. Но трагедия состояла в том, что капитулянты и пораженцы, обладавшие значительной силой и властью, противились мобилизации национальных сил для активной борьбы с фашизмом.

Девять месяцев «странной войны» показали, что крупная французская буржуазия в обстановке, когда гитлеровские армии стояли у дверей Франции, заботилась прежде всего о создании активного фронта против рабочего класса и коммунистической партии в стране и

что, если бы этот внутренний фронт дрогнул, она поставилась бы подкрепить его танковыми дивизиями Гитлера. Влиятельнейшие группировки буржуазии искали мира и союза с Третьим рейхом. Расчеты на возможный германо-советский конфликт, не только изолированный, но и при определенных условиях включающий активное выступление Франции и Англии, как и раньше, занимали в их планах первостепенное место. Политический курс диктовал свести войну с Германией на нет и обратить оружие против «внутреннего врага». Этим в конечном счете и определялся процесс подготовки военных действий против гитлеровских вооруженных сил, этим в значительной степени объяснялось то тяжелое состояние французской армии, в котором она вынуждена была на рассвете 10 мая 1940 г. встретить германский удар. Конечно, существовали буржуазные круги, понимавшие, какую угрозу несет Франции германское вторжение, и выступавшие за более активную борьбу против Германии как опасного врага и торгово-промышленного конкурента. Но и среди радикальных кругов буржуазии трудно было найти достаточное количество решительных людей, которые поставили бы национальные интересы выше классовых и твердо стояли бы на позициях борьбы с германским фашизмом до конца. Под воздействием общественного мнения, требований трудящихся, под влиянием сложной политической ситуации в Европе и данных разведки о сосредоточении вермахта у франко-бельгийско-голландских границ, наконец, в силу того простого факта, что война была объявлена и армия отобилизована, определенная подготовка к военным действиям на Восточном фронте велась. Все чаще к линиям траншей возили корреспондентов, чтобы убедить простых французов в неприступности восточных границ страны. Но характер подготовки, ее интенсивность и направленность не отвечали реальному течению событий. Именно об этом свидетельствовал, в частности, крайне пассивный план ведения войны против Германии, созданный французским штабом, о котором мы будем го-

ворить ниже и который представлял собой детище не только и не столько оборонительной стратегии, исповедуемой французским Генеральным штабом, сколько политики правящих кругов. Французская буржуазия, казалось, убеждала Гитлера, чтобы он был спокоен за свой тыл и решительно направил бы удар на Советский Союз. Реакционные тенденции политики и оборонительная доктрина стратегии полностью сомкнулись в идеях этого плана. Политика «странной войны» определила несостоятельность франко-английской подготовки к отпору гитлеровской агрессии, и на почве такой политики созрела катастрофа Франции.

«Странная война» — это последняя попытка уйти от действительной войны тех, кто открыл ей дорогу. Она выражала политический курс наиболее реакционных кругов французской и английской буржуазии, рассчитанный на то, чтобы под видом защиты своих государств от внешней агрессии нанести удар трудящимся, и прежде всего рабочему классу. Здесь было налицо прямое продолжение мюнхенских тенденций, но начало этой политики идет не от Мюнхена. «Странная война» — завершающий этап длинного пути к мировой катастрофе, проложенного от Версаля через Мюнхен до предательства западными союзниками Польши. Это был вместе с тем огромный самообман. Творцы «странной войны» убеждали себя, будто Гитлер не настолько безрассуден, чтобы вступить в кровопролитие на Западе и помешать французской буржуазии использовать его собственные методы для разгрома левых сил Франции. Гитлер понимает, думали апологеты «странной войны», что объявить войну — еще не значит воевать. Они полагали, что фюрер помнит Сомму, Верден и данные еще в «Майн кампф» обещания сокрушить большевизм. Им казалось, что они установили молчаливое взаимопонимание с далеким Берхтесгаденом — резиденцией германского фюрера, — что дух согласия витает теперь над укреплениями Восточного фронта, над войсками, стоящими по обе стороны мутного Рейна за линиями Зигфрида и Мажинно, что

Гитлер, конечно, предпочтет Восток, где лежит путь к решению всех его проблем. Разгромить Советский Союз руками Гитлера, вложить и свой вклад в «уничтожение большевизма», сделать это именно сейчас, когда война стала фактом и в ее ходе оправданы любые превратности и повороты, уничтожить коммунистическое движение, подавить рабочий класс внутри своих стран, используя законы и обычаи военного времени, — такова была главная цель французской и английской реакции, такой смысл вкладывали они в политику «странной войны».

С точки зрения политических и военных задач, которые ставило перед собой франко-английское руководство, период от сентября 1939 г. до мая 1940 г. можно разделить на два этапа.

Первый этап открылся бешеным натиском французской реакции на внутреннем фронте. «За спиной этой “странной войны”, — пишет французский исследователь Вийар, — началась настоящая война... Она проявляется прежде всего внутри Франции. Правящие классы стремительно бросили свои силы в атаку против народных масс и в первую очередь против рабочего класса»¹.

В качестве предлога и прикрытия начала борьбы против Коммунистической партии Франции был использован советско-германский договор от 23 августа 1939 г., а затем начало Освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию 17 сентября того же года. Коммунистическая партия объявляется вне закона, разжигается антикоммунистическая истерия. Коммунисты оказались вынужденными уйти из парламента, профсоюзов и органов местной власти. Чрезвычайным декретом от 18 ноября 1939 г. правительство уполномочило полицейские власти арестовывать коммунистов без суда и следствия. Французская буржуазия создала во Франции атмосферу безудержного разгула антикоммунизма, в угаре которой отошли на задний

¹ Willard G. La drôle de Guerre et la trahison de Vichy. Paris, 1960. P. 39.

план проблемы борьбы с гитлеровской Германией. Общественное мнение все более подготавливалось к мысли о необходимости договориться с Гитлером и начать войну против Советского Союза. Коррупция и продажность, господствовавшие в государственном и военном аппарате, открывали страну для гитлеровского вторжения. В такой политической атмосфере подготовка к войне с Германией все больше лишалась внутреннего духа и велась в надежде, что все, к чему она направлена, не осуществится.

Самые широкие возможности открылись для деятельности фашистской «пятой колонны». Предельно активизировались основанные еще осенью 1935 г. пропагандистские и диверсионные организации, возглавляемые ставленником германских монополий и фашистской разведки О. Абецем, особенно так называемый «франко-германский комитет» в Париже. Усилиями Абеца, генерального секретаря «комитета» де Бринона и их ставленников были подкуплены многие французские политики, дипломаты, чиновники, редакторы газет, генералы и офицеры Генерального штаба¹. Усилилась подрывная работа фашистских организаций кагуляров (церковная организация капуцинов), являвшихся прямыми агентами гитлеровской Германии. Эти организации, имевшие четкую военную структуру, стремились установить во Франции фашистский режим. Они получали из Германии и Италии оружие. Контакты между французскими фашистами и Третьим рейхом осуществлялись через крупные монополии, особенно через агентуру концерна «ИГ Фарбениндустри», который использовался нацистами как огромный шпионский центр против Франции. «Пятая колонна» имела широкую сеть агентов в государственном аппарате Франции. Через нее гитлеровское руководство знало о всех политических, хозяйственных и военных

¹ Die erste Periode des Zweiten Weltkrieges. Institut für deutsche Militärgeschichte, Heft 2. Berlin, 1961. S. 57 (в дальнейшем Die erste Periode).

мероприятиях французского правительства и верховного командования¹.

Постепенно шел процесс подтачивания боевой мощи французской армии. Она лишалась того огня, той твердой убежденности, без которых немислимо побеждать. Солдаты чувствовали, что их штыки хотят повернуть в другую сторону; генералы, склонившиеся в штабах над картами Германии, все больше думали о Москве и о тех врагах, которые засели на заводах Лилля, Парижа и других пролетарских центров. И оказалось вполне логичным, что, когда реакция начала новый тур своего антикоммунистического похода, все связанное с подготовкой войны против фашистской Германии было совершенно открыто отодвинуто на второй план.

Начало второго этапа «странной войны» было связано с событиями советско-финляндского конфликта.

Как только в конце ноября 1939 г. открылись военные действия в Финляндии, французские и английские правящие круги решили, что наступил самый благоприятный момент. Исступленная антисоветская и антикоммунистическая кампания достигла апогея. «Неописуемая буря охватила буржуазию, — пишет де Кериллис, автор книги «Французы, вот правда», изданной в Нью-Йорке в 1942 г. — Дух крестового похода с яростью охватил их круги... Существовал единый клич: война России! Люди, миролюбиво настроенные, превратились в наиболее воинствующих людей. Те, кто не хотел «умирать за Данциг», хотели «умереть за Хельсинки»... Те, кто защищал идею о том, что нужно оставаться неподвижно за Линией Мажино, молили уже, чтобы послать армию, которая дралась бы за Северный полюс... Это был момент, когда антикоммунистический бред достиг своей крайней степени и принял формы эпилепсии»². Буржуаз-

¹ Die erste Periode... S. 57, 58.

² De Kerillis. Français, voici la Vérité. New York, 1942. P. 102.

ная пресса была до предела насыщена вздорными статьями, авторы которых пытались доказать угрозу со стороны Советского государства «западному миру», уверить, что Красная Армия бессильна. «Для того чтобы провести мнение о необходимости принять войну против СССР, нужно было... убедить общественное мнение в слабости противника, которого предстоит разгромить»¹. Сопротивление белофиннов стали называть «Фермопилами цивилизации»², а Маннергейма — «смелым и достойным начальником»³. Под видом помощи Финляндии начал складываться антисоветский фронт. Он включал широкую посылку в Финляндию оружия, денег, подготовку экспедиционного корпуса и оказание широкой моральной поддержки белофиннам. За короткий срок Маннергейм получил от Франции, Англии, Италии, Швеции более 350 самолетов, 1500 орудий, 6 тыс. пулеметов, 1 тыс. ружей, 650 тыс. ручных гранат, 160 млн патронов и другое вооружение⁴.

Английское правительство начало готовить экспедиционные войска для отправки в Финляндию⁵. На основе складывающегося антисоветского империалистического фронта наметилась общность интересов и намерений Англии и Франции с фашистскими Германией и Италией. Гитлер и его штабы, заинтересованные не только в ослаблении Советского Союза, но и в том, чтобы граница Финляндии проходила возможно ближе к Ленинграду и Мурманску, ясно давали понять о своей солидарности с Финляндией и, подобно французским руководителям, не скрывали свое удовлетворение теми трудностями, которые встретила Красная Армия при прорыве Линии

¹ Willard G. La drôle de Guerre et la trahison de Vichy. P. 54.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 54.

⁴ Die erste Periode... S. 22.

⁵ Кингстон-Макклори Дж. Руководство войной. М.: Изд-во иностранной литературы, 1947. С. 111, 112.

Маннергейма. Через шведских корреспондентов в Берлине Гитлер сообщил, что Германия не будет возражать против перевозок через Швецию военных материалов и добровольцев. Фашистская Италия открыто поставляла Финляндии оружие и бомбардировщики, причем последние получили право перелетать через Францию¹. Газета «Эвр» писала 3 января 1940 г.: «Иностранная помощь, оказываемая Финляндии, соорганизовалась. Послы Англии и Италии покинули Москву на неопределенное время»².

Так на общей антисоветской основе теперь уже почти открыто складывался контакт «западных демократий» и фашистских государств, формально находившихся в состоянии либо войны, либо отчужденности друг с другом. Казалось, международная реакция была близка к своей цели — организации «всеобщего похода против большевизма». 20 декабря 1939 г. в Финляндию вылетел полковник французского Генерального штаба Ганеваль для координации совместных действий против Красной Армии³.

Мир, заключенный Советским Союзом с Финляндией, сорвал замыслы империалистов и вызвал у них плохо скрываемое разочарование. Но в Лондоне и Париже не хотели отказываться от намерений нанести удар по Советскому Союзу. Теперь там, как и в Берлине, стали рассматривать Советский Союз в военном отношении чрезвычайно слабым. Взоры обратились на юг. Объектами удара избираются советские нефтяные районы.

19 января 1940 г. французский премьер Даладьё направил главнокомандующему генералу Гамелену, командующему авиацией Вюильмену, генералу Коэльцу и адмиралу Дарлану письмо следующего содержания: «Прошу генерала Гамелена и адмирала Дарлана разработать памятную записку о возможном вторжении с целью

¹ *Gamelin. Servir. Les Armees de 1940. Vol. III. Paris, 1946. P. 197.*

² *Willard G. La drôle de Guerre et la trahison de Vichy. Paris, 1960. P. 60.*

³ *Die erste Periode... S. 22.*

уничтожения русских месторождений нефти». Далее рассматривались три наиболее вероятных пути осуществления интервенции в Советский Союз с юга. Вторым из этих вариантов являлось «прямое вторжение на Кавказ»¹. И это было написано в день, когда на немецкой стороне шла деятельная подготовка к разгрому Франции. Гальдер записал в тот же день в своем дневнике: «Назначение срока наступления желательно возможно скорее»², а Гитлер, определив новых командиров корпусов для армии вторжения во Францию, сообщил, что созывает очередное совещание в рейхсканцелярии по поводу плана войны на Западе.

В феврале 1940 г. французский Генеральный штаб закончил разработку плана интервенции против Советского Союза. 4 апреля план был направлен председателю совета министров Рейно. «Операции союзников против русского нефтяного района на Кавказе, — говорилось в плане, — могут иметь целью... отнять у России сырье, которое необходимо ей для ее хозяйственных нужд, и таким образом подорвать мощь Советской России»³. Штаб главнокомандующего в деталях изучил объекты нападения. «Военные действия против кавказских месторождений нефти, — писал Гамелен, — должны иметь целью поразить уязвимые пункты расположенной там нефтяной промышленности. Сюда относятся индустриальные центры, возможные запасы и погрузочные станции. В основном речь идет о трех: Баку, Грозный — Майкоп, Батум. Грозный лежит на северном склоне Кавказского хребта и слишком отдален, чтобы стать целью военной операции с воздуха. Остаются, следовательно, Баку и Батум»⁴. Основной удар авиацией Гамелен предлагал направить на Баку. В этом

¹ Архив МО СССР, ф. 639, оп. 725167, д. 113, л. 22. (По немецким данным.)

² Дневник Гальдера, запись 19 января 1940 г.

³ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 113, л. 26. (По немецким данным.)

⁴ Там же.

случае он считал возможным два варианта действий — операцию сухопутных сил и атаки с воздуха. Сложные условия обстановки склоняли его ко второму варианту. Предполагаемый характер действий излагался в разработанном штабом Гамелена плане под названием «операция Баку»¹.

План этот предусматривал развязывание войны против Советского Союза путем нанесения внезапных авиационных ударов по его важнейшим экономическим центрам, подрыва военно-экономического потенциала страны, а затем — вторжения сухопутных сил².

Вскоре был установлен и окончательный срок нападения на СССР: конец июня — начало июля 1941 г. Кроме воздушных атак против Кавказа, способных, по мнению англо-французского руководства, подорвать основу экономики Советского Союза, предусматривалось нападение с моря. Дальнейшее успешное развитие на-

¹ Там же.

² В оперативном плане, разработанном штабом французских военно-воздушных сил в апреле 1940 г., указывалось: «Франко-английское воздушное нападение на кавказскую нефть будет направлено исключительно на предприятия по рафинированию нефти и портовые сооружения Батума, Поти, Грозного, Баку. Можно считать, что в течение первых шести дней будет разрушено 30–35 % предприятий по рафинированию нефти и портовых сооружений Батума. Материальная часть, предназначенная для нападения, будет включать 90–100 самолетов, в том числе 6 французских авиагрупп и 3 английские эскадрильи. Французские авиагруппы должны быть подготовлены таким образом, чтобы они могли находиться в готовности для атаки Баку в назначенный срок. Эти отряды должны состоять из двух групп самолетов типа “Фарман-221” и четырех групп “Глен Мартин”, которые должны иметь запасные баки с горючим. В каждый вылет они смогут сбросить в общей сложности 70 т бомб примерно на 100 разведанных очистительных заводов». (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 113, л. 26). (По немецким данным.)

ступления должно было вовлечь в войну на стороне союзников Турцию и других южных соседей СССР. Английский генерал Уэйвелл для этой цели вступил в контакт с турецким военным руководством.

Так накануне вторжения гитлеровских армий, в обстановке, чреватой смертельной опасностью для Франции, ее правящие круги продолжали думать о союзе с Гитлером и о вероломном нападении на страну, народ которой впоследствии внес решающий вклад в дело спасения Франции.

Разработка антисоветского плана «операция Баку» завершилась в Париже 22 февраля 1940 г. А через два дня, 24 февраля, в Берлине Гитлер подписал окончательный вариант директивы «Гельб», предусматривавшей разгром Франции.

3

Вся эта пагубная политика господствующих кругов целиком определила состояние французской и английской армий, которые держали фронт против Германии.

Никогда еще история не знала такой войны. Линии фронтов безмолвствовали. Немцы отвечали выстрелом на одинокие французские выстрелы. Авиация не летала. Войска участка на Рейне получили приказ вообще не стрелять в противника¹. Немцы открыто, на глазах у французских аванпостов строили свои укрепления, французские патрули не тревожили их. Гамелен говорил: «Стрелять по работающему противнику? Тогда немцы ответят стрельбой по нашим!»². В случае попыток групп противника наступать через Рейн приказывалось первоначально стрелять в воздух или в воду. Электростанция Канб, сияя огнями, продолжала работать между

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 133.

² Там же. С. 15.

передовыми линиями французов и немцев на «ничейной» земле. Ее никто не трогал ни с той, ни с другой стороны. «Пехота ограничивается лишь тем, — пишет французский исследователь де Барди, — что демонстрирует свое присутствие отдельными патрулями»¹. Действительно, время от времени происходили стычки мелких отрядов. При этом потеря даже нескольких человек считалась у французов чрезвычайным событием. Когда в декабре 1939 г. после небольшой перестрелки патрулей полтора десятка французских солдат оказались ранеными и убитыми, начался поток запросов и рапортов вплоть до главнокомандования. В декабре 1939 г. появилась специальная директива 3-го бюро главной квартиры, составленная на 19 страницах, в которой подробно разъяснялось, как нужно действовать боевому охранению, чтобы не нести потерь². очевидцы вспоминают, что солдаты смеялись, читая глубокомысленные откровения генералов из Парижа: «Ночью какой-нибудь куст жемельника или какая-нибудь маленькая елочка превращаются в большой участок, поросший кустарником»³ и т.п. Война патрулей заменила большую войну. Любая неудача маленького разведывательного дозора «влекла за собой целый каскад мелочных приказов, и после каждого случая требовались многочисленные рапорты, отчеты и объяснения по малейшим потерям, что приводило в движение всю иерархическую лестницу вплоть до Главного штаба, так что никто не отваживался действовать по своей собственной инициативе»⁴. В этой войне потери считались исключением.

Армия все больше превращалась в огромную канцелярию с мертвящим духом бюрократизма. Де Барди пишет: «Формализм, господствовавший в армии мирного времени, повторяется и в армии военного периода...

¹ *De Bardies*. La campagne 39–40. P. 44.

² Там же. С. 46.

³ Там же.

⁴ *Goutard A.* 1940. La Guerre des occasions perdues. P. 134.

Большинство офицеров армии... прибегает к защите огромным количеством бумаг, что дает им возможность при любых обстоятельствах защитить себя от упреков... Избежать всякой ответственности — вот самая большая забота, а часто и единственное существенное занятие. На бумаге все находится в порядке... непосредственный контакт Генерального штаба с войсками считается делом второстепенным»¹.

Принимая свирепые меры против «коммунистического проникновения» в вооруженные силы, руководство вместе с тем открыто поощряло фашистскую идеологию и пораженческие настроения. Лозунги: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», «Лучше рабство, чем война» — широко проникали в окопы. Как свидетельствуют французские историки, в период «странной войны» значительная часть офицерского состава все более заражалась духом фашизма и пораженчества. Даже такой исследователь, как де Барди, не может не сделать важного признания: «Многочисленная часть офицеров убеждена в превосходстве немецкой армии, немецких методов, а также образа мыслей немцев. Она верит в то, что диктатура неизбежно приведет к демократии. В пылу одной такой дискуссии дошли даже до восхваления фашизма, дошли до презрительного отношения к малым странам Центральной Европы»². Часть офицеров становится застрельщиками планов нацистского переворота. «Они вообще больше не думают о войне. Враг — это внутренний враг, коммунизм. Нужно заключить мир и наброситься на него. Таким образом, возникает, вернее, продолжает развиваться идея настоящей гражданской войны, такой, какая однажды уже привела к пролитию французской крови в 1934 г. и которая с тех пор продолжает разрывать Францию надвое»³. Де Кериллис, говоря о настроениях офицерского корпуса, свидетельствует: «...офицеры,

¹ *De Bardies*. La campagne 39—40. P. 46, 47.

² Там же. P. 53.

³ Там же.

принадлежавшие к высшему классу, которым в течение многих лет повторяли, что Германия миролюбива, что она лишь занята тем, чтобы навести порядок в Европе и спасти ее от гибели, которую несут коммунисты, нашли на поле боя своего рода подтверждение тому, чему их обучали: Германия глубоко любит Францию... Среди высших кадровых офицеров, в частности среди генералов, которые были особенно подвержены нацистскому влиянию... открыто говорилось: «Если Германия потерпит поражение, то демократии погибнут, а коммунизм выиграет». Не признаваясь себе в этом полностью, они все же желали победу противнику»¹. Пораженцы внушали солдатам страх перед гитлеровской армией. Они ссылались на радио Штутгарта, которое узнает от разведки все, касающееся Франции, и передает в эфир: «Немцы знают о нас все!»

Вместе с тем бездействие гитлеровской армии стали понимать как нежелание Германии вести войну на Западе. Немецкая пропаганда нашла благоприятную почву и быстро настроилась в унисон с официальной французской. Она стала усиливать выгодные для Гитлера мотивы: «враг Франции внутри страны». «Стоит ли умирать за Данциг и англичан?» — вопрошали германские листовки. Через Рейн переплывали на лодках и плотках немецкие агенты; они «разъясняли» французским солдатам «мирные помыслы фюрера». Перед аванпостами Линии Мажино виднелись германские плакаты: «Мы — друзья французов!», «Мы хотим только братания!» и «Да здравствует мир!»². На некоторых участках фронта действительно начались братания с немцами. Все более широкие круги солдат французской армии дезориентировались, все чаще возникали вопросы: к чему все это, зачем их держат долгие месяцы под ружьем против Германии, очевидно без всякой цели, почему оторвали от дома, от полей, когда, собственно, никакой войны нет? Уже и на

¹ *De Kerillis*. Français, voici la Vérité. P. 227.

² Там же. С. 226.

линии фронта стали распевать песенку: «Развесим наше белье на линии Зигфрида»¹. В армии насаждался дух успокоения: Гитлер настолько ослабел после войны в Польше, что не может и думать о наступлении на Западе. Речь идет лишь о том, каким образом и когда будет заключен мир. Начинали верить, что, может быть, действительно правительство нашло путь, как выйти без потерь из этой удивительной, «сидячей», «смешной» войны. Дисциплина в войсках быстро падала. Росло дезертирство. По приказу Гамелена были созданы дисциплинарные батальоны. Катастрофически развивалось пьянство. Таверны и бистро прифронтовых городов и деревень не могли вместить желающих. «Алкоголизм нашел благоприятную почву»², — пишет автор вышедшего в Париже труда о событиях 1940 года Гутар. На прифронтовых вокзалах пришлось отвести специальные помещения для пьяных солдат и офицеров, стыдливо названные «залы дезэтимизации». «Пьянство немедленно сказалось на внешнем виде людей», — пишет генерал Рюби. В армейских кругах все шире распространялись лозунги: «Война на потеху», «Победа без сражения».

Кем же были люди, приведшие армию в столь плачевное состояние, творцы французской военной системы, которая создавалась в течение 20 лет и рухнула летом 1940 г. не многим более чем за 20 дней?

Среди когорты высших руководителей армии находились преимущественно 60—80-летние генералы, аристократы и крупные буржуа, представители класса, пребывавшего в состоянии глубокого и массового упадка. Охваченные скептицизмом и безразличием к окружающему, зараженные духом коррупции, лишённые энтузиазма и патриотических идей, они, по выражению де Кериллиса, выросли в тот политический режим, иждивенцами и фаворитами которого были, и «не видели и не хотели

¹ Некрич А. М. Война, которую называли «странной». М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 30.

² Goutard A. 1940. La Guerre des occasions perdues. P. 135.

видеть свое преступное пренебрежение обязанностями, свои ошибки и пороки»¹. Среди них оказались и прямые предатели. В ходе судебного процесса над главнокомандующим (с 18 мая 1940 г.) французской армии Вейганом, происходившего в 1948 г. во Франции, выяснилось, что он был, по существу, нацистским агентом. Еще задолго до войны Вейган находился в тесной связи с фашистской агентурой — кагулярами. В критические дни второй половины мая 1940 г. он умышленно ослаблял силу французского сопротивления, а на заседании кабинета 25 мая первым потребовал прекратить борьбу против Германии².

Другие, хотя и не были прямыми изменниками, но, живя прошлым и нагромождая в течение долгих лет своей руководящей деятельности одну ошибку на другую, довели армию до состояния глубокого кризиса и серьезно ослабили ее боеспособность. Ни одного раза с 1919 по 1939 г. высшие генералы не попытались оповестить страну о военной угрозе, не дали правительству или парламенту ни одного сигнала о тревожном состоянии армии. Пределом их желаний было стать членами Французской академии, послами Франции или администраторами крупных компаний. Маршал Пэтэн в возрасте 80 лет сделался французским послом в Мадриде, невзирая на то, что никогда прежде не имел отношения к дипломатии и был невеждой в политических вопросах. Генерал Вейган после отставки добился поста администратора компании Суэцкого канала, хотя ровно ничего не смыслил в ее делах. Он стал членом Французской академии, хотя, по выражению де Кериллиса, «кроме одной плохой книги, никогда ничего не написал».

В большинстве своем высшие генералы французской армии были участниками Первой Мировой войны и проводили свою карьеру главным образом в крупных штабах. Но расцветом их деятельности послужили ко-

¹ *De Kerillis. Français, voici la Vérité.* P. 241.

² См.: *Die erste Periode...* S. 58.

лониальные походы французского империализма на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Бои против сражавшихся за независимость плохо вооруженных патриотов Алжира, Марокко, Сенегала, Тонкина, победы под неизвестными селениями Таса, Дьевель-Друз или Суэида приносили им столь желанные чины, ордена, но никак не опыт современных войн. Большинство превращалось в карателей, но не в высших командиров регулярной армии, должности которых они заняли перед Второй Мировой войной.

На вершине французской военной иерархии с 1931 г. стоял генерал Морис Гюстав Гамелен, кавалер Большого креста Почетного легиона, орденов Нешан-Тетикор, Военного креста Бельгии, Бани и многих других, начальник Генерального штаба армии, член Верховного совета национальной обороны, начальник Генерального штаба национальной обороны и главнокомандующий сухопутных сил. В конце 30-х годов он достиг всех высших должностей и почестей, о которых мог мечтать французский военный. Озаренный лучами славы легендарного Жоффра, он был в глазах французской буржуазии законным преемником главнокомандующего Первой Мировой войны и символом величия Франции. В него верили, его боготворили все сановники, крупные буржуа, дворяне, считая, что этот 67-летний генерал — их надежная военная опора. Но, казалось, все забыли, что Гамелен был только лишь начальником канцелярии знаменитого маршала и на всю жизнь, по существу, остался таковым. Вся боевая карьера генерала сводилась к нескольким месяцам командования пехотной бригадой на Сомме и пехотной дивизией у Нуайона, а затем — колониальной экспедицией на Ближнем Востоке, где будущий главнокомандующий французской армии «умиротворял непокорных туземцев». Этот слабовольный, мягкотелый человек, с лицом, на котором застыла неопределенная улыбка, был ловким политиком, но безнадежно отсталым военачальником. Он прошел мимо того нового, что дали бурные 30-е годы во всех областях военного дела. Он знал, что служит

французской реакции, которой требуется не генерал-воин, а генерал-слуга и дипломат. Он был нужен господствующему классу как генерал, способный не столько наглухо закрыть фронт германскому нашествию, сколько суметь в нужный момент приоткрыть его так, чтобы это не было слишком заметно для наблюдателей, но сделало бы французский фронт достаточно проходимым для внешних сил, способных одним ударом расправиться с французским народом, с коммунистами, со всеми, кто составляет угрозу господству крупной буржуазии.

Таковы были высшие генералы Франции. Не все их подчиненные представляли собой копию подобных обликов. Французская армия имела и мужественных, героических командиров, многие из которых пали в боях в трагические для страны дни 1940 г. Но не они решали судьбу страны.

Политика «странной войны» тяжело отозвалась на состоянии французской военной промышленности. В то время как в Германии период затишья использовался для наращивания военно-технической мощи, во Франции после начала войны стал обнаруживаться ее спад. Вооруженные силы крайне нуждались в авиации, противотанковой и зенитной артиллерии и другой технике, а предприниматели в ряде случаев откровенно саботировали увеличение ее выпуска. Они сокращали штаты военных предприятий, увольняли специалистов или использовали их на второстепенных работах, преднамеренно затягивали выполнение заказов.

Особенно тяжелый ущерб военной промышленности был нанесен призывом в армию 135 тыс. рабочих — опытных специалистов военного производства. Этот акт представлял собой не что иное, как сознательный подрыв реакцией оборонной мощи государства. Ряд военных предприятий оказался в глубоком прорыве. В конце концов специалистов пришлось вернуть на предприятия, но их длительное отсутствие серьезно нарушило ритм военной экономики и затянуло ее кризис. Что касается ар-

мии, то отъезд в тыл одновременно большого количества солдат и офицеров в обстановке «странной войны» отрицательно повлиял на моральное состояние войск. Под видом специалистов из армии пыталось уехать множество солдат, не имевших на это права. Возвращение специалистов оказалось длительным, запутанным делом, так как ему всячески противились силы реакции.

Падение уровня военного производства в период «странной войны» объяснялось также начавшейся реорганизацией военной промышленности. Лишь после сентября 1939 г. правительство решило создать министерство вооружения. Тормозило развертывание военного производства и отсутствие на заводах в должном количестве специального оборудования. Некоторое увеличение выпуска военной продукции стало отмечаться только в конце марта 1940 г., однако для восполнения многолетнего отставания военной экономики оставалось слишком мало времени. Трудности в производстве техники и снаряжения для армии усугублялись полной неразберихой в интендантстве. Де Кериллис приводит убийственные факты. «...Французской армии, — пишет он, — не хватало самого необходимого. Ринулись на поиски 500 000 ружей марки Лебель, которые значились в интендантской описи, но их нигде нельзя было найти. И еще искали один миллион одеял, пятьсот тысяч бидонов, пятьсот тысяч солдатских котелков, сто тысяч противотанковых мин и полмиллиона осветительных ракет... Нужно было невероятное количество снарядов, пуль, касок, ботинок, принадлежностей всякого рода... Когда... один генерал потребовал 20 000 солдат, чтобы копать окопы, тогда обнаружили, что нет лопат. Бетона тоже не было. Колючей проволоки — тоже. Вскоре солдаты получили приказ ожидать и отдыхать. А позже, так как им было скучно, военный министр велел наскоро построить радиоточки, чтобы солдаты слушали музыку. Эти радиоточки называли “точки Даладь”»¹.

Так проходили месяцы «странной войны».

¹ *De Kerillis*. Français, voici la Vérité. P. 238.

4

Политика «странной войны» оказала прямое влияние на стратегию. Возможности последней и потенциальные ресурсы вооруженных сил использовались не в полной мере вследствие того, что политический курс шел вразрез с реальными требованиями войны. Разжигание борьбы прежде всего внутри страны, потворствование фашистским тенденциям в стране и армии вели к уменьшению потенциальных возможностей вооруженных сил, лишали их перспектив активной стратегии.

Тормозящее влияние реакционной политики на стратегию западных держав в период «странной войны» находило свое выражение в противоречиях складывающейся буржуазной коалиции.

Англия, тогда еще великая колониальная империя, с огромными рассредоточенными по всему миру ресурсами, усматривала до поры до времени в лице Германии опасного промышленного и торгового конкурента, которого необходимо ослабить. Одновременно господствующие круги Англии надеялись, что французских армий и британского флота достаточно, чтобы обеспечить безопасность своего острова. Они не желали рисковать по ту сторону пролива ни одним солдатом, самолетом или орудием сверх того, что им казалось достаточным для символического участия в «борьбе за общее дело».

У Франции были иные проблемы. Она стояла лицом к лицу с извечным врагом. Французские генералы знали, что если начнутся военные действия, то первый удар придется именно по Франции и что помощь английского союзника в критический момент окажется значительно меньшей, чем его требования и претензии. В таких условиях вопрос о распределении военных ресурсов и усилий для выполнения задач, относящихся преимущественно к интересам обороны Англии и Франции, должен был неизбежно вызвать и действительно вызвал острые противоречия и опоры. Их темой стал главным образом воп-

рос о числе солдат и самолетов, посылаемых Великобританией на материк.

В Англии господствовала атмосфера, «в которой предложения об отправке английских войск на континент встречали резкое возражение»¹. Подготовка экспедиционной армии умышленно затягивалась, переброска войск на континент производилась крайне медленно. Для формирования одной английской бронетанковой дивизии потребовалось 8 месяцев². От начала войны до января 1940 г. во Францию было переброшено только 5 английских дивизий, к маю 1940 г. — 10³. Немало дискуссионных вопросов возникло в связи с отправкой в сентябре 1939 г. из Англии во Францию так называемой передовой ударной авиагруппы, состоявшей из 10 эскадрилий. Во-первых, эта группа была уменьшена в два раза по сравнению с первоначальными планами, а во-вторых, англичане наотрез отказались в какой-либо степени подчинить ее французскому командованию, возглавившему, с согласия англичан, действия на всем театре войны против Германии. Впоследствии вопрос об использовании английской авиации был еще неоднократно предметом острейших споров.

Одной из главных забот Франции была защита своих сосредоточенных на небольшом пространстве экономических центров, а не подступов к Англии. Английское же командование интересовалось обороной французских городов лишь в той мере, в какой это было бы необходимо для защиты Англии. Британские начальники штабов требовали в случае «настоящей» войны проведения ударов бомбардировочной авиацией по германским промышленным районам, в частности по Руру. В основе

¹ *Батлер Дж.* Большая стратегия, сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 37.

² *Ellis L. F.* The War in France and Flanders, 1939—1940. Vol. 2. London, 1953. P. 7.

³ Там же. С. 15.

этих требований лежали старые интересы конкурентной борьбы английских монополий с рурскими владыками. Французский Генеральный штаб категорически возражал против воздушных нападений на Рур, опасаясь ответных ударов по промышленным центрам Северной Франции, судьба которых интересовала англичан в весьма незначительной мере. Подозрения и взаимное недоверие, как мы далее увидим, пагубно отразились на всей системе союзного командования, на взаимоотношениях и оперативных планах в решающие дни борьбы.

Стратегическое планирование войны союзным командованием развивалось также под знаком серьезных политических противоречий, существовавших между Англией и Францией с одной стороны, Бельгией и Голландией — с другой. Главное из них нашло свое выражение в вопросе о так называемом бельгийском нейтралитете.

Составляя планы войны против Германии, французский и английский Генеральные штабы исходили из предпосылки совместных действий Англии и Франции с Бельгией и Голландией. Но политика бельгийского правительства не благоприятствовала подобным расчетам. В сложной международной обстановке 30-х годов оно лавировало между Гитлером и западными державами, все более разочаровываясь в возможностях и намерениях последних. Линия попустительства агрессору и отказа от своих гарантий малым странам, мюнхенский политический курс, проводимый правительствами Англии и Франции, привели Бельгию к объявлению в 1936 г. политики нейтралитета и расторжению франко-бельгийского военного соглашения, заключенного в 1920 г. Непосредственным поводом к этому шагу послужил беспрепятственный захват Германией Рейнской области. Последующие события — аншлюс Австрии, выдача Рейху Чехословакии, а затем нарушение обязательств, данных Польше, — укрепили нейтралистские позиции Бельгии. Более того, правящие бельгийские круги во главе с министром иностранных дел Спааком встали на путь заигрывания с Гит-

лером, включились в политику наталкивания его на Советский Союз. В стране приобретали все большую силу фашистские элементы, возглавляемые Дегрелем. В ноябре 1939 г. правительство Бельгии выступило с предложением посредничества для заключения мира между западными державами и Германией, имея в виду направить фашистскую агрессию на Восток. Бельгийское правительство надеялось различными жестами добиться расположения фюрера, покорить Гитлера подчеркнутой демонстрацией полного доверия к его словам и своей тонкой политикой лавирования спасти страну. Оно не только не принимало мер к укреплению восточных границ перед лицом агрессии, но, наоборот, ослабляло их, стараясь показать, будто гораздо больше боятся вторжения Франции, нежели Германии. Правда, после «мехельнского эпизода»¹ и особенно после начала агрессии Германии против Норвегии и Дании, еще раз показавших, чего стоят обязательства Гитлера, оно забеспокоилось. В конце марта 1940 г. министр иностранных дел Спаак сообщил Англии и Франции, что бельгийское правительство запросит их помощи сразу же, как только оно убедится, что вторжение немцев неминуемо. Но в это время Верховный военный совет союзников уже решил, если начнется германская атака, ввести войска на территорию Бельгии, не ожидая формального приглашения.

Подобной же самоубийственной политики придерживалось и голландское правительство. Прикрываясь нейтралитетом, оно фактически открыло свою страну для гитлеровской «пятой колонны» и превратило ее в один из самых крупных европейских центров гитлеровского шпионажа. Перед угрозой неминуемой агрессии оно не привело вооруженные силы в состояние готовности и,

¹ В январе 1940 г. в районе Мехельн бельгийцами был захвачен совершивший вынужденную посадку германский самолет. На нем были обнаружены оперативные документы, проливающие свет на немецкий план войны на Западе.

подобно Бельгии, демонстративно отвергало предложения Англии и Франции о координации действий. В начале февраля 1940 г. был уволен в отставку главнокомандующий голландской армии Рендерс, предлагавший активизировать подготовку к войне. Когда 4 мая 1940 г., то есть меньше чем за неделю до германского вторжения, один из министров союзных держав попросил министра иностранных дел Голландии Клеффенса ознакомить французов с силуэтами голландских самолетов и еще некоторыми данными подобного рода, то получил резкий отказ.

Последствия такого политического курса были для Голландии столь же пагубны, как и для Бельгии.

Все эти противоречия империалистического характера между странами, которым предстояло стать союзниками в войне, непосредственно влияли на их стратегию и военную организацию. Прежде всего, следствием противоречий было отсутствие единого стратегического плана войны. К сентябрю 1939 г. существовали отдельные не связанные между собой англо-французский, бельгийский и голландский планы. Вплоть до начала военных действий английский и французский штабы имели только самое общее представление о замыслах бельгийского и голландского командований, как и последние — об их намерениях.

Политические противоречия весьма существенно повлияли на организацию высшего военного руководства союзников, во многом определив ее несовершенство. Все важнейшие решения должны были приниматься отдельно Парижем и Лондоном. Конечно, существовала иерархия объединенных командных и штабных инстанций, но, при всей их ответственности, они все же обладали правами исполнителей, а не законодателей. Высший орган руководства — Высший военный совет, возглавляемый премьер-министрами Англии и Франции, провел начиная с 12 сентября 1939 г., когда он собрался впервые в Абвиле, всего 16 заседаний, обсуждая на них важнейшие политические аспекты войны и с трудом приходя

к согласованным решениям. Но этот совет — официальный высший орган военного руководства — усматривал свою задачу не в разработке и координации военно-стратегических и оперативных вопросов, а прежде всего в урегулировании политических проблем. Единый для союзников руководящий оперативно-стратегический центр отсутствовал¹.

В ходе штабных переговоров союзники заблаговременно и, казалось бы, сравнительно быстро договорились о разделении командных функций на различных театрах будущей войны. Ввиду многочисленности французской армии по сравнению с английской сухопутные силы обеих стран во Франции стали подчиняться французскому командованию, а на Среднем Востоке — английскому. Однако на практике это разделение носило явные черты формализма. Дело в том, что командующий английскими экспедиционными силами во Франции генерал Горт получил от английского кабинета право не подчиняться французскому командованию в тех случаях, когда он сочтет, что приказы французского командования ставят его в опасное положение. Горт имел также указание сноситься непосредственно с Лондоном и получать директивы английского правительства по всем важным вопросам ведения операций. Это право «вето» на французские решения фактически перечеркивало возможность координированных

¹ Английское и французское командование создало совет постоянных военных представителей, включавший советников по специальным вопросам от союзных держав. Они образовали объединенный штаб, оставаясь при этом в подчинении руководителей видов вооруженных сил своих стран, причем английские представители подчинялись еще и своему комитету начальников штабов. Объединенный штаб должен был представлять собой высший совместный координирующий орган управления. Однако на деле в ходе войны он не был таковым, так как целиком зависел от все более противоречивших одно другому указаний английского и французского правительств и различных командных инстанций.

усилий, особенно в сложной обстановке, ибо любое мало-мальски критическое положение, неизбежное на фронте, могло быть признано английской стороной «опасным» и приказы верховного французского командования могли английскими войсками не выполняться, что, собственно, и произошло в ходе войны. Непродуманная система руководства привела к тому, что на театре военных действий Горт получал распоряжения от четырех инстанций: от английского правительства из Лондона, от французского главнокомандующего из Парижа, от командующего французским Северо-Восточным фронтом и от командующего 1-й группой армий. Выполнял он преимущественно первые.

Вся эта крайне тяжеловесная, доходившая в отдельных звеньях до абсурда система высшего союзного руководства была совершенно непригодна для руководства скоротечными маневренными операциями, которые, к полной неожиданности союзных генералов, им пришлось вести.

В наибольшей степени это относилось к организации системы командования вооруженными силами Франции.

В принципе общее руководство войной осуществлял Верховный совет национальной обороны под председательством президента республики, куда входил в полном составе совет министров и, кроме того, маршал Пэтэн, по его персональному положению, а также начальник Генерального штаба национальной обороны Гамелен. Непосредственное руководство войной было поручено военному комитету¹.

Практически Верховный совет национальной обороны никогда не собирался; военный комитет до прихода к власти в марте 1940 г. П. Рейно также не проводил регулярной работы.

¹ В мирное время — Постоянный комитет национальной обороны под председательством президента республики, куда входили министр национальной обороны, военный министр, министры морского флота и авиации и их начальники штабов.

Единственным рабочим органом, который функционировал регулярно и в мирное, и в военное время, был постоянный генеральный секретариат Верховного совета национальной обороны, общий также для двух других названных выше органов, во главе с контролером генералом Жакомэ.

Генерал Гамелен, являвшийся в мирное время начальником Генерального штаба армии (с 1931 г.), заместителем председателя Верховного совета национальной обороны (с 1935 г.) и начальником Генерального штаба национальной обороны (с 1938 г.), в период мобилизации стал главнокомандующим сухопутных сил, иначе говоря, главнокомандующим сухопутных сил на всех театрах военных действий¹. Гамелен сосредоточил в своих руках все основные высшие командные должности. Во время мобилизации Гамелен поручил руководство главным — Северо-Восточным — фронтом начальнику Главного штаба генералу Жоржу со званием помощника командующего Северо-Восточным фронтом, а на пост начальника штаба пришел генерал Бино².

В результате сложилась организация, при которой в Венсенском дворце находился командный пункт генерала Гамелена, командующего сухопутными силами, с малочисленным оперативным штабом, призванным обеспечивать координацию действий сухопутных армий, морских и воздушных сил и взаимоотношения с союзниками. В Ферте-су-Жуар расположился главный штаб сухопутных сил для всех фронтов. Во дворце Бондон, неподалеку от Ла-Ферте, находился командный пункт генерала Жоржа.

В январе 1940 г. была проведена реорганизация управления. Полагая, что было бы лучше передать Северо-Восточный фронт под командование одного начальника,

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues*. P. 170.

² Кроме Северо-Восточного фронта, то есть фронта против Германии, был создан Юго-Восточный фронт — против Италии.

имеющего опыт руководства в качестве помощника командующего, Гамелен добился согласия президента Даладьё на назначение генерала Жоржа главнокомандующим Северо-Восточного фронта и на то, чтобы ему, Гамелену, теперь было поручено только лишь «координировать действия разных фронтов, распределять между ними необходимые средства и обеспечивать координацию действий с союзниками»¹. Эта реорганизация, завершённая 18 января, повлекла за собой раскол Главного штаба и уход Гамелена с Северо-Восточного фронта.

Отныне генерал Гамелен командовал всеми фронтами, но на них еще не было противника, за исключением Северо-Восточного фронта, которым он больше не командовал. Позже Гамелен оправдывался там, что хотел избавиться от ответственности за этот фронт и полностью доверял его командующему — Жоржу. В действительности оказалось, что в результате реорганизации Гамелен до 19 мая 1940 г., то есть до дня его ухода с поста главнокомандующего, не интересовался ходом операций на главном направлении — на северо-востоке, переложив всю ответственность на Жоржа. Получилось, пишет Гутар, что «в критический момент, когда решалась судьба страны, крупный военачальник, в котором Франция видела преемника Жоффра и Фоша, смог удовлетвориться ролью “координатора и распределителя средств” между единственным фронтом сражений и другими фронтами, на которых не было сделано ни единого ружейного выстрела».

Раздел командования между Гамеленом и Жоржем повлек за собой необходимость разделить Главный штаб. Одна его часть составила Генеральный штаб северо-востока, другая — была подлинным генеральным штабом во главе с генералом Думай. Что касается Гамелена, то он оставался в Венсенне со своим кабинетом и своим маленьким «оперативным генштабом». Такое решение вызвало

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 171.

протест генерала Жоржа, считавшего, что это разделение рискует «разрушить организм в период его интенсивной работы». И действительно, раскол Главного штаба имел пагубные последствия. Так, например, 4-е бюро (транспорт и служба) не могло подвергнуться разделению и осталось полностью в Генеральном штабе, расположившемся в Монтре. 3-е бюро (оперативное) относилось главным образом к генеральному штабу северо-востока, поэтому из него в Монтре было взято только 10 офицеров (из 40). 2-е бюро (разведка) было разделено пополам; офицеры, занимавшиеся Германией, перешли в генеральный штаб северо-востока, остальные — в Монтре. Наконец, 1-е бюро (личный состав и организация) также разделилось на две части. Таким образом, начальник Генерального штаба генерал Думан, который должен был заниматься всеми бюро и службами, был вынужден работать по утрам в Монтре, по вечерам — в генеральном штабе северо-востока, в Ла-Ферте. «Была не только осложнена работа всех бюро, — оценивает создавшееся положение Гутар, — но и выросло движение из конца в конец. С тех пор возник настоящий марш по пробегу машин связи и гонка офицеров между Венсенном, Монтре, Ла-Ферте, Бондоном и Мо!»¹.

Сам Гамелен уединился в подвале Венсеннского дворца, куда не проникал дневной свет. Как ни удивительно, но командный пункт главнокомандующего не имел узла радиосвязи. Он не мог ни получать непосредственную информацию от передовых частей, от армий, ни общаться с ними. «В том эшелоне, где я находился, — писал позже Гамелен, — что мы могли бы делать с антенной радиотелефонной службы?.. У нас была, между прочим, связь в Главном штабе в 35 километрах от Венсенна, но мы избегали ею пользоваться, чтобы не раскрыть себя»².

¹ В последних двух пунктах находились медицинская и интендантская служба.

² *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 175.

Таким образом, главнокомандующий должен был довольствоваться короткой, изредка поступавшей информацией, передававшейся по усмотрению командующего Северо-Восточным фронтом, которая, по мере того как положение ухудшалось, становилась все более обрывочной. В своем подземном командном пункте, настоящей «подводной лодке без перископа», по выражению одного из очевидцев, он не оказывал никакого непосредственного воздействия на сражения.

Политика попустительства агрессору обусловила накануне 1939 г. военную неготовность Англии и Франции. Это было еще одним козырем в пользу оборонительной стратегии. Когда оба правительства, предвидя весной 1939 г. неизбежность конфликта с Германией, приступили к согласованию будущих военных усилий, то в определении совместной генеральной стратегической линии они исходили только из принципа обороны.

Французское верховное командование отобилизовало к апрелю 1940 г. 113 дивизий и развернуло вооруженные силы на четырех театрах: против Германии — Северо-Восточный фронт под командованием генерала Жоржа — 92 французские дивизии, кроме того, 10 английских, 1 польская; всего 103 дивизии; против Италии — Юго-Восточный фронт, возглавляемый генералом Орли, — 7 дивизий; Североафриканский фронт во главе с генералом Ногесом — 8 дивизий; Ближневосточный (генерал Вейган) — 3 дивизии. Кроме того, в Норвегии под командованием генерала Одэ оставалось 3 дивизии. В соответствии с таким развертыванием сил распределялись людские ресурсы французской армии¹.

¹ Мобилизация французской армии, проводившаяся в соответствии с этим планом, началась в августе 1939 г. До очередной весны был сформирован ряд новых дивизий, в том числе 3 бронетанковые, 1 механизированная, 3 легкие кавалерийские.

К 1 марта 1940 г. французские вооруженные силы насчитывали 2775 тыс. человек, из них в метрополии — 2330 тыс., в Северной Африке — 80 тыс., в других колониях — 365 тыс. Военно-воздушные силы имели

Главным театром считался Северо-Восточный, включавший основную массу французских войск. В числе 92 французских дивизий, входивших в его состав, имелось 72 пехотные (в том числе 34 кадровые, 22 — серии «А» и 16 — серии «Б»), 3 крепостных, 8 кавалерийских, кроме того, 3 легкие механизированные, 3 моторизованные и 3 бронедивизии.

Процесс планирования военных действий на театре войны против Германии — Северо-Восточном — целиком отражал все рассмотренные нами выше политические и военно-стратегические тенденции и взгляды.

Оценивая возможные действия немцев против Северо-Восточного фронта, раскинувшего свои силы от Швейцарии до границы с Бельгией, французское командование считало, что, вероятнее всего, враг нанесет удар своими главными силами, как и в 1914 г., через Бельгию и Голландию для последующего вторжения во Францию с севера. Вспомогательные удары германской армии ожидалось против линии Мажино и через территорию Швейцарии. В соответствии с подобными прогнозами для парирования этих ударов войска Северо-Восточного фронта разделялись на три группы армий.

150 тыс. человек, военно-морские силы — 180 тыс. Кроме того, французское командование могло использовать в ходе войны дополнительно в общей сложности 2120 тыс. человек, в том числе за счет мобилизации военнообязанных из промышленности 710 тыс. человек, из сельского хозяйства 250 тыс. человек; личный состав территориальной службы и так называемой «пассивной обороны» насчитывал 650 тыс. человек, соединения резерва — 300 тыс. человек. До 140 тыс. человек находилось в госпиталях, отпусках и т.п. и 70 тыс. — в Северной Африке. Всего Франция могла после мобилизации выставить 4895 тыс. солдат и офицеров.

Войска французских колоний, вынужденные сражаться за метрополию, насчитывали 45 тыс. человек, из которых во Франции находилось 20 тыс., в Северной Африке — 22 тыс., на Ближнем Востоке — 3 тыс. Заметим, что в Первой Мировой войне Франция выставила в общей сложности 5310 тыс. человек. (PSZ, с. II. S. 439.)

1-я группа армий (2, 9, 1, английская и 7-я армии) под командованием генерала Бийотт численностью 41 дивизию (в том числе 10 английских и 1 польская) развертывалась от южной границы с Люксембургом до побережья Северного моря в районе Дюнкерка.

2-я группа армий (3, 4 и 5-я армии) во главе с генералом Претла, имевшая 28 дивизий, занимала фронт вдоль линии Мажино до районов южнее Страсбурга.

3-я группа армий (8-я и 6-я армии) генерала Бессона в составе 10 дивизий развертывалась также за линией Мажино и в районе швейцарской границы.

Резервы ставки главнокомандующего силой в 24 дивизии распределялись на широком фронте. Они почти равномерно нацеливались для поддержки каждой из групп армий: для 1-й группы армий — 11 дивизий, для 2-й — 9 дивизий (так называемые «центральные резервы»), для 3-й — 4 дивизии.

Фактически резервы, которые ориентировались на 1-ю и 3-ю группы армий, включались в состав этих групп. Поэтому главное командование реально могло располагать лишь очень слабым резервом в 9 дивизий.

Поскольку главный удар немцев ожидался через Голландию и Центральную Бельгию, основной процесс оперативно-стратегического планирования сводился главным образом к определению действий на северном участке фронта, то есть характера действий 1-й группы армий.

Французский Генеральный штаб твердо верил в неприступность линии Мажино и поэтому был относительно спокоен за участок фронта от Швейцарии до южной границы Люксембурга. Он был убежден в труднопроходимости Арденнских гор. Самые компетентные, самые непререкаемые французские военные авторитеты признавали их непригодными для наступления бронетанковых и моторизованных войск. Оставались уязвимыми Центральная Бельгия и Южная Голландия, поэтому вся проблема оборонительного стратегического планирования постепенно свелась к решению вопросов, на какой

рубеж в Бельгии выдвинуть северную группировку франко-английских армий и когда это сделать — до начала германского вторжения в Бельгию или после.

Вступление в Бельгию имело для французского и английского руководства особенно глубокий смысл. В Париже и особенно в Лондоне опасались, что немцы, если их не опередить, быстро захватят Бельгию и Голландию и создадут там авиационные базы для ударов по Англии и по северофранцузским промышленным районам, лишенным достаточной противовоздушной защиты. Захват портов этих стран namного усилил бы германские позиции в Атлантике, поставил бы под угрозу английский и французский флоты и увеличил бы опасность вторжения в Англию по морю и воздуху. Удержать бельгийское побережье значило, особенно для Англии, сохранить позиции в Атлантике, обеспечить связь с континентом и отдалить к востоку линию обороны. Вступление в Бельгию во многом ослабляло бы франко-бельгийские и англо-бельгийские противоречия и решительно перетягивало бы ее на сторону союзников. Оно вынуждало развитую бельгийскую экономику работать также на французские и английские военные нужды. Немалое место в расчетах французского и английского генеральных штабов занимали бельгийская и голландская армии с их 30 дивизиями, выдвинутыми к востоку. Нельзя было потерять эти боеспособные армии и не соединиться с ними до того момента, когда они вступят в сражение своими главными силами. С другой стороны, представлялось чрезвычайно выгодным использовать хотя бы часть бельгийских сил в качестве выдвинутого вперед эшелона прикрытия, который встретит и примет на себя первый немецкий удар, прикроет выдвижение и развертывание французских и английских армий.

Кроме того, вступление в Бельгию сулило французскому и английскому командованиям возможность вести оборону на значительно более коротком фронте, создаваемом как за счет уменьшения протяженности общей линии обороны, так и за счет передачи некоторой части

этой линии бельгийской армии после ее отхода с передовых позиций. Наконец, выдвижение линии обороны к северу позволяло отдалить фронт от жизненно важных районов Франции, приблизить авиационные базы союзников к Руру и создать ему постоянную угрозу.

Таким образом, поскольку само собой разумеющимся считался удар немцев главным образом лишь через Голландию и Бельгию, ни у французского, ни у английского руководства на протяжении ряда лет не вызывала сомнения необходимость в случае наступления немцев оставить позиции в Северной Франции, ввести свои силы на бельгийскую территорию и создать на севере новый оборонительный фронт, являющийся продолжением линии Мажино и арденнских позиций.

Но где? Рубеж обороны следовало выдвинуть достаточно далеко к востоку, настолько, чтобы надежно прикрыть северофранцузские и бельгийские промышленные районы, порты бельгийского побережья, отдалить германские воздушные базы и поддержать небольшими силами бельгийскую армию на ее позициях; вместе с тем оборону надо было создавать достаточно близко к французской территории, чтобы успеть в случае немецкой атаки занять намеченные позиции, подготовить их, не ввязаться во встречное сражение и предоставить бельгийцам первыми встретить удар.

Вопрос о выборе линии этого оборонительного фронта и о размещении сил на нем дискутировался во французских штабах в течение нескольких лет.

Еще в 1937 г. французский Верховный совет национальной обороны, изучая вопрос о вступлении французских войск в Бельгию в случае немецкой атаки, пришел к выводу о необходимости создать непрерывный фронт франко-бельгийских армий, опирающийся на заблаговременно организованную позицию либо по рубежу Антверпен — река Диль — Намюр, либо западнее этого рубежа, по линии реки Шельды. Предварительные фортификационные работы на избранном рубеже в соот-

ветствии с согласованным планом обороны должна была произвести Бельгия. Если она этого не сделает, то, по мнению тогдашнего помощника начальника Генерального штаба генерала Жоржа, французская армия рискует получить в Бельгии встречное сражение, которое она на открытых бельгийских пространствах твердо решила не давать. Французские генералы опасались, что более маневренная германская армия будет иметь в таком сражении решающие преимущества¹.

Спустя два года, в преддверии войны, объединенный франко-английский штаб вновь обсуждал вопрос о будущей линии обороны в Бельгии. Поскольку союзники не имели от бельгийцев информации относительно их планов, а пространство от канала Альберта до Шельды, казалось, не располагало удобными для обороны позициями, французский и английский штабы все больше приходили к выводу, что после вступления в Бельгию необходимо занять оборону ближе к Франции, на Шельде². Но это значило отдать врагу почти всю территорию страны, поставить под угрозу полного разгрома на канале Альберта бельгийскую армию, удаленную в таком случае от союзников в среднем на 130 км, допустить немцев непосредственно к побережью, к портам и к северной границе Франции. Поскольку такое решение было невыгодно прежде всего для Англии, то 18 сентября 1939 г. английские начальники штабов выдвинули новое предложение: в случае, если бельгийцам удастся задержать немцев на Маасе, союзники должны направить свои силы дальше к востоку, к рубежу Мааса и канала Альберта, чтобы прикрыть всю территорию Бельгии. При этом настойчивое требование англичан в любом случае

¹ Расчетами 1937 г. предусматривался поворот 1-й армии левым флангом вокруг Конде, чтобы занять Среднюю Шельду и войти в контакт с бельгийской обороной на предмостных укреплениях Гента и Антверпена.

² *Батлер Дж.* Большая стратегия, сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. С. 160.

располагать свои войска на левом фланге общего фронта союзников было продиктовано желанием, если будет достигнут успех, иметь перспективы вступления в Рур, а при неудаче — более непосредственную связь с портами для эвакуации в Англию.

Однако французское командование не желало во имя интересов англичан получить даже долю риска вступить во встречное сражение, которое могло возникнуть, если бы союзные армии двинулись слишком далеко на восток, до канала Альберта. Постепенно вопрос о глубине выдвижения на бельгийскую территорию становился центром острых дискуссий. В сентябре — октябре 1939 г. он заслонил собой все другие проблемы стратегического планирования. Никто ни в Париже, ни в Лондоне не подвергал сомнению саму концепцию вступления в Бельгию, никто не подумал о возможности нанесения немцами главного удара где-то помимо Центральной Бельгии или об активизации своих действий до начала германского наступления, чего так опасалось германское командование.

Первый оперативный план, составленный на основе всех предшествующих соображений и дискуссий, был изложен в так называемом «Временном постановлении о безопасности»¹ и секретной инструкции генерала Жоржа от 26 сентября 1939 г. Эта дата интересна тем, что она указывает на отсутствие у союзного командования каких-либо вполне завершенных планов ведения военных действий даже после того, как Франция объявила Германии войну и Польша находилась накануне поражения.

¹ «Временное постановление о безопасности» предусматривало переброску главных сил из районов Лотарингии и Люксембурга, где они находились, для проведения демонстративных действий во время войны в Польше на север в ожидании германского удара через Бельгию и Голландию.

Отсутствие контактов между генеральными штабами не позволило французскому командованию получить какие-либо подробные сведения о расположении главных сил бельгийской армии для решения вопроса о том, какой линии обороны следует достигнуть после вступления на бельгийскую территорию. Было известно лишь, что ядром обороны Бельгии служит район, образуемый укрепленными позициями и водными преградами — каналом Альберта, Маасом от Льежа до Намюра, Самброй и каналом Самбра — Шельда. Здесь находилась первая линия сопротивления, обороняемая на участке от Антверпена до Льежа 12 пехотными и 2 кавалерийскими дивизиями.

Бельгийское командование знало, что эта существовавшая еще с 1930 г. линия обороны недостаточно крепка и вряд ли на ней удастся остановить германское вторжение. Она слишком удалена от Франции, чтобы расположенные на ней войска могли своевременно получить помощь английской и французской армий. Полуэллиптическая конфигурация делала чрезвычайно уязвимыми ее фланги. В 1939 г. было решено рассматривать эту линию в качестве линии прикрытия, а главной оборонительной полосой избрать рубеж по реке Диль, между городами Конингсхойкт и Вавр; отсюда новый рубеж получил название «линии КВ»¹. На ней в середине октября и сосредоточилась основная группировка бельгийской армии — 15 дивизий, отобилизованных в конце сентября. Районы Арденн южнее Льежа прикрывались одной слабой дивизией егерей².

Данные разведки, полученные французским командованием 20 октября, подтверждали намерение немцев атаковать союзников через нейтральные страны. На

¹ *Draeper Theodore*. The six weeks' War France, May 10 — June 25 1940. New York, 1944. P. 28.

² Там же. P. 160.

северном участке фронта обнаруживалась крупная группировка немецкой армии со штабом в Дюссельдорфе, нацеленная в Центральную Бельгию. Ее наступление ожидалось в самое ближайшее время. Поэтому 24 октября командующий Северо-Восточным фронтом по согласованию с главным командованием подготовил приказ о вступлении двух союзных армий в Бельгию, чтобы принять сражение на Шельде, занимая 7-й французской армией фронт на участке до Рента, английской — далее к югу вдоль реки. Предполагалось, что участок предместных укреплений в районе Гента и крепость Антверпен будут оборонять бельгийские войска. Тревогу французского командования вызывал участок открытой равнины между реками Диль и Маас от Вавра до Намюра, получивший название «разрыв Жамблу». Он казался наиболее пригодным для атаки немецких танков¹. Чтобы прикрыть этот разрыв, командующий Северо-Восточным фронтом предполагал при благоприятных условиях выдвинуть часть французских сил восточнее Шельды, в район Лувен — Вавр — Намюр².

Все эти расчеты, связанные с «планом Шельда», исходили из более чем сомнительной предпосылки, что союзные войска, занявшие оборону вдоль Шельды, будут находиться во втором эшелоне, прикрытые бельгийской армией. На своей «позиции КВ» бельгийцы окажутся своеобразным боевым охранением союзников и примут на себя тяжесть первого удара немцев. Такая нелояль-

¹ Там же. С. 29.

² Эти расчеты, произведенные в личной и секретной инструкции № 7 главнокомандующего от 24 октября 1939 г., составляли основу «плана Шельда» (или «плана Е» от названия реки Шельда — Esco). Инструкция предусматривала занятие Средней Шельды и, лишь как нечто возможное, продвижение далее к востоку, на линию Антверпен — Намюр, в случае, если будет иметься возможность прийти вовремя на подготовленную позицию.

ная, своекорыстная позиция командования французской армии по отношению к будущему, значительно более слабому союзнику неизбежно обрекала последнего на разгром. Вскоре французское командование поняло невыгодность такой перспективы и начало приходить к заключению, что не следует позволять немцам бить союзников по частям. Постепенно складывалось мнение, что лучше объединить вступающие в Бельгию англо-французские армии с бельгийскими дивизиями, которые займут «рубеж КВ»¹. Следовало не останавливать союзные войска на Шельде, а выдвинуть их еще дальше, примерно до 70–80 км к востоку, и занять оборону на реке Диль. Созданную таким путем общую оборонительную линию можно будет поделить между французской, английской и бельгийской армиями. Помимо объединения сил, такой вариант казался наиболее приемлемым и потому, что позволял сократить линию фронта союзников на 70–80 км, улучшить оборону бельгийских и французских промышленных районов, облегчить условия воздушного базирования. Поэтому Гамелен решил пересмотреть «план Шельда». Он созвал 14 ноября 1939 г. совещание в штабе Жоржа и предложил назначить в качестве конечной линии выдвижения союзных армий в Бельгию рубеж Антверпен — река Диль — Намюр, который следует достигнуть без остановки на Шельде. Здесь, заявил Гамелен, можно будет осуществить «хорошую координацию бельгийских и франко-британских маневров»².

¹ Этому способствовало и некоторое изменение позиции Бельгии после тревоги 11 ноября 1939 г., когда возникла угроза германской атаки. Во всяком случае, теперь французский Генеральный штаб знал, что бельгийская армия располагает 23 пехотными дивизиями и что она создает оборонительный рубеж Вавр — Намюр.

² *Draeper Theodore. The six weeks' War France. May 10 — June 25 1940. P. 19.*

Большинство французских и английских военачальников поддержало Гамелена, и новый план был принят¹. Правда, и после того «план Шельда» полностью не отменялся. Сомнения французского и английского командований по поводу возможности глубокого проникновения в Бельгию были настолько велики, что вариант выхода на Шельду (под наименованием «план Е-1») сохранялся на тот случай, если события развернутся неблагоприятно и если марш к реке Диль будет сопряжен с опасностью получить пресловутое встречное сражение. Через два дня после совещания, 16 ноября, Гамелен издал «личную и секретную инструкцию», в которой писал, что изменение военной ситуации в Бельгии, выражающееся в новых мерах по обороне, принятых ею против Германии, позволяет теперь надеяться, что мы будем располагать, если нас бельгийцы призовут на помощь, достаточным временем для того, чтобы как можно быстрее достигнуть позиции Антверпен — Намюр, не задерживаясь на Шельде, если ситуация это позволит, и там закрепиться. Двумя французскими армиями — 9-й и 1-й — предполагалось занять оборону вдоль Мааса на участке Мезьер — Намюр и в «разрыве Жамблу», между Намюром и Вавром. Английским войскам предоставлялся участок реки Диль — Вавр — Лувен, а севернее вплоть до Антверпена оборону своего «национального редута» должны были занять бельгийские войска². 7-й француз-

¹ Среди несогласных с предложением Гамелена был Жорж, который считал, что «двинуться от Шельды на позицию Антверпен — Намюр можно, лишь если командование чувствует себя в состоянии, в зависимости от оборота событий, степени эффективности бельгийского сопротивления и сроков, которыми можно располагать, достигнуть позиции раньше, чем это сделает противник, и организовать там до того, как враг окажется в состоянии атаковать превосходящими силами» (*Draeper Theodore. The six week's War France. May 10 — June 25 1940. P. 19*).

² *Батлер Дж.* Большая стратегия, сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. С. 164.

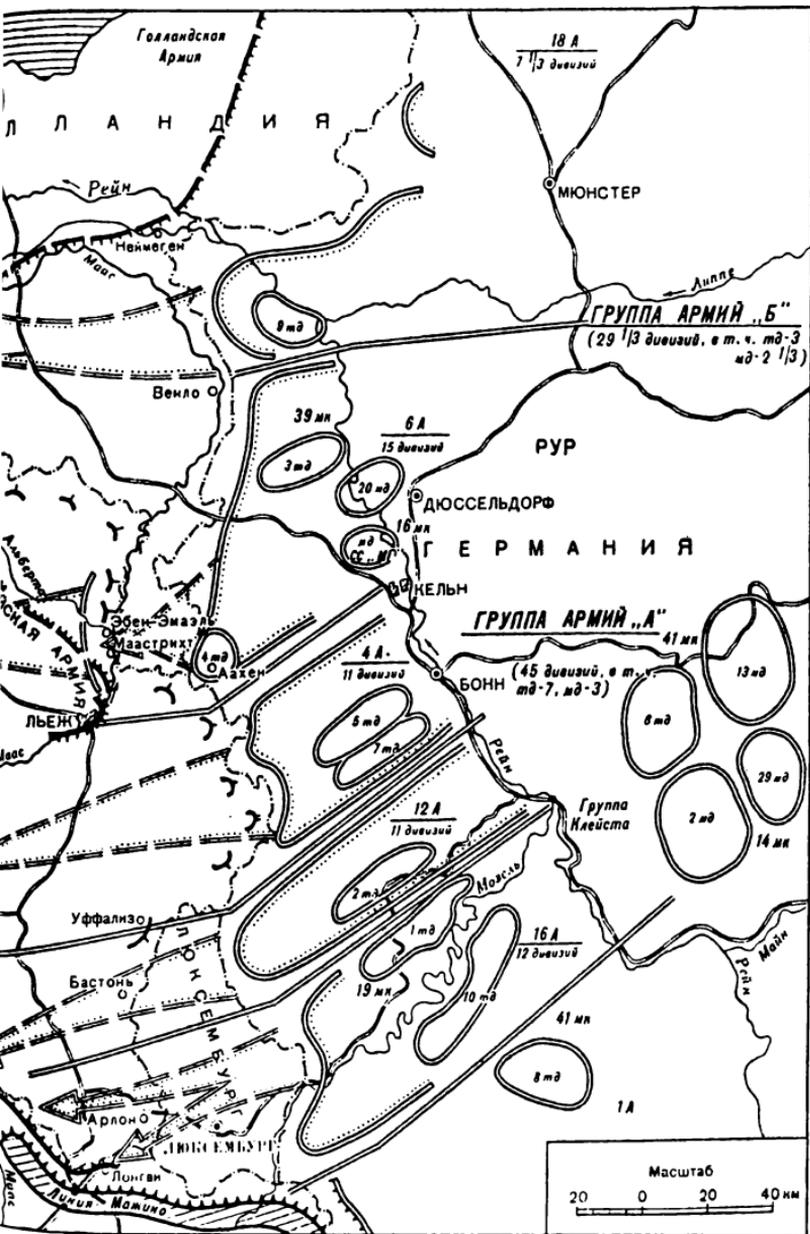
ской армии с началом осуществления «маневра Диль» предстояло двинуться в Голландию, чтобы установить оперативный контакт с голландской армией¹.

Маневр по выдвиганию в Бельгию предполагалось осуществить следующим образом: в первый день авангарды и прикрытия французских легких механизированных дивизий двинутся вперед; за ними в первую ночь последуют главные силы на линию Вавр—Намюр. Во вторую ночь движение на ту же линию должны совершить моторизованные дивизии. Начиная с третьего дня соединения размещаются и укрепляются, чтобы быть в состоянии принять удар врага «без помыслов об отступлении». Легкие механизированные дивизии, прикрывая сосредоточение главных сил союзных армий, должны будут собрать сведения о бельгийской армии и противостоять, если обстоятельства позволят, попыткам противника форсировать Маас между Льежем и Намюром. В случае если силы бельгийцев будут отброшены, французские легкие механизированные дивизии соединятся позади позиции Лувен—Намюр и вступят в контратаку в ходе оборонительного сражения.

17 ноября Высший военный совет присоединился к решениям, принятым французским и британским военным командованием².

¹ 7-я армия по «варианту Шельда» служила резервом 1-й группы армий. На конференции у командующего Северо-Восточным фронтом 23 ноября 1939 г. было принято решение выдвинуть 7-ю армию на левом фланге группы в направлении голландского города Бреда для поддержки голландской армии («вариант Бреда»). Это движение имело также цель обеспечить открытые внутренние фланги между бельгийской и голландской армиями. «Вариант Бреда» был уточнен 12 марта 1940 г.

² Решение Высшего военного совета подчеркивало следующее: «принимая во внимание, как важно удерживать силы немцев как можно дальше на западе, необходимо принять все меры к тому, чтобы держать в своих руках линию Антверпен—Намюр».

Германского вторжения

С этого момента «план Диль» (сокращенно «план Д») стал основной стратегической концепцией союзного командования. Он оставался в принципе без существенных изменений все последующие месяцы и, как мы далее увидим, был автоматически включен в действие в то самое раннее утро 10 мая 1940 г., когда в штабе Гамелена раздался телефонный звонок, оповестивший о начале германского вторжения¹.

Большинство в союзном командовании считало, что «план Диль» представляет собой наилучшее решение всех стратегических проблем. Бельгийцы должны были быть довольны тем, что оборона «линии Диль» предполагала значительно меньшую оккупацию немцами бельгийской территории, чем «рубеж Шельды»; она совпадала с бельгийским «рубежом КВ» и, казалось, обеспечивала помощь союзников. Британцы чувствовали удовлетворение, потому что «линия Диль» прикрывала бельгийские и голландские подступы к Англии. Голландцы надеялись, что им перепадет кое-какая помощь со стороны союзников. Наконец, французов удовлетворяло то, что новая линия в Бельгии находится дальше от Северной Франции, чем «линия Шельды», что она почти на 80 км короче французской пограничной линии, что эта линия позволяла использовать часть бельгийских сил в качестве первого эшелона и «не потерять» бельгийскую и голландскую армии, в значительной мере поставив их действия на службу Франции. Французское командование полагало, что в «плане Д» оно нашло прекрасный ответ на новый план Шлиффена.

Итак, детально разработанный «план Д» был всецело основан на предположении, что немцы нанесут свой главный удар из района севернее Намюра через Бельгию. Поэтому наиболее сильные армии 1-й группы — 1-я, ан-

¹ Уточнения плана после 17 ноября сводились к следующему: 20 марта 1940 г. новой его редакцией уточнялись действия 7-й армии и кавалерийских соединений; 14 апреля издается новый вариант «плана Е», в котором предусматривалось расширение фронта английской армии на Шельде; 16 апреля издается «вариант № 1 к «плану Диль»», вновь уточнявший характер действий 7-й армии.

глийская и 7-я — разворачивались, ориентируясь на это направление. Оставление крупных сил, включая резервы, за Линией Мажино — сил, которые впоследствии французское командование будет вынуждено срочно перебрасывать на север, — сможет быть объяснено двумя моментами: прикованностью французского руководства к мысли о необходимости надежно оборонять стоимшую миллиарды Линию Мажино и неуверенностью в позиции Италии, а отсюда — стремлением держать войска на случай усиления Юго-Восточного фронта.

Что же касается арденнского участка фронта, то есть участка южнее Намюра и до северной оконечности Линии Мажино, то он оказался очень плохо защищенным, ибо ему, согласно расчетам, ничто не угрожало. Этот участок обороняли 2-я и 9-я французские армии.

Одна из самых слабых французских армий, укомплектованная почти наполовину плохо обученными резервистами, 2-я армия (5 пехотных и 3 кавалерийские дивизии), должна была обороняться южнее Седана, выдвигая в Арденны на территорию южной Бельгии и Люксембурга для ведения разведки и разрушений на дорогах кавалерийские дивизии. Позиция армии являлась как бы связующим звеном между 1-й группой армий в Бельгии и 2-й группой по Линии Мажино. От Лонгви до Монмеди 2-я армия была защищена Линией Мажино, но от Монмеди до Седана она подготовила лишь очень слабую полевую оборону на открытой местности.

Самая малобоеспособная из всех французских армий — 9-я армия (6 пехотных, 2 кавалерийских и 1 моторизованная дивизии), расположенная дальше к северу, также была укомплектована резервистами и имела очень мало техники. Часть этой армии постоянно находилась в Мезьере, а основная ее масса — в тылу. Левифланговые соединения армии по «плану Д» должны были совершить марш к Маасу на рубеж Живе — Динан — Намюр¹. Чтобы

¹ Цель этого марша заключалась в том, чтобы соединиться здесь с бельгийскими войсками прикрытия, занять выгодный для обороны рубеж и произвести разрушения на горных дорогах.

достигнуть, например, такого пункта, как Намюр, войскам требовалось по крайней мере три-четыре дня, потому что только одна дивизия была моторизована. Ввиду того что атака немцев через Арденнские горы считалась невозможной, 9-я армия рассматривалась как самая незначительная деталь во всем тяжелом механизме «плана Д».

1-я армия (5 пехотных и 3 легкие механизированные дивизии) была наиболее сильной, и ей поручалась самая трудная задача — прикрыть «разрыв Жамблу» — открытый промежуток между Маасом и рекой Диль, где отсутствуют естественные преграды. Именно эта армия должна была принять на себя на фронте Вавр — Намюр предполагаемый главный удар немцев на равнинной танкодоступной местности, совершив предварительно 80—100-километровый марш¹.

Британские экспедиционные силы имели 10 дивизий (9 пехотных и 1 механизированную), но это была не очень мощная ударная сила. Главной слабостью английской армии была недостаточная техническая оснащенность. Английской армии предстояло вступить на территорию Бельгии из района Лиль, Дуэ и совершить 80—100-километровый марш в направлении Брюсселя с целью выхода к реке Диль на участке Вавр — Лувен. Здесь, левее британских экспедиционных сил, должна была находиться бельгийская армия.

Бельгийская армия, насчитывавшая 23 дивизии (550 000 человек), первоначально занимала главными силами оборону по Маасу от Льежа до Маастрихта и далее по линии канала Альберта до Антверпена. Выдвинутую к востоку линию канала Альберта от Льежа до Антверпена обороняли 13 дивизий. Участок Мааса от Льежа до Намюра занимали 6 дивизий, которые частью сил вели подвижную оборону в Арденнах, непосред-

¹ Предусматривалось, что 1-й армии в ходе сражения могут быть приданы бронетанковые дивизии, которые будут использованы для контрударов.

ственно у границ. В резерве командования находилось 4 дивизии. На первом этапе военных действий бельгийская армия служила как бы авангардом франко-британских сил и должна была вести сдерживающие действия, чтобы выиграть время, необходимое союзникам для завершения маневра по «плану Д». На втором этапе ей предстояло отступить со своих выдвинутых позиций к «рубежу Диль» и здесь соединиться с франко-британскими силами, примкнув своим правым флангом к англичанам.

Наконец, на крайнем левом фланге группировалась 7-я французская армия (4 пехотные, 2 моторизованные и 1 легкая механизированная дивизии). Задача, возложенная на нее, была наиболее замысловатой. Первоначально предполагалось выдвинуть армию в район Антверпен—Гент, сосредоточив ее непосредственно позади фронта бельгийской армии для поддержки крайнего левого крыла союзных сил. Но когда в марте 1940 г. французы узнали, что главнокомандующий голландской армии Винкельман пришел к заключению о неспособности голландской армии длительное время сдерживать немцев, 7-ю армию было решено выдвинуть для поддержки голландских войск дальше к северо-востоку, в район Бреда. Силами двух моторизованных и одной легкой механизированной дивизий ей предстояло совершить бросок из Северной Франции в Южную Голландию, а голландцам — продержаться до тех пор, пока она к ним подойдет¹.

Таковы были задачи 1-й группы армий, предназначенной играть ведущую роль в «плане Диль».

Что касается 2-й группы армий, то она обороняла национальное сокровище — линию Мажино. От войск требовалось отразить любую атаку немцев и восстановить

¹ В случае, если не будет приказа двигаться в Голландию, 7-й армии предстояло усилить бельгийскую оборону в районе Антверпена.

² Группа армий сосредоточивала главные усилия в направлениях на Тионвиль, Мед, Шато-Салэн, Саверн, Мольсгейм.

позицию там, где она оказалась бы прорвана². Глубоко эшелонированная оборона состояла из ряда позиций, на которых французским войскам предстояло последовательно оказывать сопротивление немецким попыткам прорваться в глубину территории¹.

Задача 3-й группы армий исходила из предпосылки о возможности немецкой или германо-итальянской атаки через Швейцарию². В этом случае предусматривалось выдвижение войск группы для соединения со швейцарской армией у Базеля и создания общего фронта обороны («план Н», явившийся составной частью «плана Диль»).

Общие силы Франции, Англии, Бельгии и Голландии, развернутые против Германии, численно мало в чем уступали немецко-фашистской армии. Это дает ныне повод западногерманским историкам утверждать, будто вермахт нанес поражение численно равному противнику. Но никогда простое сопоставление цифр не может представить объективной картины соотношения сил. Вооруженные силы четырех стран, насчитывавшие 135 дивизий, не были объединены ясными идеями межсоюзнической стратегии и общим руководством. Их надломленное за месяцы «странной войны» моральное состояние понижало и без того невысокий уровень боеспособности, определяемый недостатками техники и отсталыми тактическими принципами. Французской, английской, бельгийской и

¹ Это были: «позиция прикрытия», состоявшая из «эшелонов контакта» и «эшелонов сосредоточения», и «укрепленная позиция» из трех линий обороны.

² Еще летом 1939 г. генерал Жорж издал инструкцию на случай вторжения противника в Швейцарию; предполагалось удлинить фронт к югу до реки Ааре, продвигая подвижные войска до вступления их в контакт со швейцарской армией, чтобы возможно скорее поддержать ее сопротивление. Этот маневр начинала 8-я армия, выходящая к реке Ааре. Затем вводилась из резерва 6-я армия для движения к югу от этой реки.

голландской армиям при всем мужестве их солдат и офицеров трудно было противостоять массированным атакам германских танков и авиации.

Некоторые французские дивизии не имели ни одной противотанковой пушки, основная масса пехоты располагала оставшимися еще от войны 1914—1918 гг. 37-мм противотанковыми орудиями. Новые 47-мм пушки только начали поступать в войска, и расчеты должны были их еще осваивать.

Союзники располагали 3700 танками и бронемашинами¹.

Общее число современных самолетов, которые имело французское авиационное командование за несколько недель до 10 мая 1940 г., по данным Гутара, составляло 2500, принятых правительством, из них: истребителей — 1900, бомбардировщиков — 200, разведчиков — 400. Из этого числа 250 находилось в колониях и около 750 в стадии вооружения и в длительном ремонте; практически в боевых эскадрильях насчитывалось около 1500 машин. Если учитывать постоянную убыль в 35 % в результате легких аварий и т.д., можно сделать вывод, что в бой готовы были вступить около 1000 самолетов.

10 мая эта тысяча самолетов была распределена между 1-й воздушной армией, назначенной на Северо-Восточный театр военных действий (около 800), и внутренними войсками (200 самолетов); последние должны были

¹ Французская армия имела в трех бронетанковых дивизиях около 550 танков, в трех легких механизированных дивизиях — около 600 танков и 300 бронемашин, в пяти механизированных бригадах — 110 танков и 180 бронемашин, в 27 танковых батальонах 1200 танков, в 7 разведывательных группах моторизованных дивизий — 150 бронемашин. Всего, таким образом, около 3090 бронеединиц, в том числе 2460 современных танков. К этому необходимо прибавить около 600 английских танков (*Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 171).

служить пополнением для эскадрилий 1-й воздушной армии¹.

Английская авиация, по данным английского исследователя Батлера, имела в метрополии 1460 самолетов первой линии, в том числе 536 бомбардировщиков, 608 истребителей. Кроме того, имелось 2000 самолетов в резерве. Во Франции, согласно французскому историку Лиэ, находилось 150 английских бомбардировщиков и около 70 истребителей.

Французское оперативно-стратегическое планирование воплощало все слабости буржуазной военной системы, оказавшейся не в состоянии учесть решающие сдвиги в военном деле после Первой Мировой войны. Оно базировалось на таких факторах, которые теперь уже не могли обеспечить победу: сплошной позиционный фронт, линейная оборона, укрепленная линия, частные контратаки резервами, пехотно-артиллерийский огонь, — и целиком игнорировало такие важнейшие моменты, как массированная атака оперативными танковыми объединениями совместно с авиацией и воздушными десантами, высокие темпы операций, маневренность и подвижность действий, внезапные удары по слабым звеньям обороны, значение оперативной инициативы.

«План Д» был чисто оборонительным. Вступив на территорию Бельгии, союзники намеревались расставить армии одну рядом с другой по прямой линии от Седана до Антверпена. Если бы немцам удалось добиться успеха на каком-либо участке линии фронта, французы прило-

¹ См.: *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 35. Имеются и другие данные, согласно которым Франция могла ввести в сражение 10 мая 1940 г. только около 520 самолетов первой линии, из них 70 % истребителей.

Авиация Северо-Восточного фронта делилась на три зоны, каждая из которых предназначалась для поддержки одной группы армий.

жили бы усилия, чтобы восстановить фронт и заткнуть брешь резервами, растянутыми почти вдоль всего фронта непосредственно в тылу.

«План Д» был составлен людьми, совершенно не учитывавшими тот факт, что моторы ускорили темп военных действий.

Ни командующий 9-й французской армией генерал Корап, в прошлом «герой» боев под марокканской деревней Таса, ни командующий 2-й армией генерал Хюнцигер, грудь которого украшали четырнадцать орденов за колонизаторские захваты на Мадагаскаре, в Сенегале и Тонкине, за усердную охрану французских концессий в Шанхае, ни на секунду не сомневались в том, что их армии, так долго прозябавшие в предгорьях Арденн, никогда не станут объектом германского нападения. Если же, думали они, Гитлер рискнет двинуться на Запад, то он сделает это севернее, и тогда командующий 1-й армией генерал Бланшар, тоже «герой» колониальных экспедиций, остановит немецкий удар на плато Жамблу.

Пройдет всего пять дней, и от глубокой убежденности генералов и от планов останется лишь еще одно свидетельство того, насколько опасно в военном деле слепо верить в желаемое и пренебрегать реальным положением вещей.

Глава V

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИЕЙ НАПАДЕНИЯ НА ФРАНЦИЮ, БЕЛЬГИЮ И ГОЛЛАНДИЮ. БОРЬБА ЗА НОРВЕГИЮ

1

Гитлеровская агрессия против стран Западной Европы в годы Второй Мировой войны принесла тяжкие бедствия народам Франции, Англии, Бельгии, Норвегии, Голландии, Люксембурга, Дании. Никакие послевоенные политические комбинации правительств западных держав, никакие противоестественные союзы, демонстрирующие дружбу жертв недавней агрессии с поднявшимся из руин Третьего рейха германским империализмом, не заставят историю забыть преступлений вермахта по ту сторону Рейна, совершенных в 1940 г. и в последующие годы войны. Собы-

тия так называемого западного похода — яркий пример тех последствий, к которым может привести занскивание перед германским империализмом, попустительство ему.

Обширная западногерманская историческая литература о событиях 1940 г. имеет несколько ясно выраженных тенденций.

Прежде всего германские милитаристы и их идейные прислужники стремятся использовать историю победы над Францией в 1940 г. для доказательства «непревзойденного руководства войной» и «военной гениальности» германского Генерального штаба. Победа над Францией порой изображается как некое чудо организации военных действий, как поход, прошедший легко и гладко, с самой минимальной затратой сил. При этом, однако, западногерманские историки, как правило, не анализируют внутреннее состояние и характер действий французской и английской армий, игнорируют факт обусловленности успехов гитлеровского вермахта прежде всего именно состоянием вооруженных сил противоположной стороны.

Французская буржуазия в корне подорвала силы национального сопротивления Франции, до предела облегчила германскому фашизму осуществление его агрессивных планов. Перед гитлеровским вермахтом в мае 1940 г. находились развернутыми не могущественные, как некогда, французские вооруженные силы, а устаревший, ослабленный изнутри военный организм, не способный противостоять современным методам ведения войны. Стратегические планы союзников представляли собой творение реакционной политики правящих кругов Франции и Англии, сплав антисоветских капитулянтских политических идей и отсталой стратегической концепции. В то самое время, когда германские штабы занимались напряженными поисками наилучших вариантов вторжения во Францию, когда германские заводы круглосуточно готовили новое оружие для ее сокрушения, когда в Германии поспешно формировались десятки новых дивизий для оккупации и удушения Франции, — люди, вершившие судьбами французской нации, ослабили активную подго-

товку к борьбе с действительным врагом и переключили усилия и энергию на подготовку военного нападения на Советский Союз. Они хотели дать Гитлеру сигнал, показать ему пример своей решимостью. Они думали показать миру, что их действительный враг — социалистическая держава, а не фашистский рейх. Они предполагали быть первыми в развязывании «похода против большевизма» и одним ударом нанести огромный ущерб СССР. Но Германия нанесла удар по ним, и результатом тяжелейшего политического и военного просчета буржуазии, мюнхенцев, фашистов, антикоммунистов — всех реакционных сил западных держав была катастрофа Франции и ее союзников.

Западногерманские историки стремятся, далее, убедить мировое общественное мнение, и прежде всего союзников ФРГ по НАТО, что германский Генеральный штаб и весь генералитет, по существу, не имели желаний нападать на Францию, Англию и их союзников и что если это нападение все же состоялось, то оно произошло вопреки действительным намерениям генералов, по злой воле Гитлера и желанию Англии и Франции воевать с Германией. Особенно ясно эта точка зрения выражена в работах Герлица, Эрфурга, Типпельскирха и других. Чтобы подкрепить ее, западногерманские авторы стараются доказать, будто подготовка к вторжению на Запад была начата германским Генеральным штабом лишь после окончания похода в Польшу, когда стала очевидной невозможность мирного соглашения с Англией и Францией.

Западногерманские историки стремятся сделать все возможное, чтобы, с одной стороны, заставить своих новых партнеров поверить в легенду искоренения нацизма в ФРГ, а с другой — сохранить в памяти руководителей и общественности стран Запада воспоминания о военных победах Германии над теми странами, лидеры которых ищут сегодня дружбы с недавним агрессором; о военных возможностях Германии, которая побеждала эти страны, а теперь будет их защищать, если удовлетворят ее требования — вооружение и реванш! Вот почему на рубеже 50-х и 60-х годов нашего века в Западной Германии из-

дано так много книг, посвященных успехам германского оружия на Западе во Второй Мировой войне.

Послевоенная германская буржуазная историография, как известно, утверждает, будто главной причиной неудач и поражений вермахта в 1941–1945 гг. являлись ошибки в руководстве войной, допущенные Гитлером, действовавшим вопреки разумным и правильным советам и решениям Генерального штаба. Гитлер — виновник всех военных преступлений и поражений, Генеральный штаб — хранитель благородных «солдатских традиций» и секретов побед. Гитлер — дилетантское руководство войной, Генеральный штаб — наиболее совершенный инструмент стратегического планирования и руководства, носитель самых передовых военных идей. Линия противопоставления Гитлера Генеральному штабу проводится ныне западногерманскими историками с исключительной последовательностью и навязчивой полнотой.

Применительно к проблеме подготовки войны на Западе в 1940 г. эта тенденция проявляется, во-первых, в попытке доказать будто после окончания военных действий в Польше между Гитлером и Генеральным штабом возникли глубочайшие разногласия по вопросу о дальнейших задачах ведения войны; во-вторых, в стремлении изобразить процесс планирования западного похода как непримиримую борьбу «лучших представителей Генерального штаба», а именно начальника штаба группы армий «А» генерала Манштейна, предложившего выдающийся план разгрома Франции, против ошибочного плана Гитлера.

Только «победа» Генерального штаба, то есть Манштейна, утверждают западногерманские историки, обеспечила успех кампании на Западе.

Существовали ли осенью 1939 г. и зимой 1939/40 г. коренные противоречия между Гитлером и Генеральным штабом по вопросам ведения войны на Западе и правда ли, что Генеральный штаб выступал в этот период поборником мира? Верно ли, что Манштейн, как «выдающийся представитель Генерального штаба», единоличный автор плана «среза серпом» — плана разгрома Франции? В чем состоял

процесс планирования западного похода, под влиянием каких факторов развивался план, каково его военное содержание и значение? Таковы основные проблемы, связанные с историей подготовки гитлеровской агрессии на Западе.

Подготовка к войне против Франции и Англии составляла один из существенных аспектов гитлеровской политики до прихода фашизма к власти, и особенно после 1933 г.

Желая оттеснить конкурентов в капиталистическом мире, фашистские вожди уже с 1935 г. разрабатывали планы войны на Западе¹.

¹ 2 мая 1935 г. министр рейхсвера генерал Бломберг издал директиву под названием «Шулюнг» о ведении войны против юго-восточных и западных соседей Германии. После быстрого достижения победы на юго-востоке германские войска, переброшенные по железным дорогам, совместно с войсками, обороняющимися на западных границах, должны будут перейти в наступление против Франции, и прежде всего занять Рейнскую область. Операцию предусматривалось осуществить с молниеносной быстротой.

Осенью того же года верховное командование разработало стратегический план под названием «вариант Красный» (ЦГАОР, ф. 7021, оп. 148, д. 234, лл. 58, 59), который исходил из возможности ведения войны против Франции, Польши и Чехословакии силами четырех армейских объединений, из которых три предназначались для военных действий на Западе. Используя внутренние операционные линии, Генеральный штаб предполагал обеспечить своевременное усиление главного фронта — прежде всего Западного — резервами ОКХ из внутренних районов, а также вновь мобилизуемыми соединениями. Агрессивный характер как первого, так и второго планов не вызывает сомнений: именно на основе этих планов состоялось в начале марта 1936 г. германское вторжение в демилитаризованную Рейнскую зону, куда согласно директиве Бломберга были введены части 5, 6 и 9-го армейских корпусов.

По мере роста наступательной мощи вермахта увеличивалась агрессивность и решительность планов войны против западных держав. Директива «О единой подготовке к войне» от 24 октября 1937 г. включала разработку плана войны против Франции и Бельгии («вариант

После начала Второй Мировой войны подготовка вторжения во Францию, Бельгию и Голландию становится непосредственной практической задачей гитлеровской стратегии. Оборонительная стратегия на Западе в

Красный») и против Чехословакии («вариант Зеленый») при сосредоточении основных усилий на Западе. В случае нейтралитета Бельгии район Эйфель рассматривался как исходный плацдарм для наступления во Францию.

Начало нового этапа стратегического планирования было связано с решениями, принятыми на совещании у Гитлера 5 ноября 1937 г., которые явились шагом к непосредственной подготовке войны. 18 февраля 1938 г. в период подготовки аншлюса Австрии Геринг поставил задачу 3-му воздушному флоту, базировавшемуся в Западной Германии, подготовить наступление против Франции, а 2-му воздушному флоту — против Англии с направлением главного удара на Лондон и на воздушные базы в Восточной Англии. При этом Голландия рассматривалась как наиболее выгодный исходный плацдарм для германских военно-воздушных сил. Авиационное командование приходило к выводу о необходимости для ведения воздушной войны против Англии оккупации территорий Голландии и Бельгии. Об этом, в частности, со всей определенностью заявил командующий 2-м воздушным флотом генерал Фельми в письме Герингу от 22 сентября 1938 г.

Так еще задолго до войны вполне складывается идея захвата Бельгии и Голландии в качестве баз для будущих авиационных ударов по Британским островам. Планы войны против Англии и Франции совместными действиями Германии и Италии разрабатывались и в июле 1938 г. Весной 1939 г. при 2-й воздушной армии был создан специальный штаб под руководством генерала Гайслера, который стал заниматься исключительно вопросами подготовки войны против Англии. Одновременно разработки подобного рода производил штаб военно-морских сил. (См.: *Gunderlach Karl. Gedanken über die Führung ernes Luftkrieges gegen England bei der Luftflotte 2 in den Jahren 1938/39. «Wehrwissenschaftliche Rundschau», Januar 1960, Heft 1; Charles Burdik. Die deutschen militärischen Planungen gegenüber Frankreich 1933—1938. «Wehrwissenschaftliche Rundschau», Dezember 1956, Heft 2; Материалы Нюрнбергского процесса.)*

период военных действий в Польше была временным явлением, вызванным необходимостью сосредоточить на сравнительно короткий срок максимум сил на Востоке. Начиная с середины и особенно с конца сентября 1939 г. ОКВ приступает к подготовке активных действий на Западном фронте. Это решение диктовалось рядом соображений. Гитлер и ОКВ считали преждевременным нападение на Советский Союз в 1939 г. Решительное выступление Красной Армии, пресекшей в сентябре победный марш вермахта на Восток, свидетельствовало о том, что Советское государство даст отпор любой агрессии. Помимо общей политической концепции, изложенной в «Майн кампф», Гитлер и его штабы понимали, что для войны с Советским Союзом необходимо иметь значительно более мощный военно-промышленный потенциал, чем тот, которым они пока обладали. Победа над Францией и ее партнерами должна была расширить экономическую базу войны против Советского Союза и обеспечить западный тыл. Развернутые на Линии Мажино и на бельгийской границе французские дивизии были реальным фактором военной мощи, с которым нельзя было не считаться. Военный разгром Англии и Франции позволял решить такие существенные задачи германского империализма, как устранение могущественных капиталистических конкурентов на мировых рынках, захват английских и французских колоний, завоевание политической гегемонии в Европе, реванш за поражение в Первой Мировой войне. Решение об ударе на Запад вполне отвечало также духу гитлеровской доктрины и классической стратегии «действий по внутренним операционным линиям».

Период после окончания военных действий в Польше был в известном смысле критическим для дальнейшего ведения войны Германией. Конечно, слепые заблуждения, владевшие умами очень многих, толкали к тому, чтобы не медля, не рассуждая, идти за фюрером против всех и вся. Но некоторые немцы считали, что эра удивительных побед в Европе заканчивается и что перед Рей-

хом возникает перспектива длительной и тяжелой войны. Эти люди, пережившие испытания 1914—1918 гг., поражение и все бедствия, вызванные Первой Мировой войной, не были теперь, осенью 1939 г., вполне убеждены, что новая война против тех же противников, которые 20 лет назад заставили представителей германской армии подписать в Зеркальном зале Версальского дворца акт о капитуляции, представляет собой наилучший путь для Третьего рейха.

Генералы в целом были вполне удовлетворены итогами польской кампании. Однако в отношении новых перспектив у них на первой стадии подготовки западного похода не было полного единодушия. Рассматривая различные взгляды на планы войны против Запада в октябре — ноябре 1939 г., можно различить три основные группы генералов из высшего руководства. Представители ОКВ и самые ближайшие сотрудники Гитлера целиком придерживались его точки зрения о желательности не медлить и еще в 1939 г. атаковать Францию. Генералитет из ОКХ, командование и штабы группы армий и армий считали, что вермахт в 1939 г. не готов полностью к «большому наступлению» на Западе и что удар может быть нанесен позже, примерно весной 1940 г. Наконец, небольшая группа стремилась к заключению мира с Францией и Англией и немедленному развязыванию войны против Советского Союза. В последней группе имелись «колеблющиеся», которые вскоре отошли от «заговорщиков».

Первая точка зрения была высказана Гитлером 12 сентября 1939 г. Еще на польском фронте он заявил шеф-адъютанту Шмундту о своем намерении после победы в Польше немедленно начать наступление на Западе с целью разгрома Франции¹. Командование сухопутных сил 17 сентября отдало в этом духе предварительный приказ.

¹ *Fall Gelb. Der Kampf um den deutschen Operationsplan zur Westoffensive 1940. Von Hans-Adolf Jacobsen. Wiesbaden, 1957. S. 7* (в дальнейшем *Fall Gelb...*).

20 сентября Кейтель сообщил Варлимонту о решении Гитлера начать наступательную войну против западных стран в 1939 г.¹ 27 сентября Гитлер собрал в рейхсканцелярии командующих тремя видами вооруженных сил и уже в официальной форме объявил о своем намерении².

Представители главного командования сухопутных сил, безусловно, не сомневались в необходимости продолжать войну. Они не выступали против нее по каким-либо политическим или моральным соображениям. Но генералы Браухич, Гальдер, оберквартирмейстер Генерального штаба сухопутных сил Штюльпнагель, Бок и некоторые другие, которым были хорошо известны слабые места в оснащении и подготовке армии, возражали против немедленного выступления на Западе. Они хотели лучше, основательнее подготовиться, чтобы не слишком рисковать общим — их и фюрера — делом. Уже 30 сентября во время беседы с Гитлером Браухич и Гальдер высказали первые опасения по поводу возможности немедленного удара по Франции³. Подобные заявления следовали от командования сухопутных сил в октябре, а 5 ноября 1939 г. Браухич на приеме у Гитлера изложил подробно заранее подготовленное мнение ОКХ по поводу неготовности армии к выступлению в этом году⁴. Гитлер, несмотря на бурную реакцию, не мог не посчитаться с мнением и аргументами ОКХ, и они стали одной из главных причин переноса сроков наступления на 1940 г.

Стремление группы высших генералов сухопутных сил отложить начало наступления, чтобы лучше его подготовить, стало после войны изображаться многими за-

¹ Там же. С. 8.

² Там же.

³ Fall Gelb... S. 11.

⁴ Браухич в этой, как ее называет Якобсен, «драматической» беседе ссылался главным образом на недостатки организации, обученности войск и на состояние дисциплины (Там же. С. 46).

падногерманскими историками как «оппозиция генералов Гитлеру»¹. Но для подобных утверждений отсутствуют основания. Горячо желая процветания фашистскому рейху, эти генералы были полностью убеждены в правильности решения фюрера сокрушить Францию и Англию. Они лишь опасались поспешности в принятии решений, хотели продумать и подготовить новый военный шаг солидно и основательно, в духе «старой немецкой военной школы».

Достаточно хорошо известны традиционные качества германского генералитета: послушание и подчинение высшей власти независимо от того, какие цели она перед ним ставит; строгая дисциплинированность в старопруссских традициях; стремление, получив приказ, не обдумывать его политические аспекты, а возможно точнее выполнять. Эти качества в полной мере воплощались в деятельности ОКХ и не оставляли в 1939—1940 гг. места активным настроениям оппозиционного характера, даже если в некоторых моментах политики и стратегии определенная группа генералов не была вполне согласна с фюрером. Не только традиции, но и прямая заинтересованность в разгроме Англии и Франции не могли сделать упомянутых генералов серьезными оппонентами «политики фюрера». Руководство Генерального штаба не только не противилось вторжению на Запад, но и совместно с фюрером активно его готовило. Достаточно привести такой факт. Еще до отдачи Гитлером первого приказа о

¹ Эта мысль совершенно четко проводится, например, Якобсеном в его работе *Fall Gelb...* Ссылаясь на послевоенные высказывания Гальдера, в которых бывший начальник Генерального штаба чуть ли не пытается причислить себя к группе заговорщиков против Гитлера — Штауфенбергу, Трескову и другим, Якобсен всячески раздувает его, Браухича, и других расхождения с Гитлером по частному вопросу — о сроках наступления — и причисляет их к оппозиционерам (см.: *Fall Gelb...* S. 47, 48).

наступлении 7 октября 1939 г. главное командование сухопутных сил по своей инициативе отдало приказ вновь создаваемой с 10 октября группе армий «Б» «провести все приготовления для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует»¹. Браухич упредил Гитлера на трое суток! На совещании Гальдера с Браухичем 29 сентября оба, как свидетельствует дневник Гальдера, пришли к выводу: «Если в политической игре создан действительно прочный фундамент, следует рискнуть». И далее: «Бельгия имеет уязвимый фронт. Мы застанем ее врасплох. Следует исходить из готовности армии на случай нарушения нейтралитета». Это говорилось сразу же после окончания польского похода, то есть в те дни, когда, по утверждениям Герлица и подобных ему авторов, будто бы обнаружилась резкая оппозиция Генерального штаба плану Гитлера. Характерно, что именно в эти дни, точнее 5 октября, с полного согласия Генерального штаба началась переброска из Польши на запад штаба группы армий «Север», а также штабов 4-й и 6-й армий, что знаменовало собой первый шаг в подготовке стратегического развертывания для наступления на Францию, Голландию и Бельгию. 7 октября Браухич отдал приказ генералу Боку вступить в командование на Западе группой армий «Б», причем ему указывалось «провести все подготовительные мероприятия к быстрейшему вторжению в голландскую и бельгийскую области, если этого потребует политическое положение»². И когда 10 октября 1939 г. Гитлер на совещании в имперской канцелярии огласил высшим генералам составленную им «памятную записку», в которой требовал подготовиться к наступлению на Западе в самое ближайшее время, генералы приступили к делу. 11 октября Гальдер записывает в дневнике: «Начата разработка операции на Западе; будет закончена к 8.11, так что сосредоточение можно будет окончить

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 93.

² Там же.

к 15.11.»¹. И никакой тени сомнений! В записи от 17 октября мы читаем: «Следует как можно скорее наступать». Анализ дневника Гальдера — этого столь важного документа германского Генерального штаба — показывает, что на многочисленных совещаниях с Гитлером осенью 1939 г., где фюрер высказывал мысли о решительных действиях на Западе, представители Генерального штаба, и прежде всего сам его начальник, не противопоставили решениям Гитлера какой-либо иной принципиальной точки зрения; они лишь старались наилучшим образом осуществлять мысли и предначертания своего главаря.

Мы приходим к выводу, что утверждения ряда современных буржуазных исследователей предыстории западного похода о коренных и принципиальных разногласиях осенью 1939 г. между Гитлером и Генеральным штабом сухопутных сил по решающим вопросам войны и мира, а также попытки этих исследователей изобразить многих фашистских генералов решительными противниками нападения на Францию, Бельгию и Голландию и нарисовать картину «генеральского бунта против фюрера» — не выдерживают никакой критики. Германский Генеральный штаб в целом был един с Гитлером. «Временно колеблющиеся» не имели влияния на ход событий и быстро отказались от своих сомнений. Как и Гитлер, Генеральный штаб готовил новое нападение, новый преступный акт, убежденный, что иначе не может быть. Книжки, авторы которых пытаются изобразить немецких генералов «миролюбцами», «борцами» против гитлеровского руководства, — не больше чем попытка оправдать фашистский Генеральный штаб и представить его в более выгодном свете перед народами, попытка исказить историю.

Правда, была небольшая группа действительных оппозиционеров — узкий кружок оторванных от армии офицеров, дипломатов и политиков во главе с Герделером. Они хотели устранить Гитлера путем ареста или убийства, заменить его, вероятно Герингом, добиться мира с Англией

¹ Дневник Гальдера, запись 15 ноября 1939 г.

и Францией и в перспективе начать войну против Советского Союза. Генерал-полковник Бек, одна из центральных фигур этой группы, говорил: «Конечно, армия не должна быть ослаблена, так как только мы ослабеем, нам нужно будет иметь дело с Востоком»¹.

11 октября 1939 г. один из членов этой группы генерал фон Лееб направил Браухичу письмо, в котором выражал опасение, что удар во Францию может привести к длительной позиционной войне. Он считал, что нападение на Бельгию вызовет ответные действия Франции, что в результате «на бельгийской земле придется вести тяжелые бои» и что в итоге Германия окажется изолированной². Призывая Гитлера к осторожности на Западе и высказывая мысль, что Францию, Англию и Бельгию разгромить трудно, Лееб вместе с тем в этом письме, а затем в письме от 31 октября 1939 г. откровенно выражал мысль, что целесообразнее направить удар не на Запад, а на Восток. «Чем больше мы уделяем внимания Западу, тем свободнее становится в своих решениях Россия»³, — писал он. Считая войну против Советского Союза неизбежной, он приходил к выводу, что «успехи на Востоке, сопровождаемые желанием совместить их с взаимоотношениями с Западом, означали бы впасть в роковую ошибку, не увязанную с действительностью»⁴. По-

¹ *Gerhart Hass. Der komische Krieg in Westeuropa. Berlin, 1961. S. 41.*

² Fall 12. Berlin, 1960. S. 128.

³ Там же.

⁴ Fall 12, S. 129. После Второй Мировой войны на Западе поднялась шумиха вокруг деятельности «заговорщиков». Письма Лееба и некоторые другие материалы стали приводиться в качестве доказательства чуть ли не «миролюбия» гитлеровского Генерального штаба, «не желавшего» воевать против Англии и Франции — нынешних военных союзников Западной Германии. Но искусственность подобного рода тезиса настолько очевидна, что даже американский суд, рассматривая в 1948 г. обвинение группы гитлеровских генералов, вынужден был признать его несостоятельность.

добные мысли высказывались осенью 1939 г. генералами Леебом, Гаммерштейн-Экоуордом и некоторыми другими генералами этой группы, искавшими менее рискованного, с их точки зрения, решения вопроса о направлении дальнейших военных усилий.

Именно осенью 1939 г. представители этой группы осторожно зондировали по дипломатическим каналам почву для соглашения с Англией и Францией о заключении мира на Западе и повороте фронта на Восток. Так, начальник управления разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил адмирал Канарис, используя свои обширные связи в международном «деловом мире», налаживал переговоры с ответственными лицами в Англии и США в духе заключения мирных соглашений. Его эмиссар Мюллер, как свидетельствует английский исследователь и писатель Колвин, установил связь через папу Пия XIII с английским правительством и в конце октября получил сообщение о готовности последнего вступить в тайные переговоры.

Группа не имела какой-либо поддержки в армии. Очень скоро от нее отошел ряд генералов, и тот же фон Лееб уже осенью 1939 г. отдавал приказы о войне против Франции, занимая один из самых высших постов в немецко-фашистской армии — командующего группой армий «Ц»¹.

Итак, в среде германского генералитета отсутствовали какие бы то ни было «миролюбцы». Гитлер приказывал, генералы старались как можно лучше выполнить его приказы. Фронта никакой практической роли не играла.

2

Непосредственная подготовка немецко-фашистским командованием нападения на страны Западной Европы представляла собой довольно сложный процесс, продолжавшийся с октября 1939 г. до весны 1940 г. Гитлер

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 93.

и его ближайшие сотрудники при всем их беспредельном цинизме и уверенности в себе не смогли осенью 1939 г. сразу и до конца поверить в тот оказавшийся вскоре истиной факт, что великие державы — Франция и Англия — так и не предпримут никаких попыток перейти в наступление на Западном фронте. Гитлер знал о противоречиях между Францией и Англией, между обеими этими державами и Бельгией и Голландией. Желание использовать противоречия до того момента, пока союзники их не преодолеют, подкрепляло решение выступить немедленно, еще осенью 1939 г. Но каждый раз, когда окончательный приказ вот-вот должен был быть отдан, возникали опасения перед мощью великих держав, поднимались страшные призраки Марны и Вердена. Генеральный штаб сухопутных сил как будто знал своих противников, но думал, что знает их все еще далеко не достаточно, верил в успех, но считал, что не все еще сделано, чтобы вполне его обеспечить.

Октябрь и начало ноября 1939 г. были периодом, когда Гитлер еще ожидал активных действий союзников, их наступления в Германию. Однако постепенно наступал перелом. Политикой «странной войны», явной тенденцией подталкивания на Восток союзники вскоре убедили Гитлера и его военное командование в стабильности своей политической линии и стратегической концепции. Немецко-фашистское руководство в целом постепенно стало приходить к выводу, что в таких условиях главным является качество подготовки, ибо бездействие на Западном фронте будет продолжаться ровно столько, сколько потребуется Берлину. Бельгия и Голландия будут ревниво охранять мираж своего нейтралитета, английские и французские вожди — предаваться своим иллюзиям, и под прикрытием молчащих фронтов германское командование сможет уверенно подготовиться к удару такой силы, который наверняка сокрушит Францию. Гитлер, не признавая этого прямо, соглашался с генералами, предлагавшими начать наступление не осенью 1939 г., а позже.

Германский фашизм становился тем наглее, чем больше сведений получал он о политическом и военном положении Франции и ее партнеров.

Гитлеровцы собирали обильные плоды той предательской по отношению к своему народу политики, которую проводила крупная французская буржуазия. Фашистская «пятая колонна» во Франции снабжала вермахт всеми сведениями, которые были необходимы для разработки наиболее эффективных планов войны, и одновременно изнутри готовила страну к поражению. Дух лояльности к фашизму создавал во Франции, Бельгии, Голландии ту среду, в которой быстро расцветал гитлеровский шпионаж, опутывая своими сетями не только Францию, но и всю Западную Европу.

Для сбора сведений гитлеровская разведка использовала самые различные каналы. Это были, в частности, германские промышленные корпорации, имевшие необычайно широкие связи с трестами Англии, Франции, США. Огромные услуги оказывали трест «ИГ Фарбениндустри» с его собственной разведкой и обширными мировыми контактами, концерны Г. Стиннеса и другие монополии, агентура которых проникла во все поры хозяйственного и военного организма ряда капиталистических государств. Коррупция и продажность многих звеньев государственного и военного аппарата этих стран, особенно Франции периода Третьей республики, позволяли подкупать осведомленных лиц и получать данные порой самой первостепенной важности. Очагами германского шпионажа во Франции, Голландии, Бельгии служили также различные фашистские организации¹.

¹ Для действий против Голландии использовалась «национал-социалистская ассоциация голландцев в Германии», готовившая в четырех специальных лагерях, расположенных между Рейном и голландской границей, шпионов и засылавшая их. Сбор агентурных сведений в Бельгии успешно осуществляла немецкая фашистская организация «Фронт верности родине». Широко использовались также открыто фашистские организации, как «Фламандская национальная лига», руководитель которой де Клерк тесно взаимодействовал с офицерами немецкой разведки и получал из Берлина денежные субсидии, как так называемое «рекснистское движение» во

Дипломатия, туризм, государственный и военный аппарат, торговля, гражданские воздушные и железнодорожные сообщения, общественные организации, оппозиционные элементы — все это фашистская разведка стремилась так или иначе использовать в своих целях. Играя на политической близорукости, антикоммунистических тенденциях, на политике «умиротворения», проводимой Англией, Францией и их союзниками, широко поддерживая многочисленные профашистские элементы в этих странах, она сумела добиться в предвоенные годы таких результатов, которыми вряд ли когда-нибудь в прошлом могли похвалиться генеральные штабы любой из западноевропейских держав. «В этой стране нет такого камня, который не был бы нам известен», — заявил глава немецких разведчиков в Голландии Шульце-Бернет работнику миссии Путлицу¹. С полным основанием могли бы это сказать гитлеровские разведчики в отношении Франции и Бельгии. «Мы, можно сказать, держали руку на пульсе французской армии», — вспоминает фашистский генерал Лисс, который с 1937 по 1943 г. был начальником 3-го отдела «иностранных армий Запада» штаба сухопутных сил².

главе с фашистом Дегрелем, а также «полковые клубы фламандской национальной лиги». Многочисленные шпионские организации существовали и на территории Франции. Руководитель германского шпионажа во Франции посол Абец использовал «Лигу германского общества», бретонских националистов, эльзасских автономистов и особенно широко — различные продажные элементы из государственных учреждений и армий. В Англии центрами шпионажа были германское посольство и консульства в различных городах (см.: *Л. де Йонг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 299–300; Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 614, лл. 5–7).

¹ *Путлиц В.* По пути в Германию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 225.

² *Die erste Periode...* S. 60.

К весне 1940 г. ОКВ знало всю систему французской мобилизации, структуру всех звеньев командования вооруженных сил Франции, количество и нумерацию войсковых соединений всех типов, частей, входивших в их состав, качественное их состояние, дислокацию, номера полевых почт, количество и состав соединений и частей специальных родов войск¹. Германская разведка располагала сведениями о заводах вооружения, нефтеочистительной промышленности, предприятиях авиамоторостроения, оружейных складах². Германский штаб ВВС знал численность французских военно-воздушных сил, систему их наземной организации по всей территории Франции и Северной Африки, включая аэродромную сеть. Все основные аэродромные узлы были всесторонне оценены с точки зрения их пригодности для использования в военное время³. Германское командование располагало подробными сведениями о качестве всех типов французских самолетов, организации и дислокации авиасоединений, структуре тыла, о связи ВВС, расположении арсеналов, авиационных предприятий, ремонтных мастерских, об организации метеослужбы, о военных учебных заведениях⁴.

Германская разведка получила данные о базировании авиационных соединений и частей каждого воздушного округа вплоть до эскадрильи⁵. Путем широкого воздушного фотографирования, проводимого в мирное время гражданской авиацией на всю глубину территории западных стран, фашистские разведывательные органы составили подробнейшие «воздушно-географические обзоры» Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, предназначенные для ориентировки военных летчиков

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 614, лл. 4–13.

² Die erste Periode... S. 58.

³ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 614, л. 13; оп. 725109, д. 635, л. 44.

⁴ Там же, оп. 725109, д. 635, л. 11–51.

⁵ Там же, л. 39.

при атаке наземных объектов. Заблаговременное тщательное аэрофотографирование, например, Роттердама облегчило немецкой авиации бомбардировку этого города в мае 1940 г. Система укреплений Линии Мажино и полевых позиций вдоль франко-бельгийской границы, характер стратегического развертывания союзных армий, их намерения были известны в Берлине во всех деталях.

Так, перед Второй Мировой войной французская реакция, по существу, открыла гитлеровской Германии все наиболее важные тайны организации национальной обороны, совершив тем самым акт глубочайшего предательства, подготовив трагедию своей страны. Одновременно она до предела облегчила германскому военному командованию и генеральным штабам планирование и подготовку западного похода, а затем и «молниеносное» осуществление всех планов. Если поставить вопрос, почему гитлеровцы рискнули пойти на столь, казалось бы, смелый план войны, который был составлен к февралю 1940 г. и о котором речь будет идти ниже, то ответ может быть один. Потому, что французская реакция постепенно дала гитлеровцам все сведения относительно обороны своей страны и подорвала силу этой обороны. Германские генералы могли, располагая, в конце концов, всеми необходимыми данными, составлять любые планы и проводить их в жизнь без особого риска. Конечно, эти сведения поступали не сразу, а постепенно, и подготовка западного похода вылилась в длительный процесс.

Первые — сентябрьские — планы были ограниченными: занять голландские и бельгийские укрепления¹. Складывалась мысль о необходимости лишь выдвинуть к западу предполье обороны Рура и в период подготовки наступления на сухопутном театре развернуть авиацией и флотом активные действия против военно-морских сил Англии. Однако в начале октября 1939 г. наблюдается

¹ Дневник Гальдера, запись 29 сентября 1939 г.

поворот в сторону более активных решений. Главным побудительным моментом явилась франко-английская политика антикоммунизма, заигрывания с Гитлером, которую последний воспринял как свидетельство военной слабости западных противников. Именно в сентябре и октябре 1939 г., как мы увидим, английские и французские сторонники дружбы с Германией развернули наиболее активную деятельность, направленную на мирное решение военного конфликта. Антикоммунизм во Франции достиг апогея, а деятельность «пятой колонны» приносила Германии все больший эффект.

В начале октября 1939 г. состоялась встреча американского бизнесмена Дэвиса с Герингом. Посредническая деятельность шведского промышленника Б. Далеруса в конце сентября, секретные беседы 16 и 25 сентября французского дипломатического служащего Анри Бланша с германским посланником в Люксембурге Радовитцем о заключении «почетного мира» между Францией и Германией, контакты между Галифаксом и германским дипломатом фон Хасселем — все это воспринималось в имперской канцелярии как симптомы явного нежелания и неспособности Англии и Франции продолжать войну. Особенно активно в этом направлении действовал сотрудник английского министерства авиации барон де Рооп, который еще за две недели до начала войны от имени своего ведомства установил тесный секретный контакт с главой внешнеполитического отдела гитлеровской партии Розенбергом¹. Смысл предложения де Роопа заключался в том, чтобы установить мир между Англией и Германией и развязать последней руки на Востоке.

Подобные тенденции в лагере союзников были на руку гитлеровцам. Они старались поддерживать реакционные круги Англии и Фракции. С этой целью они

¹ См.: *Некрич А. М.* Война, которую назвали «странной». С. 79–82; *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М.: Изд. ИМО, 1961. С. 185–188.

провели в сентябре—октябре 1939 г. так называемое «мирное наступление», чтобы дезориентировать противника. В речах 19 сентября и 6 октября Гитлер заявлял, что Германия не имеет претензий к Франции, а от Англии ждет лишь возвращения колоний.

А 10 октября 1939 г. Гитлер зачитал в рейхсканцелярии высшим руководителям вооруженных сил Германии Кейтелю, Браухичу, Герингу, Редеру и Гальдеру свои размышления о дальнейшем ведении войны. В этой записке — пространным рассуждении ОКВ о ведении войны и операций, в этом, по сути дела, приказе верховного главнокомандования излагалась ведущая стратегическая мысль, которая состояла в том, что Германия должна не медля нанести решительный удар на Западе, используя выгодные обстоятельства, сложившиеся после разгрома Польши¹. Победу, говорил Гитлер, необходимо одержать быстро, чтобы не дать Франции и Англии затянуть войну и тем самым получить время для мобилизации и развертывания экономических и военных ресурсов и привлечения новых союзников². Разгром Франции, которая рассматривалась фашистским руководством как опора Англии на континенте, создавал, по мнению Гитлера, условия для нанесения затем удара по Британии. Гитлер давал понять, что его побуждает торопиться с наступлением на Западном фронте необходимость впоследствии начать войну с Советским Союзом. Именно в этом духе звучали его слова о «русском нейтралитете», как о «факторе неопределенной длительности». Быстрота действий ликвидирует многие неблагоприятные стороны той обстановки, в которой находилась Германия.

Оценивая «опасности немецкого положения», ОКВ думало, что главная из них заключается в угрозе союзников Рурскому промышленному району, если их армии

¹ Fall Gelb... S. 15.

² Там же. С. 16.

и авиация вступят в Бельгию и Голландию¹ и тем самым подорвут как немецкое военное хозяйство, так и силы германского сопротивления в целом². Поэтому Гитлер считал необходимым перейти в наступление на Западе не позже чем в середине ноября 1939 г. и таким образом не дать союзникам усилиться, предупредить их вступление в Бельгию и Голландию и создать плацдарм для воздушного и морского наступления на Англию.

Записка Гитлера ставила решительные цели для военных действий на Западе, в ней сформулированы оперативные концепции, сложившиеся на опыте войны с Польшей. Характерно, что они были даны Гитлером совместно с ОКВ, а не главным командованием сухопутных сил, представители которого любят подчеркивать, что они являются авторами «новых методов» ведения войны. Здесь — полное единство взглядов Гитлера и генералов, общность концепции нацизма и милитаризма.

Записка, составленная в духе стратегических идей «молниеносной войны» и «борьбы на внутренних операционных линиях», не ставила ясных целей, была плодом поспешности и крайней предвзятости суждений. Недооценка возможностей Англии, отсутствие планов борьбы с ее флотом и авиацией свидетельствовали, что фашистские главарь думали лишь о том, как начать войну на Западе, но не знали, как ее кончить. Захват Бельгии и Голландии далеко не мог означать завершения борьбы на Западе, а признание возможности французского контрнаступления и отхода германской армии свидетельствовало об отсутствии твердой уверенности в конечном успехе. Именно в этой записке впервые в годы войны вводится такое понятие, как «превосходство германского

¹ Dokumente zur Vorgeschichte des Westfeldzuges 1939–1940. Herausgegeben von H.-A. Jacobsen. Göttingen, 1956. S. 11 (в дальнейшем H.-A. Jacobsen. Dokumente...).

² Там же. С. 10.

солдата». Оно фигурирует не как риторическая фраза, а материализуется, приобретает характер вполне самостоятельного фактора, способного с точки зрения гитлеровской военной концепции заменить столько-то дивизий, такое-то количество техники и позволяющее одерживать победы меньшими силами.

На основе «записки» штаб вермахта издал 9 октября «Директиву № 6 о ведении войны», которая требовала «подготовить на северном фланге Западного фронта наступательную операцию через люксембургско-бельгийское и голландское пространство», чтобы «разбить возможно большие силы французской армии и ее союзников и одновременно занять возможно большее голландское, бельгийское и северофранцузское пространство как базу для ведения воздушной и морской войны против Англии и как широкое предполье для жизненно важной Рурской области»¹.

Первый вариант оперативной директивы ОКХ, составленной в связи с директивой № 6, был готов 14 октября. Для наступления на Западе предполагалось использовать 75 дивизий. 16 дивизий оставлялось для обороны линии Зигфрида и 13 дивизий — на востоке. 19 октября Браухич подписал директиву прямого командования сухопутных сил, получившую условное наименование «Гельб».

Наступление на северном фланге должно было вести армейское подразделение N (3 пехотные дивизии), в центре — группа армий «Б» (2, 6 и 4-я полевые армии — 37 дивизий, из них 8 танковых и 2 моторизованные) и на левом фланге — группа армий «А» (12-я и 16-я полевые армии — 27 дивизий, из них 1 танковая и 2 моторизованные).

Этот первый вариант стратегического плана продолжал традиционные идеи германского Генерального штаба, сложившиеся еще задолго до Первой Мировой войны: наступать на Францию через Бельгию и Голландию,

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 147.

атакуя правым флангом. Но в 1914 г. такой удар преследовал далеко идущие цели. В октябре же 1939 г. бельгийское направление было избрано потому, что, во-первых, германские промышленники и милитаристы боялись за Рур и хотели его обезопасить от вторжения и налетов авиации, во-вторых, немецкое командование стремилось противопоставить ожидаемому наступлению союзников в Бельгию свое контрнаступление и внести разлад в их лагерь; в-третьих, захватить бельгийское побережье и создать предпосылки для дальнейшего ведения войны, перспективы и методы которой были еще не вполне ясны¹. Одновременно предполагалось усилить морскую войну против Англии.

Немцы боялись удара из Бельгии. Осенью 1939 г. союзники имели достаточно объективных возможностей, чтобы ввести свои армии в Бельгию по договоренности с ее правительством или под военным нажимом, пересечь бельгийскую территорию и Южную Голландию и форсированными маршами примерно за 3—5 суток выйти к границе Рейха где-то в районе Венло. Тогда союзные войска оказались бы примерно в 30—35 км от Рура и их авиация приставила бы меч к сердцу нацистской военной экономики. Гитлеровский вермахт в октябре 1939 г. еще не был готов к отражению такой угрозы. Не случайно ожидание активных действий союзников в Бельгии в это время приводило германские высшие командные инстанции в состояние, близкое к психологическому шоку. «Создается впечатление, — записывает Гальдер 3 ноября, — что каждая группа армий ожидает максимума вражеских контрмер в своей полосе»². Оперативные расчеты

¹ На дальнейшие планы, имевшиеся в то время у Гитлера, некоторый свет проливает его беседа с Браухичем и Редером в рейхсканцелярии 16 октября 1939 г., в ходе которой Гитлер высказал мнение, что вступит в переговоры с западными союзниками после того, как одержит над ними военную победу (Fall Gelb... S. 27).

² Дневник Гальдера, запись 3 ноября 1939 г.

Генерального штаба сухопутных сил в сентябре — октябре базировались на предпосылке, что в случае вступления союзников в Бельгию окажется необходимым перейти в контрнаступление, которое или может увенчаться успехом, или будет неудачным.

Итак, на ранней стадии подготовки западного похода германские высшие штабы не ждали благоприятного развития событий. Но приказ о переходе в наступление был отдан и дата готовности назначена — 12 ноября 1939 г.

Важно выяснить, чем объясняется, что директива от 9 октября была вскоре отменена и начался длительный процесс составления новых стратегических планов, завершившийся лишь к весне 1940 г.; почему требование Гитлера о переходе в наступление осенью 1939 г. не было выполнено и вторжение началось только в мае 1940 г.

Обширная военно-историческая литература, вышедшая на Западе, дает в общем следующие ответы на эти сложные вопросы. Причиной отмены первоначального срока наступления на Западе и перенесения его на весну 1940 г. послужило неблагоприятное состояние погоды и дорожных условий, а также появление нового плана войны на Западе, составленного тогдашним начальником штаба группы «А» генералом Манштейном — «лучшим оперативным умом» германского Генерального штаба. Лишь отдельные авторы объясняют перенос германского наступления на весну 1940 г. необходимостью лучшего технического оснащения вермахта.

Подобные объяснения слишком поверхностны и односторонни. Западногерманские авторы явно не хотят раскрывать более глубокие причины полной отмены первоначального плана и срока вторжения, ибо это, с их точки зрения, может повредить ревностно оберегаемому ими престижу гитлеровского вермахта и Генерального штаба.

Настоящий ответ на поставленные вопросы следует искать во внутреннем положении Германии и в состоянии ее вооруженных сил осенью и зимой 1939/40 г.

3

Срок вторжения во Францию был отодвинут на весну 1940 г. прежде всего из-за неготовности германских вооруженных сил к «большой войне» с Францией и Англией.

Узкие места военной экономики Германии и подготовки вермахта стали тревожить фашистское руководство впервые именно сейчас, в октябре 1939 г., когда армия стояла перед перспективой столкновения с великими державами. Германские генералы привыкли захватывать страны, не выпуская из орудий ни одного снаряда или расходуя один боекомплект. Но теперь, когда мало кто надеялся на легкую победу, штабам пришлось заняться детальным подсчетом ресурсов. Итог оказался неутешительным. Генерал Йодль, характеризуя состояние военного производства, 4 октября 1939 г. пришел к выводу, что «надвигается кризис худшего рода»¹. Спустя четыре дня он докладывал начальнику Генерального штаба сухопутных сил, что обеспечить боеприпасами можно лишь примерно одну треть дивизий на 14 дней боя². Геринг в начале октября откровенно заявил о невозможности немедленного наступления³. Подводя итог совещаниям командования сухопутных сил с командующими армиями, Гальдер в начале ноября 1939 г. резюмировал: «В настоящее время наступление с далеко идущими целями еще не может быть проведено... части еще не сколочены. Местами имеется значительный некомплект офицерского состава... будет ощущаться недостаток в самом существенном». Главный результат этих совещаний сводился, по словам Гальдера, к следующему: «Ни одна высшая командная инстанция не рассматривает наступление,

¹ Дневник Гальдера, запись 4 октября 1939 г.

² Там же, запись 8 октября 1939 г., а также Fall Gelb... S. 20.

³ Там же, запись 4 октября 1939 г.

о проведении которого ОКВ отдало приказ, как обещающее успех. От этого наступления нельзя ожидать какого-либо решающего успеха, который мог бы оказать существенное влияние на развитие операций на суше»¹.

Эти слова отражали действительное положение вещей.

Послевоенные исследования подтверждают, что осенью 1939 г. вермахт не был вполне готов к длительной войне. Армии требовалось больше дивизий, особенно танковых и моторизованных. Танковые дивизии были оснащены главным образом легкими танками, а машин типа Т-III и Т-IV имелось мало. В дивизиях не хватало до 50 % автомобилей. Трудности в моторизации могли быть преодолены лишь в начале 1940 года². Не хватало обученных кадров резерва. Железные дороги не справлялись с переброской войск. Промышленность выпускала лишь около 50 % требуемых для вооруженных сил стали, меди, алюминия. Западногерманский исследователь истории германской армии Б. Мюллер-Гиллебранд³ пишет: «В целом состояние материально-технической базы почти во всех областях было неудовлетворительным». Формирование новых соединений крайне затруднялось недостатком вооружения и боеприпасов⁴. Уве-

¹ Там же, запись 3 ноября 1939 г.

² Fall Gelb... S. 19.

³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. II. С. 51.

⁴ По данным начальника вооружений Томаса, если принять запасы боеприпасов, имевшиеся в вооруженных силах к 1 мая 1940 г., за 100 %, то в октябре картина была такой:

пистолетные патроны	— 53 % (70)
винтовочные патроны	— 30 % (60)
20-мм выстрелы	— 47 % (70)
выстрелы для полевых гаубиц	— 25 % (60)
выстрелы для 100-мм пушек	— 38 %
выстрелы для 150-мм пушек	— 20 %
50-кг авиабомбы	— 51 %
250-кг авиабомбы	— 65 %
37-мм выстрелы ЗА	— 10 %
88-мм выстрелы ЗА	— 10 %.

В скобках указано состояние к началу войны (Fall Gelb... S. 19).

личение военного производства лимитировалось недостатком сырья и производственных мощностей. Промышленность не могла полностью выполнить заявки вооруженных сил. Она не оправлялась с заказами вермахта на прокат, суживая тем самым выпуск основных видов военной техники. Положение с боеприпасами после сентябрьской кампании, согласно выводу Б. Мюллера-Гиллебранда, было неудовлетворительным¹. Особые трудности возникали в связи с недостатком вооружения.

Данные советского экономиста И. М. Файнгара показывают, что военное производство Германии в первые месяцы войны было развито недостаточно. Он пишет: «В 1939 г. стоимость военной продукции составляла всего 9–10 млрд марок, или около 8 % стоимости всей промышленной продукции. На предприятиях по производству военной продукции в начале войны было занято около 2,5 млн рабочих и служащих, что составляло менее 10 % общего числа занятых в стране и 25 % занятых в промышленности»².

Все это проливает свет на одну из важнейших причин, усиливших осенью 1939 г. колебания германских генералов при решении вопроса о немедленном переходе к активным действиям на Западном фронте. Требовалось время, чтобы в какой-то мере улучшить общее состояние вооруженных сил и подготовить их к серьезной войне, ожидавшейся на Западе.

Но не только состояние материально-технической базы вооруженных сил внушало тревогу фашистской военной верхушке. Еще больше опасений вызывало у нее в осенние дни 1939 г. моральное состояние различных слоев германского народа и некоторой части личного состава вооруженных сил. В стране и армии обнаруживалась пассивность, напоминающая порой антивоенные тенденции. Это не был, конечно, в своей массе открытый протест

¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. II. С. 67.

² Файнгар И. М. Очерк развития германского монополистического капитала. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 279–280.

против войны, но это было молчаливое недовольство определенных кругов населения, стремление к локализации войны, отсутствие энтузиазма, который старалась вызвать нацистская пропаганда и который был столь необходим фюреру и его военным сановникам для уверенного ведения войны на Западе. Гитлер заявил 4 октября 1939 г., что солдаты не следуют за ним¹. Он имел основания для такого вывода, тем более что именно осенью увеличились случаи антифашистских выступлений против вооруженных сил, как извне, так и внутри самой армии. Эти выступления выражались в саботаже, порче оружия и других активных действиях, направленных против военной системы Третьего рейха. 5 ноября Гитлер в беседе с Браухичем в рейхсканцелярии открыто заявил, что армия не хочет драться, что в ней наблюдаются картины, «подобные тем, что были в 1917–1918 гг.», и что «имеются примеры недисциплинированности, какие мы знаем в 1917–1918 гг.»². Итак, аналогия с известными революционными выступлениями заключительного периода Первой Мировой войны. В устах Гитлера это особенно знаменательно! Оба пришли к заключению, что пехота в своих действиях во время Польской кампании не достигла уровня 1914 года³.

Согласно секретным официальным статистическим данным, опубликованным германским верховным главнокомандованием в 1940 г., количество случаев государственной измены, выступлений против вермахта, «разложения вооруженных сил», порчи оружия, совершенных как гражданскими лицами, так и военнослужащими, в начале войны, и особенно в 1940 г., по сравнению с предшествующими годами резко возросло. Вот данные о росте числа осужденных в 1938–1940 гг. именно за эти «преступления» (в скобках — в том числе военнослужащих)⁴:

¹ Дневник Гальдера, запись 4 октября 1939 г.

² Там же, запись 5 ноября 1939 г.

³ Fall Gelb... S. 46.

⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 100, л. 46.

1938 г. — 2021 (63)

1939 г. — 2024 (158)

1940 г. — 3549 (175)

Количество смертных приговоров, вынесенных военнослужащим вермахта, за тот же период было следующим: в 1938 г. — 17, в 1939 г. — 59, в 1940 г. — 52. К каторжным работам за те же «преступления» были приговорены в 1939 г. — 172 человека, в 1940 г. — 315 человек, к тюремному заключению соответственно 299 и 655 человек.

Учитывая, что гитлеровцы еще задолго до войны завершили всестороннюю «чистку» страны, уничтожили и посадили в концлагеря даже мало-мальски несогласных с режимом, что вся страна была опутана сетью шпионажа и подавлена неслыханным террором, что армия подчинялась жестокой дисциплине в прусском духе, следует признать, что рост количества антигитлеровских выступлений в 1938—1940 гг., особенно в армии, представлял собой серьезное явление. Это значило, что даже свирепая сила гитлеровского режима сломала не всех и что даже в вермахте имелись люди, готовые бороться, рискуя жизнью.

В архивах бывшей гитлеровской армии находится несколько чрезвычайно интересных документов, содержащих статистические данные о числе приговоров за активные выступления против гитлеровского вермахта лиц различной национальности в 1938—1940 гг. Вот эти данные¹:

Национальность	Количество людей		
	в 1938 г.	в 1939 г.	в 1940 г.
Немцы	1150	1181	1592
Чехи и словаки	246	174	155
Поляки	119	263	593
Французы	72	38	161

¹ Там же, оп. 725168, д. 405, л. 81; оп. 725109, д. 100, л. 46.

Отсюда виден значительный рост активных выступлений антифашистов различных стран против гитлеровской армии. Их количество возрастало после захвата гитлеровцами того или иного из европейских государств и особенно увеличилось после начала мировой войны. Показательно, что на первом месте в эти годы стояли германские антифашисты. Это были плоды героической деятельности прежде всего германских коммунистов, мужественно боровшихся, невзирая на постоянную угрозу расправ, против гитлеровского государства и его военной машины.

Исследователь антифашистского движения сопротивления в Германии Вальтер Шмидт, характеризуя работу Компартии Германии в рассматриваемый нами период, пишет: «С началом мировой войны... Центральный комитет Коммунистической партии Германии развернул большую работу по мобилизации немецких коммунистов и всех других антифашистов и призвал их: проявите теперь наивысшее мужество и решимость! Все силы против врага в собственных странах! Саботируйте военную продукцию и армейскую машину! Развивайте наивысшую индивидуальную инициативу! Братайтесь с трудящимися и солдатами других стран!»¹.

Активная деятельность этих групп вызывала тревогу правящих кругов. В отчетах гестапо сохранились данные о раскрытых фактах подпольной работы берлинских коммунистов и социал-демократов. Из «ежемесячной статистики» о нелегальной деятельности коммунистов и социал-демократов, которую берлинская государственная полиция представила за январь 1940 г., видно, что в течение этого месяца за коммунистическую и социал-демократическую деятельность в Берлине было арестовано 47 человек, захвачено 13 брошюр и 436 листовок, перехвачено 123 письма. В феврале — аналогично 44 чело-

¹ *Schmidt Walter. Damit Deutschland lebe. Ein Quellenwerk über die deutschen antifaschistischen Widerstandskampf 1933—1945. Berlin, 1958. S. 689—690.*

века, 3 брошюры, 27 листовок, 68 нелегальных почтовых отправлений, в марте — 11 человек, 8 брошюр и 149 листовок¹.

Мы приходим к общему выводу, что отмена первоначального срока наступления на Западе (осень 1939 г.) и перенесение его на весну 1940 г. произошли в результате следующих причин:

1. Неготовности германских вооруженных сил в военно-техническом и численном отношении для войны против коалиции государств Западной Европы.

2. Наличия антивоенных тенденций среди некоторых слоев народа и некоторого роста антифашистской борьбы в вооруженных силах, что заставило гитлеровскую верхушку усомниться в моральной готовности вооруженных сил к очередной агрессии.

3. Недостаточно благоприятные условия погоды для использования бронетанковых соединений. Этот фактор имел все же второстепенное значение. Гитлер за период с 5 ноября 1939 г. до 8 мая 1940 г. 29 раз назначал и отменял наступление. Ссылка на плохую погоду превратилась у Гитлера в предлог для того, чтобы откладывать наступление до весны 1940 г., не выражая открыто согласия с ОКХ по поводу действительных причин отсрочки².

Все эти обстоятельства в решающей степени определили как половинчатый характер октябрьского плана наступления, так и его отмену и длительный процесс подготовки вторжения, затянувшийся на 8 месяцев.

Однако только политика «странной войны», проводимая правящими кругами Англии и Франции, позволила Гитлеру и его клике так свободно распоряжаться временем и существенно улучшить свои дела.

¹ *Schmidt Walter*. Damit Deutschland lebe. Ein Quellenwerk über die deutschen antifaschistischen Widerstandskampf 1933—1945. S. 691.

² Якобсен считает, что, кроме того, неоднократная отсрочка и отмена приказов служила цели держать войска в постоянной боеготовности (см.: *Fall Gelb...* S. 51, 141).

Германское командование осенью имело основания предполагать, что англичане и французы, обнаружив начавшуюся переброску дивизий вермахта с востока на запад, не станут ждать, пока немцы окончат сосредоточение и подготовку к новому удару, что они поймут несбыточность своих политических иллюзий и первыми атакуют превосходящими силами. Переход союзников в октябре 1939 г. к активным действиям через Бельгию, их удар на Рур, атака с воздуха других германских промышленных центров и железных дорог, блокирование германского побережья с моря, возможно, создали бы предпосылки для изменения хода войны на Западе. Мы видели, какую тревогу вызывала в германских штабах перспектива англо-французского наступления.

Но, как вскоре стало ясно, и этот последний на данном этапе войны, самый выгодный шанс использован не был. Союзные армии в наиболее трудные для гитлеровцев недели продолжали бездействовать на позициях, теряя время. Уже к середине ноября положение стало меняться. Германское руководство убедилось, что все опасения напрасны и что ожидать удара союзников не приходится ни в Бельгии, ни на любом другом участке фронта. Гитлер и его генералы, осведомленные из различных источников об англо-французских намерениях, поняли, что Англия и Франция продолжают свою игру, начатую 3 сентября, что они не сделают выстрела до тех пор, пока немцы первыми не нажмут курок. Это еще раз подтверждало, что инициатива добровольно и безраздельно отдана фашистам, что нет никакой угрозы Руру, что можно располагать таким количеством времени для подготовки сокрушительного удара на Западе, какое потребуется. Надо только самим до поры до времени не стрелять и вести всю подготовку достаточно скрытно, предоставляя союзников их политическим иллюзиям. Это значило, наконец, что, поскольку Руру опасность не грозит, можно подумать об изменении первоначального варианта плана войны, отказаться, если будет целесообразно, от удара на северном фланге и нанести его с гораздо большим эффектом где-нибудь южнее, одновре-

менно создавая иллюзии удара на севере. Иными словами, теперь постепенно исчезала скованность, была получена свобода действий и выбора нового направления главного удара. Инициатива переходила без выстрела в руки Гитлера и его военного командования.

Таким образом, политика «странной войны», проводимая английскими и французскими правящими кругами, лидеры которых все еще не теряли надежды на соглашение с Германией за счет СССР, позволила Гитлеру и вермахту выиграть драгоценное для них время и преодолеть кризис.

С ноября 1939 г., когда был отменен первоначальный срок германского наступления, начинается основная работа по детальному усовершенствованию всех планов и всего аппарата вторжения.

Призыв военнообязанных рождения 1919 и 1920 гг., проведенный сразу же после польского похода, и передача из армии резерва в действующую армию солдат 1918 г. рождения, призванных еще в начале войны, позволили гитлеровцам к марту 1940 г. увеличить действующую армию с 2,76 млн человек до 3,3 млн человек, а армию резерва — до 850 тыс. человек и сформировать 27 новых пехотных дивизий. Для подготовки офицерского состава были открыты многочисленные краткосрочные курсы. Гитлер настоятельно требовал удвоить количество танковых соединений, хорошо зарекомендовавших себя в Польше. К весне 1940 г. армия уже имела не 5 танковых дивизий, а 10, из которых 4 были переформированы из легких дивизий. Танковый парк пополнился средними танками Т-III и Т-IV. Это видно из следующих данных¹:

Тип танка	Количество	
	на 1 сентября 1939 г.	на 10 мая 1940 г.
Т-I (легкий)	1445	523
Т-II (легкий)	1223	955
Т-III (средний)	983	49
Т-IV (средний)	211	278

¹ Fall Gelb... S. 197, 198.

Однако ввиду общего недостатка танков пришлось состав танковых дивизий значительно уменьшить. Если к 1 сентября 1939 г. в пяти танковых дивизиях насчитывалось 3200 танков и бронемашин, то к 10 мая в 10 танковых дивизиях было только 2580¹. Накануне западного похода танковые дивизии не имели единой организации и насчитывали от 150 до 300 танков каждая. Общий танковый парк несколько возрос за счет использования трофейных чешских машин (имелось 143 танка Т-35 и 238 Т-38)².

Необходимо было дальше развертывать военную экономику. Германские сырьевые ресурсы, особенно запасы нефти и цветных металлов, оставались весьма ограниченными. Возникла трудность в создании запаса вооружения. Из-за недостатков в руководстве военной экономикой в декабре 1939 г. было ликвидировано управление Генерального уполномоченного по военной экономике. Его функции передавались государственному уполномоченному по «четырёхлетнему плану» Герингу. В марте 1940 г. было создано министерство вооружений и боеприпасов. К началу западного похода объем выпуска военной продукции по ряду показателей несколько возрос по сравнению с началом войны. Рост производства вооружения с 1939 по 1940 г. составил примерно 54 %. В 1939 г. на производство вооружения приходилось 9 %, а в 1940 г. около 16 % всего промышленного производства³.

В январе 1940 г. началось выполнение новой программы усиления артиллерии. Было сформировано 9 моторизованных и 6 частично моторизованных дивизионов тяжелой артиллерии, в том числе трофейной чешской; поставлено в строй 60 трофейных польских батарей; началась подготовка к выпуску шестиствольных миноме-

¹ Fall Gelb... S. 199.

² Там же. С. 198; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. II. С. 144.

³ Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 42.

тов. В феврале значительно увеличился выпуск боеприпасов, было налажено производство штурмовых орудий и различных образцов усовершенствованной техники (мостовых танков, самоходных орудий на базе танка Т-1, самоходных противотанковых пушек, огнеметов и т.д.). Расширился авиационный парк. Самолеты получили «воющие сирены». Развернулась подготовка новых авиадесантных частей. Ко второй половине марта несколько разрядилось трудное положение с автотранспортом. Из народного хозяйства было дополнительно мобилизовано 16 тыс. автомашин¹. В Чехословакии конфисковано также 16 тыс. автомашин².

Чрезвычайно характерным и существенным является тот факт, что в подготовке германской военной экономики для войны против Франции приняли участие и французские капиталисты, не порвавшие своих связей с немецкими монополиями. Так, в середине ноября 1939 г. германские эшелоны ежедневно вывозили из Люксембурга 1000 т руды. Торговля велась через посредство люксембургских «нейтральных» фирм «Арбед» и «Гадир», находившихся под контролем французских концернов. Фирма «Арбед» зависела от французского пушечного короля «Шнейдер», а «Гадир» — от могущественной французской стальной и промышленной группы. Тем самым французские капиталисты способствовали вооружению гитлеровцев³.

Меры, принятые фашистской верхушкой осенью 1939 г. и зимой 1939/40 г., дали результаты. Армия, и особенно военно-воздушные силы, возросли численно, удалось несколько расширить производство вооружения, боеприпасов и автотранспорта и частично реорганизовать систему руководства военной экономикой.

Наряду с этим руководство Третьего рейха принимало самые энергичные меры, чтобы ликвидировать тревожные

¹ Fall Gelb... S. 195.

² Там же. С. 196.

³ Hass Gerhart. Der komische Krieg in Westeuropa. S. 60.

симптомы недовольства политикой и полностью искоренить «подрывную деятельность» в вооруженных силах. После окончания военных действий на востоке в армии, авиации и флоте усиливается идеологическая обработка личного состава, возрастают репрессии, еще больше укрепляется аппарат насилия. На первом месте стояло, как и всегда в фашистском государстве, принуждение и устрашение. Солдатам грозили самыми жестокими расправами за любой проступок, в котором можно было бы заметить следы политического инакомыслия. Для надзора за настроениями в армии была введена тайная полевая полиция, получившая широкие права и полномочия. Ее агенты, одетые в полевую форму войск, держали в поле зрения всех и вся, и горе тем, кого они могли заподозрить в нелояльности. Главное командование вермахта издало 19 декабря 1939 г. приказ под названием «Оборона от шпионажа, саботажа и политического разложения в вермахте»¹, которым открыло в вооруженных силах кампанию борьбы с «враждебной агентурой». Эта кампания усиливала истерию подозрительности, направляла мысли и действия людей в нужное для нацистов русло, натравливая их, в частности, на иностранцев, объявлявшихся главными врагами государства и «агентами Коминтерна». Немалую роль в усилении террора в вооруженных силах сыграла директива «фюрера и верховного главнокомандующего» от 11 января 1940 г., озаглавленная «Важные соображения по контрразведке»². Угроза и важные откровения звучали в следующих вводных словах директивы: «Было установлено, что решающие мероприятия государственного и военного руководства стали преждевременно известными врагу. На основе приказа фюрера и верховного главнокомандующего вермахта необходимо настойчиво разъяснить еще раз всем

¹ Этот приказ (№ 3145/12.39) представлял собой несколько измененный вариант аналогичного приказа, отданного в апреле 1939 г. (№ 300 от 14. 1939 г.).

² Архив МО СССР, ф. 6593, оп. 725109, д. 100, л. 1—47.

офицерам, военнослужащим и лицам, владеющим военной тайной, что случаи любого вида государственной измены, а также каждого нарушения приказов о сохранении тайны повлекут за собой крайние последствия»¹. Далее в директиве настолько подробно регламентировались режим работы и нормы поведения военнослужащих, что исполнение всех ее параграфов и пунктов не могло не превратить офицера вермахта в автомат, в трепещущее перед начальниками и тайной полицией молчаливое существо; а это, собственно, и нужно было гитлеровской верхушке.

Наряду с увеличением репрессивных мер осенью 1939 г. в вооруженных силах развернулась широкая «воспитательная работа». Она имела целью окончательно замкнуть духовный мир каждого надевшего униформу немца в истинах нацистского кодекса веры, убедить в правоте фюрера и его идей, затмить рассудок оголтелой пропагандой и самой низкопробной пошлятиной, подаваемой под видом искусства для армии.

Тон в пропагандистской кампании задавал сам Гитлер. 23 ноября 1939 г. он произнес речь в имперской канцелярии перед высшими генералами. Эта речь должна была окончательно убедить вермахт в неизбежности для «немецкой судьбы» победоносной войны против Франции и Англии, укрепить «моральный дух» и веру в победу на Западе. Гитлер потребовал, чтобы вся армия до последнего солдата прониклась духом истребления. «Я хочу врага уничтожить. За мной стоит немецкий народ», — иступленно выкрикивал фюрер.

Срочно созданный теперь при штабе ОКВ отдел пропаганды издал 27 января 1940 г. так называемые «материалы для духовного воспитания войск», составленные по всем канонам нацистских методов «воспитания»².

¹ Там же, л. 4.

² Materials für die geistige Betreuung der Truppe. ОКН № 218/40 (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 405, л. 45).

Осуществлять в войсках предписания этого отдела должны были вновь образованные роты пропаганды. Войскам демонстрировались фильмы о походе в Польшу, пропагандирующие бесчеловечные методы ведения войны, Резко увеличилось тиражи нацистских газет, таких как «Вермахт», полевая газета «Западный фронт», «Дас шварце Кор», «Иллюстрированная газета», пропагандирующих речи фюрера и прелести военных походов. В армии усиленно поощрялось чтение фашистской литературы. Культивировались карточные игры¹ и слушание по радио передач на политические темы. С особой энергией развернуло свою деятельность нацистское «культурно-воспитательное» общество «Сила в радости». Идеологическое развращение в фашистском духе, затемнение сознания рядового немца, ставшего солдатом, проводилось особенно широко с помощью омерзительной нацистской литературы, представлявшей собой смесь погромных воззваний, слащавого восхваления Третьего рейха и «благородных» целей войны, антисемитизма и различных «воспитательных» сентенций. Бесстыдно обманывая солдат, им внушали, что они должны сражаться не за безумные цели разбойничьей гитлеровской клики, а за «немецкую народную мощь под руководством гениального фюрера», за «сохранение жизненного пространства» и «жизни народа», против «плутократии» и т.д.² Договаривались до того, что победа фашистской

¹ Командование 4-й армии доносило в штаб группы армий «Б» 29 января 1940 г.: «Подвоз полевых книг... идет планомерно. И в 4-й армии выделено войскам 335 полевых библиотек... В течение января командование армии получило и выдало подчиненным войскам: 30 000 комплектов игральные карты, 3900 шашек, 2855 губных гармоник». (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 405, л. 38, 39).

² *Landes. Wofür kampf der deutsche Soldat?* Berlin, 1940. S. 1 – 32.

Германии будет означать «свободное развитие европейской культуры после войны»¹.

Одновременно солдатам и офицерам фашистского вермахта, особенно на Западном фронте, профессора и доценты истории, геополитики, права и социологии Кельнского университета читали лекции на общественно-политические и социальные темы. Вот темы этих лекций: «Колонии — вопрос судьбы немецкого народа», «2000 лет борьбы германизма на Востоке», «Когда говорит оружие», «Германизм в Польше», «Фюрер и его дела», «Немецкие мужчины, немецкая история», «Мир вокруг Германии» и другие². В феврале 1940 г. Геринг издал особый приказ, в котором были такие слова: «...на основе измененных политических обстоятельств нет больше сомнений в необходимости пения песни “Мы хотим победоносно разбить Францию”»³.

Безудержная, не знающая никакой меры пропагандистская кампания захватила всю печать. Пропагандировались «цели войны». «Они хотят, — писала газета «Дас шварце Кор» про западные державы, — вторым еще более ужасным Версалем окончательно уничтожить наш рейх и наш народ... Они хотят, чтобы голодали наши жены и дети»⁴.

Развращающая пропаганда парализовала умы и волю людей, заражала их ядом фашизма.

Таким образом, период «странной войны», использованный главарями германского фашизма для нового развертывания военного производства, усиления вермахта и пропаганды среди солдат и населения, был решающим для дальнейшего развития гитлеровской военной агрессии

¹ *Dickmann*. Deutschland wird siegen. Erfurth, 1940. S. 14.

² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 405, л. 150, 190.

³ Там же, оп. 725109, д. 190, л. 151.

⁴ ЦГАОР, ф. 21, д. 2721, лл. 24, 80, 85.

в Европе. Он был пагубным прежде всего для Франции и Англии, которые могли, используя относительную слабость и временные колебания фашистов, направить ход войны по иному пути. «...Немецкий вермахт, — писал в 1955 г. бывший гитлеровский фельдмаршал Кессельринг, — в 1939 г. не обладал тем уровнем вооружения, который необходим для войны. Трудно сказать, где по своим последствиям недостача военных материалов была наиболее тяжкой. Почти с достоверностью можно утверждать, что в силу недостатка в различных видах вооружения, например в силу недостатка боеприпасов, пришлось бы прервать даже многообещающий поход, пока хорошо подготовленная военная промышленность восполнила бы недостатки. К 1939 году это не относится, так как польский поход был закончен в невероятно короткое время, а Запад (Франция, Англия) к полной неожиданности проявлял спокойствие. *Тот факт, что недостаточно широко развитая промышленность и отсутствие у нее необходимых запасов смогла фактически покрыть имевшиеся недостатки в период “сидячей войны” до мая 1940 г., можно приписать лишь тому счастливому случаю, что наш западный противник проявлял полную пассивность*» (подчеркнуто нами. — Д.П.).

Англия и Франция позволили Германии подготовиться, и последняя вскоре нанесла им поражение, а затем расширила агрессию во всей Европе.

В зависимости от того, как накапливался военный потенциал и преодолевались узкие места подготовки вермахта, шел другой процесс — развития и улучшения стратегического плана войны на Западе. Чем больше германские руководители убеждались в полной бездеятельности союзников, чем больше сил чувствовали они за своей спиной, тем более активным и решительным становился план разгрома Франции.

¹ *Kesselring Albert. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955. S. 182, 183.*

По мере все большего уточнения замыслов союзного командования германская верхушка все увереннее отказывалась от главного удара на Западе северным флангом, не сулившего крупных результатов, и приходила к мысли о перемещении основных усилий на южный участок благоприятного для наступления фронта, к району Арденнских гор, с целью выхода в тыл северной группе армий союзников и ее разгрома.

После Второй Мировой войны, как уже отмечалось выше, на Западе разгорелась дискуссия об авторстве окончательного плана вторжения во Францию. В ряде работ, особенно западногерманских авторов, сквозит явное стремление противопоставить в этом вопросе Генеральный штаб Гитлеру, показать, что там, где принимались решения, выработанные Генеральным штабом, а не Гитлером, обеспечивалась победа. Впервые версию о генерале Манштейне, как единоличном авторе плана западного похода, выдвинул в книге «По ту сторону высот» (издана в 1948 г.) английский военный писатель Лиддел Гарт. Он опирался на сведения, почерпнутые из бесед с пленными немецкими генералами Рундшtedтом и Блюментриттом, которые утверждали, что «выдающийся представитель Генерального штаба» Манштейн, их ближайший соратник, занимая пост начальника штаба группы армий «А», разработал вариант нанесения удара по Франции через Арденны к побережью Атлантического океана и что удар, нанесенный в соответствии с этим планом, обеспечил полную победу над Францией.

Конечно, для нас не так уж важно, кто является автором плана «срез серпом» (как стали называть немецкий план войны на западе) — Манштейн или кто-то другой. Но тезис о единоличном авторстве Манштейна используется западногерманской историографией и пропагандой для подтверждения мысли, будто германский Генеральный штаб во Второй Мировой войне был непогрешим и там, где он проводил в жизнь свои, а не Гитлера планы, всегда одерживались победы. Называя план «Гельб» «планом Манштейна», буржуазные историки

пытаются укоренить ложную мысль, будто план, осуществление которого ввергло в пучину национальных катастроф народы Франции, Бельгии и Голландии, родился в голове одного военного, а не в мрачных недрах фашистско-милитаристской системы, что ответственность за него несет в конечном счете один человек, а не германский милитаризм в целом.

Рассматривая план только под углом зрения чисто военных аспектов, буржуазная историография затушевывает его главные — политико-экономические задачи, решение которых означало для фашистского рейха возможность дальнейшего ведения войны за мировое господство, в частности против Советского Союза. Такими задачами были: захват промышленных районов Северной Франции и Бельгии, разгром пролетарских центров и политическое обеспечение тыла для будущей антисоветской войны, захват квалифицированной рабочей силы, которая будет трудиться на войну для рейха

Решению этих задач в наибольшей степени отвечал стремительный удар на южном участке общего фронта германского наступления, а не фронтальное движение на севере против многочисленных промышленных центров, неминуемо оставившее бы от них одни развалины. Но учет этих соображений выходил за рамки компетенции какого-либо одного генерала, занимавшего к тому же пост не в главном командовании, а в штабе одной из армейских групп.

С наибольшей активностью точку зрения о том, что Манштейн явился единоличным автором плана западного похода, отстаивает... сам Манштейн. «Действительно, — пишет он в своих мемуарах, — мысли, положенные в основу этого плана, принадлежат мне»¹.

Сама по себе упорно повторяемая в западногерманской литературе мысль, будто бы автором плана вторжения во Францию был один человек, настораживает всякого непредубежденного читателя. Для современной

¹ *Manstein Erich. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 92.*

войны почти исключается возможность единоличного ее планирования, как и единоличного руководства войной. Пожалуй, «план Шлиффена» был последним из стратегических планов, который мог с какими-то основаниями быть связан с именем только одного человека — его создателя. Но с тех пор война настолько усложнилась, что разработка стратегических планов стала плодом усилий больших коллективов.

Манштейн утверждает, что он, и только он, противопоставил первоначальному плану нанесения удара на севере свой план, в основе которого лежала мысль о переносе основных усилий на южный фланг, где сильной танковой группировкой предполагалось прорваться через Арденны в общем направлении на Седан и далее к нижнему течению Соммы.

При ближайшем рассмотрении фактов оказывается, что ход планирования в различных командных и штабных инстанциях и роль в нем генерала Манштейна были иными, чем это изображается ныне военными историками Запада.

Прежде всего необходимо отметить, что Манштейн не был, как он утверждает, первым, кто обнаружил несовершенство первоначального плана войны, заключавшееся в неизбежности фронтального столкновения при нанесении удара правым флангом. Это поняли одновременно многие. Уже в середине октября 1939 г. командующий 6-й армией Рейхенау заявил генералу Боку, что возможное фронтальное столкновение на франко-бельгийской границе может привести к «проигрышу операции»¹. Такое же мнение высказал и командующий 4-й армией Клюге. Бок целиком разделял подобную точку зрения. Он писал 12 октября в ОКХ: «Наступление с предусмотренной целью не будет иметь перспектив на решающий военный успех»².

¹ Fall Gelb... S. 26.

² Там же.

25 октября во время очередной длительной беседы Гитлера с Браухичем и Гальдером в рейхсканцелярии внезапно возник вопрос, нельзя ли нанести главный удар только южнее Мааса, возможно со вспомогательной операцией против Люттиха (Льежа), чтобы, продвигаясь на запад, а потом на северо-запад, изолировать и уничтожить противника, находящегося в Бельгии или вступающего туда. Затем Гитлер высказал предположение, что следует нанести массированный удар южнее Люттиха в направлении Реймс или Амьен. На штабной карте красным карандашом он провел черту, означающую направление такого удара. Она шла между Намюром и Фюме к побережью Ла-Манша. На следующий день он повторил Йодлю, что намерен определить направление главного удара южнее Льежа, на участке 12-й армии, то есть через Арденны, чтобы прорваться в западном направлении, разбить англо-французскую армию и окружить «бельгийскую крепость» на всю глубину»¹. Началось детальное изучение новых соображений.

По существу, в этих мнениях Рейхенау, Клюге, Бока и Гитлера уже содержался новый, ставший впоследствии окончательным замысел операции, который был детально разработан позднее и на исключительное авторство которого претендует после войны Манштейн.

Высшие руководители сухопутных сил Браухич и Гальдер чрезвычайно опасались, что если создать ударную группировку в районе Арденн, то она станет объектом крупного контрнаступления французской армии, направленного из районов юго-западнее Линии Мажино в неприкрытый левый фланг немецкой армии. Такая перс-

¹ Об этом эпизоде сообщают в своих дневниках генералы Бок и Йодль. Адъютант Гальдера полковник Нольте после войны заявил, что хорошо помнит, как Гальдер, вернувшись из рейхсканцелярии (это было до 7 ноября 1939 г.), принес карту, на которой Гитлер нанес две красные черты, обозначающие направления ударов. Первая — южнее линии Льеж—Кале, вторая — Люксембург—Сомма (Fall Gelb... S. 40, 275).

пектива тревожила и штаб группы армий «А», который в связи с этим стал требовать включения в состав группы еще одной полевой армии из шести дивизий¹.

Считалось, что с началом германского наступления союзники попытаются либо сковать немцев в Бельгии и перейти в контрнаступление с юга, либо, обороняя бельгийские укрепления, осуществить контрнаступление с юга и севера, когда немецкие войска втянутся в Маасский выступ. При всех обстоятельствах наиболее опасным периодом наступления считался тот, когда войска группы армий «А» втянутся в Арденнские горы и будут служить отличной мишенью для французской авиации. В документах штаба группы он назывался «критическим моментом».

В связи с такой оценкой возможных действий союзников, характерной преувеличением силы резервов их главного командования, командование ОКХ сдержанно относилось к новым замыслам. Но если переносить направление удара к югу, на чем теперь начинал настаивать Гитлер, то штаб ОКХ приходил к выводу о необходимости приложить все силы для внезапного и быстрого продвижения через Люксембург и Арденны. Стремительный удар через Люксембург 19-го танкового корпуса, включенного в состав группы армий «А», рассматривался как лучшее средство избежать атак французской авиации в Арденнах.

Таким образом, уже в конце октября 1939 г., помимо Манштейна, ведутся оживленные дискуссии вокруг вопроса о возможном перемещении усилий к арденнскому участку фронта. Однако принятие окончательного решения в этом духе пришло не сразу. Преувеличивая опасность французского контрнаступления с юга, командование сухопутных сил продолжало в октябре — ноябре

¹ Это требование было изложено, в частности, в письмах командующего группой Рундштедта от 31 октября и 30 ноября 1939 г., в письмах Манштейна от 21 ноября и 6 декабря 1939 г.

1939 г. склоняться к плану удара северным флангом, при котором главная группировка была бы вполне обеспеченной.

Под влиянием меняющихся соображений штаб сухопутных сил издал 29 октября новую директиву «Гельб», несколько отличную от предыдущей. В новой директиве в качестве общей задачи выдвигается уже более решительная цель: объединенными силами групп армий «Б» и «А» «уничтожить противника севернее Соммы и прорваться к побережью канала»¹.

Директива от 29 октября выражала более решительные намерения германского Генерального штаба, в ней можно усмотреть мысль о прорыве к устью Соммы и атлантическому побережью. Однако и в этом варианте плана, главная группировка по-прежнему оставалась на правом фланге, в полосе группы «Б», хотя в нем заметна тенденция расширения общего фронта прорыва на юг за счет выключения из зоны боевых действий Голландии.

Таков второй вариант директивы «Гельб». Но и он оказался недолговечным. У многих, в том числе и у Гитлера, имелись сомнения в возможности стремительно продвигать танковые и моторизованные дивизии, сгруппированные на севере, через многочисленные реки, каналы и другие препятствия в Бельгии. Идея дальнейшей активизации стратегического маневра путем более смело-го перенесения главных усилий к югу, где после выхода

¹ Группа армий «Б» должна была наступать своей 6-й армией севернее Льежа в направлении Брюсселя, выдвигая танковые и моторизованные соединения на Рент, а 4-й армией — южнее Льежа по обе стороны Намюра к общей линии Нивель — Шиме. Ее подвижные соединения требовалось ввести как можно быстрее после прорыва укрепленной пограничной зоны. Последние нацеливались двумя группами в направлениях на Гент и Тюин с главной задачей «не допустить создания противником оборонительного фронта». Группа армий «А» направляла свой удар на Лаон. Сюда предполагался выход и 12-й армии (*Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 49*).

из Арденн открывались широкие возможности маневра, теперь уже «носилась в воздухе». Она подкреплялась получаемыми во все больших размерах сведениями о сосредоточении союзниками главных усилий в северных районах будущего театра военных действий.

Как свидетельствуют Йодль и Гальдер, 30 октября Гитлер высказал среди ближайших сотрудников мысль, что следует направить часть подвижных сил через Арлон на Седан, то есть на южный участок. В начале ноября по этому поводу происходил интенсивный обмен мнениями между ОКВ и ОКХ. Теперь уже для ряда инстанций германского командования становилось очевидным, что нет оснований опасаться наступления союзников через Бельгию к Руру и что поэтому совсем не обязательно привязывать главные силы к северному флангу. 31 октября 1939 г. командующий группой армий «А» Рундштедт в записке на имя Браухича предложил создать главную группировку южнее Льежа, в полосе 12-й армии, и направить ее на Аррас — Булонь, чтобы отрезать войска, которые противник бросит в Бельгию; затем, подчинив все подвижные соединения одной армии, двинуть их к Нижней Сомме¹. 5 ноября при очередном докладе Браухича Гитлеру выяснилось, что начальник оперативного отдела штаба руководства ОКВ Варлимонт также придерживается мысли о сосредоточении подвижных соединений при 12-й армии, то есть на левом фланге. 9 ноября Гитлер уже категорически приказал, чтобы «при всех обстоятельствах танковые соединения наступали в направлении Арлон — Тинтины», то есть через Арденны². В результате было решено создать в составе группы «А» в полосе 16-й армии новую группу подвижных войск. Эта группа, в которую должен был войти 19-й моторизованный корпус Гудериана в составе 2-й и 10-й танковых и одной моторизованной дивизий, а также лейбштандарта «Адольф Гитлер», получила задачу разбить

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 123.*

² Дневник Гальдера, запись 9 ноября 1939 г.

подвижные силы противника, отброшенные из Южной Бельгии, и тем облегчить наступление 12-й и 16-й армий, а также внезапно захватить в районе Седана западный берег Мааса, чем создать благоприятные предпосылки для дальнейшего развития операций¹. Итак, Арденны, считавшиеся труднопроходимыми, теперь признавались доступными для крупных танковых соединений. Правда, вновь создаваемая подвижная группа имела еще вспомогательную задачу, но все же решался вопрос принципиальной важности. Дальнейшее усиление танковой группировки, наносящей удар на южном участке фронта через Арденнские горы, становилось делом времени. Мысль о необходимости сконцентрировать основные усилия на арденнском участке фронта была еще раз вполне четко выражена Йодлем 17 ноября 1939 г. в штабе сухопутных сил, где он заявил, что на южном фланге шансов больше, поэтому уже теперь нужно готовиться к тому, чтобы моторизованные соединения передвинуть с севера на юг. ОКВ эту мысль выразил директивой от 20 ноября. Под влиянием требований Гитлера и ОКВ Браухич и Гальдер тоже постепенно стали допускать мысль о возможности удара на юге.

Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что в период с 25 октября до середины ноября различные ответственные лица, в том числе Гитлер, склонялись к мысли о нанесении удара через Арденны в направлении Седана. 20 ноября 1939 г. в директиве ОКВ № 8 о ведении войны указывалось: «...нужно принять все меры, чтобы направление главного удара операции быстро перенести из группы армий "Б" в группу армий "А", если там... можно будет достигнуть быстрейшего и большего успеха, чем в группе "Б"»².

На совещании 27 ноября в рейхсканцелярии, где присутствовали Рундштедт, Буш и Гудериан, было принято решение «сделать южный фланг общей операции сильным»³.

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente...* S. 54.

² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 151–154.

³ *Fall Gelb...* S. 66.

Во второй половине ноября — начале декабря 1939 г. высшие штабы сухопутных сил по-прежнему были полностью уверены, что союзники не начнут вторжения первыми. Не вызывал сомнения и тот факт, что с началом военных действий англо-французские армии, расположенные близ франко-бельгийской границы, двинутся в Бельгию, чтобы подкрепить бельгийские войска, стоящие на канале Альберта и южнее. Все это подтверждало мысль о целесообразности удара через Арденны¹. Однако ОКХ тормозило окончательное решение вопроса.

¹ Мы не рассматриваем здесь подробности оперативно-тактического планирования. Однако представляется важным следующий момент. В перенесении главного удара к югу существенную роль играла реальная оценка трудностей района военных действий в Бельгии и Южной Голландии: обилие водных преград. Их особенно опасалось ОКВ. 28 ноября 1939 г. последовала директива Кейтеля: «В случае если быстрый прорыв 6-й армии севернее Льежа не удастся вследствие разрушения мостов через Маас и Альберт-канал... 7-ю воздушно-десантную дивизию необходимо будет ввести еще в 1-й день наступления для другой задачи». И далее указывались три возможных варианта: а) для занятия острова Валхерен и порта Флиссинген; б) для захвата переправ через Маас между Намюром и Динаном с целью удерживать их до подхода подвижных соединений 4-й армии; в) для захвата района севернее Кариньян и северо-восточнее Седана, чтобы облегчить выход из горно-лесистой местности подвижным соединениям группы «А» (Oberkommando der Wehrmacht WFA Nr 221/39g. IMT. Vol. XXXIV. P. 161, 162). Отсюда следует, что содействие воздушных десантов признавалось существенным облегчением перехода наземных войск через водные рубежи Бельгии. Директивой Кейтеля от 11 января 1940 г. 7-й воздушнодесантной дивизии была поставлена задача «подготовиться к захвату центра крепости Голландия» (Oberkommando der Wehrmacht WFA Nr 22014/409. IMT. Vol. XXXIV. P. 795). Этим в еще большей степени облегчалось преодоление многочисленных водных преград Голландии наземными войсками.

В последних числах декабря в штабе сухопутных сил появилось новое соображение. Необходимость маскировки и дезинформации союзников привела к мысли, что с самого начала операция не должна иметь ясно выраженного направления главного удара. Оно будет определено после первоначальных успехов. В зависимости от обстановки усилия будут сосредоточены в одной из двух групп армий или на их внутренних флангах за счет быстрого ввода сильных резервов¹. Эта мысль была выражена в новом варианте директивы «Гельб», изданной 30 января 1940 г.²

Половинчатое решение не могло существовать долго. Сама логика вещей подводила германское командование к дальнейшему усилению южного фланга и окончательному перенесению основной группировки в группу армий «А». Не оставалось сомнения в желании союзников в случае удара немцев двигать свои главные силы в Бельгию, оставив против арденнского участка фронта лишь слабое прикрытие. Нужно было укрепить союзников в их решении сосредоточивать усилия на севере, создать впечатление, что немецкая главная атака пройдет через Бельгию, а самим нанести удар на участке Арденн, в тыл основной англо-франко-бельгийской группировке.

Осведомленность немецко-фашистского командования о группировке и намерениях союзников все больше утверждала его в мысли переместить усилия на южный участок. Немецкая разведка не только знала о француз-

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 25.*

² Хотя директива не содержала ясных указаний о направлении главного удара, но все же в ней преобладала идея сосредоточения усилий против Арденн. Перед фронтом группы армий «А» требовалось создать «группу подвижных сил» и направить ее через Арлон – Тинтины на Седан. Одновременно на группу армий возлагалась обязанность предусмотреть усиление подвижной группировки резервом ОКХ — 14-м моторизованным корпусом в составе одной танковой и трех моторизованных дивизий.

ских планах войны, но установила, что, после того как осенью 1939 г. союзные армии сосредоточились на севере, они не произвели никаких перегруппировок и впредь менять свои планы не собираются. Это было неоднократно проверено путем ложных тревог и тщательного сбора сведений. Действительно, как уже известно, после утверждения «плана Д» в ноябре 1939 г. союзное командование не разрабатывало каких-либо принципиально новых соображений о ведении войны с Германией и переключило немало усилий на подготовку военных действий против СССР.

Все эти обстоятельства, включая уже отмеченное выше укрепление вермахта, проведенное за месяцы «странной войны», создавали для немцев самые благоприятные перспективы удара в неожиданном для союзников направлении. Французы ожидали главного удара севернее Намюра — гитлеровское командование должно было нанести его южнее Намюра. Французы считали Арденны непроходимыми для крупных танковых соединений — все больше немецких командиров приходило к выводу, что горы могут быть преодолены при соответствующей подготовке войск.

Фашистская военная верхушка подходила к окончательному решению. Утрата нескольких оперативных документов под Мехельном, которая дала Гитлеру, ОКВ и ОКХ основания предполагать, что союзному командованию стали известны германские планы, сыграла роль ускоряющего фактора.

Военные совещания, беседы и штабные игры первой половины и середины февраля 1940 г. завершили процесс германского планирования. В начале февраля обсуждаются уже частности. Что же касается целого, то к этому времени план нанесения удара через Арденны сложился настолько, что оставалось лишь рассчитать силы и сформулировать его в виде оперативной директивы.

Но какова роль Манштейна в составлении этого плана?

Генерал Манштейн был в числе тех, кто также пришел к выводу о целесообразности нанесения главного

удара через Арденны силами группы армий «А». Занимая должность начальника штаба этой группы и руководимый честолюбием, он не ограничился общими предложениями, а облек их в форму некоторых оперативных расчетов, так как по должности располагал необходимыми данными. Свои докладные записки Манштейн направлял Браухичу, у которого они до поры до времени не находили особого сочувствия. Главнокомандующий сухопутных сил, как мы знаем, склонялся к более осторожным действиям и не сразу согласился с ударом через Арденны. Лишь 17 февраля 1940 г., будучи на приеме у Гитлера в числе пяти генералов, назначенных на должность командиров корпусов, Манштейн получил возможность изложить фюреру основные положения своего плана. Взгляды совпали. Однако ничего принципиально нового Манштейн дать уже не мог. Все было решено до него. На следующий день из ОКВ было еще раз подтверждено, что замысел действий должен состоять в том, чтобы с самого начала выйти в тыл северофранцузской укрепленной линии. Теперь эти слова звучали как приказ. К 24 февраля был разработан и утвержден новый вариант директивы «Гельб». Планирование западного похода завершилось.

Итак, замысел нанесения главного удара через Арденны на Седан и далее к устью Соммы складывался почти одновременно у ряда наиболее ответственных руководителей верховного командования вооруженных сил, в высших штабах примерно в конце октября — начале ноября 1939 г. В выработке этой идеи участвовали по меньшей мере Гитлер и его политическое окружение, генералы Кейтель, Йодль, Рундштедт, Варлимонт, Буш, Рейхенау, Клюге. Среди них видное место занимал Манштейн, настойчиво добивавшийся перенесения главного удара из группы «Б» в группу «А», что в случае успеха сулило ему личную славу.

Но, может быть, Гитлер, Йодль и другие еще в октябре узнали о замыслах Манштейна и разрабатывали свои мнения на основе этих замыслов? Такое предполо-

жение не подтверждается. Первые наброски варианта нового плана созрели у Манштейна, как он сам свидетельствует, между 21 и 30 октября 1939 г. Гитлер мог узнать о них либо от штаба сухопутных сил, куда Манштейн обратился впервые 31 октября, либо от своего шеф-адъютанта Шмундта. Точно установлено — и это признают западногерманские историки, — что ОКХ не докладывало Гитлеру писем Манштейна, а Шмундт в это время находился в поездках по другим участкам фронта. В журнале боевых действий штаба группы «А», который вел капитан Энгель, имеется запись от 4 февраля 1940 г. Из нее следует, что в этот день приехавший в штаб группы Шмундт долго беседовал с генералами Рундштедтом, Манштейном и Блюментриттом. Выйдя из комнаты, где проходила беседа, он сообщил Энгелю, что обнаружил у Манштейна «ту же самую концепцию, которую высказывал фюрер»¹. Следовательно, Гитлер мог узнать о замысле Манштейна не ранее чем в начале февраля 1940 г., то есть тогда, когда работа над планом западного похода уже была завершена. Более того, в заметках для журнала военных действий ОКВ, которые вел майор Дейле, отмечалось в конце сентября 1939 г.: «С самого начала мыслью фюрера было не повторять план Шлиффена, а, обеспечивая сильное прикрытие с юга, наступать через Бельгию — Люксембург... и достигнуть побережья канала»².

Мы приходим к следующим выводам. Весь процесс планирования западного похода — еще один пример единодушия и взаимопонимания германских генералов и Гитлера в подготовке нового агрессивного похода.

Разрабатывая планы агрессии против народов Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, германские генералы руководствовались теми же идеями и намерениями, что и фюрер, ход их мыслей в целом совпадал с мыслями фашистской политической верхушки рейха.

¹ Fall Gelb... S. 113.

² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 22.

Милитаризм и нацизм сплелись в единый узел, и отделить друг от друга их было невозможно. Манштейн разрабатывал тот же самый план удара через Арденны, побуждаемый, как уже отмечалось, личными мотивами. Оперативные разработки Манштейна были в определенной мере использованы при составлении окончательного варианта «плана Гельб» и тем самым повлияли на него. Но остается фактом, что план агрессии против Франции и ее союзников не являлся «планом Манштейна». Он был планом многих, а в целом — германского милитаризма и нацизма, сил, столь враждебных народам Западной Европы.

Таким образом, концепция современной буржуазной историографии о так называемом «плане Манштейна», ставшая традицией во всей западной военно-исторической литературе, является искусственной. Она преследует цель преувеличить роль германского Генерального штаба во Второй Мировой войне, доказать, что между Гитлером и Генеральным штабом были разногласия, а также убедить всех, будто в случаях, когда германский Генеральный штаб действовал самостоятельно, без вмешательства Гитлера, он обеспечивал победу вермахта над любым противником. Это нужно современным западногерманским милитаристам для утращения своих нынешних союзников по агрессивным блокам, для того чтобы добиться руководящей роли в этих блоках.

План «срез серпом» был военно-политическим планом германского фашизма, направленным на удушение народов Западной Европы. Удар на юге позволял нацистам не только выйти в тыл главной группировки союзников, что с военной точки зрения было рационально, но и захватить с наименьшими разрушениями индустриальные районы Северной Франции и Бельгии, чтобы поставить их на службу дальнейшей агрессии; разгромить пролетарские центры обеих стран, быстро занять северо-западный угол европейского континента, превратив его в военно-воздушную и военно-морскую базу против Анг-

лии, Северной Европы и в тыловое прикрытие при нападении на Советский Союз.

Недостатки этого плана, безудержно расхваливаемого многими зарубежными авторами, видны невооруженным глазом.

Целесообразный удар на юге был в тех условиях настолько очевиден, настолько подсказан самими союзниками, открывшими многие свои главные карты, что трудно не прийти к выводу, что этот план не выделялся из ряда других оперативных планов, составлявшихся германским Генеральным штабом во Второй Мировой войне, и, уж конечно, не был отмечен печатью гения. В своем месте мы еще вернемся к недостаткам этого плана, которые вскрылись в ходе войны.

Окончательный вариант плана войны сложился на основе всех рассмотренных выше соображений. Он был сформулирован в директиве от 24 февраля 1940 г.

Директива предусматривала наступление на Западном фронте силами 136 дивизий (119 пехотных, 10 танковых, 7 моторизованных). Главный удар наносила южнее линии Льеж—Шарлеруа группа армий «А» силами 45 дивизий (7 танковых и 3 моторизованные)¹. Группа армий «Б» в составе 29¹/₂ дивизий (3 танковые и 2¹/₂ моторизованных), наступающая севернее этой линии при поддержке 2-го воздушного флота, получила задачу прорвать бельгийские пограничные укрепления, устранить непосредственную угрозу Рурской области из Северо-Восточной Бельгии и оттянуть на себя возможно больше англо-французских сил. Войска группы должны были возможно быстрее занять Голландию и тем ликвидировать связь между голландской армией и бельгийско-английскими силами, которые, в чем не сомневалось германское командование, двинутся ей на помощь. Захват голландского побережья, раньше чем это смогут сделать английские десанты, также входил в задачу группы армий «Б».

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 64.*

Вторжение в Голландию возлагалось на 18-ю армию в составе 10¹/₃ дивизий (из них 1 танковая). Разработанный в деталях, план операции армии предусматривал главный удар южнее реки Ваал по наиболее пригодной для наступления местности, с первой целью как можно скорее прорваться подвижными войсками во взаимодействии с воздушными десантами к месту Мурдейк, занять его и открыть путь во внутренние районы страны — в «крепость Голландию»¹. Авиации предстояло задержать предполагаемый марш английских войск к голландской территории из Северной Франции.

Вторгаясь с юга в «крепость Голландию» и одновременно наступая на широком фронте севернее Ваала, 18-я армия с помощью воздушных десантов, направляемых в районы Гааги и Роттердама, быстро выходила на побережье между голландским Дьеппом и Вестершельдой.

Проведению воздушно-десантной операции при захвате Голландии отводилась особая роль. 22-й воздушно-десантной дивизии предстояло вторгнуться одновременно на широком фронте на глубину всей территории Голландии. Сильно пересеченная местность — обилие каналов, речных преград, заболоченных и затопляемых районов — затрудняла высокие темпы наступления и, следовательно, лишала удар внезапности.

Десанты из состава 22-й воздушнодесантной дивизии в момент начала военных действий должны были захватить прежде всего ключевые районы Голландии, чтобы парализовать верховное руководство и обеспечить быстрое продвижение наземных войск. Гитлер поставил задачу воздушнодесантным войскам сразу же после высадки в районе Гааги взять под домашний арест («изолировать») голландскую королеву, премьер-министра, министра обороны, главнокомандующего армии и флота и захватить штабы в Гааге. Для этого, овладев тремя аэродромами близ голландской столицы (Валкенбург, Илен-

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 65.*

бург и Окенбург), отрядам парашютистов с помощью местной агентуры предстояло направиться к резиденциям этих лиц.

Очень важно также было захватить мосты, необходимые для быстрого продвижения наземных войск. У Мурдейка и Дордрехта их предполагалось занять парашютистами из состава 22-й дивизии. Для захвата мостов в приграничных районах готовились специальные отряды из представителей «пятой колонны» — голландских нацистов и немецких разведчиков (в общей сложности до 1000 человек), а в районе Неймегена это возлагалось на специальную пехотную роту, укрываемую на барже, которая с началом военных действий должна была подойти возможно ближе к мостам. Через основные мосты первыми должны были двинуться четыре заранее подошедших сюда бронепоезда.

Главный удар в рамках группы армий «Б» наносила 6-я армия. Ей предстояло с фронта Венло — Аахен вторгнуться в Южную Голландию, а затем Бельгию, последовательно нанести поражение слабому голландскому прикрытию, главным силам бельгийской армии и англо-французским войскам, которые вступят на территорию Бельгии из Северной Франции.

Преодоление канала Альберта представляло собой одну из наиболее сложных задач 6-й армии¹. Только успешное форсирование этой преграды могло создать

¹ Несмотря на то что 6-я армия имела усиленный состав — 13 пехотных и 2 танковые дивизии с большим количеством артиллерии, а позади армии располагались резервы группы — 3 пехотные и 1 моторизованная дивизии, Бок и его штаб весьма скептически оценивали возможность быстрой удачи в Бельгии, впрочем, как и благоприятного исхода операции группы «А» в Арденнах. По их мнению, после 100-километрового марша через горные укрепленные районы Южной Бельгии и Люксембурга немецкая ударная группа не сможет захватить и удержать Маас.

предпосылки развития наступления на брюссельском направлении. Канал, сооруженный в начале 30-х годов, соединяет Антверпен с Маасом. Он использовался в системе бельгийской обороны как одно из ее важнейших звеньев. Высокие обрывистые берега исключали форсирование этого сильного препятствия без планомерной подготовки. Форт Эбен-Эмаэль¹, расположенный у слияния канала Альберта с рекой Маас, прикрывал южный участок канала, русло Мааса южнее Маастрихта и расположенные здесь мосты у Вельтвезелт, Вроенховен и Каннес, а также обеспечивал с севера подступы к крепости Льеж и участок бельгийско-голландской границы. Быстрый захват немцами форта создавал благоприятные перспективы для нанесения удара по кратчайшему направлению к Брюсселю и выхода в тыл всей бельгийской обороне на канале Альберта. В конце октября 1939 г. появился замысел захватить южный участок канала с его мостами и фортом путем внезапной атаки десантом на планерах, буксируемых самолетами Ю-52.

Задача группы армий «А», наносившей главный удар, состояла в том, чтобы, обеспечивая левый фланг общего фронта наступления от действий французских войск из укрепленных районов Мец и Верден, возможно быстрее захватить переправы через Маас между Динамом и Седаном. После этого ей предстояло, прикрывая фланги, осуществить прорыв крупными силами в тыл северофранцузской пограничной укрепленной зоне в направлении устья Соммы². Ведущая роль в наступлении принадлежала крупной подвижной группировке — танковой группе Клейста. Она должна была наступать перед фронтом группы армий к Маасу на участке Динан — Седан с задачей внезапным штурмом овладеть западным берегом Мааса и таким путем создать выгодные предпосылки для дальнейшего наступления в западном направлении. Мощная танковая группировка была теперь ос-

¹ Сооружен в 1934 г.

² *Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 66.*

новным козырем германского командования. Двигаясь всеми силами через горную область лесистых Арденн и выходя затем широким фронтом на Маас, группа армий могла достигнуть успеха, лишь обеспечив внезапность появления своего танкового эшелона в Южной Бельгии.

Правофланговая 4-я армия (9 пехотных и 2 танковые дивизии) наносила удар между Льежем и Уффализом подвижными войсками на Динан и Живе, захватывала переправы через Маас, имея в виду затем продвигаться далее на запад через Бомон и Шиме. 12-я армия (11 пехотных дивизий) получила задачу прорвать бельгийские пограничные укрепления по обе стороны Бастони, используя наступающие перед ее фронтом подвижные силы, захватить переправы между Фюме и Седаном и тем создать условия для наступления крупными силами на запад через Синьи-ЛЬ-Аббе. В задачу 16-й армии (12 дивизий) входило обеспечение прикрытия общего фронта наступления с юга. Затем она переходила в состав группы армий «Ц», которая оборонялась перед Линией Мажино, скользя здесь французские войска¹. Начало контрнаступления французов против 16-й армии считалось вероятным на третий-четвертый день операции. Группы армий «А» и «Ц» поддерживал 3-й воздушный флот (три авиационных корпуса). Задача группы армий «Ц» рассматривалась первоначально как пассивная, однако не исключалось, что в случае успеха на главном направлении войска, стоящие перед Вогезами, двинутся вперед². Следует заметить, что эта активизация намерений на крайнем южном фланге произошла на самой поздней стадии планирования, когда верховное командование окончательно поверило в успех.

27 апреля 1940 г. главное командование сухопутных сил отдало директиву на разработку «операции Браун», предусматривавшую наступление группы армий «Ц» между Страсбургом и швейцарской границей через Вогезы.

¹ Там же.

² *Jacobsen H.-A. Dokumente... S. 67.*

Главный удар должна была наносить группировка «Бэр» — 7-я армия, развернутая от Карлсруэ до швейцарской границы¹.

Стратегическое развертывание германских вооруженных сил против Франции, Бельгии и Голландии имело ряд особенностей. Оно проводилось в своеобразных, не сравнимых ни с чем в прошлом условиях «странной войны», позволивших не только заблаговременно перегруппировать с востока на запад полностью отмобилизованную, теперь уже имеющую боевой опыт армию, но и провести в спокойных условиях дополнительную мобилизацию и планомерное сосредоточение.

Во второй половине января 1940 г. на западе было развернуто 104 дивизии, а к моменту начала военных действий — к 10 мая 1940 г. — группировка германской армии достигла 136 дивизий, в том числе 10 танковых и 7 моторизованных². Новые условия позволили начинать военные действия, обрушив на противника удар всеми заранее подготовленными силами. Отныне предвоенная идея «армии вторжения» утратила свое значение.

Этим, собственно, и отличалось стратегическое развертывание 1940 г. от развертывания 1939, 1938 гг. и предшествующих лет.

Германское командование, создавая подвижные ударные группировки, до начала наступления держало их рассредоточенными на большой глубине и на широком фронте и лишь в последние дни перед «днем икс» выдвигало в исходные районы, предельно затрудняя, таким образом, обнаружение их союзниками, дезориентируя последних о месте нанесения главного удара, уменьшая угрозу воздушных атак на войска ударной группы.

По мере изменения плана войны менялись состав и расположение ударной группировки. Принципиальное ее изменение, связанное с перенесением усилий с север-

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 926, л. 43.

² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. II. С. 54, 55.

ного фланга на южный, видно из сопоставления данных о развертывании на 12 ноября 1939 г. и на 10 мая 1940 г.¹

Перемещение усилий с северного фланга на южный осуществлялось скрытно, на большой глубине и не было обнаружено англо-французской разведкой.

В состав немецкой армии, нацеленной на Запад, входило к 10 мая 3,3 млн человек, 2580 танков, в том числе типа Т-I — 523, Т-II — 955, Т-III — 349, Т-IV — 278. Артиллерийская группировка насчитывала 24,5 тыс. орудий. Два воздушных флота (2-й и 3-й) имели 3824 самолета, в том числе 1120 бомбардировщиков и 1016 истребителей.

Приведем некоторые данные, характеризующие окончательное развертывание немецко-фашистской армии.

На правом крыле была развернута группа армий «Б» (генерал-полковник Бок) в составе 18-й и 6-й армий, 39-го моторизованного корпуса (9, 3 и 4-я танковые дивизии, из них 9-я должна была наступать на левом фланге 18-й армии, 3-я и 4-я — в полосе 6-й армии). В группе «Б» находился также 16-й моторизованный корпус (20-я моторизованная дивизия и дивизия СС «Мертвая голова»). Ширина полосы наступления группы армий «Б» составляла 400 км.

В центре находилась группа армий «А» (генерал-полковник Рундштедт), наносившая главный удар. Ее фронт простирался от районов севернее Мальмеди до границы Люксембурга и Франции, юго-восточнее Арлона. В состав группы армий входили 4, 12 и 16-я армии. Подвижные войска были представлены танковой группой генерала Гота в составе 5-й и 7-й танковых дивизий, которые находились в полосе 4-й армии, во втором ее эшелоне, и танковой группой генерала Клейста в составе 41-го моторизованного корпуса (Рейнгардта), 19-го моторизованного корпуса (Гудериана), 14-го моторизованного корпуса (Виттерстейма). Подвижная группа Клейста насчитывала 5 танковых и 3 моторизованные дивизии. 19-й моторизованный корпус

¹ На 12 ноября группа армий «Б» имела 30 дивизий, группа армий «А» — 22 дивизии; на 10 мая группа армий «Б» — 29 дивизий, группа армий «А» — 45 дивизий.

развертывался в полосах 12-й и 16-й армий, 41-й моторизованный корпус за 19-м. Танковые соединения группы армий «А» были глубоко эшелонированы. Ширина полосы наступления этой группы армий составляла 170 км.

На левом крыле общего фронта находилась группа армий «Ц» (генерал Лееб) в составе 1-й и 7-й армий. Ее фронт от франко-люксембургской границы до Базеля составлял 350 км.

Танковая группа Клейста была создана на основе изучения германским Генеральным штабом опыта Красной Армии, полученного, в частности, в сражениях на реке Халхин-Гол, а также опыта германо-польской войны, особенно 10-й армии с ее тремя подвижными корпусами и группы Гудериана, созданной на левом фланге группы армий «Север» после 8 сентября 1939 г.

Группе Клейста, составлявшей ударную группировку, предстояло преодолеть Арденны, форсировать реку Маас у Седана и выйти в тыл главным силам союзников, проводящим операции в Бельгии и Северной Франции. Переход через Арденнские горы был продуман до деталей. В германских штабах собирались подробные сведения о дорогах, водных преградах, мостах, переправах. Разрабатывались методы движения транспорта по бездорожью, способы преодоления всевозможных препятствий. Штурмовые отряды прошли многократную тренировку в форсировании водных преград типа реки Маас на резиновых надувных лодках. Инженерные войска создали конструкции простых в обращении и быстроходных понтонных паромов и мостов. Мотопехота не менее шести месяцев училась двигаться через горы и леса¹.

¹ Нацеливая удар на Седан, германское командование предусматривало, что через этот пункт идут прямые железнодорожные пути к побережью, к Парижу и в тыл Линии Мажино. Если Седан будет взят, то возможности маневра намного возрастут и немцы смогут угрожать развитием успеха на одном из этих трех направлений, дезориентируя французское командование и распыляя его силы (Die Panzer-gruppe v. Kleist im Westfeldzug 1940, von Kurt Zeitzler. «Wehrkunde», 1959, N 4. S. 182).

Многие высшие генералы, в частности оба командующих группами армий, не верили в возможность эффективного использования танковых масс при наступлении через Арденны. Генеральный штаб сухопутных сил пришел к выводу, что если танковые авангарды и смогут достигнуть Мааса на четвертый день, то форсировать его главными силами армий удастся не ранее чем через 14 дней после начала военных действий¹. Все планы разрабатывались только на этап наступления до Мааса, достигнуть которого считалось уже само по себе большим успехом. О характере действий после форсирования Мааса у Генерального штаба и у всех нижестоящих штабов имелись лишь самые общие и смутные представления.

В формировании и подготовке танковой группы было допущено много импровизации. Танковая группа действительно представляла собой для своего времени необычайно мощное соединение. Ее 5 танковых и 3 моторизованные дивизии, большое количество корпусных и армейских частей, тыловые службы насчитывали 134 370 человек, 41 140 различных машин, в том числе 1250 танков и 362 броневика². Группа тесно взаимодействовала с авиацией — со штабами 3-го воздушного флота, 2-го авиационного корпуса, особенно с поддерживавшей ее группой ближних бомбардировщиков Штуттергейма, и с 1-м корпусом ПВО.

Система управления танковой группой не отличалась целесообразностью. Само понятие «танковая группа» было расплывчатым. Отметим, что уже в ходе сражений получилось так, что группа Клейста подчинялась попеременно штабу группы армий «А» (5 суток), штабу 12-й армии (4 суток) и штабу 4-й армии (13 суток). Понятно, что столь неопределенное подчинение затрудняло действия группы и порой вносило в управление невероятную путаницу. Командование полевых армий ставило танковым

¹ Дневник Гальдера, запись 8 марта 1940 г.

² Die Panzer-gruppe v. Kleist im Westfeldzug, von Kurt Zeitzler. Wehrkunde, 1959. N 4. S. 183.

дивизиям неглубокие задачи, стремясь привязать их к себе, а танковые командиры постоянно нарушали приказы своих временных начальников.

Группа получила только четыре сквозных маршрута через Арденны на фронте 35 км, хотя требовалось ей по меньшей мере пять. Она не имела самостоятельной полосы действий, а была «гостем» в полосах армий, которые с нежеланием уступали ей дороги. Узкий фронт наступления и крайняя перегрузка маршрутов делали группу чрезвычайно уязвимой с воздуха. Длина ее маршевых колонн на каждом из маршрутов, включая средства усиления и тылы, превышала 300 км.

Союзники имели здесь еще один шанс сорвать германское наступление своей авиацией. Однако и этот шанс они не использовали.

Глава VI

НАЧАЛО ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ. «БИТВА ЗА ФРАНЦИЮ»

1

Военные действия во Франции, Бельгии и Голландии в мае — июне 1940 г. представляли собой главное военное событие первого периода Второй Мировой войны. За 44 дня рухнула военная мощь Франции, располагавшей, по всеобщему убеждению, одной из наиболее сильных, опытных и богатых традициями европейских армий. Как могла произойти эта катастрофа? Почему вооруженные силы великой державы, которые 25 лет назад не только отразили германский натиск, но и были первыми в рядах победителей мировой войны, не смогли более полутора месяцев противостоять гитлеровскому наступлению?

Ответы на эти вопросы могут дать только факты истории.

Опыт первых столкновений Второй Мировой войны обнаружил, что даже самому искусному Генеральному штабу практически почти невысказимо сохранить в тайне подготовку агрессии. Германский Генеральный штаб сделал все возможное, чтобы скрыть дату вторжения на Запад, но союзное командование заблаговременно раскрыло ее. Информация шла из самых различных источников — политических и военных. Намерения Гитлера и примерные сроки наступления перестали быть тайной уже в марте 1940 г. 10 марта Риббентроп говорил о них в Риме Муссолини и Чиано¹. Через три дня последний сообщил все ему известное французскому послу в Италии Понсэ². 16 марта в ближайшие планы Гитлера был посвящен представитель Рузвельта Уэллес, прибывший в Рим. В своих воспоминаниях он пишет: «Риббентроп, по-видимому, убежден, что германская армия сможет одержать эту победу в пять месяцев. Германское правительство имеет в виду сначала нанести поражение Франции, а затем вскоре Англии»³.

Польская разведывательная служба, находившаяся в эмиграции, но сохранившая часть прежних контактов с окружением некоторых высокопоставленных нацистов, в первых числах мая 1940 г. смогла предупредить Голландию о скором начале германской агрессии. Религиозные общины Бельгии получили аналогичную информацию, о которой вскоре узнали также разведывательные органы.

Адмирал Канарис и генерал Бек использовали свои связи, чтобы поставить в известность союзников о готовящемся вторжении. Они, как свидетельствует Колвин, заблаговременно направили в Рим надежного офицера — Иозефа Мюллера, который сообщил о «дне икс» одному бельгийскому дипломату⁴. Единомышленник и началь-

¹ См.: *Galeazzo Ciano. Diario. Vol. 1. Milano, 1950. P. 234–237.*

² См.: *Galeazzo Ciano. Diario. P. 237.*

³ *Welles S. The Time for Decision. New York, 1944. P. 135.*

⁴ *Колвин И. Двойная игра. М.: Воениздат, 1960. С. 194, 195.*

ник штаба Канариса генерал Остер 9 мая передал уточненные сведения голландскому военному атташе полковнику Сасу¹.

27 апреля 1940 г. Гитлер отдал приказ начать вторжение между 1 и 7 мая². Вскоре «день икс» был уточнен: 8 мая. В последних числах апреля у Йодля возникло подозрение, что план и сроки начала операции разглашены: был подслушан телефонный разговор бельгийского посланника в Ватикане с Брюсселем³. Гитлеровцы предположили, что произошла измена с немецкой стороны. Фюрер передвинул срок на 10 мая. Накануне Канарис через Остера передал голландскому военному атташе в Берлине еще одно сообщение: «Свинья выехала на Западный фронт». Речь шла о Гитлере, а сама передача служила последним сигналом предостережения.

Все эти факты следует признать в значительной мере достоверными — они подтверждаются, в частности, и голландской стороной. Как сообщает тогдашний министр иностранных дел ван Клеффенс, 4 мая голландские власти «из очень достоверного источника узнали... что в ближайшие несколько дней следует ожидать вторжения немецкой армии». Разведка проверила данные и получила многочисленные подтверждения.

Итак, сохранить важнейшую тайну не удалось даже в той до предела накаленной атмосфере гитлеровского режима.

Но здесь мы вновь сталкиваемся с некоторыми величинами, которые выходят из рамок военных понятий. Снова — уже в третий раз за эту войну — политические и военные руководители европейских государств накануне гитлеровского вторжения в их страны, несмотря на то что располагали многими сведениями о готовящемся ударе, оказались не в состоянии понять всю реальность угрозы и своевременно принять контрмеры.

¹ Там же. С. 198.

² IMT. Vol. XXVIII. Tagebuch General Jodl. P. 425.

³ Там же. С. 428.

В рассматриваемый период на руководителей западных держав, безусловно, повлияла тенденция политики «странной войны» и рожденные ею иллюзии неизбежности мирного исхода конфликта на Западе, вероятнее всего за счет Советского Союза. Многие настолько убедили себя в этой мысли, настолько верили, что с Германией войны по-настоящему не будет, что, когда наступил решающий момент, они отвергли реальные факты и позволили застать себя врасплох. Другие же если и готовились встретить удар, то приписывали врагу только те планы и намерения, которые придумывали для него сами, и не желали слышать ни о чем другом, кроме того, о чем им хотелось услышать и к чему они, как им казалось, были готовы.

Именно так получилось с политическими и военными руководителями Запада в те роковые для них дни, когда начиналось германское вторжение.

Из бельгийских, французских, английских и голландских материалов мы узнаем о той нерешительности и о тех бесконечных сомнениях и колебаниях, которые охватили многих ответственных лиц этих стран в последние дни и часы перед немецким ударом.

В Голландии сведения о том, что 10 мая начнется немецкое вторжение, вызвали, как свидетельствует ван Клеффенс, серьезную тревогу. Но правительство не приняло никаких мер, тем более что немецкий военный атташе в Гааге выразил удивление «тревогой, в которой находится нидерландское правительство»¹. Немецкое и итальянское радио сообщало о раскрытии британского заговора по вторжению в Нидерланды². Данные о том, будто две германские армии двигаются на Голландию из районов Бремена и Дюссельдорфа «с такой быстротой, что они в самое короткое время достигнут границы»,

¹ *N. van Kleffens. Juggernaut over Holland. New York, 1941. P. 62.*

² *Draeper Theodore. The six weeks' war France, May 10 – June 25 1940. P. 56.*

были опровергнуты немцами, как «военная нелепость, пушенная британским министерством информации»¹.

8 мая голландский военный атташе в Берлине заявил германскому верховному командованию, что голландское правительство не видит причин опасаться британского вторжения, так как оно в состоянии принять необходимые меры предосторожности, «не прибегая к защите какой-либо другой силы»². На следующий день бельгийское правительство, для того чтобы продемонстрировать свое неверие «нелепым слухам», восстановило пятидневное увольнение из армии³. Соответствующий приказ был издан, когда немецко-фашистские армии уже двигались к бельгийской границе. В 18 часов 9 мая министр иностранных дел Бельгии Спаак получил очень тревожную информацию о непрерывном рокоте моторов, лязге оружия и топоте марширующих ног, которые слышали пограничные посты Голландии, Бельгии и Люксембурга, но не поверил ей⁴.

В Гааге большая часть дня 9 мая прошла спокойно. Но около 21 часа 30 минут нидерландский министр иностранных дел получил по телефону послание от военного министра. Голландская разведка доложила: «Завтра на рассвете; держаться крепко»⁵. В Брюсселе члены бельгийского правительства собрались в рабочем кабинете

¹ 8 мая немецкое радио в целях дезинформации передало следующий текст: «Разоблачение британских планов в Юго-Восточной Европе создало у вовлеченных наций впечатление, что английские поджигатели войны прибегли к глупым и неуклюжим приемам, чтобы отвлечь от себя внимание» (N. van Kleffens. *Juggernaut over Holland*, p. 60).

² *Draeper Theodore*. The six weeks' war France, May 10—June 25 1940. P. 58.

³ Там же.

⁴ *Spaak P. H.* La nuit du 9 an 10 mai 1940, La Belgique Independente (London) Mai 8, 1941.

⁵ *Draeper Theodore*. The six weeks' war France, May 10—June 25, 1940. P. 58.

Спаака. В Гааге высшие официальные лица пришли в дом ван Клеффенса. По телефону приходили сведения, не оставлявшие никаких сомнений о вторжении, но руководители Бельгии и Голландии находились в состоянии сомнений.

В 2 часа 30 минут 10 мая голландские министры решили, что тревога напрасна, и разошлись, приказав установить на всякий случай пулеметы на дорогах и мостах, ведущих к столице, и вблизи важных строений. Тем временем в Брюсселе в 3 часа радио сообщило, что немецкие самолеты летают над Голландией. Поразмыслив над тем, является ли этот налет массированным, открывает ли он наступление на Англию или на Голландию, бельгийские министры решили не верить ложным слухам и разойтись, тем более что небо над их страной было чистым.

В 4 часа ван Клеффенса разбудило сообщение, что аэродромы в Ваальгавене, Бергене, Шифоле и Койе подверглись бомбардировке. Несколько минут спустя он увидел немецкие самолеты, бомбившие окраины Гааги. Через полчаса голландский посол в Брюсселе сообщил по телефону эти новости Спааку. Почти в тот же самый момент немецкие самолеты появились и над бельгийской столицей. Немецкое вторжение началось. Вооруженные силы Голландии и Бельгии не были приведены в боеготовность. Как голландское, так и бельгийское правительства сразу же начали взывать о помощи в Лондон и Париж.

Угрожаемый период войны для страны, намеченной в качестве объекта агрессии, теоретически начинается с того момента, когда агрессор принимает окончательное решение о нападении. Практически контуры угрожаемого периода могут вполне определиться при начале широких приготовлений военного удара. Все становится особенно ясным на завершающей стадии подготовки вторжения, узнать о которой обороняющаяся сторона имеет наибольшее количество шансов. Тогда все зависит от быстроты и эффективности контрмер. Бельгийские и

голландские руководители дали истории один из самых отрицательных примеров деятельности правительств и военных лидеров в угрожаемый период войны, который начался для них еще в октябре 1939 г. и который они могли вполне распознать ранней весной 1940 г. Лидеры обоих государств просто отбросили в сторону реальные факты и упорно следовали своим политическим догмам. Они не поверили сообщениям о начавшейся войне, даже когда она началась, и оказались банкротами.

Несколько по-иному сложилась обстановка во Франции. День 9 мая 1940 г. прошел здесь вполне спокойно. 2-е бюро (разведывательное) французского Генерального штаба не отмечало на границах Бельгии и Франции ничего заслуживающего внимания. Привычное дремотное спокойствие «странной войны» — и только. Два английских самолета-разведчика облетели приграничные районы и, казалось, не обнаружили по ту сторону рубежа никаких приготовлений. Хотя последние дни французская и британская разведывательная служба была наводнена сообщениями своих многочисленных агентов о передвижениях германских войск к границам, этому никто не верил, так как союзное командование твердо считало, что немцы не рискнут атаковать Францию и тем погубить свою армию. Рассматривая перегруппировки врага как «войну нервов», французский Генеральный штаб не принимал их во внимание и не осуществлял никаких мер предосторожности, чтобы не раскрыть своих сил.

Но в 3 часа 30 минут 10 мая 1939 г. вторично в истории этой войны из предрассветного тумана одновременно появились сотни бомбардировщиков «Люфтваффе». Взрывы бомб на аэродромах возвестили, что вторжение началось.

Во французской главной квартире, располагавшейся в замке Венсенн, безмятежное ночное спокойствие было нарушено перед рассветом телефонным звонком из боевого охранения, располагавшегося в Рейнской зоне. Дежурный услышал далекий голос: «Колонны движутся на

запад»¹. Никто не поверил этому сигналу, да и неясно было, о каких колоннах идет речь. Поразмыслив, пришли к заключению, что немцы проводят обычную смену войск, а связанные с ней перегруппировки ввели в заблуждение пограничные посты. Но вскоре тревожные сообщения одно за другим стали поступать со многих участков границы. Наконец стало известно, что бельгийское правительство срочно запросило помощи Франции. Как пишет французский историк де Барди², лишь после этого начальник штаба осмелился нарушить сон главнокомандующего. Гамелен, слушая в постели доклад, был совершенно спокоен и лишь изредка понимающе кивал головой, как бы подтверждая, что все происходящее уже давно им предусмотрено и не является чем-то новым. Действительно, Бельгия просит о помощи — значит, германский удар направлен против нее. Немецкий Генеральный штаб повторяет старый шлиффеновский план, однако он встретит давно и детально продуманный контрманевр. Все заблаговременно подготовлено. Гамелен вызывает по телефону командующего Северо-Восточным фронтом. Генерал Жорж уже на ногах, он обо всем осведомлен.

— Итак, мой генерал, — раздается в трубке голос Жоржа, — это маневр в стиле Диль?

— Да, конечно. Бельгийцы просят нас о помощи. Не считаете ли вы возможным сделать что-либо иное, кроме маневра Диль?

— По-видимому, нет³.

Атака немцами бельгийской границы на рассвете 10 мая убедила обоих командующих в том, что удар наносится на севере. Не проверив данных, не уточнив обстановку, они решают, что наступление врага началось в полном соответствии с их, Гамелена и Жоржа, расчетами и предна-

¹ *Gamelin M. Servir. La Guerre* (sept. 1939—19 mai 1940). Paris, 1947. P. 388.

² De Bardies. *La campagne 39—40*. P. 83.

³ *Gamelin M. Servir. La Guerre* (sept. 1939 — 19 mai 1940). P. 390.

чертаниями, что ничего иного, кроме повторения варианта 1914 г., не может быть и что поэтому необходимо автоматически включить в действие давно подготовленный «план Диль».

Дальнейшие решения принимались почти механически и, как полагается на войне, быстро. Безжизненная сила заранее составленных, но совершенно противоречивых реальной обстановке планов начала действовать.

2

В 21 час 9 мая, после того как начальник штаба военно-воздушных сил Германии генерал Ешоннек доложил, что погода на завтра обещает быть хорошей, генерал Йодль, находившийся в поезде Гитлера на станции Финкенбург, передал всем высшим штабам условный пароль («Данциг»), означавший, что начало вторжения назначено на следующее утро¹. Вслед за этим в войска был направлен приказ фюрера, который предстояло зачитать повсеместно на рассвете перед выступлением. Этот приказ, как и опубликованная утром 10 мая сводка ОКВ, преследовал главным образом цель дезинформировать союзников — убедить их в том, что немецкая армия наносит удар через Бельгию и Голландию, то есть на севере, а не через Арденны.

Сразу же после рассвета, за 20 минут до начала общего наступления сухопутных сил, авиация двух воздушных флотов нанесла первый удар третью своих соединений по аэродромам союзников. Затем, как только в 5 часов 35 минут наземные войска пересекли государственную границу, последовал второй мощный, продолжавшийся три часа удар по французским и английским штабам, узлам связи, коммуникациям. Гитлеровский

¹ ИМТ. Vol. XXVIII. P. 429.

вермахт на широком фронте вторгся в Голландию, Бельгию и Люксембург.

Перед войсками, наступавшими на севере, исходной тактической задачей был захват мостов через реки Ваал и Маас, через канал Альберта и другие каналы, преграждавшие путь в глубь Голландии и Бельгии. Первое разочарование постигло германские штабы, когда пришли известия о взрыве голландцами и бельгийцами всех мостов, кроме трех — у Генеппа, Моока и Маастрихта¹. Водные рубежи предстояло форсировать.

Превосходство гитлеровской авиации сразу же стало очевидным. Войскам следовал один приказ: быстрее вперед.

Французский главнокомандующий генерал Гамелен в 6 часов 35 минут отдал приказ первой группе армий вступить согласно «плану Д» в Бельгию, а еще через 15 минут по требованию командующего этой группой генерала Бийотта уточнил, что левофланговая 7-я армия должна совершить маневр по «варианту Бреда», то есть двинуться в Голландию, установить связь с голландской армией и защитить плохо укрепленный промежуток между бельгийскими и голландскими оборонительными рубежами. Вторая группа армий получила приказ двинуть часть сил в Люксембург².

На всех направлениях вперед выдвигались кавалерийские и механизированные дивизии. Согласно расчетам Генерального штаба, они должны были выиграть 5–6 суток, необходимых, чтобы главные силы союзных

¹ Особую досаду гитлеровского командования вызвала неудача диверсионного отряда, который должен был еще до начала общего наступления захватить мост у Неймегена. Гальдер записал в дневнике: «Троянский конь не прошел».

² Де Барди пишет: «Общая тревога дана немедленно всей французской армии... Бросить цвет французской армии в Бельгию — это все равно что бить сразу своей лучшей картой» (*De Bardies. La campagne* 39–40. P. 102).

армий разместились на новой линии обороны, предусмотренной «планом Д». Те же расчеты говорили, что немцы не смогут вести атаку значительными силами через реку Маас юго-западнее Льежа и через канал Альберта раньше 5-го дня наступления; следовательно, «маневр Диль» предполагалось осуществить без особых помех.

И вот, в соответствии со штабными графиками, начался марш. Мины на бельгийской границе были сняты, шлагбаумы открыты. Французская армия и английские экспедиционные соединения вышли со своих столь долго и тщательно готовившихся вдоль франко-бельгийской границы позиций и двинулись по всем дорогам к линии Антверпен — Лувен — Намюр, приветствуемые населением бельгийских городов и деревень.

Торжественный и грозный час требовал от главнокомандующего обратиться к войскам. Его призыв должен был вызвать энтузиазм и, конечно, стать историческим. Первый приказ Гамелена по вооруженным силам краток и, по мысли автора, исполнен вдохновляющего мужества: «Атака, которую мы предвидели с октября прошлого года, началась сегодня утром. Германия развязала против нас борьбу не на жизнь, а на смерть. Лозунгом для Франции и для всех ее союзников является смелость, энергия, уверенность. Как сказал двадцать четыре года назад маршал Пэтэн: “Мы их одолеем”»¹.

Итак, сказанная четверть века назад сомнительной мудрости фраза престарелого маршала, в ближайшем будущем предателя Франции, увенчала канцелярский призыв и должна была воспламенить сердца французских и английских солдат.

Союзное командование решительно бросает армии вперед. Его цель — как можно скорее занять «позицию Диль» — оборонительную линию между Антверпеном и Намюром. Воображение генералов рисует хорошо

¹ *Gamelin M. Servir. La Guerre (sept. 1939 — 19 mai 1940). P. 390.*

оборудованный на этой линии фронт с системой противотанковых заграждений и окопов. Правда, из-за бельгийского нейтралитета ни один французский офицер еще никогда не видел этой позиции, она существовала пока только на штабных картах. Легко себе представить разочарование первых французских рекогносцировочных групп, прибывших 10 мая на «позицию Диль» и вместо мощных оборонительных сооружений увидевших открытую равнину, пригодную лишь для маневра германских танков. «Это голая равнина, — пишет де Барди, — открытая для действий бронетанковых машин врага»¹.

В сложившихся условиях французское командование принимает решение вывести войска первой группы армий на линию Антверпен — Намюр и, насколько это будет возможно, оборудовать ее в инженерном отношении. Выиграть необходимое время (примерно 5 суток) предполагалось за счет обороны частей бельгийской армии в Арденнах и на линии канала Альберта². Бельгийцам должен был помочь выдвигающийся перед фронтом 1-й французской армии кавалерийский корпус генерала Приу.

1-я французская армия двигалась на фронт Вавр — Намюр, английская экспедиционная армия — на Брюссель. На левом крыле из района Сент-Омера маршировала 7-я армия генерала Жиро, на которую возлагалась особая задача: через Антверпен вдоль побережья Голландии выйти к голландскому городу Бреда и обеспечить связь между бельгийскими и голландскими армиями.

¹ *De Bardies. La campagne 39–40. P. 104.*

² Предусматривалось, что оборонявшаяся в северной части Арденн бельгийская группировка Кэертса (1-я кавалерийская дивизия и 1-я дивизия арденнских стрелков) последовательно произведет разрушения на шести заранее подготовленных рубежах, что она задержит выход немцев к Маасу в районе Гюи, где удар казался наиболее вероятным, по меньшей мере на четверо суток. Севернее Арденн немцев должны были задержать минимум на неделю оборона Льежа и сильный оборонительный рубеж канала Альберта.

Это движение французских и английских войск было маршем навстречу гибели..

Вторжение в Бельгию и Голландию открылось также воздушно-десантными операциями, цель которых состояла в обеспечении прорыва в «крепость Голландию», в глубину голландской и бельгийской территорий. Наиболее сильные десантные отряды направлялись к Мурдейку, Дордрехту, Роттердаму и Гааге. Они имели задачу овладеть аэродромами и мостами через Маас, Ваал и Нижний Рейн. Мосты следовало удерживать до подхода 9-й танковой дивизии 18-й армии, которая прорывалась южнее Мааса и через Мурдейк с юга вторгалась в «крепость Голландию». Несколько воздушнодесантных отрядов высаживалось для захвата важнейшего форта крепости Льеж — Эбен-Эмаэль.

В предутренней темноте 10 мая близ форта, гарнизон которого еще не знал о начале войны, бесшумно приземлились немецкие планеры, и батальон натренированных саперов-десантников бросился к укреплениям. Взрывами кумулятивных зарядов были разрушены стены дотов, уничтожены пушки, пулеметы и перископы¹. Используя успех десантников, на соединение с ними двинулся авангард немецкой 4-й танковой дивизии; к 14 часам он подошел к Маастрихту, но бельгийцы успели взорвать мост. Началась переправа через Маас с помощью надувных резиновых лодок. Соединение с десантниками произошло только на следующий день: уцелевшие после первого удара гарнизоны Эбен-Эмаэля и соседних фортов мужественно сражались еще около суток. Но когда форт пал, дорога за Маас левофланговым соединениям 6-й немецко-фашистской армии была открыта.

В условиях начала войны, если обороняющийся не ждет нападения, достигнуть тактической внезапности не

¹ Подробно о штурме Эбен-Эмаэль см.: *Schacht Gerhardt. Eben-Emael 10 Mai 1940. Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1954. N 5. S. 217.*

трудно, особенно в отношении тех его войск, которые находятся в передовой линии и которым суждено принять в состоянии неготовности первый удар. Но потеря внезапности — залог неудачи десанта. Это показали действия германской 22-й воздушнодесантной дивизии, направленной в глубину голландской территории. Рота фашистских десантников у Дордрехта оказалась под огнем голландцев и понесла тяжелые потери. В Роттердаме, где немецкие летающие лодки с десантниками садились прямо на Рейн, парашютисты расстреливались в упор. Десанты, высаженные на аэродроме Ваальгавен под Роттердамом, были встречены огнем пулеметов и зенитной артиллерии. Только часть десантников прорвалась к мостам через Рейн, однако захватить их не смогла.

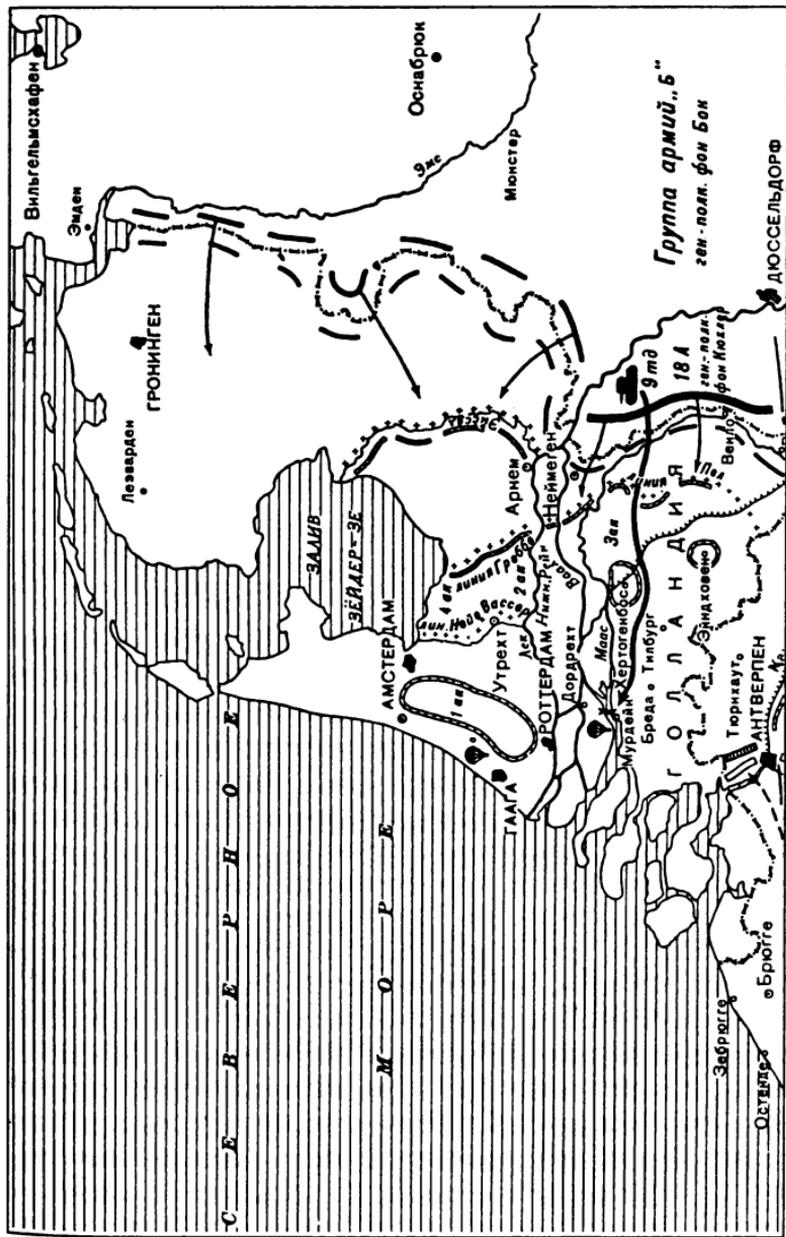
В районе Гааги командовавший операцией генерал Штудент высадил десанты у трех имеющихся здесь аэродромов. На всех участках высадки завязались тяжелые бои, в ходе которых немецко-фашистские десантники несли потери. Успех был достигнут дорогой ценой.

Тем временем вторгнувшиеся в Голландию и Бельгию немецко-фашистские войска продвигались на запад. 18-я армия быстро перешла Маас по невзорванным мостам у Генеппа и Моока и вскоре преодолела обороняемую незначительными силами голландскую линию Пеел.

Когда командующий группой армий Бок приехал в занятый Генепп, его настигло донесение разведки: союзные войска шестью колоннами движутся к Антверпену. Бок не мог скрыть радости — противник сам шел в западню!¹ Он ставит задачу 18-й армии направить моторизованные силы как можно быстрее и как можно глубже вперед через Генепп, ибо «единственным средством еще достигнуть моста у Мурдейка является быстрейшее продвижение южного фланга 18-й армии»². 9-я танковая дивизия

¹ А. фон Бок записал в дневнике по этому поводу: «Итак, сумасшедшие действительно уже идут!» (*Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug 1940. S. 14.*)

² Там же. С. 14.

Вторжение в Голландию

должна была выйти к Бреда и через мост у Мурдейка соединиться с 22-й воздушнодесантной дивизией¹. 6-я армия получает задачу продвигаться возможно скорее к линии Намюр — Лувен. Все это имело целью опередить союзников в занятии наиболее важных районов и рубежей, не дать им перейти к обороне и разбить их во встречном сражении, которого они так опасались. Немецкие маневры облегчались полным отсутствием англо-французской авиации. «К счастью, — пишет Бок, — не показывается ни одного вражеского самолета»². Между тем германская авиация полностью господствовала в бельгийском и голландском небе, парализуя действия пехоты этих стран, не подготовленной ни в организационном, ни в моральном отношении к отражению массированных воздушных атак³.

¹ *Jacobsen H.-A. Dünkirchen. Neckargemünd, 1958. S. 19; Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug 1940. S. 16.*

² Там же. С. 14.

³ «Налетам немецкой авиации волнами в 200—300 самолетов, — пишет де Барди, — ничто не мешает, так как наша истребительная авиация чрезвычайно слаба и не смогла оказать помощь в Бельгии. Люди видят, как немецкие самолеты перелетают Льеж огромными массами, делают вираж над городом и ныряют в долину Мааса в направлении Каннес — Маастрихта, где они бомбят бельгийские войска, удерживающие реку Маас. Все небо принадлежит им. Ни единого истребителя: ни бельгийского, ни французского. Немцы, располагая полной свободой, перестраиваются, как на учебе, в безукоризненные построения. Некоторые, особенно осмелевшие от полного отсутствия истребителей, спускаются к самой реке, чуть не касаясь воды, делают настоящий “прыжок” через мосты. Бельгийская пехота раздавлена под бомбовым ударом. В нее стреляют буквально в упор, и она чувствует вражеские самолеты в полном смысле слова на своей спине. Эта пехота легла на землю, уцепилась за нее, и в интервалах между двумя атаками солдаты кричат, что их бросили на произвол!» (*De Bardies. La campagne 39—40. P. 106.*)

Это облегчило действия 6-й немецко-фашистской армии, наносившей удар через Маастрихт. Она форсировала Маас частями 4-го армейского корпуса и 4-й танковой дивизии и с боями продвинулась на несколько километров западнее реки. Ввиду явной угрозы обороне на канале Альберта бельгийский Генеральный штаб уже вечером 10 мая решил отвести главные силы армии на основной рубеж обороны, то есть на линию Антверпен — Лувен, и здесь остановить противника силами отошедших соединений и подтягиваемых из глубины. Это была часть того самого рубежа, к которому теперь двигалась 1-я группа армии союзников.

Бросая взгляд на историю минувшей войны, нельзя не заметить постоянно возрастающего значения первого удара. Особенно важную роль играли именно первые дни борьбы. Правда, в те годы еще не было столь могучих средств поражения, которые в наше время позволяют с самого начала нанести сокрушительные удары по врагу и, быть может, сделать эти первые дни его последними днями, особенно если территория страны, подвергающейся внезапному нападению, сравнительно невелика, а ее экономика легко уязвима. Но и в минувшей войне оружие наступления было настолько эффективным, что давало возможность первым ударом, особенно при внезапном нападении, добиться крупного оперативного выигрыша.

Уже в первый день войны обнаружилось крупные недостатки в использовании союзным командованием авиации. Формально вся авиация подчинялась главнокомандующему Гамелену. Фактически же французские военно-воздушные силы находились в полном распоряжении начальника штаба ВВС генерала Вюльмена, располагавшегося в Жуаре. Базирующейся во Франции английской авиацией командовал маршал Баррэт; что же касается британских ВВС, привлеченных для действий во Франции, но расположенных на английских аэродромах, то ими мог распоряжаться только генерал

Айронсайд — начальник имперского Генерального штаба в Лондоне.

В первый же день активных действий обнаружилось, что эта система подчинения непригодна для современной войны. Действительно, когда командующим 2-й и 9-й армиями потребовалось вызвать авиацию, они должны были запросить генерала Бийотта, обращавшегося с той же просьбой к Жоржу, последний — к Гамелену, а Гамелен — к Вюильмену: Если вызывалась английская авиация, то Гамелен должен был направлять свои просьбы в Лондон. Плохо работающая, перегруженная сверх всяких пределов связь ни в малейшей степени не обеспечивала своевременной передачи всех этих требований и приказов по многочисленным ступеням служебной лестницы. Для вызова самолетов тратились не минуты, а часы. Эта сложная система управления значительно сокращала возможности оперативного использования военно-воздушных сил. Следует прибавить, что английские воздушные соединения могли включаться в сражения, только если их предупреждали за 16 часов до намеченного срока выполнения задачи. Но кто же мог это сделать, когда обстановка менялась с каждым часом? Итог был один: союзные ВВС везде катастрофически опаздывали и действовали вне связи с наземными войсками.

Как только начались военные действия, возникла острая необходимость урегулирования взаимоотношений с бельгийской и голландской армиями и обеспечения хотя бы некоторой координации усилий союзников. Официальная преграда к организации взаимодействия между французской и бельгийской армиями — нейтралитет бельгийского правительства — была теперь ликвидирована грубым вторжением Германии и теми призывами о помощи, с которыми бельгийское и голландское правительства обратились к Англии и Франции утром 10 мая. Днем Гамелен направил французскому военному представителю в Бельгии генералу Шампону телеграмму: «Один из первых вопросов, подлежащих урегулированию, — это согласование с высшим бельгийским командованием сис-

темы организации командования союзными армиями. Я требую, чтобы, согласно договоренности, крупные бельгийские соединения, находящиеся в зоне действий французских и британских армий, были немедленно переданы в подчинение командующих этими армиями... Эта субординация не касается, разумеется, главных бельгийских сил, которые должны оставаться под командованием короля»¹. Запоздалая полумера!

Ответ генерала Шампона, полученный на следующий день, был неудовлетворителен: бельгийский король не торопился поставить свою армию под французское командование и пока ограничивался пожеланием, «чтобы англичане заняли линию Лувен — Перве, на которой проводятся работы экскаваторами, присланными из Великобритании, а не позицию на реке Диль, а также чтобы оборона между Ньюпором и голландской границей обеспечивалась бельгийской армией»². Король все еще не доверял французским и английским союзникам и явно рассчитывал больше на свои силы. Не удивительно: предательство Англией и Францией Польши стояло перед его глазами.

Так или иначе, но организовать координацию усилий с северными соседями Гамелену не удавалось.

Известно, что на войне решительность неизмеримо лучше бездействия. Военная традиция долгое время считала, что любое, пусть не вполне целесообразное, но энергично проводимое в жизнь решение значительно полезнее выжидания. Французское командование нельзя было упрекнуть 10 мая в игнорировании традиций, в пассивности и нерешительности. Приказ о вступлении 1-й группы армий в Бельгию был отдан автоматически быстро, без всяких колебаний и проводился в жизнь со всей методичностью, издавна присущей французским военачальникам. Однако в данном случае упорное проведение в жизнь

¹ *Gamelin M. Servir. La Guerre* (sept. 1939—19 mai 1940). P. 392—393.

² Там же. С. 394.

нецелесообразного решения принесло не лучшие, а худшие результаты. Развернувшиеся события показали, насколько относительными бывают в военном искусстве заранее выработанные теоретические расчеты и как необходимо согласовывать любые, даже самым тщательным образом подготовленные планы с реальными условиями обстановки, складывающимися порой не так, как предполагал штаб.

Начатый маневр остановить чрезвычайно трудно. План движения союзных армий в Бельгию проводился твердо и последовательно. В период с 11 по 14 мая все внимание руководителей вооруженных сил союзников было приковано к северному (бельгийскому) участку фронта.

Утром 11 мая Гамелен выехал к генералу Жоржу, чтобы «на месте» решить проблему координации усилий с бельгийцами и голландцами. Но здесь французского главнокомандующего захлестнуло множество вопросов, возникших в связи с вступлением союзных армий на территорию Бельгии. Где противник? Не опередит ли он союзников с выходом на «позицию Диль»? До какого рубежа направить 7-ю армию? Как координировать действия с бельгийцами? Как обеспечить воздушное прикрытие? и т.п. Его ум не может разобраться в этой массе проблем. Он не способен отделить главное от второстепенного и охватить обстановку в целом. Желая избавиться хотя бы от части той громадной ответственности, груз которой он внезапно со всей реальностью ощутил, Гамелен возлагает ряд своих полномочий на генерала Жоржа, в частности переговоры с бельгийской и голландской миссиями, организацию взаимодействия с английской и бельгийской армиями, а сам после краткого визита в Ла-Ферте возвращается в свой далекий от фронта и от жизни комфортабельный замок Венсенн.

Тем временем маршевые колонны 1-й группы армий продвигались все дальше к северо-востоку. 7-я армия вступила с юга в Голландию, ее 1-я легкая механизированная дивизия достигла 11 мая Тилбурга, 25-я мотори-

зованная дивизия пехотой прошла Антверпен, в то время как ее танки следовали еще где-то по железной дороге. Остров Валхерен был занят французами. Вскоре конномоторизованные части 1-й армии подошли к пресловутому плато Жамблу. Марш 1-й армии открывал кавалерийский корпус генерала Приу, считавшего быстрое продвижение французской армии в Бельгию авантюрой и выразившего уже на бельгийской земле сомнение в целесообразности выхода на «позицию Диль». Как это ни казалось странным, командира кавалерийского корпуса поддерживал командующий армией генерал Бланшар, которому гораздо больше импонировало принять сражение на укрепленной франко-бельгийской границе, чем на неизвестной «позиции Диль». Колебания генералов не могли не повлиять на темп марша. Он стал замедляться. Поэтому в 16 часов 11 мая появилась общая инструкция № 12, в которой генерал Жорж уточнял, что 1-й группе армий предстоит дать сражение всеми силами на линии Антверпен — Лувен — Намюр — Мезьер и что необходимо ускорить вывод войск на эту линию; выиграть время для развертывания необходимо путем нанесения ударов авиацией и кавалерийскими дивизиями по наступающему с востока противнику.

Командующий группой генерал Бийотт ревностно исполнил это требование. Он принадлежал к числу тех созданных французской военной системой штампованных образцов, которые были готовы выполнять любые, даже самые нецелесообразные решения и приказы, никогда не осмеливаясь, из опасения за свою карьеру, доложить об их несоответствии обстановке и здравому смыслу. Без долгих размышлений Бийотт отдал приказ ускорить движение и достигнуть позиции Вавр — Намюр, где, согласно инструкции № 9 от 20 марта 1940 г., надлежало «разбить усилия врага».

Позиция Вавр — Намюр, преграждающая бельгийскую долину, имела протяженность до 50 км. На нее выводилось 12 французских дивизий. Левее выходили 9 английских дивизий.

К вечеру 11 мая 1-я французская армия достигла намеченной позиции; марширующие правее ее левофланговые соединения 9-й армии приближались к Маасу южнее Намюра; авангарды английской экспедиционной армии появились у реки Диль.

Напряжение событий росло. Навстречу главным силам группы армий развивала наступление 6-я немецко-фашистская армия — та самая армия, одно наименование которой вызывало впоследствии чувство горячей ненависти в сердце каждого бельгийца и разгром которой через два с половиной года на Волге был воспринят поработенной Бельгией как великий праздник возмездия. Но это было позже. А утром 11 мая 4-я танковая дивизия 6-й армии по переправам при эффективной поддержке авиации быстро закончила форсирование Мааса и двинулась вдоль дорог на юго-запад, обходя с севера крепость Льеж. Позади наступали 6 пехотных дивизий, расширяя прорыв в сторону северного фланга. К середине дня Маас был уже форсирован в районе Маастрихта на фронте до 30 км. Бельгийский Генеральный штаб еще вечером 10 мая решил оставить канал Альберта и отвести войска на линию КВ. Бельгийские соединения быстро отходили¹. В таких условиях задержать наступление немцев можно было, как и предписывала общая инструкция № 12, авиацией. Генерал Жорж считал, что наибольший эффект принесут удары по мостам через Маас,

¹ Необходимо подчеркнуть, что немецкое командование чрезвычайно опасалось, что группе армий «Б» не удастся быстро преодолеть многочисленные водные преграды Бельгии и Голландии. На учете был каждый мост — их стремились занять неповрежденными, но это не удалось сделать. Йодль в своих лаконичных записях счел все же необходимым 13 мая перечислить состояние мостов: «Мосты у Маастрихта и все севернее взлетели на воздух» и далее подробно о мостах у Мурдейка, Дордрехта и т.д. (ИМТ, vol. XXVIII. P. 429). Следует прийти к выводу, что бельгийцы и голландцы не использовали всех возможностей в обороне водных преград.

по которым двигались германские войска. Но из-за медлительности и организационных неувязок на Северо-Восточном фронте наземные войска свыше суток вели бои без авиационной поддержки. Только в середине дня 11 мая Жорж в полном отчаянии от бездействия авиации решился наконец обойти многочисленные барьеры и поставить задачу на поддержку наземных войск непосредственно авиационным командирам. В телеграммах к английскому маршалу авиации Баррету и французскому генералу Тэтю — представителю начальника штаба военно-воздушных сил — он в энергичных выражениях потребовал ликвидировать паралич в воздухе. Наконец по приказу Вюильмена в воздухе появились две группы английских бомбардировщиков и направились на мосты близ Маастрихта. Французская авиация получила задачу атаковать немецко-фашистские войска восточнее Мааса. Однако запоздалая попытка ввести в действие военно-воздушные силы успеха не принесла. Бомбардировщики, чтобы обеспечить точное попадание, вынуждены были опускаться над целью до 500 м и даже ниже. При незначительных скоростях и плохой маневренности они легко поражались немецкой зенитной артиллерией и все, кроме одного, оказались сбитыми или получили опасные повреждения, не разрушив ни единого моста. Попытка Жоржа изменить обстановку при помощи авиационных ударов не удалась. Положение бельгийской армии быстро ухудшалось. Части 3-го армейского корпуса, охваченные с обоих флангов, мужественно вели неравную борьбу с немецкими танковыми соединениями западнее Льежа. В районе Диета был разбит арьергард 2-го армейского корпуса. Наспех сформированной бельгийской оперативной группе было отдано приказание вернуть позиции на канале Альберта. Группа несла потери в контратаках. Остальные бельгийские части отступали к позиции Антверпен — Намюр — той позиции, на которой уже сосредоточивались войска союзников.

Отсутствие взаимодействия и связи между французским и бельгийским Генеральными штабами невероятно

затрудняло управление операциями. Бельгийцы, уничтожив ряд переправ и мостов на канале Альберта, нисколько не беспокоились о французских соединениях, в частности о 1-й легкой моторизованной дивизии, находившихся по ту сторону канала. Бесплодное пребывание 7-й французской армии в районе бельгийско-голландской границы затрудняло оборону Антверпена бельгийцами, так как оказалось невозможным произвести намеченные планом разрушения мостов и дорог севернее города. Отход бельгийских войск на боевые порядки французских и английских частей угрожал полным хаосом союзных армий.

Лишь 12 мая, когда бессмысленность разрозненных усилий стала предельно ясной, а обстановка в Бельгии значительно ухудшилась, бельгийский король — номинальный командующий армией — пригласил в свою резиденцию вблизи Монса представителей союзников. Прибыли Даладье, генералы Жорж, Шампон и Паунелл — начальник штаба английских экспедиционных войск, а также голландский представитель. Было проведено совещание, на котором все наконец пришли к выводу, что для улучшения взаимодействия между союзными армиями необходимо признать единство командования под французским руководством. К Гамелену направилась «миссия» во главе с бывшим начальником Генерального штаба бельгийской армии генералом Галле. Но Гамелен к этому времени уже целиком переложил ответственность за Северо-Восточный фронт на Жоржа и Бийотта. Бельгийские, английские и голландские войска должны были поступить под начальство командующего 1-й группой армий. Переговоры ограничились рамками армейской группы, что, конечно, не могло привести к решению проблемы взаимодействия вооруженных сил четырех государств. Ничего похожего на внутренне прочный союз не получилось.

Обстановка, которую 7-я армия застала в Голландии, была неблагоприятной. Роттердам контролировался германскими парашютистами. В Гааге шли бои. Командующему армией генералу Жиро никак не удавалось нала-

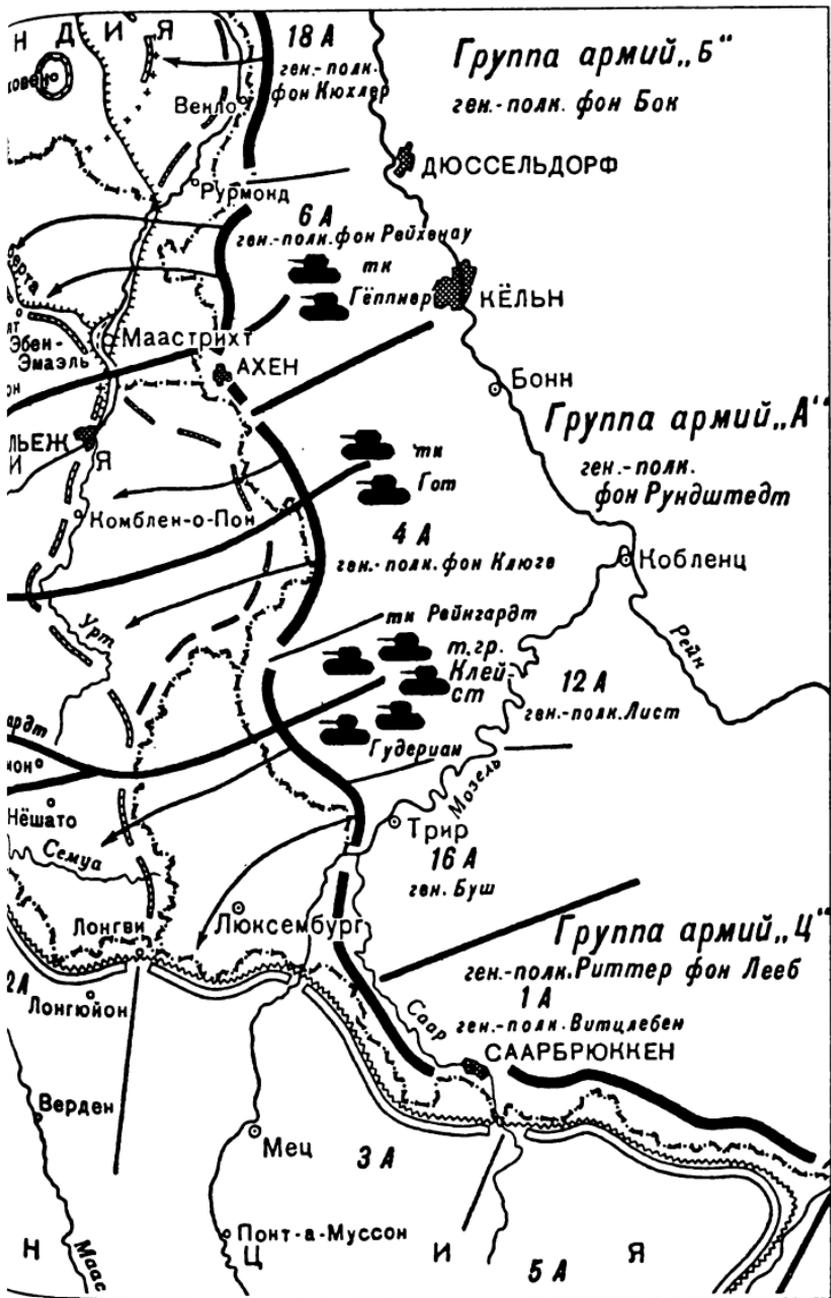
дить связь с голландским командованием. Возможность отбить район Роттердама, изрезанный реками и каналами, казалась Жиро весьма проблематичной. Танки не прибыли, неизвестно где плывет морем 68-я пехотная дивизия, очень мало боеприпасов. К вечеру 11 мая Жиро узнал, что бельгийское командование решило отвести войска от канала Альберта на линию Антверпен — Намюр. Это решение фиксировало свершившийся факт: бельгийцы уже довольно беспорядочно отступали к реке Жетт. Утром 12-го в штаб армии поступили еще более неблагоприятные известия: немцы на широком фронте перешли канал Альберта, бельгийский фронт прорван в районе Тонтр, враг продвигается на запад. В сложившейся обстановке Жиро решил отойти и занять оборонительную линию вблизи Антверпена.

Тем временем в Голландии вечером 11 мая был захвачен немецкими танками город Бреда. На следующий день передовой отряд 9-й танковой дивизии при поддержке авиации соединился с десанниками, удерживающими мост через Маас у Мурдейка. Намерение командующего немецкой группой армий «Б» заключалось в том, чтобы повернуть 9-ю танковую дивизию «направо кругом» для вторжения с юга в «крепость Голландию». Система голландской обороны распалась¹. В районе

¹ В первые же дни боев немцам удалось преодолеть голландские оборонительные рубежи Пеел и Греббе, которые имели железобетонные казематы для 37-мм и 88-мм орудий. Сильными дотами прикрывалась линия Мааса особенно в районе Венло. (Подробно об этом см.: *Opze Oorlog, 10—14 mei 1940. Den Haag, 1941. S. 60—64, 150—160.*) Однако линии обороны защищались крайне малыми силами и поэтому сдержать многократно превосходившие группировки немцев не могли. Например, оборонительный рубеж Пеел насчитывал на фронте до 100 км всего лишь до полутора дивизий. Рубеж Мааса от Маастрихта до Неймегена обороняли на фронте 110 км лишь 9 батальонов (*Military operations in the Netherlands, described by P.L.G. Doorman. London, 1958, map. 1.*)

Вторжение

в Бельгию

Гааги фашистские парашютисты, непрерывно получая подкрепления, теснили голландские войска. Немецкие танки, совершив пресловутый «поворот направо кругом», прорвались к Дордрехту и вскоре были уже около Роттердама, который без всякой нужды подвергся варварской бомбардировке авиацией Кессельринга уже после капитуляции. Голландские руководители признали свое бессилие и свою неспособность продолжать борьбу. Не помешало капитуляции и то, что голландская армия еще далеко не была разбита, хотела сражаться, а значительная часть территории страны, причем наиболее пригодная, благодаря наличию системы каналов, для обороны, оставалась в руках голландцев. Разуверившись в англо-французской поддержке, чувствуя себя брошенными и обессиленными, представители голландского командования оповестили 13 мая гитлеровское руководство о своем желании начать переговоры.

Быстрая капитуляция Голландии и безуспешные действия 7-й армии, спешившей ей на помощь, были первым ударом по союзникам. Высвобождалась немецкая 18-я армия, появления которой следовало скоро ожидать в Бельгии.

Утром 13 мая 1-я французская и английская армии, развернувшиеся на линии Намюр — река Диль — Лувен, выдвинули подвижные части к востоку для поддержки бельгийцев, отступавших с боями севернее Лувена и на Антверпен. 6-я немецко-фашистская армия, нанося удар своим левым флангом, входила в соприкосновение с союзниками. Две танковые дивизии корпуса Хепнера, прорываясь вдоль Мааса севернее Намюра, угрожали атакой в смежные, плохо обеспеченные фланги 1-й и 9-й французских армий. Остальные соединения немецко-фашистской армии начали широкой дугой охватывать с северо-востока бельгийские и англо-французские войска.

Первым из французских соединений вступил в бой кавалерийский корпус Приу. Колебавшийся прежде генерал теперь был преисполнен решимости. Французские

кавалеристы, поддержанные легкими бронемашинами, двинулись в атаку против 4-й танковой дивизии врага, наступавшей через плато Жамблу. Но встреченные огнем танков Т-III и Т-IV, пушки которых примерно вдвое превосходили калибр орудий французских танков, они заплатили напрасной гибелью сотен храбрецов за косность своего командования. Эта атака была копией столь же устаревших и таких же героических атак польской кавалерии на германские танки под Хойнице, Кутно, на Бзуре в сентябре 1939 г. Кутно, Бзура и Жамблу ознаменовали закат кавалерии как самостоятельного рода войск.

Вечером 13 мая 5 бельгийских пехотных дивизий отошли на рубеж обороны Антверпен — Лувен и примкнули с севера к фронту союзных войск. Основные силы бельгийской армии отходили от канала Альберта к реке Жетт. Генеральный штаб Бельгии распорядился отвести на основную оборонительную позицию Лувен — Антверпен главные силы армии, что было выполнено к утру 14 мая. Эту позицию было приказано удерживать во что бы то ни стало. Теперь на фронте от устья Шельды до Намюра почти по прямой линии оборонялись 16 бельгийских, 25 английских и французских дивизий. Против них действовали 23 немецко-фашистские дивизии (из них две танковые), эффективно поддерживаемые с воздуха. Общий фронт с бельгийцами был создан. У союзников появились надежды. Правда, впереди линии Антверпен — Намюр бельгийским и передовым французским частям удалось лишь ненадолго сдержать противника. Но все же германское наступление в Бельгии к 14 мая удалось приостановить. Союзное командование оценивало ход событий оптимистически. «Маневр Диль», тот самый, о котором так много говорили и столько писали во французских и английских штабах до 10 мая, был все же выполнен. Однако все эти усилия, жертвы, расчеты и надежды оказались тщетными на фоне событий, развернувшихся в ближайшие дни на южных участках фронта.

3

В то самое время когда бельгийская армия вела тяжелые бои, а 1-я группа союзных армий спешила ей на помощь, южнее, в Арденнах, уже двигалась мощная немецкая ударная группировка, на которую пока еще ни в замке Венсенн, ни в Ла-Ферте — ставке командующего Северо-Западным фронтом Жоржа, ни тем более в Париже никто не обращал внимания. Всю ночь на 10 мая сотни танков и бронемашин, тысячи грузовиков и мотоциклов группы Клейста гремели на дорогах, приближаясь к люксембургской границе. В 5 часов 35 минут передовые танковые отряды перешли пограничную линию. Люксембург спал, и ни один винтовочный выстрел не раздался на границе. Войска хлынули в Арденны. Хорошо подготовленный марш протекал без задержек. Механизированные колонны встретили на горных дорогах никем не охраняемые бетонные заборы, немногим выше человеческого роста, с вмонтированными в них железными рельсами, глубокие ямы, минные поля, к преодолению которых немецкие инженерные войска были подготовлены. К заборам устанавливались аппарели с настилами, и машины свободно проезжали поверх препятствий. Вокруг ям устраивались обходы. Небольшой отряд мотоциклистов перешел вброд пограничную реку Урк и преодолел управляемые электричеством и даже незапертые железные ворота. Батальон немецких парашютистов приземлился позади бельгийских пограничных укреплений вблизи Мартеланжа и занял их, открыв путь танковым авангардам дальше на запад.

Когда немецкая ударная группировка втянулась в Арденнские горы, для французского командования открылись значительные возможности. Танковую группу Клейста можно было запереть в горах авиацией и заставить прорываться с тяжелыми потерями. Союзники легко могли нацелить в Арденны до 300—400 бомбардировщиков, удары которых по танковым колоннам, лишенным воз-

возможности маневра на горных дорогах, нанесли бы гитлеровцам ощутимый ущерб. Задержала бы механизированные войска и хорошо организованная артиллерийская противотанковая оборона, выдвинутая в горы. Большой эффект мог принести также контрудар французских войск. Однако французское командование не воспользовалось благоприятными возможностями.

Первым французским генералом, который реагировал на движение врага через Люксембург, был командующий 2-й армией Хюнцигер. Согласно плану, он, как и его сосед, командующий 9-й армией Корап, должен был встретить немцев в Арденнах на полпути к Маасу и задержать их, пока войска не займут позиции вдоль реки. В 6 часов 10 мая кавалерия 2-й армии по горным дорогам уже шла вперед с задачей продвинуться до рубежа Бастонь — Арлан в бельгийских Арденнах. Генерал Корап, который должен был направить свою кавалерию севернее, к району Сен-Юбер, плана не выполнил и тем оставил левый фланг кавалерии 2-й армии открытым. Столкновение с танками Клейста произошло в долине между Арлоном и Флоранвилем. Героические кавалерийские атаки французов разбивались пушечным огнем германских танков.

Но вечером наступающими овладели сомнения и страх. Штаб немецкого 2-го авиакорпуса, осуществлявший разведку, неожиданно сообщил: «Скопление мощных танковых сил в районе Кариньян. Из Монмеди и Лонгви танки двигаются в северном направлении»¹. В штабах, особенно в штабе Гудермана, произошло смятение. 10-я танковая дивизия была срочно направлена на юг для отражения ударов французских танков². Немецким

¹ Wehrkunde 1959. N 5. S. 239.

² В вечернем донесении штаба группы «А» перечислялись пункты, в которых якобы обнаружены французские танки: Кариньян, Монмеди, Лонгви, Шарлевиль, Мезьер, Седан (*Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug 1940. S. 9*).

генералам и штабистам стало казаться, что быстро пройти через Арденны не удалось, что их план раскрыт французами, которые теперь легко «запрут» в горах и уничтожат авиацией ударную группировку Клейста.

Гальдер записал в дневнике 12 мая: «10-я танковая дивизия вопреки приказу... вырвалась на север (ошибка — на юг. — Д.П.), возможно, из страха перед танками противника, появившимися южнее».

Ошибка обнаружилась лишь утром: двигались не танки, а кавалерия 2-й французской армии. Ночная паника — свидетельство неуверенности в своих силах немецко-фашистского командования 10 мая и той относительной легкости, с которой союзники могли сорвать его планы именно в момент, когда ударная группировка втянулась в Арденны и представляла собой прекрасную цель для союзной авиации. Однако ни один французский или английский самолет не появлялся в течение всего дня над потоком германских танков и бронемашин, пробиравшихся горными дорогами.

Французское командование упустило неповторимую возможность. Немецкие танковые колонны прошли через горы, и их передовые части выдвигались к Маасу.

После того как разбитая кавалерия 2-й французской армии отошла в долину Семуа, масштабы надвигающегося германского удара несколько прояснились. Генерал Жорж понял, что противник может предупредить 9-ю армию, совершающую марш согласно «плану Д», и выйти к Маасу раньше, чем эта армия достигнет реки. Главным силам 9-й армии требовалось для достижения Мааса еще около двух суток. Чтобы задержать немцев, Жорж в ночь на 11-е приказал командующему армией направить в Арденнские горы кавалерийские соединения. Ночью кавалерия 9-й армии перешла Маас и двинулась навстречу судьбе, постигшей сутки назад кавалеристов 2-й армии.

В долине между Бертрикс и Палисель, подавленная массированными атаками немецких бомбардировщиков, кавалерия 9-й армии дрогнула и повернула назад к Маасу, на западном берегу которого пехота 2-й французской ар-

мии занимала окопы, а 9-й армии еще совершала свой марш. На плечах французской кавалерии подвижные части немецкой группы армий «А» вырвались к Маасу. Танковый корпус Гота, наступавший совместно с 4-й армией, выдвинулся к реке у Динана. Корпус Рейнгардта 6-й танковой дивизией достиг Мааса у Монгерме, а корпус Гудериана своими тремя танковыми дивизиями выдвигался к Седану. Вслед за танковыми соединениями по горным дорогам на глубину более 200 км двигалась через Арденны в долину Мааса немецкая пехота.

Германское командование при всей его самоуверенности совершенно не ожидало такого успеха и не было подготовлено к его реализации. Йодль записал утром 13 мая в своем дневнике: «Операции принимают, сверх ожидания, благоприятное развитие»¹. Английский исследователь событий 1940 г. Эллис пишет: «Ночью немецкому командованию нужно было принять важные решения. Оно было озадачено неожиданностью не меньше, чем французы, и оно не скрывало своей радости... Оно даже не было подготовлено использовать преимущества своего неожиданного успеха и должно было остановиться, чтобы разобраться в своем положении»². Для этого в группу Клейста выехали сначала начальник штаба группы армий Блюментритт, затем командующий Рундштедт, встретившийся до этого с Браухичем, а также командующий 3-м воздушным флотом Шперрле. Убедившись, что произошло нечто непредвиденное, они совместно со штабом Клейста пришли к выводу, что следует попытаться использовать успех и форсировать Маас в ночь на 13 мая, не ожидая подхода отставшей артиллерии и сосредоточения всех сил.

Для нас важно отметить, что, достигнув неожиданного успеха, немецкие генералы пока и не мечтают быстро развивать успех за Маас. Пределом их намерений является

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug. 1940. S. 20.*

² *Ellis L.F. The War in France and Flanders 1939—1940. P. 70.*

попытка рискнуть захватить хотя бы незначительные плацдармы за Маасом. Они все еще не предполагают, каким легким делом окажется прорыв дальше в глубь Франции.

В условиях, когда артиллерия отстала, все надежды возлагались на поддержку форсирования авиацией. Весь 3-й воздушный флот, усиленный 5-м авиационным корпусом 2-го воздушного флота, всего более 1200 самолетов, должен был начать в 8 часов 13 мая огневую подготовку наступления с целью захвата плацдармов. Повторный бомбовый удар планировался с 14 до 16 часов непосредственно перед форсированием¹. В действительности, из-за неготовности авиации воздушное наступление началось в 12 часов 13 мая².

На каком участке форсировать Маас? Клейст считал, что главный удар следует наносить 19-м танковым корпусом Гудериана в районе Седана, западнее небольшой реки Бар, чтобы создать более выгодные условия для развития в дальнейшем наступления на запад. Но Гудериан, не желая терять время на перегруппировку сил, вышедших к Маасу у Седана, воспротивился этому. Окончательно было решено, что 19-й танковый корпус будет форсировать Маас у Седана восточнее реки, а 41-й танковый корпус — севернее, у Монтерме, куда уже вышла по горным дорогам его 6-я танковая дивизия.

Как уже известно, на фронте между Верденом и Намюром оборонялись 2-я и 9-я — самые слабые французские армии, входившие в состав 1-й группы армий. Мы уже знаем, что французское командование оценивало участок фронта южнее Намюра как второстепенный, как «фронт прикрытия» или «связку» между Линией Мажино и основной группировкой союзных войск, располагавшейся в Бельгии.

Оба командующих армиями в течение восьми месяцев «странной войны» свои усилия направляли не

¹ *Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug 1940. S. 19.*

² Там же.

столько на укрепление боеготовности войск, сколько на «искоренение коммунистической заразы». Они старались внушать солдатам и офицерам, что сражаться с фашистской Германией не придется. Все очевидцы свидетельствуют о низком состоянии морального духа войск 2-й и 9-й армий. Наступавшим при поддержке более 1200 самолетов 44 дивизиям немецко-фашистской группы армий «А», в числе которых было 7 танковых, на участке фронта от Вердена до Намюра противостояли только 17 французских дивизий, среди них ни одной танковой.

Вечером 12 мая левофланговые пехотные соединения 9-й французской армии, изнуренные маршами, медленно выходили на западный берег Мааса. К тому моменту когда танки Гудериана приступили к форсированию реки, в районы между Намюром и Живе успела выйти только часть армии; ее 22-я и 4-я североафриканская дивизии отстали и тянулись по дорогам далеко сзади¹. Кавалерию 9-й армии, отступавшую из Арденн к Маасу, опередили немецкие танки, оказавшиеся у реки раньше, чем основная часть французских драгун и кирасир успела переправиться на западный берег. На левом фланге 9-й армии командиры никак не могли разобраться в невообразимой путанице, которая произошла при занятии позиций. Пехота перемешалась с кавалерией, отошедшей из Арденн. Беженцы запрудили дороги. Связь оказалась безнадежно потерянной, в системе пехотного и кавалерийского командования образовалась неразбериха. Ни о какой организованной обороне 9-й армии на западном берегу Мааса не могло быть речи. Плотность войск не превышала всего лишь одного батальона на 4 км фронта. Вооружения не хватало, резервы были слабыми. Считая, что «непроходимые» Арденны прикрывают примерно две трети 100-километрового фронта обороны его армии, особенно ее правый фланг, генерал Коррап направил

¹ *Vilfroy Daniel*. War in the West. Harrisburg; Pennsylvania, 1942. P. 77.

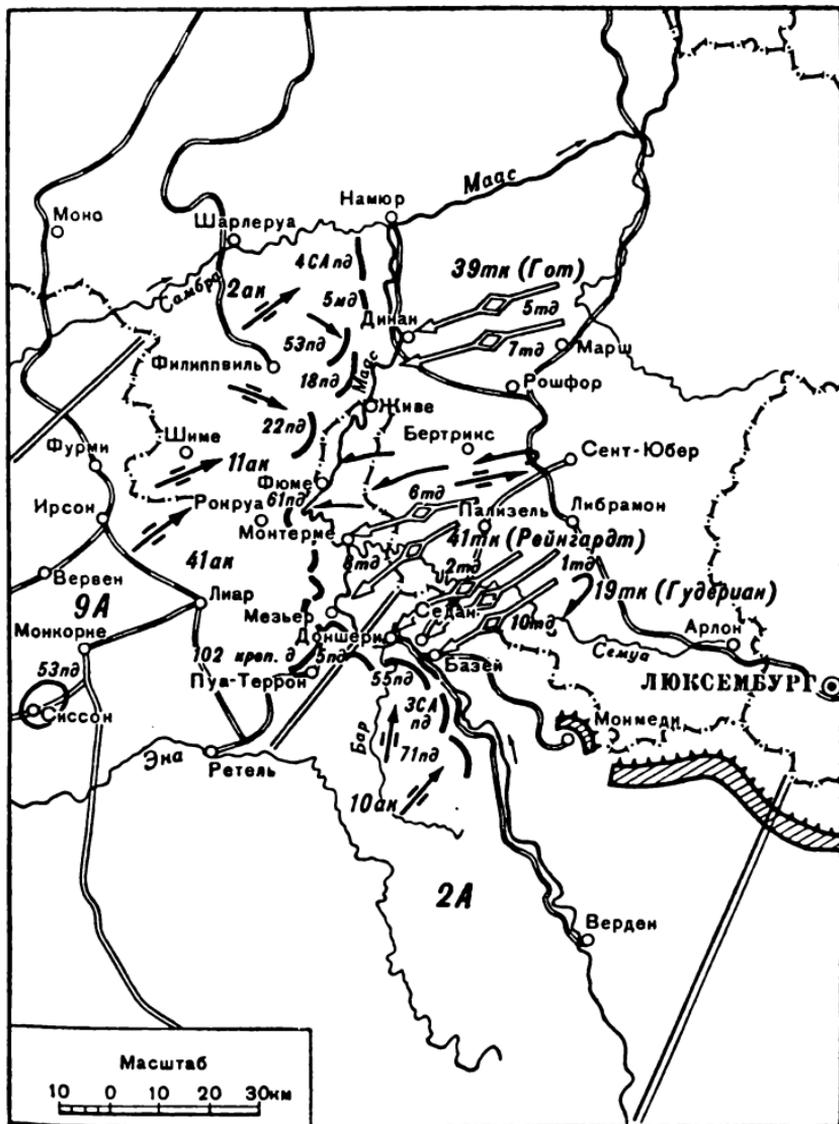
сюда самые слабые дивизии. Имеющееся в армии ограниченное количество противотанковых и зенитных орудий было целиком сосредоточено в левофланговых дивизиях, против которых немцы не наступали. Здесь, в частности, находились все 37-мм противотанковые орудия. Соединения, расположенные на правом фланге, которым предстояло принять главный удар танковых дивизий противника, были совсем лишены противотанковой артиллерии. Все шесть зенитных батарей армии были переданы левофланговой 5-й моторизованной дивизии¹.

Французское командование допустило тяжелый просчет в вооружении 9-й армии. Руководствуясь доктриной позиционной войны и считая, что, подобно Первой Мировой войне, организованная система огня сделает линию фронта непреодолимой, оно по соображениям экономии из 200 тыс. человек, входивших в состав армии, до 15 тыс. оставило безоружными. У этих людей не было даже пистолетов или кинжалов. В число 15 тыс. невооруженных входили не только обозники, но и все артиллеристы. Впоследствии прорыв германских танков превратил тысячи этих мужественных солдат в беззащитную толпу.

Построенная в одном эшелоне, без глубины, армия Коррапа не могла противостоять тарану Клейста.

Не в лучшем состоянии пребывала и 2-я армия, оборонявшаяся на 100-километровом фронте от франко-люксембургской границы до Седана. Вооружение этой армии, по свидетельству французского историка Вильфруа, «состояло из пулеметов и ручных автоматов, годных только для защиты против безоружных». Войска не готовили оборонительных позиций, надеясь на непроходимость Арденнских гор. Правда, после объявления Бельгией нейтралитета инженеры возвели перед фронтом армии несколько блокгаузов и различных заграждений, однако первая полоса обороны армии не имела даже траншей. Она состояла из отдельных окопов. Вторая и тыловая

¹ Кроме того, 9-я армия имела около 200 танков, приданных пехоте, и одну эскадрилью истребителей.

Форсирование Мааса

полосы существовали только на бумаге. Запланированный в Генеральном штабе так называемый «Арденнский сектор заграждения» носил чисто символический характер. Командующий армией имел в своем распоряжении только 24 истребителя. У него не было ни одной зенитной пушки. Управление войсками базировалось исключительно на проволочной связи.

Общее соотношение сил на фронте 2-й и 9-й армий к утру 13 мая представляло печальную для французов картину: немцы превосходили их в танках в 7 раз, в авиации — в 20 раз.

На 10-километровом участке прорыва 19-го немецко-фашистского танкового корпуса под Седаном против трех танковых дивизий немцев оборонялись в первом эшелоне всего лишь 2,5 полка 55-й пехотной французской и 3-й североафриканской дивизий. Немцы превосходили здесь французов по танкам более чем в 25 раз, по авиации — в 50 раз, по артиллерии — в 2,2 раза.

Нет необходимости комментировать соотношение сил и состояние обороны 9-й и 2-й армий. Французский премьер-министр Рейно впоследствии говорил о «невероятных ошибках», допущенных французским командованием в отношении Маасского фронта, и о «невероятном» развертывании армий. Да, ошибки были действительно непоправимые. Но если учесть, что на планирование и подготовку было затрачено почти 20 лет, то нельзя не прийти к выводу, что здесь налицо не просто ошибки, а одно из выражений отсталости всей военной системы Франции.

Успех немецко-фашистской группы армий «А» был предрешен.

Редко в военной истории встречаются столь благоприятные обстоятельства для достижения крупных военных результатов, какими располагала немецко-фашистская армия к исходу 12 мая 1940 г. на Маасе. Когда фашистские генералы Рундштедт, Клейст и Гудериан готовились вечером 12 мая 1940 г. к удару под Седаном, у них имелись все шансы на победу, и эти шансы вытекали прежде всего из факта подавляющего превосходства сил над французскими войсками на участке прорыва.

В современной военной литературе некоторые западно-германские, английские и американские авторы, стараясь умалить военное искусство Советской Армии в заключительные годы минувшей войны, пропагандируют тезис, будто в 1944—1945 гг. Советская Армия побеждала только за счет численного превосходства на участках наступления. Этому противопоставляются действия немецко-фашистской армии, якобы добивавшейся побед меньшими силами. Но достаточно исследовать конкретные факты, как становится ясной искусственность этого тезиса. Под Седаном гитлеровцы создавали 20- и даже 50-кратное превосходство над французскими войсками. Именно здесь была достигнута самая высокая в годы Второй Мировой войны концентрация сил и технических средств борьбы, особенно танков и авиации, на узком участке фронта.

4

Настало солнечное утро 13 мая. 19-й танковый корпус своими тремя танковыми дивизиями вышел на восточный берег Мааса. У Монтерме заняла исходные позиции 6-я танковая дивизия 41-го танкового корпуса. 8-я танковая дивизия еще двигалась в Арденнах.

Ровно в полдень началась авиационная подготовка. Она проводилась на узком фронте всем составом усиленного 3-го воздушного флота. Его 1-й корпус действовал непосредственно с группой Клейста, 2-й наносил удары в ближайшей глубине¹.

Атака с воздуха была длительной и жестокой. Казалось, немецкая авиация стремится уничтожить все живое на этом клочке французской земли, где, потрясенные и беспомощные, лежали французские солдаты. Потери не защищенного от авиации 10-го французского корпуса в

¹ Объектами ударов 2-го авиационного корпуса были коммуникации и ближайшие резервы в районе форсирования (см.: *Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug. 1940. S. 25*).

результате воздушной атаки были катастрофическими. Особенно повлияла она на психологическое состояние войск.

После окончания авиационной подготовки немецко-фашистские войска перешли в наступление. Первой форсировала Маас мотопехота танковых дивизий. Лишь из некоторых районов уцелевшая французская артиллерия вела беспокоящий огонь. Переправившиеся через Маас на резиновых надувных лодках, плотах, каноэ и просто вплавь штурмовые отряды атаковали под прикрытием противотанковых и зенитных орудий, танков и авиации уцелевшие очаги сопротивления. Блокгаузы легко были захвачены с тыла. Все произошло быстро, так как штурмовые отряды в течение многих месяцев репетировали атаку с преодолением водной преграды и довели свои действия до автоматизма. Форсирование, по оценке Гудериана, проводилось, «как на инспекторском смотре в учебном лагере»¹. В пунктах переправ находились старшие германские командиры. Сюда же прибыл и командующий группой армий Рундштедт. На французской стороне ни один командир в ранге выше командира корпуса не приближался к линии фронта ближе чем на 40 км. Никто в штабах не представлял, что происходит на забытом арденнском участке. До хрипоты все кричали в телефонные трубки, пытаясь уяснить обстановку, но тщетно: проводная связь повсеместно была нарушена.

Фашистские штурмовые отряды легко захватили небольшие плацдармы и начали продвигаться к югу от Мааса. Статичная французская оборона не смогла ничего противопоставить действиям слабых немецких отрядов. Восемь месяцев у французов все было привязано к строго определенным точкам. И в решительный момент все, что уцелело после авиационной подготовки, осталось на месте. Никто не пытался контратаковать первые слабые отряды врага.

Опустилась ночь. Остатки французских войск, измученные и потрясенные событиями минувшего дня, медленно отходили к югу, где, как говорили, находилась

¹ *Heinz Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. S. 92.*

вторая линия обороны. Части перемешались. Тем временем на Маасе немецкие саперы быстро закончили сооружение понтонного моста. В темноте через реку двинулись танки, автомашины, броневики.

Второй прорыв гитлеровцы совершили 13 мая у Монтерме, расположенного в 35 км севернее Седана. С утра германские пикирующие бомбардировщики атаковали слабые позиции 3-й североафриканской бригады. Вечером через Маас на резиновых лодках переправились штурмовые отряды и захватили небольшой плацдарм. Угроза Маасскому фронту надвигалась также севернее, в направлении Динана, где левый фланг 9-й армии был атакован подвижными частями корпуса Гота, входившими в 4-ю немецко-фашистскую армию.

Германское наступление в районе Динана оказалось столь же успешным, хотя проводилось несколько иными методами, чем под Седаном¹.

¹ На рассвете 13 мая штурмовой отряд, вооруженный гранатами, использовав невзорванную плотину, пересек Маас и неожиданно высадился близ деревни Гу в нескольких километрах от Динана. Оборонявшийся здесь французский резервный армейский батальон был застигнут врасплох и отошел. Вслед за штурмовым отрядом в густом предутреннем тумане на резиновых лодках и подручных средствах на западный берег переправились передовые отряды мотопехоты с легким вооружением. Наступавшие добились полной внезапности атаки. Только что прибывшие, утомленные маршем части французской 5-й пехотной дивизии не смогли организовать сопротивление, а 18-я пехотная дивизия не успела выйти в назначенный ей район обороны у Динана; в бой вступил только ее авангард, переброшенный сюда на автомашинах. Тонкая линия плохо организованных французских боевых порядков сразу же оказалась прорванной. Когда туман рассеялся, в бой была введена фашистская авиация. В этой обстановке генерал Корап приказал главным силам 18-й пехотной дивизии в 19 часов 30 минут контратаковать противника у Динана. Однако дивизия все еще совершала свой утомительный 80-километровый марш и находилась по крайней мере в 10—15 км от Динана. Контратака не состоялась.

К вечеру севернее Динара, у деревни Анге, мотопехота 7-й и 5-й германских танковых дивизий захватила плацдарм размером 4 км по фронту и 3—4 км в глубину. Главные силы 4-й немецко-фашистской армии на широком, 30-километровом, фронте вышли к Маасу.

Так закончился памятный для французской армии день 13 мая. На второстепенном участке фронта, где резервисты образовали за такой, казалось, надежной преградой, как Маас, слабое прикрытие, враг в течение одного дня захватил три плацдарма и вклинился в оборону так глубоко, как в Первой Мировой войне мог это сделать наступающий лишь в результате многих недель кровопролитных боев. Оба фланга 9-й армии оказались под угрозой.

Все это совершенно не укладывалось в рамки французских оперативно-тактических воззрений, основанных на глубочайшей убежденности в неприступности фронта современной обороны. Высшее союзное командование в течение всего дня 13-го и в ночь на 14 мая слабо представляло значение событий на южном участке. Система французского военного руководства, построенная на принципах позиционной войны, не была гибкой и подвижной. Командующие, привязанные к своим пунктам управления, представлявшим собой резиденции в старинных замках и крепостях, довольствовались лишь отчетами «снизу». Чем выше рангом был командир, тем в большей степени при плохой связи того времени он был оторван от поля сражения, тем дальше он располагался от войск и тем меньше чувствовал пульс борьбы. Если командиры дивизий и корпусов 2-й и 9-й армий днем 13 мая реально ощутили силу нанесенного удара, если командующие этими армиями были серьезно обеспокоены положением у Седана и Динана и пытались принять какие-то меры, то командующий 1-й группой армий Бийотт узнал о наступлении врага под Динаном лишь через 13 часов после его начала, а генералы Жорж и особенно Гамелен по-прежнему думали только о бельгийском фронте, где и сейчас, по их глубокому убеждению, решался исход кампании.

На совещании Гамелена и Жоржа, происходившем днем 13 мая в Ла-Ферте, речь шла главным образом о «позиции Диль». Главнокомандующий потребовал не отступать ни на шаг ни на одном участке фронта, и особенно в Бельгии. В совещании принимал участие и начальник штаба ВВС генерал Вюильмен, который держал в своих руках управление авиацией. Правда, учитывая новое сообщение о крупных силах противника, якобыдвигающихся к Маасу южнее Намюра, Гамелен попросил Вюильмена сосредоточить усилия авиации на Маасе. Но с этим никто не торопился. Вюильмен, конечно, потребовал письменного распоряжения, без чего по существующей бюрократической традиции он не мог выполнять приказ. В сутолоке дел вопрос казался не столь уж серьезным, ибо относился не к бельгийскому, а к Маасскому фронту, поэтому приказ был подписан Гамеленом лишь вечером 13-го, и действия французской авиации начались на Маасе только с утра 14 мая. Вот почему весь день 13 мая в небе над Седаном, Монтерме и Динаном не появилось ни одного французского самолета.

Тяжелый и неповоротливый механизм союзного управления очень медленно реагировал на новую обстановку. Оперативные инстанции, начиная с армии и выше, долгое время не представляли себе действительного положения вещей. Вскоре они жестоко за это поплатились.

Генерал Жорж вечером 13 мая все же оказался в курсе событий, происшедших днем у Седана. Но Гамелен, как и прежде, пребывал в неведении. Когда он возвратился из Ла-Ферте в свою Венсеннскую крепость, состоялось еще одно совещание — с адмиралом Дарланом. Единственной темой разговора было положение в Голландии. Обсуждался вопрос о десанте 7-й армии на голландский остров Валхерен и о его обороне после капитуляции Голландии. Ни разу в течение вечера главнокомандующий не упомянул ни о Маасском фронте, ни о Седане, ни об угрозе с юга. Он почти ничего не знал. Вся информация застряла на одном из промежуточных этапов — у Жоржа, который весь этот вечер раздумывал над тем, как бы

получше доложить неприятное известие Гамелену, чтобы снять с себя ответственность перед главнокомандующим и правительством. Ночью был составлен доклад. По своему содержанию он претендует войти в историю как пример воинской трусости, обмана одним высшим генералом другого.

«7-я армия. Вчера вечером ситуация прояснилась. Моральное состояние войск хорошее. Бельгийцы, по видимому, удерживают фронт обороны.

1-я армия. Кавалерийский корпус был отведен на линию Куантэ. Моральное состояние войск отличное.

9-я армия. Контратака в направлении Гу не удалась, так как у пехоты нет танковой поддержки. Генерал Бийотт имел вчера намерение ввести 1-ю бронетанковую дивизию.

2-я армия. Прорыв у Седана приостановлен. Позади устраиваются окопы и препятствия на второй позиции. Сегодня утром в 4:30 предпринята контратака значительными силами с нескольких сторон.

3-я армия. Выступающий угол Лонгви эвакуирован. На западе ничего больше не произошло»¹.

Этот «доклад» не давал никакой оценки обстановки; в нем не было даже намека на анализ вопросов, которые были важны для главного командования. Он свидетельствовал лишь о желании преуменьшить значение полученных ударов, успокоить Гамелена, французское правительство, а заодно и общественное мнение. Но самое удивительное заключалось в том, что Гамелен вполне удовлетворился докладом. Он ничего не сделал, чтобы проверить и уточнить данные, чтобы принять какое-либо решение. Он продолжал находиться в замке Венсенн — в своей «подводной лодке без перископа» — среди почтенных и вышколенных офицеров для поручений, адъютантов, роскошных комнат, обставленных старинной стильной мебелью. Он был уверен, что дела на фронте

¹ *De Bardies. La campagne 39–40. P. 183.*

идут своим чередом, согласно тем вариантам и предположениям, которые он предусмотрел еще задолго до войны, и что, если удастся остановить немцев в Бельгии, особенно у плато Жамблу, война, как это было 25 лет назад, застынет в позиционных формах, после чего вступят в действие экономические, политические и иные факторы.

Утром 14 мая генералам Жоржу и Бийотту угроза на Маасе и возможные последствия прорыва стали вполне ясны. Оба командующих все более сознавали, что немцы атакуют здесь превосходящими силами и что поэтому 2-ю и 9-ю армии необходимо усиливать. В этот же день было принято решение перебросить в 1-ю группу армий шесть дивизий из бездействующей 2-й группы армий, то есть с Линии Мажино. Последняя постепенно становится резервуаром, из которого можно было черпать дивизии для брешей на северо-востоке. Еще 12-го генерал Жорж снял с южного фланга Линии Мажино для переброски на север одну дивизию. Однако дивизия перевозилась медленно и лишь через два дня начала прибывать к районам назначения в полосе 9-й армии. 13 мая Жорж приказал снять с Линии Мажино еще четыре пехотные дивизии и включить их в состав 2-й и 9-й армий. В последующие несколько дней переброска войск приняла более широкие размеры. Однако перегруппировка с юга на север оказалась чрезвычайно сложной. Железные дороги были забиты, фашистская авиация срывала передвижение войск.

Одновременно генералы Жорж и Бийотт решили ввести в сражение на Маасском фронте все три бронетанковые дивизии французской армии — наиболее крупный ближайший резерв командования. 1-я бронетанковая дивизия, которой командовал генерал Брюно, располагалась в лагерях Шампани, где заканчивала формирование. 11 мая в полном соответствии с довоенными планами эта дивизия отправилась в Бельгию, и через два дня ее части сосредоточились в лесах северо-западнее

Шарлеруа. 2-я и 3-я бронетанковые дивизии также начали готовиться к отправке на фронт.

5

Теперь мысленно перенесемся в штабы немецко-фашистской армии, посмотрим, как оценивало сложившуюся 14–15 мая обстановку командование гитлеровских сухопутных войск и какие на этой основе были выработаны дальнейшие планы.

Имевшиеся в распоряжении германского Генерального штаба данные позволяли сделать вывод, что союзники концентрируют наиболее крупные силы к северу от Намюра. Здесь предполагалось наличие около 24 англо-французских и около 15 бельгийских дивизий (в действительности имелось до 45 дивизий). Этой группировке союзников противостояли 15 дивизий 6-й армии генерала Рейхенау и 6 дивизий резерва группы армий — всего 21 дивизия. Штаб немецко-фашистских сухопутных войск считал, что в Бельгии следует ожидать контратак союзников, которые, однако, будут отбиты наличными силами. Что касается участков южнее Намюра, то, по мнению начальника штаба сухопутных войск Гальдера, соотношение сил к утру 14 мая было здесь 2:1 в пользу немцев. В действительности, как мы знаем, немецкое превосходство было в этом районе намного большим, а французские армии намного слабее, чем представлял Гальдер.

14 мая ОКВ отдало директиву (№11) о дальнейшем ведении операций. В ней отмечалось, что противник, как свидетельствует развитие германского наступления, «не смог своевременно определить основного замысла нашей операции. Он все еще направляет крупные силы к Линии Намюр — Антверпен и, очевидно, пренебрегает участком перед группой армий “А”. Эта обстановка и быстрый переход через Маас создали предпосылки для достижения крупного успеха путем нанесения удара, в соответствии с

¹ См.: *Jacobsen H.-A. Dokumente zum Westfeldzug. 1940. S. 114.*

прежним замыслом, сильной группировкой севернее Уазы в общем северо-западном направлении»¹.

При этом группа армий «Б» должна была наступлением связать и ввести в заблуждение действующие перед ней возможно более крупные силы союзников. Одновременно все моторизованные дивизии предстояло немедленно подвести в район действий группы «А». Танковые и моторизованные дивизии группы «Б», поскольку возможности их оперативного использования на севере теперь уменьшались, следовало также использовать на южном фланге¹.

Группа «Б» получила задачу в короткий срок ликвидировать последнее сопротивление голландских войск, после чего все действующие там подвижные соединения возможно скорее передать в распоряжение ОКХ. Группе армий «Б» предстояло блокировать Антверпен с севера и востока и нанести удар главными силами через линию Вавр — Намюр в направлении Ат. После выхода в район Шарлеруа 16-й танковый корпус переходил в подчинение ОКХ².

Группа армий «А» должна была после преодоления Мааса продвигаться между Самброй и Арденнским каналом на запад. 16-я армия выдвигалась вдоль канала. Между 4-й и 12-й армиями вводилось управление 2-й армии, принимавшее на себя часть их дивизий. Армии направлялись с ближайшей задачей продвинуться на 30—40 км, до рубежа Бомон — Ретель. При этом 4-я армия наносила удар южнее французских пограничных укреплений на Дуэ, 2-я армия — на Бапом; 12-я армия разворачивалась на линии Ла-Фер — Лаон — Ретель для обеспечения левого фланга группы армий.

Следовательно, директивой от 14 мая удар группы «А» еще больше усиливался путем дальнейшей концентрации на ее фронте подвижных войск. Однако в методах использования танковых и моторизованных соеди-

¹ Там же.

² См.: *Jacobsen H.-A.* Dunkirchen. S. 37.

нений, становившихся ведущей силой операции, именно сейчас, в ее решающие моменты, открылись слабые места, свидетельствовавшие об отсутствии у большинства руководителей армии ясного представления относительно наиболее целесообразного применения танковых войск.

По свидетельству Цейцлера — бывшего начальника штаба танковой группы Клейста, 15 мая последовал приказ Рундштедта о подчинении группы командующему 12-й армией. Штаб армии немедленно разделил группу пополам и отдал ее 41-й танковый корпус 3-му армейскому корпусу, то есть передал пехоте. Это означало ликвидацию танковой группы, тем более что командир армейского корпуса Гаазе сразу же включил танковые соединения в свой резерв. «Практически это могло означать, — пишет Цейцлер, — прекращение существования танковой группы фон Клейста как самостоятельного оперативного соединения»¹.

Начался серьезный кризис, который явился выражением слабости германского Генерального штаба в методах ведения современных операций. Оказалось, что опыт Польши еще не осмыслен до конца и применение танковых войск оставалось для ряда генералов задачей со многими неизвестными.

Тем временем обстановка на левом фланге 2-й французской армии быстро ухудшалась. Единственное, что смог предпринять в эти дни генерал Хюнцигер, обещавший Бийотту остановить врага, — это провести безуспешную контратаку частями 10-го армейского корпуса на плацдарме у Седана.

В середине дня 14 мая согласно подписанному накануне вечером приказу Гамелена французская и английская авиация вступила наконец в действие на участках Седана и Динана. 145 бомбардировщиков и 100 истреби-

¹ Wehrkunde, 1959. N 5. S. 241. Решение Гаазе было отменено.

² *De Bardies*. La campagne 39—40. P. 198.

телей решительно атаковали немцев, сосредоточивая усилия по переправам через Маас². Но главные силы немецко-фашистской ударной группировки были уже за рекой. Смелые и яростные атаки союзной авиации редко достигали цели. Техническая слабость французских «потезов» и «моранов», их малая скорость и плохая маневренность превращали эти устаревшие машины в легкую добычу «мессершмиттов» и зенитной артиллерии. Не достигнув существенного результата, французская и английская авиация потеряла в районе Седана несколько десятков самолетов¹.

Оборона 2-й и 9-й армий, особенно между их флангами, окончательно распалась. Танкам врага открывался путь на запад. Когда генерал Хюнцигер спросил по телефону своего командующего генерала Жоржа, в каком направлении отводить 2-ю армию, то получил ответ: «Делайте все возможное к лучшему». Командующий Северо-Восточным фронтом решил не брать на себя ответственность за дальнейшие события на участке фронта, который совершенно неожиданно стал решающим. Генералы обманывали друг друга, лицемерили и хитрили. В этой обстановке Хюнцигер решает отвести свою армию к югу и юго-востоку, не отрываясь правым флангом от левофланговых соединений 2-й группы армий и от укрепленных позиций Линии Мажино. Теперь путь на запад для танковых соединений Клейста открывался еще шире.

У Монтерме, где накануне вечером передовые части 6-й немецкой танковой дивизии захватили небольшой плацдарм, обстановка для наступающих складывалась неблагоприятно: им удалось встать на берег лишь «одной ногой». Чтобы развивать наступление на запад, требовалось преодолеть долину шириной 800 м и протяженностью почти 3 км, надежно прикрытую французской 102-й пехотной дивизией и 3-й североафриканской бригадой. Один из участников атак Гейнц Маасен, автор книги

¹ По французским данным, свыше 40, по немецким — около 150; последнее, безусловно, преувеличено.

«По ту сторону Мааса», впоследствии писал, что «успех 6-й танковой дивизии висел здесь на шелковой нитке и десанты только чудом не были сброшены в Маас». Контратака даже незначительными силами привела бы к поражению немцев, но ее не последовало. Германская мотопехота продолжала лежать на узкой прибрежной полосе под артиллерийским огнем. А вскоре события, происходившие еще севернее, под Динаном, решили исход боев и на участке Монтерме. Плацдарм, захваченный накануне у деревни Анге, севернее Динана, оказался достаточно емким, чтобы вместить переправившиеся ночью главные силы 5-й танковой дивизии; 7-я танковая дивизия преодолела Маас южнее Динана. Не успевшие занять оборону, дезорганизованные воздушными атаками, 5, 18 и 22-я французские дивизии не смогли противостоять с утра 14 мая удару танковой группы Гота. На узком 7-километровом фронте гитлеровцы одновременно ввели свыше 600 танков. При поддержке пикирующей бомбардировочной авиации они легко прорвали слабые французские позиции. Танки рассеяли перемешанные и потерявшие управление левофланговые части 9-й армии. Севернее Динана немецкий 8-й армейский корпус, используя прорыв танковой группы Гота, легко переправился через Маас и двинулся по дорогам Южной Бельгии, охватывая левый фланг полностью отступавшей 9-й французской армии. В направлении Филиппвиля и Шиме образовались широкие бреши. Пехота оказалась беззащитной от массированных ударов фашистской авиации. Она уходила в леса, расположенные вблизи дорог, чтобы укрыться от вражеских самолетов и танков. Последние вырывались вперед небольшими группами, внезапно появлялись на дорогах, сеяли панику. Начальники оторвались от войск, штабы в неведении блуждали по дорогам. Генерал Корап еще отдавал приказы, но их уже никто не получал. Вечером 14 мая дороги, забитые десятками тысяч жителей, среди которых брели усталые, безразличные ко всему пехотинцы и с трудом пробива-

лись орудия и обозы, стали символом полной катастрофы Маасского фронта.

6

Генерал Жорж в Ла-Ферте и генерал Бийотт в своей резиденции в Валансьенне, удаленной от линии фронта на 100 км, все еще до конца не представляли размеры поражения 9-й армии. Они принимали решения, например такие, как «двинуть все резервы на “вторую позицию 9-й армии”» (этой позиции фактически не существовало), или: «2-й армии начать активные действия, чтобы отбросить противника у Седана к Маасу». В конце концов появился общий приказ, определявший задачу всей 1-й группы армий: «...удерживать без помыслов об отступлении позицию Антверпен — Намюр — Маас» и восстановить положение на Маасе. Особые надежды возлагались на контрудары бронетанковых дивизий, особенно на 1-ю, которая теперь перебрасывалась с бельгийского направления, куда она была первоначально направлена, на Динан. Высшие командиры ждали этих контрударов как последнего спасения от постигших армию бед.

1-я бронетанковая дивизия — сильное, хорошо укомплектованное соединение (150 танков) — прибыла утром 12 мая из Шампани в район Шарлеруа. Генерал Жорж, уверенный, что гитлеровцы наносят главный удар в Бельгии, в соответствии с довоенными расчетами предполагал ввести дивизию в сражение в полосе 1-й армии на бельгийском фронте. Но 14 мая пелена предубеждений уже начала спадать, и перед командующим Северо-Восточным фронтом все более ясно вырисовывались размеры катастрофы 9-й армии. После полудня 14 мая командир 1-й бронетанковой дивизии генерал Брюно получил по телефону новую задачу — срочно перебросить дивизию на юго-восток, контратаковать противника в районе Динана и отбросить его за Маас. Танки двинулись к Маасу, однако вскоре попали в сплошной поток беженцев, обозов и в беспорядке отходивших солдат. Медлен-

ный, бесконечный марш среди двигавшихся навстречу людских толп привел дивизию в полное расстройство. Экипажи танков смертельно устали. Танковые части вступали в бой без поддержки других соединений и авиации, без разведки, почти не имея горючего. Не удивительно, что 1-я бронетанковая дивизия была разбита, не сумев изменить обстановку в районе Динана.

2-я бронетанковая дивизия 13 мая в полдень была поднята по тревоге в лагере Шалон и двинута на Суар-ле-Шато в резерв главного командования. В то самое время когда особенно усиливалась бомбардировка, предшествующая атаке на Седан, генерал Жорж приказал направить 2-ю бронетанковую дивизию вслед за 1-й дивизией Брюно в Бельгию на помощь 1-й армии. Но лишь только двинулись первые эшелоны в Бельгию, как пришло новое распоряжение от командующего Северо-Восточным фронтом. Обеспокоенный положением 9-й армии, он изменил свое первоначальное решение и передал 2-ю бронетанковую дивизию 9-й армии. Ввиду невообразимой путаницы с приказами, которые неоднократно отменялись, и ужасающей неразберихи, царившей в эти дни на железных дорогах, дивизия была буквально по частям развезена в разные районы и перестала существовать, так и не достигнув поля боя.

Кроме безуспешных попыток ввести в сражение 1-ю и 2-ю бронетанковые дивизии, французское командование в эти дни попыталось изменить обстановку в районе прорыва и другими мерами. Как мы знаем, угроза, нависшая над Маасским фронтом, заставила генералов Жоржа и Бийотта в период 13—15 мая отдать несколько приказов о перегруппировке к угрожаемым участкам фронта ряда соединений из других районов. Но осуществлялась перегруппировка хаотично из-за полной неподготовленности командования и транспорта. Резервы безнадежно запаздывали.

¹ *De Bardies. La campagne 39—40. P. 203.*

В 2 часа 15 мая генерал Бийотт утвердил решение Корара отвести 9-ю армию «на вторую позицию по линии Шарлеруа — Филиппвиль — Рокруа»¹. В 10 часов это решение было подтверждено специальным приказом штаба группы армий. Но что могло оно значить, когда армия второй день отступала в полном беспорядке и некоторые из ее частей уже давно оставили позади символическую «вторую позицию», существовавшую только на картах Генерального штаба и в воображении оторванных от фронта штабных сановников? Танковая группа Гота, наступавшая из района Динана компактной массой в 500 танков на фронте 6-7 км при энергичной поддержке авиации, к вечеру 15 мая продвинулась на 25 км от Мааса и вышла к Филиппвилю — пресловутой «второй позиции». 9-я армия была разрезана на две группы: северная отступала к Самбре с намерением соединиться с 1-й армией; южная, отброшенная в леса Шимэ, пыталась собраться близ Ирсона.

Чтобы приостановить катастрофическое развитие событий на стыке 2-й и 9-й армий и попытаться восстановить связь между ними, генерал Жорж направил в район прорыва командуящего выдвигающейся из глубины страны 6-й (резервной) армией генерала Тушона. Ему вменялось в обязанность, вступив в подчинение Хюнцигера, принять под свое командование находящиеся в пути резервные соединения и правофланговые дивизии 9-й армии (61-ю пехотную и 102-ю крепостную) и занять оборону на рубеже Гирсон — Омон¹. Утром 15-го вновь созданный импровизированный отряд, получивший название «армейской группы Тушона»², был подчинен Жоржу. Но, как и многое другое, этот отряд существовал пока на штабных картах. Единственное, что смог сделать Тушон, — это отдать приказ об организации рубежа обороны между Лиар и Монкорнэ находившимся в его распоряжении шести учебным батальонам и о сосредото-

¹ *Commandante Pierre Lyet. La bataille de France (Mai—Juin 1940). Paris, 1947. P. 162.*

² Там же. С. 139.

чении прибывающих из внутренних районов танковых батальонов и артиллерии юго-западнее Лаона для быстрого формирования здесь новой бронетанковой дивизии под номером 4, возглавить которую предназначалось полковнику де Голлю. Реальной силой, поступившей в распоряжение Тушена, был все еще оборонявшийся на пассивном участке Маасского фронта 41-й крепостной корпус 9-й армии.

В течение 2,5 суток 61-я пехотная и 102-я крепостная дивизии из состава 41-го крепостного корпуса мужественно отбивали на Маасе атаки 41-го танкового и 3-го армейского корпусов 12-й немецко-фашистской армии. В течение этого времени 6-я немецкая танковая дивизия безуспешно пыталась прорваться из Монтерме на запад. Однако в ночь на 15 мая согласно приказу генерала Бийотта об отступлении на «вторую позицию» 41-й крепостной корпус внезапно оставил район Монтерме, Мезьер и включился в общий поток отступления. Корпус оказался в катастрофическом положении: средств транспорта у него, как соединения крепостного типа, не было, часть оружия пришлось оставить в дотах. Войска отступали пешком. Немецкие танки быстро переправились через Маас и атаковали корпус на марше. То, чего 6-й германской танковой дивизии не удавалось добиться за 2,5 суток, теперь она смогла сделать за несколько часов. После отхода корпуса 6-я танковая дивизия продвинулась главными силами на 25 км от Мааса и захватила Лиар. Ее передовой отряд, опередив главные силы дивизии на 20 с лишним километров, ворвался в Монкорнэ, расположенный глубоко в тылу «второй позиции».

Таким образом, в результате отвода 41-го крепостного корпуса важный участок фронта был преднамеренно открыт, несмотря на то что войска могли здесь держаться. История с «группой Тушена» оказалась лишь очередной бумажной фикцией французского военного руководства, которое пыталось делать вид, будто что-то предпринимает, прежде чем в Париже станет ясной картина поражения.

К исходу 16 мая положение на 190-километровом фронте между реками Самбра и Эна стало для французов катастрофическим.

На направлении главного удара группы «А» в открытое 50-километровое пространство могли свободно двигаться 5 германских танковых дивизий. Из них три (1, 2, 6-я) на узком фронте вышли к Монкорнэ, а передовые отряды корпуса Гудериана уже подходили к узлу дорог Марль, расположенному в 20 км западнее этого пункта. «Наступление ударной группировки, ведущееся в форме клина, — записал в этот день начальник Генерального штаба немецко-фашистских сухопутных сил Гальдер, — развивается очень успешно. Западнее Мааса все пришло в движение»¹. Гудериан потребовал от танкистов двигаться вперед без промедлений и остановок.

Однако немецко-фашистское командование при всей его дерзости не могло даже и предполагать, что французское военное руководство окажется настолько беспомощным, что позволит немцам недорогой ценой добиться столь необычайных результатов. Еще не веря происходящему и ожидая в ближайшее время нарастающего сопротивления французов, никак не преодолев путаницу в организации действий танковой группы, главное командование сухопутных сил категорически приказало остановить наступление. Оно считало необходимым, как это и планировалось до начала военных действий, закрепить плацдарм за Маасом, для чего сюда должен был быть введен 14-й армейский корпус. На просьбы Гудериана разрешить движение вперед высшее командование отвечало решительным отказом. Начавшийся конфликт приобретал все большую остроту. «Мне и в голову не могло прийти, — пишет Гудериан, — что мои начальники по-прежнему думают закрепиться на предмостном укреплении у Мааса... Однако я чудовищно заблуждался»². Впереди было открытое пространство, но гитлеровские танки остановились.

¹ Дневник Гальдера, запись 16 мая 1940 г.

² *Guderian Heinz*. *Erinnerungen eines Soldaten*. S. 98.

Так заканчивались начальные события войны на Западе, во многом предопределившие ее общий исход.

Германское командование использовало массированный удар танковых и авиационных соединений и добилось крупных результатов. Но оно не было подготовлено к немедленному развитию успеха в оперативных масштабах. Располагая новыми средствами борьбы, значительная часть генералитета мыслила устаревшими категориями. Поэтому быстрый успех наступления в Арденнах и форсирование Мааса оказались для него во многом неожиданными. Уже в первую неделю войны с особой силой вступили в действие морально-психологические факторы. Столь быстро и внезапно обнаружившаяся слабость французской армии казалась для многих чем-то второстепенным по сравнению с ярко выступившей на первый план мощью вермахта. Две с половиной тысячи германских танков превратились в глазах французских генштабистов в шесть и даже семь с половиной тысяч. Вскоре моральный надлом стал подрывать силы сопротивления не меньше, чем удары танковых дивизий и Люфтваффе.

Но борьба продолжалась, и ее исход для целого ряда генералов, как ни парадоксально, больше для немецких, чем для французских, еще не был вполне ясен.

Глава VII

РАЗВИТИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЗАПАДЕ

1

Неожиданный взрыв на Западном фронте дал толчок новому развитию военных событий, которые теперь стали нарастать с необычайной скоростью. Столь внезапное завершение «странной войны» означало вместе с тем катастрофическое банкротство политики мюнхенских соглашателей. Английское правительство Чемберлена — одно из главных ее вдохновителей — было вынуждено сразу же после начала гитлеровского вторжения уйти в отставку. Его заменил кабинет Черчилля — сторонника решительных действий в войне с Германией, по крайней мере на данном ее этапе. Италия стала готовиться к вступлению в войну про-

тив союзников и выжидала наиболее благоприятный момент. Французская реакция продолжала борьбу с коммунистами, даже когда германские танки прорывались через Арденны: 14 мая парижский суд предъявил обвинение 35 арестованным коммунистам за выступления против предателей нации. Правительство Бельгии, получив чрезвычайные полномочия от палаты депутатов, приступило к аресту в Брюсселе коммунистов — членов парламента. Приехавшего на конференцию лейбористской партии в Борнемут Леона Блюма открыто обвинили в связях с кагулярами. Швейцария усилила охрану границ. Швеция начала минировать территориальные воды. Бельгийские и голландские беженцы плыли в Англию на пароходах под огнем немецких самолетов.

Словом, война развивалась своим чередом. Все застывшее сдвинулось с места, рухнули многие надежды мечтавших направить германский удар в иную сторону.

В результате первой недели активных действий немцы полностью захватили инициативу. Капитуляция Голландии означала, что Германия получила побережье, расположенное к Англии намного ближе, чем Норвегия. Высвободилась 18-я немецкая армия, которая могла быть брошена против Бельгии и Франции.

Немецкое командование полностью дезориентировало союзников о направлении своего удара. Оно умело использовало открытые передачи ежедневных сводок о ходе военных действий. День за днем начиная с 10 мая в них со многими подробностями германское агентство «Трансоцеан» рассказывало о сражениях в Бельгии и Голландии, но при этом об арденнском участке умалчивало либо сообщало одной строчкой: «В Арденнах дивизии тоже продвинулись».

Неблагоприятный для союзников исход первой недели военных действий все-таки далеко не означал полной катастрофы. Союзное командование имело еще достаточно сил, чтобы добиться изменения обстановки. В его распоряжении оставались все ресурсы Франции. Нетрону-

тые резервы двигались из глубины страны. На складах лежало оружие. Но возможность не была превращена в действительность.

Французское правительство и военное командование начиная с 15–16 мая все более ясно и последовательно создают атмосферу неуверенности, колебаний и отчаяния.

Чтобы оценить причины новых трагических неудач, вновь и вновь обрушивавшихся на французскую армию, необходимо проследить не только ход военных событий, но и деятельность союзного руководства в середине и второй половине мая 1940 г., так как она в решающей мере определяла судьбы сражений.

До 16 мая французский главнокомандующий, уединившийся со своим персоналом в замке Венсенн, был совершенно оторван от событий на фронте. Его «подводная лодка без перископа» почти не поднималась на поверхность бушующего моря борьбы. Только два пункта во Франции удостоивал он своими посещениями: штаб генерала Жоржа в Ла-Феоте, где в тщательно приглаженных выражениях ему докладывали о последних событиях войны, и Париж, где он столь же розовыми красками рисовал правительству положение на фронтах. Так продолжалось несколько дней, в течение которых французское правительство, получая информацию и из других источников, постепенно уясняло обстановку на фронте.

16 мая счастливое неведение Гамелена было прервано вестью, молнией озарившей положение на фронте: германские танки в Монкорнэ! Это означало, что позиции французской обороны прорваны на всю глубину и тыл отборных армий, готовых встретить новый удар в Бельгии, под смертельной угрозой. Как же это случилось? Гамелену сообщают, что все дело в 61-й пехотной дивизии, которая отошла от Мааса и пропустила вражеские танки, и что приказ об отступлении дал офицер ее штаба капитан де Фулонж. И вот в штабе главнокомандующего вместо попыток охватить события в целом и принимать решения в масштабах войны начинают заниматься никому

не известным де Фулонжем. Выясняется, что он в ночь на 15 мая получил приказ Бийотта отступить на мифическую позицию Шарлеруа — Рокруа, приказ, о котором Гамелен не имел никакого представления.

В середине дня штаб главнокомандующего выработал наконец и передал Жоржу оперативный приказ, определяющий план дальнейших действий. «Сообщить всем находящимся в вашем подчинении войскам, даже тем, кто окружен противником, что мы восстанавливаем ядро сопротивления, — гласил он. — Как только пройдет волна танков, особенно тяжелых, будет сосредоточена пехотная и танковая группировка и тогда начнутся действия по тылу врага, чтобы перерезать его коммуникации и базы снабжения»¹. Но какое ядро сопротивления мог создать Гамелен, когда вблизи района боевых действий не было достаточно сил, способных изменить обстановку. Это был, по выражению одного из французских историков, «хороший совет, который, однако, не может сдержать бронированных танков».

Первым документом, рисующим то паническое состояние, в которое пришло французское верховное руководство, следует считать телеграмму Даладье Черчиллю, отправленную вечером 15 мая: «Мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пошлите нам все самолеты и все войска, которые только можете»². В ночь на 16 мая ко всем видным государственным деятелям Франции были срочно направлены офицеры главного штаба, чтобы информировать их о положении на фронтах. Когда Эррио, разбуженный в 4 часа офицером, спросил, действительно ли положение безнадежно, он получил ответ: «Да, армия, подорванная коммунизмом, больше нигде не удерживает позиции». В ту же ночь Гамелен заявил, что он «больше не отвечает за безопасность Парижа»³.

¹ *De Bardies*. La campagne 39—40. P. 178.

² *Reynaud Paul*. La France a sauvé l'Europe. Paris, 1947. B. 2. P. 94.

³ *Draeper Theodore*. The six weeks' war France. Mai 10 — June 25 1940. P. 167.

Причина того, что французское руководство к исходу пятого — шестого дня войны, когда обстановка на фронте стала критической, начало проявлять ясные признаки пораженчества, заключалась в том, что французская буржуазия, не желавшая войны с Гитлером, боялась собственного народа больше, чем фашистских агрессоров. Правительство, выражавшее интересы «200 семейств», не рисковало обнаружить свои пораженческие настроения в первые дни вторжения, когда можно было думать, что армия сдержит натиск врага и не пустит его в глубь страны. Но, когда стало ясным, что войска первого стратегического эшелона не смогли отразить удар и что Арденнский фронт распался, подлинные тенденции капитулянтских элементов и военного командования стали выплывать наружу. Угроза поражения Франции активизировала народ. Этого прежде всего и опасалась французская буржуазия. Она все больше склонялась к мысли о необходимости использовать гитлеровские штыки против французского народа.

В ночь на 16 мая в Париже в присутствии премьер-министра состоялось заседание министерства внутренних дел, посвященное вопросу о положении в столице. Не думая о том, чтобы подготовить город и население к борьбе, правительство Рейно решило стянуть в Париж войска с фронта. К столице направлялись две дивизии, и готовилась отправка еще трех. Оказывается, для «поддержания внутреннего порядка» они были здесь нужнее, чем на фронте. Продолжались аресты коммунистов.

В середине мая обозначаются признаки готовящегося предательства интересов Франции правящей верхушкой. Важным этапом развития этого курса явилось назначение маршала Пэтэна вице-председателем совета министров и генерала Вейгана главнокомандующим вооруженных сил. Пэтэн — наиболее зловещая фигура Франции периода Второй Мировой войны. Длительное время перед войной он был тесно связан с фашистской Германией и руководил крайними правыми организациями фашистского толка. Французская реакция задолго до войны прочила его

в диктаторы. Когда началась война, Пэтэн, будучи послом в Испании, активно готовил новое правительство союза с Гитлером, используя для этой цели своего единомышленника в Париже — Лавалья. «Престарелый маршал» открыто подчеркивал, какого политического курса он будет придерживаться после прихода к власти. Пэтэн был, очевидно, заблаговременно осведомлен о сроках германского вторжения. За шесть недель до 10 мая он заявил министру де Монзи: «Я им понадобится во второй половине мая»¹. Красноречивее слов говорили нацистские приветствия, отдаваемые французским послом в Мадриде германо-фашистскому знамени в дни, когда кровь сынов Франции уже лилась на полях сражений.

Другой спешивший теперь в Париж «спаситель Франции» — генерал Вейган занимал пост командующего французскими войсками на Ближнем Востоке. Он был сторонником союза с Гитлером еще до войны. Вылетая 17 мая из Бейрута в Париж, где ему предстояло получить пост главнокомандующего, Вейган прямо заявил, что война проиграна и что необходимо «согласиться на разумные условия перемирия...»².

Таких людей призывала теперь французская реакция, чтобы вручить им судьбы страны и армии. В лице Пэтэна и Вейгана она видела необходимых ей лиц, которые смогут не колеблясь заключить договор с Гитлером и подавить сопротивление народа³.

Конечно, политические комбинации и готовящееся сверху предательство национальных интересов Франции не могли повлиять на ход вооруженной борьбы сразу и

¹ *Draeper Theodore*. The six weeks' war France. Mai 10 — June 25. 1940. P. 164.

² *Pertinax*. Les Fossoyeurs. Vol. I. New York, 1943. P. 244.

³ Рейно в своей речи в сенате 21 мая говорил: «При всех несчастьях нашей страны мы горды сознанием того, что ее два сына, которые имеют право почтить на лаврах, вернулись в этот трагический час, чтобы служить стране — Пэтэн и Вейган». (*Draeper Theodore*. The six weeks' war France. Mai 10 — June 25. 1940. P. 168).

непосредственно. Солдаты продолжали сражаться и умирать за Францию на каждом клочке родной земли, еще не представляя себе размеров того вероломства, которое совершалось в стенах департаментов. Поэтому неверно было бы считать военные события после 15—16 мая не заслуживающими внимания, как и глубоко ошибочной была бы мысль, что среди офицеров и буржуазных политических деятелей Франции того времени не было доблестных патриотов. Но все же в последующие дни процесс разложения верхов, политического и военного предательства все сильнее и глубже влиял на вооруженные силы, ослабляя их сопротивление. «Битва за Францию» кончалась в середине мая. Наступал период, когда сопротивление армии становилось обузой для группы капитулянтов.

Между тем постепенно выплывали наружу и углублялись противоречия между английскими и французскими союзниками. История неоднократно доказывала непрочность буржуазных военных коалиций, которые легко распадаются во время тяжелых испытаний. Англо-французский военный союз 1940 г. не только не представлял исключения, но, наоборот, с большей силой подтверждал эту истину. Высшие политические и военные круги Англии и Франции действовали исходя прежде всего из своих интересов. Чем труднее складывалась обстановка на фронте, тем больше они подозревали друг друга, вели между собой недружелюбную дипломатическую игру и старались достигнуть возможно большего за счет «союзника». Английское руководство всячески оберегало свои вооруженные силы и, сохраняя видимость активного участия в войне, старалось добиться возможно больших результатов против Германии руками Франции. Французская верхушка в свою очередь прилагала усилия, чтобы втянуть в борьбу на континенте возможно большую часть английской армии, и особенно авиации. И если в арсенале французских и английских историков есть аргументы оправдания таких действий, то нельзя все же забывать, что во всяком действительном союзе неизбежны не только взаимные выгоды, но и взаимные жертвы.

Впервые ясно разлад вскрылся на совещании 16 мая в Париже, в министерстве иностранных дел, на которое из Англии прибыли Черчилль, генералы Дилл, Исмэй, маршал авиации Жубер и главный маршал авиации Ньюолл. С французской стороны присутствовали Рейно, Даладье, Гамелен, Дарлан, Бержере. Доклад сделал Гамелен. «Он говорил около 5 минут, — вспоминает Черчилль, — и никто не прервал его ни одним словом. Когда он кончил, наступило продолжительное молчание. Затем я спросил: “Где стратегический резерв?..” Генерал Гамелен повернулся ко мне и, покачав головою и пожав плечами, сказал: “Его нет”... Я был ошеломлен. Что же мы должны были думать о великой французской армии и ее верховном командовании! Мне никогда не приходило в голову, чтобы какой-либо командующий, имея задачу оборонять 500 миль активного фронта, оставил бы себя без ударной группы войск».

Затем последовал ряд острых сцен. Черчилль возмущался, поучал, иронизировал, требовал. Подозревая, что французы хотят пропустить немцев к Англии, а сами выйти из войны, английский премьер заявил, что он «отказывается рассматривать эти (то есть немецкие. — Д.П.) театральные рейды в качестве подлинного вторжения». Черчилль категорически возражал против отхода французской армии. Однако столь же энергично он отказывался и помочь французам авиацией и войсками, о чем его упорно просили Рейно и Гамелен, не без оснований подозревая, что англичане собираются оставить Францию в одиночестве. Совещание не принесло и не могло принести успеха. После его окончания между французской и английской армиями на полях сражений образовалась трещина.

2

Французское верховное главнокомандование находилось в состоянии, близком к параличу. На том же совещании 16 мая с Рейно, Даладье и Черчиллем Гамелен

высказал мысль о возможности ударить с севера и юга по «танковому клину» немцев. Это предложение, которое было в то время у всех на уме, следовало как можно скорее проводить в жизнь — теперь все зависело от быстроты. Но не таким был механизм военного руководства союзников, и не таков был Гамелен. Вместо решительных и быстрых действий, он, прибыв на свой командный пункт, снова с головой окунулся в различные второстепенные дела, которых, как известно, на войне бывает множество. Только 18 мая главнокомандующий приступил к решению оперативных вопросов. Прежде всего он требует данные о противнике. 2-е бюро Генерального штаба расположено далеко и явно не хочет давать их, поэтому главнокомандующий запрашивает о противнике командующего ВВС Вюильмена. Требуются ответы на два вопроса: что находится позади первых эшелонов моторизованных колонн противника, действующих в северо-западном направлении, и какой пехотой противник располагает впереди армейских отрядов генерала Тушена. Спустя несколько часов Гамелен получает доклад. По своему содержанию он, быть может, и был бы годен для командира батальона, но главнокомандующему он решительно ничего не мог дать¹. Бессильный что-либо решить, Гамелен бездействует.

По просьбе своего начальника штаба генерала Думана утром 19 мая Гамелен выехал в штаб Северо-Восточного

¹ Доклад Вюильмена гласил: «Результат проведенных двух разведок в период 12:30 по просьбе генерала Гамелена в районе Ретель: Мезьер—Лиар. Высота 1000 м. Восикур несколько повозок. Мезьер несколько повозок, большой обоз (транспорт) на дороге 385 в направлении юго-запад в районе Руврэ-сюр-Одри—Новион—Порсьен. Многочисленные транспорты, состоящие из повозок, в направлении северо-восток. Никакого скопления танков или войск где бы то ни было. Впечатление спокойствия. Новион, Порсьен, Нефмон, лес Спшыи, длинная колонна повозок, задержанная на дороге Мезьер—Ретель. Много артиллерии малого калибра. В секторе спокойно». Второй аналогичный доклад поступил спустя некоторое время. (По данным де Барди.)

фронта в Ла-Ферте. Здесь Думан сообщил ему, что положение на фронте очень плохое и, чего доброго, недоброжелатели взвалят на него, Гамелена, всю вину за поражение. Поэтому главнокомандующему лучше всего сделать вид, будто до сих пор операциями по его приказу руководил только Жорж, которому он полностью верил, но сейчас, когда обстановка усложнилась и стали ясными просчеты Жоржа, он, Гамелен, чтобы спасти Францию, берет руководство военными действиями в свои руки. Главнокомандующий согласен с таким планом. После короткой беседы с Жоржем он пишет инструкцию №12, в которой излагает основы маневра против немецкого «танкового клина».

Вот этот любопытный документ.

«Не желая вмешиваться в способ ведения происходящего сражения, начатого авторитетом главнокомандующего Северо-Восточным фронтом, и одобряя все принятые диспозиции, я считаю, что в настоящее время необходимо:

1. Приступить к тому, чтобы продолжать удлинять в направлении на восток фронт наших армий запада, для прикрытия Парижа, а также соединения с группой армий № 1.

2. В отношении группы армий № 1, для того чтобы ей не дать себя окружить, лучше применить классический способ и пойти на крайнюю смелость, наступая, если это нужно, на Сомму либо бросая специально подготовленные силы в тыл немецким танковым дивизиям и моторизованным дивизиям, которые им приданы. Можно предполагать, что в данное время позади первого эшелона существует пустота...

3. Вся французская и британская авиация должна в настоящее время иметь своей целью содействие сражению...

4. Все это — дело нескольких часов»¹.

¹ *Commandante Pierre Lyet. La bataille de France. (Mai — Juin 1940). P. 113.*

Таково было оперативное решение. Выраженное в форме абстрактных рассуждений, а не приказа, оно не определяло никакой конкретной задачи войскам для контрудара. Оно не имело в своей основе знания обстановки. Позади первого эшелона танковых войск немцев не было «пустоты»: с севера его прикрывали 8 дивизий, а с юга — 12; истребителям было практически невозможно захватить господство в воздухе; требование решить все поставленные задачи за несколько часов было в военном отношении бессмысленным.

Изложив свою «инструкцию», Гамелен с чувством облегчения возвратился в Венсенн и вторую половину дня ожидал результатов осуществления своего замысла. Вечером ему вручили письмо премьер-министра: он отзывался с поста главнокомандующего. На следующее утро, не сказав ни слова сотрудникам, он ушел. Как главнокомандующий, Морис Гюстав Гамелен сошел со сцены, не сделав ничего, чтобы облегчить участь союзных армий и судьбу своего государства. Военная система капиталистической Франции не смогла выдвинуть тогда более достойного руководителя. Только 9 дней в условиях войны командовал он армией, которую создавал почти 20 лет именно для этого испытания. И когда оно настало, оказалось достаточным этих 9 дней, чтобы вскрыть непригодность и военного механизма, и его главных создателей.

Для немецкого командования общее положение на фронте 15—16 мая, несмотря на серьезные успехи, все же не было вполне ясным. Правда, Голландия капитулировала, но 6-я армия остановилась перед «позицией Диль». Несмотря на то что в группе «А» прорыв через Маас удался с неожиданной легкостью, гитлеровское военное руководство находилось в состоянии неуверенности, колебаний и сомнений, не отдавая себе полного отчета в том, что дальше следует предпринять. Все происходившее на фронте не укладывалось в рамки оперативных представлений Генерального штаба. Непрестанная, все возрастающая тревога перед будущим овладевала гитлеровской верхушкой. Великая Франция,

победительница кайзеровской Германии, должна была сказать свое слово, и его ждали со страхом. Гитлер и Генеральный штаб не верили в тот необычайно легкий успех, который был достигнут столь быстро¹. Никто не мог предположить, что союзники уступят победу без борьбы. Именно сейчас, после прорыва германских танковых соединений в оперативную глубину, союзное командование предпримет решительные контрмеры. Теоретически так и должно было быть. Генеральный штаб сухопутных войск, оценивая обстановку 16–17 мая, считал, что французское командование интенсивно перебрасывает против немецкой ударной группировки резервы, насчитывавшие, по мнению Гальдера, примерно 30 дивизий. Почти в то самое время, когда Гамелен сообщил на совещании 16 мая в Париже, что у него нет резерва для парирования удара, начальник гитлеровского Генерального штаба Гальдер с тревогой констатировал: «Крупный армейский резерв противника еще, по-видимому, не введен в действие»². Итак, ждали «крупного резерва». При всем своем авантюризме немецкий Генеральный штаб не мог предположить, что французская армия не оставит стратегического резерва в глубине и что все будет так легко. Ожидалось, что после потери Мааса союзники попытаются создать новый оборонительный фронт примерно на линии каналов, проходящих через Валансьенн, Камбре, Сен-Кантен, Эна-Уаза. Особенно беспокоились Гитлер и Кейтель за южный фланг ударной группировки. По данным разведки, против него развертывалась новая французская армия. Гальдер писал 17 мая: «Фюрер сегодня особенно нервозен. Он боится собственного успеха. Он не хочет ничем рисковать и поэтому стремится ограни-

¹ Тот факт, что германское высшее командование не ожидало столь быстрого успеха, подтверждается также следующей записью Йодля в своем дневнике: «11–13.5: операции вопреки ожиданию принимают успешное развитие» (ИМТ, vol. XXVIII, p. 429).

² Дневник Гальдера, запись 16 мая 1940 г.

чить нас в действиях. Предлогом для этого является беспокорство за левый фланг»¹. Требование «действовать осторожно» было передано Кейтелем и самим Гитлером командующим группами армий и другим ответственным генералам. «Фюрер испытывает непонятный страх за южный фланг, — пишет Гальдер 17 мая. — Он рвет и мечет, боится, что вся операция может закончиться поражением»².

16 мая поступили сведения о переброске французских дивизий с юга, из районов Дижона и Бельфора, на северо-запад, против левого фланга германского «клина». Одновременно росли опасения и за правый фланг группы «А». Вследствие того что 6-я армия была остановлена союзниками на «позиции Диль», Рундштедт считал, что по мере продвижения к западу его правофланговой 4-й армии разрыв между внутренними флангами групп «Б» и «А» будет возрастать. Союзники воспользуются им и нанесут контрудар с севера, примерно из района Шарлеруа³. Войска правого фланга группы армий «А» приближались к французским укреплениям на франко-бельгийской границе. Штаб группы ожидал здесь встретить также упорное сопротивление и с фронта. Поэтому утром 16 мая Рундштедт отдал приказ «передовым частям не переходить французские укрепления юго-восточнее Мобежа и надежно охранять себя с севера»⁴.

Итак, подобно тому как это произошло на четвертый и пятый дни войны с Польшей, германское командование не верило в собственный успех. Враг мерещился повсюду, везде грозила опасность. Выдвинутые вперед части, включая танковую группу Клейста, были остановлены. Немецкое командование собиралось, завершив операцию на Маасе, начать планомерную подготовку следующей операции по развитию наступления.

¹ Там же, запись 17 мая 1940 г.

² Там же.

³ *Jacobsen H.-A. Dünkirchen. S. 41.*

⁴ Там же.

Приехавший в 4-ю армию Браухич заявил, что, поскольку союзники упорно обороняют свои позиции перед 6-й армией, направление главного удара на севере перемещается в полосу 4-й армии. Для этого в полосу ее действий поступал 16-й танковый корпус, которому предстояло нанести удар в северо-западном направлении, чтобы заставить союзников отступить с «позиции Диль»¹. Группе армий «Б» ставилась задача прорвать 17 мая эту позицию, нанося главный удар в направлении Ат.

Таким образом, на северном участке наступление должно было возобновиться. Что касается группы «А», то после ряда бурных дискуссий между танковыми командирами, считавшими, что необходимо двигаться вперед, и командованием группы, последнее наконец разрешило перейти линию Бомон — Гирсон — Монкорнэ — Гиникур только передовыми отрядами и овладеть переправами через Уазу между Гюиз и Ла-Фер, иными словами, продвигаться к западу авангардами на 40–45 км. Однако вскоре и Генеральный штаб сухопутных сил начал понимать, что дела идут лучше, чем представляется. 17-го Гальдер отмечает, что противник не принял мер, чтобы закрыть прорыв. Утром 18 мая он приходит к выводу, что «французские резервы главного командования введены в действие лишь в незначительном количестве»², и поэтому предлагает развивать наступление на юго-запад. После бурной сцены в ставке Гитлера Браухич и Гальдер убедили его ускорить движение армий вперед.

Успех зависел в первую очередь от действий танковой группы Клейста. Но ее возможности использовались ограниченно. Она действовала как бы рывками. Броски вперед перемежались паузами, вызываемыми незнанием обстановки, необходимостью форсировать

¹ Это решение было принято по настоянию Гитлера. Йодль записал 16 мая в своем дневнике: «Фюрер очень настаивает на задаче все танковые и моторизованные соединения (передать) из группы “Б” в “А” (IMT, vol. XXVIII. P. 429).

² Дневник Гальдера, запись 18 мая 1940 г.

многочисленные каналы, нервозностью или недопониманием принципа действий танкового объединения подобного рода. 17 мая штаб 12-й армии, которому подчинялась все еще продвигающаяся часть сил вперед группа, неожиданно отдал ей приказ остановиться, не переходить линию Авен — Реймс и здесь пропустить вперед пехотные дивизии, подошедшие к этому рубежу¹. «С тяжелым сердцем, — вспоминает начальник штаба группы Цейцлер, — должна была танковая группа фон Клейста остановить оба передних корпуса»². Пехотное мышление командующих сковывало действия танковых корпусов. Вырвавшиеся вперед танки должны были уступить место пехоте. Неоправданная остановка помогла вскоре союзникам нанести контрудар в районе Арраса.

На следующий день ОКХ произвело частичную перегруппировку и уточнило задачи. Требовалось продолжать наступление «с целью уничтожить силы противника севернее Соммы и в районе Бельгии». Группа «А» должна была прежде всего выйти в район Арраса, «чтобы отсюда иметь возможность развивать дальнейшее наступление в общем северном или западном направлении». Группе «Б» предстояло продолжать свои атаки, нанося главный удар левым флангом. Всей авиации Западного фронта ставилась задача поддержать наступление подвижных соединений на главном направлении — между французской границей и Соммой. В связи с переброской танковых и моторизованных соединений из группы «Б» в группу «А» в составе последней создавалась новая подвижная группировка — группа Гота из двух танковых корпусов: 16-го (3-я и 4-я танковые, 20-я моторизованная дивизии) и 39-го (5-я и 7-я танковые дивизии, 11-я подвижная бригада). Эта группа, как и группа Клейста, вошла в подчинение 4-й полевой армии, в резерве которой, кроме того, находилась 9-я танковая дивизия. Вновь созданному чрезвычайно мощному «танковому

¹ Wehrkunde. 1959. N 5. S. 242.

² Там же.

клину», сосредоточенному на узком фронте перед северным флангом группы армий «А» и поддерживаемому почти всей авиацией, предстояло выполнить главные задачи в дальнейшем развитии возобновленного наступления.

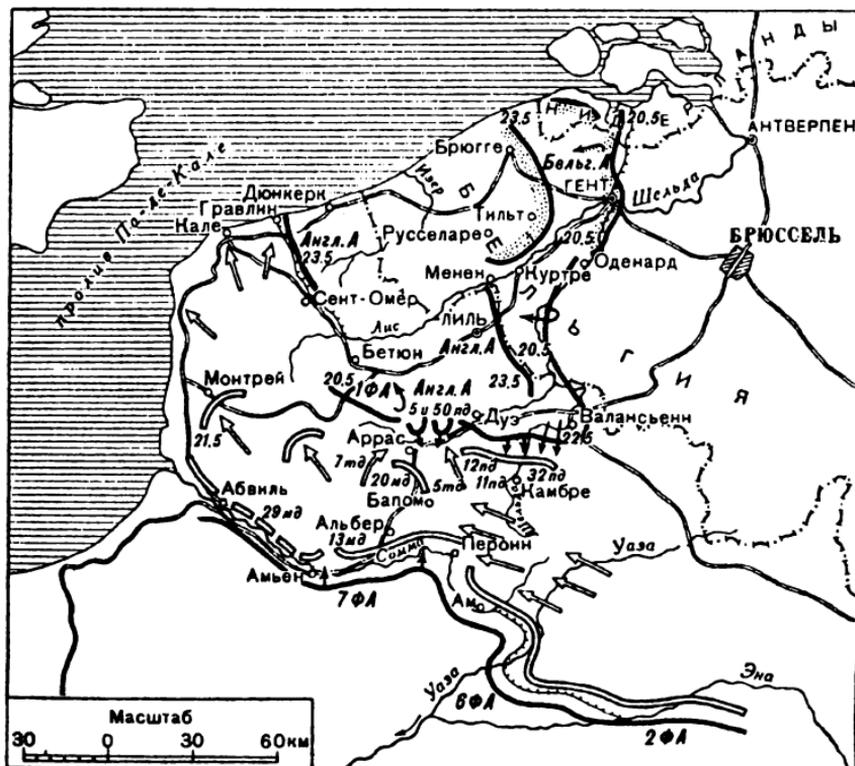
Вскоре две танковые дивизии Гота (5-я и 7-я), наступающая массой в 500 танков вдоль дорог на узком 10-километровом фронте, форсировали Самбру и достигли Ле-Като. Был взят Камбре — важнейший узел дорог Северной Франции. Группа Клейста четырьмя танковыми дивизиями приближалась к каналу Самбры. 10 пехотных дивизий следовали позади, непосредственно за танковыми соединениями. Всего в оперативный прорыв, созданный группой «А», двигалось 38 дивизий, из них 6 танковых. Они эшелонировались на глубину до 200 км.

Перед танковой группой Клейста, которая получила новую задачу, теперь уже от 4-й армии, находилось последнее значительное препятствие — Северный канал. Форсирование его составляло главную задачу группы на 19 мая. Рубеж канала обороняли слабые английские отряды. Несмотря на это, форсирование осуществлялось при планомерной подготовке и мощной авиационной поддержке двумя танковыми корпусами (41-м и 19-м) в первом эшелоне. Легко завершив переправу, оба корпуса устремились вперед и 20 мая захватили Амьен, причем их передовые отряды подошли к побережью моря.

Это был успех, который вызвал перелом в настроениях гитлеровского высшего руководства. Именно 20 мая стало тем поворотным пунктом, когда Гитлер и его приспешники отрешились от многих страхов и сомнений и впервые в западном походе почувствовали себя победителями¹. «Фюрер в этот день, — записал в своем дневнике Йодль, — был вне себя от радости. Он расточал комплименты военному руководству»². В этот же день

¹ Йодль записал 19 мая в своем дневнике: «Прорыв обозначается все больше. Командующий группой армий “Б” очень раздражен, что у него отобран танковый корпус, но это было правильно» (ИМТ. Vol. XXVIII. P. 430).

² Там же. С. 431.

Развитие наступления к побережью

главнокомандующий сформулировал дальнейшие задачи вооруженных сил на Западе.

«1. Противника севернее Соммы уничтожить и занять побережье.

2. Затем продвинуться между Уазой и морем до Сены и

3. Присоединить к этому главное наступление по обе стороны Реймса в юго-западном направлении, продвигая на правом фланге восточнее Парижа подвижные силы»¹.

Именно начиная с 20 мая ОКВ и ОКХ приступают к планированию заключительной операции на Западе, получившей условное наименование «Рот».

Прорыв танковых соединений группы армий «А» к устью Соммы разрезал армии союзников, которые теперь были вынуждены сражаться в двух группировках: первая, получившая название северной, была отрезана в Бельгии и северной приграничной зоне Франции. Она состояла из 1-й и остатков 9-й французских армий, английских экспедиционных сил и бельгийских армий — всего из 40 понесших тяжелые потери дивизий. Вторая объединяла не только разбитые части 2-й армии и «группу Тушона», но и резервные соединения, в том числе дивизии, подходившие из глубины страны и перебрасываемые из 2-й группы армий. Эти войска создавали по южному берегу рек Эна и Сомма новый, обращенный на север фронт обороны, прикрывавший центральные районы страны и Париж. Вскоре они вошли в состав заново созданной 6-й армии, во главе которой был поставлен генерал Тушон. Часть соединений 7-й французской армии перебрасывалась с севера на юг через Лиль, Камбре. Между северной и южной группировками союзных армий зияла никем не защищаемая 90-километровая

¹ *Jacobsen H.-A. Dünkirchen. S. 52.*

брешь; в нее могли свободно вливаться танковые, моторизованные и пехотные соединения немецко-фашистской группы армий Рундштедта.

Северная группа союзников, вышедшая на «рубеж Диль», не смогла на нем удержаться более суток. Уже 15 мая 1-я французская армия, имея обнаженный правый фланг из-за разгрома 9-й армии, под угрозой обхода с юга и сильным фронтальным нажимом начала отступать в направлении канала Шарлеруа. В отход включилась и английская армия, прикрываемая смелыми контратаками бельгийцев, которые смогли отбить у врага Лувен. Французское командование пыталось закрыть брешь между 1-й и 2-й группами армий.

Что же касается английского командующего Горта, то он стал торопить свои войска с отступлением строго на запад, за Шельду, ближе к портам. Бельгийский Генеральный штаб отдал приказ отвести войска на 25—35 км, на линию Незен—Гент—Оденард, где занять оборону. 18-я немецко-фашистская армия овладела Антверпеном и продвигалась на Гент. 6-я армия, имея в первом эшелоне девять, а во втором и последующих эшелонах восемь дивизий, преследовала отходящие англо-французские войска в общем направлении на Лиль. Английская армия, стремительно отступая за Шельду, утром 19 мая оставила промежуточный рубеж на реке Дандр и, не предупредив соседа слева — бельгийцев, обнажила их правый фланг. В результате 1-я бельгийская дивизия арденнских егерей была вынуждена в течение пяти часов вести тяжелые бои с частями двух корпусов 6-й немецко-фашистской армии, наносивших удар в открытые фланги английской и бельгийской армий. Стойко сражаясь, эта дивизия отразила несколько атак и отошла лишь в середине дня. Утром 20 мая бельгийские и французские войска закончили отступление. Бельгийская армия 13 пехотными дивизиями и двумя дивизиями арденнских егерей заняла оборону на 60-километровом фронте по обеим сторонам канала Гент—Незен—Шельда, имея три дивизии во втором эшелоне за каналом Лис. Английская армия перешла к

обороне по западному берегу Шельды; к югу ее фронт достигал Валансьенна и далее поворачивал на запад до района севернее Арраса. 1-я французская армия вынуждена была вести бои фронтом на юг с танковыми соединениями Гота и Клейста, передовые части которых прорвались к устью Соммы. Связь между северной и южной группировками союзников окончательно прервалась. 7-я танковая дивизия Роммеля захватила важный узел дорог Северной Франции Аррас. На 90-километровом фронте главные силы германских танковых и моторизованных соединений выходили к побережью.

Вступив 18 мая в командование вооруженными силами союзников, генерал Вейган, несмотря на давно сложившееся у него решение капитулировать, боялся общественного мнения и вынужден был что-то предпринимать для продолжения борьбы. Французский Генеральный штаб понимал, что если 40 дивизий севера окажутся разгромленными, то оставшихся сил будет недостаточно для обороны страны. Поэтому первой задачей было спасти северную группу.

Возникла и вторая задача: всемерно укрепить новый фронт обороны, прикрывающий внутренние области южнее немецкого «клина», нацеленного к побережью, ибо никто не сомневался, что после выхода к проливу гитлеровцы повернут на юг. Новый фронт к 20 мая протянулся западнее Суассона. Требовалось срочно закрыть и остающийся до побережья участок путем развертывания новых соединений на Сомме, а главное — превратить эту линию прикрытия в организованный оборонительный рубеж. Рассчитывая силы фронта на Эне и Сомме, Вейган исходил из наихудшего варианта — полной потери северной группы армий. Тогда на юге от моря до Лонгви (350 км) и в ближайшем резерве французское командование могло, по его предположениям, иметь только 43 пехотные дивизии, большинство из которых участвовало в тяжелых боях и было изрядно потрепано. Имелись также остатки трех бронетанковых

дивизий, насчитывавшие 105 танков¹. Что касается 2-й группы армий — и это особенно важно для понимания дальнейших событий на Линии Мажино, — то из ее состава изымались прежде и должны были быть переброшены теперь для дальнейшего укрепления фронта по Эне и Сомме в общей сложности 25 пехотных и одна легкая кавалерийская дивизии. В результате на фронте от Мозеля до Юры оставалось только 17 дивизий. Резервы позади нового фронта предполагалось создать за счет реформирования остатков дивизий, разбитых на Маасе и в Бельгии, и превращения их в так называемые легкие пехотные дивизии². Ввести их в сражение можно было, конечно, только по мере укомплектования, на что требовалось немало времени. Для усиления обороны Вейган приказал вернуть из Африки направленные туда Гамеленом 18 мая пополнения для двух дивизий. Все же собираемых сил для организации нового оборонительного фронта было недостаточно. Расчеты и предположения слова и снова приводили французский Генеральный штаб к одному главному выводу: нужно отвести северную группу армий на юг и соединить с южной группировкой. Отвод этой группы армий становится теперь ближайшей задачей. Вейгану осталось лишь подтвердить план, разработанный его предшественником в «Инструкции № 12», что он и сделал. Однако события развивались быстро. Если требовалось что-либо предпринять, не следовало терять и часа.

¹ По данным штаба Гамелена, к 20 мая 1-я бронетанковая дивизия потеряла всю материальную часть, 2-я — имела лишь 20 танков типа В и 20 танков «Гочкис», 3-я — 15 танков типа В и 20 танков «Гочкис», 4-я — 30 танков типа В или Д.

² Дивизии формировались по уменьшенным штатам — в составе 6 батальонов вместо 9, а также с уменьшенным количеством полевой артиллерии, при недостатке средств радиосвязи.

* * *

В лагере союзников, как мы видели, уже развивался процесс распада коалиции. На поле боя первые его признаки обнаружили в связи с попыткой контрудара на Аррас, произведенного англичанами и французами в соответствии с общим замыслом о прорыве к югу.

Мысль о том, чтобы покинуть французского союзника и вернуть экспедиционные силы в Англию, начала складываться одновременно в Лондоне и в штабе командующего британской армией генерала Горта в период примерно между 16 и 18 мая. В одном из своих докладов, направляемых в Лондон, Горт свидетельствовал, что ночью 18-го после беседы с генералом Бийоттом он вполне уяснил слабость французских армий, расположенных на Сомме, их неспособность успешно наступать к северу в помощь англичанам. «Три возможности открываются для сил, действующих на севере, — писал он в докладе начальнику британского Генерального штаба, — если контратаками ликвидировать прорыв, то можно удержать линию Шельды. Можно также начать наступление на Сомму, но бельгийцы будут колебаться, последовать ли за этим движением. Во всяком случае уже слишком поздно. Наконец, остается возможность отступить к морским портам Северного моря для того, чтобы войска смогли эвакуироваться. Это конечно... связано с отъездом ВЕФ (Британских экспедиционных сил во Франции. — Д.П.) с театра военных действий в тот самый момент, когда французам могла потребоваться всяческая помощь со стороны Великобритании. Но в этих условиях не остается никакого другого решения»¹.

Конечно, обстановка была трудной, перспективы неблагоприятные, однако уничтожение северных армий все еще можно было предотвратить решительными совместными действиями английских и французских сил.

¹ *De Bardies. La campagne 39—40. P. 216.*

Но взаимопомощь в трудную минуту, видимо, противоречила духу этой коалиции. Тучи сгустились — союз быстро разваливался¹.

19 мая после полудня генерал Горт связался по телефону с Лондоном и свои мысли изложил начальнику оперативного управления военного министерства. Не ожидая ответа, он стал готовить эвакуацию. Реакция кабинета была для Горты благоприятной. Однако возникло непредвиденное и чрезвычайно досадное обстоятельство. Начальник британского Имперского генерального штаба Айронсайд, очевидно не вполне посвященный в замыслы политического руководства, не согласился с решением Горты об эвакуации английской армии. Он срочно вылетел во Францию. Прибыв в штаб командующего английскими экспедиционными силами, он потребовал от Горты подготовить наступательную операцию с задачей ударом на юг, в направлении Арраса, совместно с 1-й французской армией разгромить противника и соединиться с французскими войсками, которые будут наступать к северу от Соммы. Горт согласился контратаковать в направлении Арраса, но... только двумя пехотными дивизиями — 5-й и 50-й. Затем Айронсайд отправился в Ланс к Бийотту. Последний вполне одобрил план, заявив при этом, что французы примут участие в атаке силами также двух дивизий. Оба генерала связались по телефону с Вейганом и получили его согласие. Командовать четырьмя союзными дивизиями был назначен французский генерал Альтмайер. Функцию координации действий союзных армий, в соответствии с решениями конференции

¹ Из мемуаров Горты становится ясным, что, какое бы решение ни вынесли французы и бельгийцы, он был убежден, что эвакуация была для английской армии единственным выходом. Горт пишет: «При сложившихся обстоятельствах не могло быть никакого другого скрытого пути» (*Lord Gort's. Despatch. In: Supplement to the London Gasette 17 th October 1941. P. 5916*).

в Касто (12 мая), должен был взять на себя Бийотт. Но он боялся ответственности и наотрез отказался принять руководство.

Итак, Горт против своей воли оказался вынужденным готовить контрудар. Однако английский командующий вовсе не думал так быстро отказываться от плана быстрого отступления к портам, тем более что эти планы нашли поддержку в Лондоне. 20 мая вместо подготовки атаки Горт занимался оперативным обеспечением будущего отвода главных сил армии к Дюнкерку, где представлялось наиболее удобным погрузить их на корабли. Он распорядился занять линию каналов, чтобы прикрыть отступление с юга¹. Одновременно началась подготовка к созданию плацдарма у Дюнкерка. Настойчивые требования Айронсайда, успевшего уведомить о своих планах все французское руководство, заставили Горту снова и снова возвращаться к подготовке наступления двумя дивизиями на юг. Горт стремился покончить со всем этим как можно скорее: провести для формы атаку, а потом успеть отступить к Дюнкерку и эвакуировать армию. Никакой согласованности наступления английских и французских войск не получилось. Айронсайд договорился о начале совместного наступления англичан — на Аррае, французов — на Камбрэ 22 мая. Но Горт настолько торопился, что не стал ожидать французов, и приказал генералу Франклину, объединявшему действия двух английских дивизий, начать атаку в районе Арраса 21 мая².

Как бы там ни было, но в ближайшие дни началось наступление. Немцы назвали его «кризис под Аррасом».

Одной из главных причин «кризиса», кроме наступления союзников, были противоречия между высшими

¹ Канал Ла-Дель между Рашем и Карвеню заняла специально созданная английская группа под командованием генерала Мака — «Макфорс», канал между Ла-Бассэ и Эр-Сюр-Ла Лис — группа «Польфорс» (*De Bardies. La campagne* 39–40. P. 206).

² *Ellis L.F. The War in France and Flanders 1939–1940.* P. 87, 88.

германскими генералами, основанные на зависти и честолюбии. Генерал Бок, лишившийся всех подвижных войск и оскорбленный этим, все же стремился к славе и хотел завершить победу в Бельгии окружением типа «Канн». Для этого нужно было теперь нанести главный удар правым флангом группы армий «Б», чтобы совместно с 4-й армией группы «А» одержать «блестящую победу». Но такой план противоречил замыслу ОКХ, и оно отказалось его утвердить, требуя, чтобы группа «Б» сковывала противника. Бок не подчинился, ослабил южный фланг, перенес усилия к северу и этим помог англичанам и французам провести контрудар на стыке групп «А» и «Б» в районе Арраса. Именно здесь, используя образовавшийся разрыв, союзники предприняли свою последнюю попытку изменить ход событий.

21 мая английские 5-я и 50-я пехотные дивизии с одной танковой бригадой при поддержке французской легкой моторизованной дивизии перешли в наступление на Аррас¹. Английские солдаты в этом первом своем наступлении во Второй Мировой войне сражались самоотверженно. Они продвинулись на 20 км, потеснили германские части и захватили свыше 400 пленных. Однако вскоре английские дивизии были остановлены массированными атаками германских пикирующих бомбардировщиков.

Даже это ограниченное наступление англичан и последовавшая несколько позже атака французов к югу от Дуэ имели серьезные последствия. 21–22 мая для отражения удара англичан и французов немецкое командование повернуло фронт на север в район Арраса и восточнее 2 танковые, 1 моторизованную, 4 пехотные дивизии и 1 пехотную бригаду. Гальдер отмечал 22 мая: «Задержка 8-го корпуса и 16-го армейского корпуса в районе Мобеж и обходные движения тыловых корпусов в юго-западном направлении представляют собой известную опасность

¹ *Ellis L.F. The War in France and Flanders. 1939–1940. P. 89–91.*

для своевременного подтягивания пехотных дивизий в район Арраса. Находящиеся там танковые войска встретили южнее Арраса сопротивление крупных сил противника, пробивающегося в южном направлении»¹. На следующий день Гальдер писал: «Клейст обеспокоен обстановкой в связи с неликвидированным кризисом в районе Арраса. Потери в танках достигают 50 %»². Это ярко показывает, что, если бы вместо ограниченной атаки двумя английскими дивизиями было проведено совместное наступление всей северной и значительной части южной группировок союзных армий, оперативные результаты были бы неизмеримо большими. Однако английское наступление было прекращено, и вновь возможность не превратилась в действительность.

3

Убедившись, что в складывающейся обстановке было необходимо принять меры к скорейшему отводу северных армий на юг, Вейган решил прежде всего лично отправиться в северную группу армий и там на месте определить конкретный план действий.

В Ипре, куда он прилетел, Вейган срочно собирает совещание руководителей союзных армий с целью объединить действия французской, английской и бельгийской армий для дальнейших совместных операций. Совещание открылось в 15 часов 21 мая, то есть тогда, когда англичане предприняли свой контрудар под Аррасом. К этому времени обстановка на фронте была уже иной, чем накануне, когда Вейган только собирался лететь на север. Танковая группа Клейста передовыми частями прорвалась к побережью и полностью отрезала северную группу армий. В этих условиях речь могла идти лишь о

¹ Дневник Гальдера, запись 22 мая 1940 г.

² Там же, запись 23 мая 1940 г.

том, чтобы как можно быстрее пробиваться на соединение с южными армиями, развертывающимися на Сомме, то есть нанести удар с севера на юг и разгромить танковую группировку врага.

На совещании должны были присутствовать руководители трех союзных армий. Однако в Ипре, кроме Вейгана и Бийотта, находился только бельгийский король со своим личным английским представителем. Отсутствовали Горт и командующий английской авиацией. Таким образом, на совещании не было ни одного пользующегося командными правами англичанина. И это не случайно. Еще днем 19 мая Горт сообщил в Лондон, что изучает возможность отхода к Дюнкерку. В тот же день морскому министерству было приказано собрать возможно большее количество судов для отправки к французскому побережью и эвакуации английской экспедиционной армии. Контролировать выполнение приказа должен был командующий морскими силами в Дувре адмирал Рамсей. На следующий день в Дувре состоялось совещание по вопросу о «срочной эвакуации через Ла-Манш очень крупных сил». Когда в Ипре открывалось совещание руководителей союзных армий, в Лондоне уже был принципиально решен вопрос об эвакуации английских войск из Франции. Отныне путь генерала Горты лежал не на юг, а на запад. Вот почему он и другие представители английского командования не явились на ипрское совещание. Дело здесь не в случае, как это пытается утверждать в своих мемуарах Черчилль, а в разработанном плане. Даже некоторые буржуазные историки не осмеливаются отрицать этого факта. Француз де Барди пишет: «Закрадывается мысль, не отсутствовал ли генерал Горт оттого, что у него не было большого желания видеть генерала Вейгана? Именно в этот день действительно имелись расхождения в интимных мыслях двух командиров»¹. Да, «большого желания» видеться с Вейганом у Горты не

¹ *De Bardies. La campagne 39—40. P. 213.*

было. Началась двучленная игра британского руководства с французским союзником. Оно делает вид, будто что-то предпринимает и «очень хочет» выполнить план удара на юг, а между тем готовилось к эвакуации в Англию.

Ипрское совещание открылось без англичан. Четыре часа разговоров о координации действий трех армий завершились предложением Вейгана осуществить маневр, получивший название «контрнаступления Вейгана». Его смысл заключался в том, чтобы одновременными ударами северной группы из района Аррас и южной — из района Альбер в общем направлении на Бапом выйти в тыл прорвавшимся танковым соединениям противника, разгромить их и соединить отрезанные одна от другой группировки союзных войск¹. С севера должны были наступать 1-я французская и английская армии при обеспечении с востока бельгийской армией, с юга — левым крылом новая 7-я армия генерала Фрэра, сформированная из дивизий, снятых с Линии Мажино, из Эльзаса, а также прибывших из Африки. Это была идея активного маневра, который в случае удачи сулил определенные перспективы и во всяком случае представлял собой единственно возможную меру для спасения армий севера. Бельгийский король после некоторых раздумий согласился помочь атаке путем расширения фронта бельгийской армии к югу до Менена с целью высвобождения одной английской дивизии. В случае неуспеха бельгийская армия должна была отходить, последовательно занимая позиции на реках Лис, Изер.

Известно, что первая общая директива всегда представляет собой лишь начальный шаг подготовки операции. За ней обычно следует большая организационная работа. В Ипре все ограничилось только общей директивой. Возможно ли было практически осуществить «контрнаступление Вейгана»? Да, уже контрудар под Аррасом показал, что задуманный план мог принести

¹ Там же. С. 221.

определенный успех, если бы французский командующий и английское руководство всерьез хотели провести его в жизнь. Требовалось быстро совершить перегруппировку сил, сосредоточить ударный кулак, обеспечить наступление в материальном отношении, привлечь для ударов по немецким танковым частям авиацию, главным образом английскую, ибо французские ВВС были катастрофически ослаблены. Тогда с севера на юг могли бы атаковать примерно 8 английских и французских пехотных и 3 французские легкие моторизованные дивизии, а с юга на север — 8 пехотных дивизий, из них 1 английская, 2 бронетанковые французские (правда, ослабленного состава) и 1 бронетанковая английская дивизии. Резервы можно было создать путем сокращения фронта обороны бельгийской армии, которая, согласно решению, принятому вечером 21 мая, отводилась на более короткий рубеж реки Изер. Здесь предполагалось открыть шлюзы и усилить водную преграду. Сокращение фронта давало возможность бельгийской армии выделить в общий резерв 4—5 дивизий.

Но в действительности все сложилось иначе.

Уже после отъезда Вейгана, в 21 час 21 мая, в Ипр прибыл генерал Горт. Он застал бельгийского короля, генерала Бийотта и открыто заявил им, что не надеется удержать фронт на реке Шельда и собирается отступить. Никакие уговоры не помогли. 23 мая, в день, когда должно было начаться «контрнаступление Вейгана», Горт сообщил Бланшару, что, возможно, начнет атаку лишь 26-го. Одновременно английский командующий отдал приказ на отступление. В ночь на 23 мая британская армия, еще раньше прекратив контрудар на Аррас, начала частью сил отходить за реку Лис и на укрепленный рубеж франко-бельгийской границы. Бельгийская армия своим правым флангом также двинулась за Лис и одновременно растягивала фланг к юго-западу до Менена. Но самое главное заключалось в том, что три английские пехотные дивизии, находившиеся в хорошем состоянии и вполне способные продолжать бой, — 2, 44 и 48-я — сменялись

бельгийскими и французскими войсками. Они выводились в резерв в район Дюнкерка, причем Горт намеревался использовать их в обороне южнее Дюнкерка для прикрытия эвакуации английских войск. Итак, вместо контрнаступления состоялось... отступление! Отказ Горты от борьбы был вполне одобрен Черчиллем. Однако в последующие несколько дней английский премьер продолжал делать вид, будто согласен с участием английских экспедиционных сил в «контрнаступлении Вейгана». Бросить союзника в наиболее критический момент борьбы, но сохранить благородную позу — такова была политика английского кабинета.

Поздно вечером 21 мая, когда все тягостные переговоры и совещания окончились, командующий 1-й группой армий генерал Бийотт направился в штаб 1-й армии для организации контрнаступления. По дороге машина Бийотта в темноте столкнулась со встречной и опрокинулась. Генерал получил тяжелое ранение и через день, не приходя в сознание, умер. Трагедия состояла в том, что во время совещания в Ипре с Бийоттом не было никого, кто мог бы передать в штаб 1-й французской армии план «контрнаступления Вейгана»; не осталось ни письменного документа, ни приказа, ни записей совещания. Связь со штабом главнокомандующего отсутствовала. Когда стали осматривать личные вещи Бийотта в надежде обнаружить хоть какие-нибудь заметки, карты или документы, проливающие свет на решение совещания и дальнейшие планы, то не нашли ничего, кроме биржевых бумаг, всегда находившихся при генерале.

Преемником генерала Бийотта во французских вооруженных силах считался командующий 1-й армией генерал Бланшар. Однако англичане и бельгийцы этого не знали и до официального назначения Бланшара на должность командующего 1-й группой армий не думали ему подчиняться. Всякая координация действий на севере была утрачена. Лишь 25 мая последовало уведомление Вейгана о том, что Бланшару поручается общее руководство с задачей «координировать действия союз-

ных армий на севере». Но было уже поздно. Бельгийский король решился на капитуляцию. Помыслы Горта всецело направлялись на эвакуацию английских войск из Франции.

Утром 22 июня французская 1-я армия, не связывая себя планами ни Горта, ни Вейгана, нанесла по собственному усмотрению контрудар силами двух дивизий из Балансьенна в направлении Камбре. Направление было выбрано удачно. Французские войска в случае успеха выходили в тыл танковой группы Клейста, основные силы которой уже продвинулись западнее линии Северного канала.

Как только французы начали наступление, танковые войска Клейста и Гота были срочно приостановлены. Но вскоре немецкое командование поняло, что союзники вновь действуют весьма небольшими силами, а британские войска не только не наступают, но, наоборот, отходят из-под Арраса. Вечером 22 мая был отдан приказ о дальнейшем наступлении танковых соединений. Поскольку союзники не вводили в сражение основных сил и действовали разобщенно, гитлеровцам удалось легко парировать удар.

В ночь на 23 мая английские войска отошли к укреплениям франко-бельгийской границы. Генерал Горт срочно отвел к Дюнкерку две из трех пехотных дивизий, смененных французами и бельгийцами. Он развернул их на восточном берегу канала Гравлин — Сент-Омер с целью прикрытия дюнкеркского порта, назначенного для эвакуации экспедиционной армии.

Тем временем 23 мая французское командование сделало попытку перейти в наступление согласно «плану Вейгана» и с юга. Это наступление было поручено только начинавшей разворачиваться вдоль нижнего течения Соммы 7-й французской армии. Она перешла в наступление в условиях неполного сосредоточения. 4-я бронетанковая дивизия, включенная в состав армии, еще не прибыла. К началу атак пяти дивизиям 7-й французской армии на фронте в 60 км противостояли две моторизованные

дивизии немцев (13-я и 29-я). Задача 7-й армии, поставленная ей штабом Северо-Восточного фронта, была следующей: сперва рядом атак форсировать Сомму вдоль всего ее течения, а затем развивать успех на север, в направлении Бапом. Но разрозненные, неорганизованные действия 7-й армии не принесли успеха. 23 мая в наступление на Амьен перешла 7-я колониальная дивизия сенегальцев, поддержанная танками. Не встречая серьезного сопротивления, танки вышли в район императорского леса в 4 км севернее Амьена, но пройти его не смогли. На следующий день сенегальцы возобновили наступление. Их поддержали несколько прибывших артиллерийских подразделений 4-й бронетанковой дивизии. Немецкие части сдержали французов, продолжавших, несмотря на потери, атаковать в одном и том же пункте. Одновременно в 50 км к востоку от Амьена 19-я французская пехотная дивизия при поддержке оставшихся танков 2-й бронетанковой дивизии двинулась на Перонн. Командование группы «А» перебросило сюда 3 дивизии, после чего наступление, получившее некоторый успех, заглохло. Так бесплодно закончилось «контрнаступление Вейгана», которое попытались осуществить войска южного участка.

В то время когда французская армия истекала кровью на Сомме и в Северной Франции, в высших политических и военных кругах продолжались интриги, буржуазия передавала все больше власти капитулянтам.

22 мая Черчилль вновь прилетел в Париж. Он «заявил протест» главе французского правительства: по его, Черчилля, мнению, «план Вейгана» выполняется слишком нерешительно. Английский премьер потребовал «немедленно» выполнить этот план и «обратить поражение в победу». Копию своего письма с этим требованием, направленного Рейно, Черчилль не мог не отправить и на север, генералу Горту. В письме говорилось, что английская и французская армии произведут атаку на Бапом и Камбре, причем английские войска должны это сделать

«как можно раньше»¹. Английский командующий сразу понял, что здесь происходит какая-то дипломатическая игра. Эллис пишет: «Эти решения заключали в себе план, выдвинутый Вейганом на Ипре, хотя придавалось мало значения тому, что там сказано»². Горт обратился за разъяснениями в Лондон и утром 24 мая получил ответ министра иностранных дел, не оставлявший сомнений, что Лондон всерьез не думает ни о каком наступлении. Однако неожиданно на командный пункт Горты прибыл генерал Бланшар выяснить намерения англичан. Здесь Бланшар узнает, что английское командование предусматривает два варианта действий: первый — отступление за реку Лис и занятие предмостного укрепления для прикрытия Дюнкерка — и второй — возобновление атаки на Аррас, Бапом. Бланшар дезориентирован: как могут англичане предлагать наступление на Аррас, когда буквально минувшей ночью они спешно отошли из Арраса и сейчас отступают все дальше на северо-запад. Не зная, что предпринять, Бланшар хочет связаться с Вейганом. Но телефон и телеграф не работают. Тогда, чтобы информировать главнокомандующего о положении дел, он посылает к Вейгану офицера Генерального штаба Фовеля. Пока будет доставлен ответ Вейгана, пройдет немало времени; необходимо принять решение, и во второй половине дня 24-го Бланшар подписывает приказ (инструкция № 40), в котором вновь требует начать контр-наступление по «плану Вейгана»³. Его решение подкрепилось телеграммой, полученной от главнокомандующего в 22 часа 40 минут. В ней Вейган на основе требования Черчилля «обратить поражение в победу» и указаний Рейно строжайше предписывал возобновить наступление на юг. Однако в 2 часа 25-го Бланшар получил новую

¹ *Ellis L.F.* The War in France and Flanders 1939—1940. P. 111.

² Там же. P. 111.

³ *De Bardies.* La campagne 39—40. P. 225.

телеграмму, составленную главнокомандующим уже после информации Фовеля об отходе англичан¹. «Вы извещаете меня об окончательном отступлении англичан в ночь с 23 на 24 на канал От-Дель, — гласила она. — Если это отступление делает невозможным выполнение приказанной атаки, необходимо сделать усилие, чтобы создать предмостное укрепление, по возможности как можно более широкое, которое прикроет бы Дюнкерк; это необходимо для снабжения»². Другими словами, это был полный и окончательный отказ Вейгана от контрнаступления северными армиями, на котором он, казалось, решительно настаивал всего лишь незначительное время назад. Оценка столь быстрого изменения главнокомандующим собственных намерений может быть только одна: открытое нежелание сражаться.

Генерал Бланшар получил вторую телеграмму Вейгана уже после того, как направил войскам свою инструкцию № 40, в которой подтверждался приказ о движении на юг. Плохо зная реальное положение дел на фронте и не успев разобраться в тонкостях сложных взаимоотношений между союзниками, он не считал возможным сразу отменить свой первый приказ. Поэтому, недолго думая, Бланшар направил Горту письмо с пожеланием успеха в наступательной операции, которая скоро начнется в соответствии с инструкцией № 40. Замысел Бланшара был несложен. Он повторял все предыдущее и заключался в том, чтобы 27 мая перейти в наступление силами трех пехотных дивизий (25-й французской, 5-й и 50-й английских) в направлении Камбре, Перонн и соединиться с южной группой армий. Глубина задачи — 45 км. Вспомогательный удар двумя дивизиями предполагалось наносить на Бапом. Ударную группировку должен был возглавить командир 5-го французского армейского корпуса генерал Альтмайер. Никто из англичан не собирался, однако, выполнять этот план.

¹ Была отправлена 24 мая в 16 часов 15 минут.

² *De Bardies. La campagne* 39—40. P. 225, 226.

* * *

В Бельгии немецкая группа «Б» 25 мая нанесла свой последний удар. При эффективной поддержке авиации гитлеровцам удалось прорвать бельгийские позиции у Мёнена и Куртрэ, в стыке бельгийской и английской армий. Англичане ускорили отход, обнажая правый фланг бельгийцев. Бельгийский Генеральный штаб 26 мая информировал французское и английское командования о тяжелом состоянии армии, которая не имеет резервов и не может совершить отход к реке Изер «ввиду изнуренности войск». Бельгийское командование рассчитывало на помощь союзников, главным образом соседа справа — британских войск, но, как очень скоро выяснилось, — тщетно. Начальник бельгийского Генерального штаба генерал Мишель писал впоследствии: «В течение суток бельгийское командование побуждало англичан к тому, чтобы они предприняли контратаку между Лисом и Шельдой во фланг и тыл немецкого атакующего корпуса. После нескольких ложных маневров английское командование сообщило, что экспедиционный корпус не находится в должном состоянии, чтобы осуществить подобную операцию. Надежда бельгийцев на непосредственную помощь англичан или французов из какого-либо другого района исключается, тем более что союзники оповещены, что у нас нет больше своих пополнений и что предел способности сопротивляться приближается чрезвычайно быстро»¹. Своим быстрым отходом английская армия поставила бельгийские войска в катастрофическое положение. С этого времени у бельгийского командования уже окончательно сложилась идея капитуляции.

Планируемое Бланшаром наступление пяти французских и английских дивизий, даже если бы удалось его подготовить, было упреждено немцами на двое суток. Их удар в Бельгии окончательно спутал карты.

¹ *Vilfroy Daniel. War in the West. P. 44.*

Горт категорически отказался дать свои две дивизии для наступления согласно инструкции № 40 и отвел их к северо-западу, на линию канала Ипр—Комин, с целью прикрытия эвакуации главных сил английской армии. Горта целиком поддержал новый начальник Имперского генерального штаба генерал Дилл. О своем очередном отходе английское командование, как и прежде, не поставило в известность ни французов, ни бельгийцев, хотя генерал Бланшар находился в этот день в Брюгге, в бельгийском Генеральном штабе, с которым англичане имели связь. Когда Бланшар узнал о случившемся, он «отменил» наступление на юг. Это произошло в 23 часа 30 минут 25 мая.

Между тем Горт ждал последнего сигнала из Лондона. Утром 26-го он получил телеграмму военного министерства, которая, как свидетельствует Черчилль, одобряла поведение Горта и разрешала ему «пробиваться в направлении побережья» во взаимодействии с французскими и бельгийскими армиями. В телеграмме говорилось: «Наступление на Сомме не может, по-видимому, быть осуществлено достаточными силами. В этом случае вы будете находиться в ситуации, при которой необходимо прежде всего считаться со спасением британских вооруженных сил, действующих во Франции. Вы пробьетесь к западу. Все побережье на запад от Главелина может быть использовано для погрузки войск. Военно-морские силы снабдят вас морскими судами, а военно-воздушные силы окажут всемерную поддержку»¹.

Вскоре была получена вторая, более краткая телеграмма: «Премьер-министр во второй половине дня беседовал с Рейно. Французы не смогут провести атаку в южном направлении. Отходите к побережью»².

Почти одновременно с телеграммой из Лондона Горту вручили телеграмму генерала Мишеля — начальника бельгийского Генерального штаба. Это был последний

¹ *De Bardies. La campagne 39—40. P. 230, 231.*

² Там же.

воплъ. Бельгийцы не в состоянии закрыть прорыв в направлении Ипра, так как нет резервов. Последние три слабых полка вводятся в сражение. Они не могут также оставить позиции на Лис и отойти на Изер, ибо считают, что будут разбиты во время отхода. Они просят англичан ввести хотя бы небольшие резервы на Куртрэ для отражения немецкого удара в стыке бельгийской и английской армий.

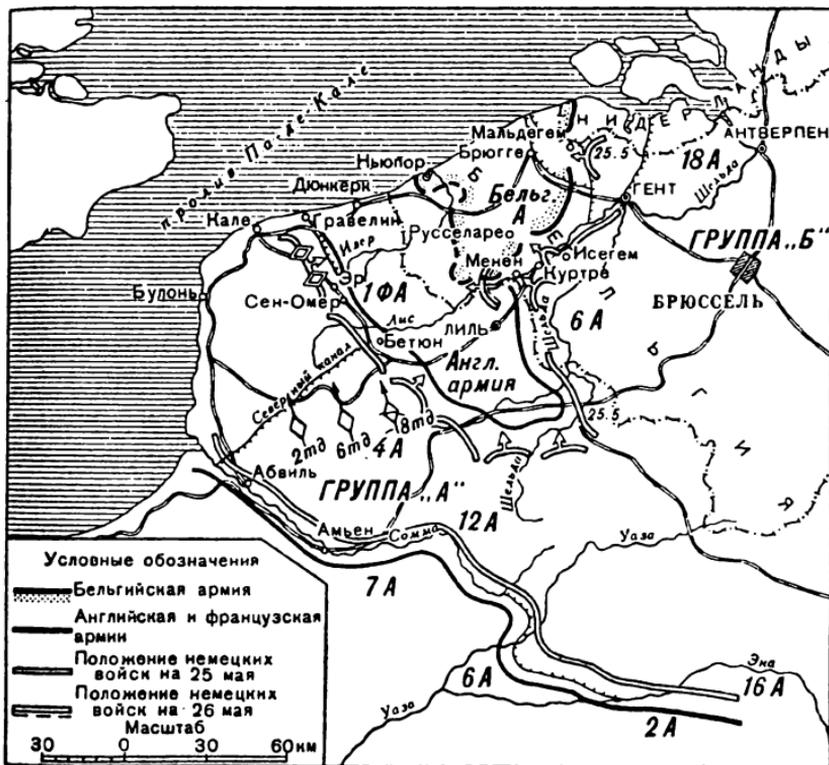
Ответом было ледяное молчание. Горт намеревается использовать свои резервы не для контрударов и не для попытки восстановления фронта, а для обеспечения коммуникаций с Дюнкерком. Рано утром 27 мая он получает еще одну телеграмму от военного министра: «Желаю уточнить, что вашей единственной обязанностью является в настоящее время эвакуировать в Англию как можно большую часть ваших войск»¹. Все было предельно ясным.

Утром 27 мая Вейган решил организовать новое совещание союзников. Местом совещания был избран Кассель. Горт не пожелал явиться, а лишь послал своего представителя генерала Адама, которому поручил вести переговоры с французами, и то лишь по тем вопросам, которые касаются взаимодействия при отходе к Дюнкерку и организации плацдарма. Впрочем, на совещание не прибыл и Вейган. Его личный представитель генерал Коэльц зачитал собравшимся инструкцию, предписывающую командующим войсками «быть решительными в действиях и контратаковать противника всюду, где это будет возможно». После этого приступили к изучению порядка отхода к Дюнкерку и организации там предмостного укрепления. Французы предложили создать обширный плацдарм, включающий Кале, Дюнкерк, Ньюпор, и продолжать сопротивление. Но генерал Адам уклонился от обсуждения этого вопроса. Совещание в Касселе не дало результатов. Английские войска быстро отступали. Без предупреждения французов они

¹ Там же. С. 233.

разрушили постоянную линию связи, проходившую через Лиль. Всякие непосредственные контакты между английской и французской армиями были прерваны. Северная группа армий шла к завершению катастрофы. Тем временем германское наступление достигло кульминационного пункта. «Кризис под Аррасом» удалось преодолеть после того, как в угрожаемый район была подтянута пехота. Все же обстановка на внутренних флангах групп армий «А» и «Б» вызывала озабоченность командования сухопутных сил. Ликвидация оставшегося между Лилем и Валансьенном клина союзных войск, серьезно разъединявшего усилия армий Бока и Рундштедта, оказалась трудным делом. Он вынуждал все более растягивать к востоку правый фланг 4-й армии, общий и без того широкий фронт которой к 23 мая превысил уже 200 км. Командующий 6-й армией, вместо того чтобы помочь 4-й армии перенесением усилий к югу, продолжал сосредоточивать ударную группировку на северном фланге, все еще рассчитывая на славу новых «Канн». Он бросал свои дивизии в кровопролитные атаки северо-восточнее Куртрэ, надеясь ударом в западном направлении окружить союзников в районе Лиля. Обстановка диктовала командованию сухопутных сил единственное решение: используя группирующиеся на левом фланге 4-й армии танковые корпуса, нанести удар вдоль побережья к северо-востоку, отрезать англичан от портов, окружить союзные армии и закончить таким образом операции на севере. Приказ ОКХ, отданный вечером 22 мая, был выдержан именно в этом духе. Группа «А» должна была возобновить наступление. Ее ударные силы направлялись к северу, одновременно обеспечивалось прикрытие на юг¹. Замысел ОКХ состоял в том, чтобы группа «Б» сковала союзников с фронта, а группа «А» своими танковыми дивизиями атаковала бы их с тыла.

¹ Дневник Гальдера, запись 22 мая 1940 г.

События у Дюнкерка

Выполняя этот план, танковая группа Клейста повернула фронт к северу. На ее правом фланге наступал 41-й моторизованный корпус, на левом — 19-й корпус. 14-й моторизованный корпус получал задачу прикрыть наступление от ударов с юга, занимая оборону на участке Перонн — устье Соммы¹.

По приказу штаба 4-й армии танковая группа возобновила наступление, эшелонируясь к востоку, так как положение под Аррасом продолжало оставаться неясным и не исключалась потребность ввода здесь более крупных сил.

Первоначально сопротивление союзников было слабым, но постепенно оно крепло. Под Девром и Саме бои носили тяжелый характер. В ночь на 23 мая мотоциклисты 2-й танковой дивизии прорвались к Булони, а 6-й танковой дивизии — к окраинам Кале. Здесь их остановило упорное сопротивление мужественных английских гарнизонов. На 23 мая группе Клейста ставилась задача овладеть Булонью, Кале и создать плацдармы на восточном берегу канала Эр, Сент-Омер, Гравелин, чтобы обеспечить предпосылки для последнего удара на восток с целью окружения и полного разгрома союзников². Возобновив наступление с утра 23 мая, 41-й моторизованный корпус вскоре передовыми частями переправился через канал, создав небольшие плацдармы. 1-я танковая дивизия 19-го моторизованного корпуса устремилась в направлении Гравелина, 2-я сражалась за Булонь. Танковая группа, достигнув канала на рассвете 24-го, сделала короткую остановку, чтобы собрать силы. Командир 41-го моторизованного корпуса генерал Рейнгардт попросил разрешение у Клейста в этот же день возобновить наступление через канал Эр — Гравелин главными силами, чтобы помешать союзникам укрепить оборону-

¹ *Zeitler Kurt*. Die Panzer-Gruppe v. Kleist im West-Feldzug 1940. Wehrkunde. 1959. N 5. S. 243, 244.

² *Zeitler Kurt*. Die Panzer-Gruppe v. Kleist im West-Feldzug 1940. Wehrkunde. 1959. N 5. S. 244.

тельный фронт¹. Клейст одобрил и приказал продвинуть корпус на 10–15 км, до линии высот Газебрук – Кассель. Атака должна была начаться в 15:00 после бомбового удара.

Итак, около полудня 24 мая обстановка, несмотря на некоторые трудности, в целом благоприятствовала нанесению группой армий «А» последнего и решающего удара, который мог в ближайшие день-два привести к полному окружению и ликвидации всей северной группы французских и английских армий.

Если посмотреть на нередко воспроизводимую в современных немецких изданиях оперативную карту германского Генерального штаба, на которой в те дни было изображено расположение немецких войск 24 мая, то бросается в глаза вытянутая далеко вперед немецкая ударная группировка. Шеренга идущих от Бетюна до побережья танковых дивизий групп Клейста и Гота час за часом сжимала причудливо выгнутый плацдарм, на котором оказывали последнее и, судя по всему, безнадежное сопротивление французы и англичане. На этой же карте, как раз на том ее месте, где изображен плацдарм у Дюнкерка, старательной рукой безупречного в своей аккуратности офицера германского Генерального штаба выведено: «Здесь окружены следующие соединения 1, 7, 9-й английской и французской армий» и дальше несколько длинных рядов цифр, обозначающих номера дивизий, участь которых, казалось, была предрешена. Но именно в тот день, когда офицер Генерального штаба составлял эту карту, произошло событие, давшее в будущем историкам

¹ Якобсен сообщает о заявлении Рейнгардта 24 мая, что остановка корпуса у канала «не отвечает ни особенностям танкового оружия, ни поведению противника» и что противник использует ее, чтобы вывести силы из-под угрозы окружения и погрузить на суда (*H. -A. Jacobsen. Dünkirchen. S. 97. См. также: Ellis L. F. The War in France and Flanders 1939–1940. P. 182; Situation on the Evening of 26 th Mai 1940).*

немало поводов для различных споров и предположений.

Речь идет о том, что вскоре было названо «Дюнкеркским чудом» и после войны превратилось в предмет острой полемики между исследователями.

Когда днем 24 мая танковая группа Клейста вышла на линию канала Эр—Гравелин и ей оставалось совершить заключительный бросок вдоль побережья, в штаб группы поступил приказ от имени Гитлера остановить танки и линию канала не переходить¹. На основе этого, как его стали называть, «стоп-приказа» («Halt-Befehl») наступающая группировка была остановлена. Искусственно созданная пауза предоставила в последующие дни возможность английской армии избежать полного уничтожения и эвакуироваться морем из Франции. Согласно довольно широко распространенному на Западе взгляду, «чудесное избавление» британской армии под Дюнкерком в конечном счете спасло Англию, ибо сохраненные войска стали после возвращения не только основой обороны страны в последующие месяцы, но и костяком экспедиционных сил в будущем.

Почему же германское руководство, которое бесспорно держало в своих руках полную победу, отдало подобный приказ, остановило танковую группировку и позволило более чем 300 тыс. английских солдат и офицеров уплыть буквально из-под носа через Ла-Манш?

В существующей литературе имеются различные ответы на этот вопрос, представляющий собой основное содержание «проблемы Дюнкерка».

Самая распространенная точка зрения состоит в том, что, согласно мнению Гитлера, местность Фландрии в

¹ «По приказу фюрера атаку надлежит продолжать восточнее Арраса силами 8-го и 2-го армейских корпусов во взаимодействии с левым флангом группы армий "Б" в северо-западном направлении. А северо-западнее Арраса общую линию Ланс-Бетюн—Эр—Сент-Омер—Гравелин (линия канала) не переходить» (*Jacobsen H.-A. Dünkirchen. S. 95*).

районе Дюнкерка была малопригодна для движения танков. По свидетельству Лоссберга, эту точку зрения высказал в беседе с ним 24 мая Кейтель: «Территория Фландрии слишком болотиста для прохождения танков»¹, аналогичного взгляда придерживались Йодль и другие офицеры ОКВ. Гутар отмечает, что когда из штаба сухопутных сил последовал запрос в ОКВ относительно мотивов приказа, то «...было выражено опасение увидеть танки выведенными из строя во рвах и перед бесчисленными оградами Дюнкерка»². Из генералов сухопутных сил точку зрения Гитлера разделяли командующий группой «А» Рундштедт и его начальник штаба Зоденштерн. Якобсен пишет: «Так или иначе, один факт отрицать невозможно: Гитлер и Рундштедт были в определенном положении совершенно одинакового мнения»³.

Согласно этой точке зрения, Гитлер надеялся далее уничтожить английскую армию авиацией. Сделать это обещал ему 23 мая Геринг, который выдвинул мысль, что не следует слишком повышать авторитета генералов сухопутных сил, а славу разгрома английской армии предоставить «национал-социалистскому» роду войск, каким он считал авиацию⁴. Лоссберг сообщает, что Браухич после получения «стоп-приказа» резко возразил Гитлеру. Но «фюрер решительно отклоняет высказанные с негодованием протесты фон Браухича, объясняя свое решение тем, что Геринг при помощи авиации сломит любую попытку противника погрузиться на суда и пустит ко дну каждую лодку, которой в силу особых обстоятельств удалось бы выйти в открытое море»⁵.

¹ *Bernhard von Lossberg*. Im Wehrmachtsführungsstab. Hamburg, 1950. S. 81.

² *Goutard A.* 1940. La Guerre des occasions perdues. P. 315.

³ *Jacobsen H.-A.* Dünkirchen. S. 94.

⁴ Якобсен пишет: «Таким образом, 24 мая одно совпало с другим: согласие Гитлера с Рундштедтом в оценке положения и обещание Геринга, данное днем раньше, что и было истинной причиной» (*Jacobsen H.-A.* Dünkirchen. S. 94).

⁵ *Bernhard von Lossberg*. Im Wehrmachtsführungsstab. S. 82.

Цель остановки танковой группы, по мнению большинства исследователей на Западе, состояла в том, чтобы сохранить танки для следующего этапа наступления во Франции — в ее центральные районы. Именно такое объяснение, по данным Лоссберга, дало 24 мая ОКВ, аргументируя его тем, что если движение на Дюнкерк будет продолжено, «тогда для второй фазы наступления против Франции не будет достаточных сил»¹.

Ключ к решению «проблемы Дюнкерка» некоторые авторы усматривают и в том, что между генералами и Гитлером существовали разногласия в оценке обстановки и дальнейших планов. Особенно подчеркивает этот момент Якобсен, ссылаясь на факт отмены Гитлером приказа ОКХ о передаче с 24 мая 4-й армии в подчинение группы армий «Б» и в связи с этим о его заявлении относительно будто бы имевшей место «нелояльности» Браухича и Гальдера, якобы сделанном в тот же день².

Вечером 24 мая Гитлер подписал директиву № 13, согласно которой авиация должна была «взломать сопротивление противника, находившегося в котле, воспрепятствовать уходу англичан через канал». Немецкий северный фланг должен был «концентрированной атакой уничтожить противника»³. Иными словами, согласно директиве, вопреки замыслу ОКХ, группа «А» переходила к обороне, а наступать должна была значительно более слабая группа «Б». Гальдер записал по этому поводу: «Я хотел группу армий “А” сделать молотом, а группу “Б” — наковальней. А выходит так, что группа армий “Б” делается молотом, а группа армий “А” наковальней»⁴.

Таковы наиболее распространенные точки зрения, объясняющие причины приказа об остановке немецких танков под Дюнкерком: танконедоступная местность,

¹ Там же.

² *Jacobsen H.-A. Dünkirchen. S. 94.*

³ Там же. С. 95.

⁴ Дневник Гальдера, запись 25 мая 1940 г.

опасение потерять танки для второго этапа войны, надежда на авиацию, противоречия между генералами.

В какой мере можно согласиться с этой аргументацией?

Прежде всего рассмотрим вопрос о характере местности под Дюнкерком.

Действительно, район Дюнкерка принадлежит к числу пересеченных. Но местность здесь не является непроходимой для танков. Об этом единодушно свидетельствует мнение всех специалистов — танкистов, которые находились 24—25 мая здесь на местности у Дюнкерка и видели ее собственными глазами.

Инспектор германских бронетанковых войск генерал Тома 24 мая находился впереди боевых порядков главных сил за канал Эр—Гравелин вблизи Дюнкерка. После получения «стоп-приказа» он, как сообщает Лиддел Гарт, связался по радио с ОКХ и «умолял, чтобы ему разрешили продвигаться вперед»¹. Как сообщает в своих воспоминаниях Цейцлер, командир танковой группы генерал Клейст считал вполне возможным продолжать атаку через канал². Это же подтверждает Якобсен³. Клейст заявлял, что приказ об остановке «показался ему бессвязным, он решил с ним не считаться и приказал перейти канал бронемашинам Рейнгардта»⁴.

Оба командира танковых корпусов — Рейнгардт и Гудериан — также признавали возможным продолжать наступление, причем последний заявил, что, получив приказ, он и его помощники «онемели от изумления»⁵.

¹ Об этом сообщает, ссылаясь на Лиддел Гарта, Гутар (*Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 316).

² *Zeitler Kurt.* *Die Panzer-Gruppe v. Kleist im West-Feldzug 1940.* Wehrkunde, 1959. N 5. S. 244.

³ *Jacobsen H.-A.* *Dünkirchen.* S. 96, 98.

⁴ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 315.

⁵ *Guderian Heinz.* *Erinnerungen eines Soldaten.* S. 43.

Даже командир лейбштандарта «Адольф Гитлер» Дитрих, ярый нацист и личный друг фюрера, попытался не подчиниться приказу об остановке и 25 мая выдвинул свои подразделения через канал. Нечего и говорить, что, как свидетельствуют все доступные источники, Браухич, Гальдер и командующий 4-й армией Клюге считали вполне возможным и необходимым продолжать наступление.

Таким образом, все ответственные танковые командиры и командующие, находившиеся на фронте, то есть люди, которые могли оценить возможности местности непосредственно и по меньшей мере не хуже, чем Гитлер, Кейтель и Рундштедт, находившиеся за много десятков километров от района боев, не считали ее настолько трудной для действий танков, чтобы потребовалось остановить наступление в его самой решающей стадии, притом не перед болотами, а перед высотами Касселя и Хазебрука, овладеть которыми не представляло ни труда, ни опасности. Очевидно — и это подтверждает Гутар, — продвижение до Дюнкерка было вполне возможным вдоль дорог, которые здесь возвышаются над местностью¹.

Гитлер, Кейтель, Йодль, Рундштедт, безусловно, понимали, что удар вдоль побережья и занятие Дюнкерка в сложившейся обстановке — это задача крупного стратегического масштаба и что для ее решения можно пожертвовать сотней танков. Если было бы признано необходимым, они не колеблясь направили бы танковые корпуса в 10-километровый бросок через низину, подобно тому как не боялись использовать их вдоль узких горных дорог лесистых Арденн под угрозой атак союзной авиации, или в болотистых районах Нарева и Буга, или на пересеченных каналами долинах Голландии. Немецкое командование, как показали бои в Арденнах, за Северный канал, у Мааса, к этому времени обладало большим

¹ *Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 318.

опытом инженерного обеспечения наступления танковых дивизий по сложной пересеченной местности в условиях намного более трудных, чем те, в которых они оказались 24 мая¹.

Что касается второго объяснения «стоп-приказа» — надежд Гитлера на военно-воздушные силы, то, конечно, в этом имеется доля истины. Однако сомнительно, чтобы авиации придавалось решающее значение, так как во второй половине мая германские ВВС были уже ослаблены, им требовалось время для перебазирования к западу. Именно здесь впервые за всю войну активизировались военно-воздушные силы союзников, сумевшие на время даже захватить господство в воздухе. Командующий 2-м воздушным флотом Кессельринг не считал возможным решить авиацией возложенные на нее задачи². Кроме того, в районе Дюнкерка удерживалась погода, не благоприятная для полетов. Гальдер записал 30 мая: «Теперь мы вынуждены смотреть, как в плохую погоду, когда деятельность авиации невозможна, противник тысячами уезжает в Англию у нас из-под носа»³.

¹ Гутар пишет: «Утром 25 мая можно было двигаться, не встречая никакого сопротивления и без опасения увязнуть, до самого Хазебрука и Берга, а следовательно, и до Дюнкерка» (*Goutard A.* 1940. *La Guerre des occasions perdues.* P. 316).

² Кессельринг пишет о решении Геринга уничтожить англичан в Дюнкерке авиацией: «Геринг должен был достаточно хорошо знать состояние моих соединений, которые в течение трех недель вели непрерывные боевые действия, чтобы не возлагать на нас новую задачу, которую даже свежими силами вряд ли можно было бы выполнить! Генерал Ешоннек (начальник штаба ВВС. — Д.П.) говорил мне, что он рассуждал точно так, как и я...» (*Kesselring A.* *Soldat bis zum letzten Tag.* Bonn, 1953. S. 77, 78).

³ Дневник Гальдера, запись 30 мая 1940 г.

К тому же бесконечно трудно поверить, что, убедившись 24, 25 и 26 мая в неспособности Геринга выполнить обещание уничтожить англичан в Дюнкерке авиацией, Гитлер бездействовал бы еще 6—7 суток и не дал бы приказа сухопутным войскам сделать свое дело. Ведь эвакуация английской армии продолжалась 9 суток — с 27 мая по 4 июня, причем ежедневно на глазах у немцев отправлялось на кораблях от 17 до 68 тыс. человек! Заметим, что бывший гитлеровский фельдмаршал Манштейн, рассматривая вопрос о танконедоступной местности и расчетах на авиацию, как о причинах остановки под Дюнкерком, пишет: «Как бы то ни было, оба эти аргумента с военной точки зрения были несостоятельными»¹.

Таким образом, нельзя не прийти к выводу, что главные аргументы, которыми большей частью пользуются особенно на Западе для объяснения причины «чуда под Дюнкерком» (недоступная местность и расчеты на авиацию), являются весьма шаткими и не могут в полной мере объяснить появления приказа об остановке.

Быть может, достаточно обосновано мнение, что Гитлер и Рундштедт остановили танковую группу Клейста, чтобы сохранить ее для второго этапа войны во Франции, который, как им якобы казалось, окажется трудным и потребует многих усилий?

Этот тезис также неубедителен. После того как группа армий «А» прорвалась к побережью и стало ясным, что сильнейшая — 1-я группа союзных армий будет разгромлена, когда Голландия и Бельгия капитулировали, фашистская верхушка стала считать победу на Западе обеспеченной и войну практически выигранной. Лоссберг сообщает, что, когда 24 мая он поделился с Йодлем своими тревогами относительно «стоп-приказа», тот ответил: «Война уже выиграна, и осталось лишь закончить ее»². Гутар имеет достаточно оснований утверждать, что

¹ *Manstein Erich*. *Verlorene Siege*. Bonn, 1955. S. 120.

² *Lossberg Bernhard*. *Im Wehrmachtführungsstab*. S. 81.

«после окружения союзных армий на севере Гитлер рассматривал Францию как практически выключенную из военных действий и осужденную сложить оружие»¹. Действительно, если в начале войны на Западе 136 немецких дивизий нанесли поражение примерно равному количеству союзных, то можно ли было теперь опасаться оставшихся 60 французских соединений, значительно подорванных морально? Очевидно, что предстоящий этап борьбы во Франции не рассматривался как трудный. Во всяком случае, он не считался настолько сложным, чтобы сознательно пожертвовать только ради него стратегическим выигрышем под Дюнкерком.

Представляется совершенно немыслимым, исходя из всей системы взглядов и традиций германских милитаристов, опыта их операций в 1939—1942 гг., чтобы тактические соображения стали причиной отказа от завершения крупной операции «на уничтожение», подготовка и планирование которой велись скрупулезно восемь месяцев. Нельзя считать ОКВ и ОКХ настолько примитивными, чтобы они, бросив незавершенным первый этап военных действий во Франции, могли бы без чрезвычайных причин сразу переключить внимание только на подготовку второго этапа. При всех обстоятельствах они были в состоянии продвинуть хотя бы одну-две танковые дивизии, поддерживаемые авиацией, на 10—15 км к Дюнкерку.

Действительную причину «Дюнкерского чуда» следует искать прежде всего в комплексе военно-политических обстоятельств, характерных для данного этапа войны на Западе.

«Проблема Дюнкерка» может быть решена лишь в том случае, если ее рассматривать в неразрывной связи с крупными военно-политическими и стратегическими решениями, которые складывались у германского руководства в двадцатых числах мая 1940 г. и которые были продолжением довоенных политических тенденций.

¹ Goutard A. 1940. La Guerre des occasions perdues. P. 319.

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что одной из наиболее важных дат западного похода было 20 мая. До этой даты, как мы видели ранее, Гитлер был охвачен многими страхами и сомнениями, он не верил успеху, отовсюду ждал опасности, постоянно боялся изменения обстановки к худшему. Но 20—21 мая, когда группа армий «А» вышла к побережью и северная группа союзных армий была отрезана, когда лишь канал стал отделять вермахт от Англии, в сознании Гитлера и его ближайшего окружения произошел тот психологический сдвиг, тот перелом, который в условиях гитлеровского режима нередко бывал стимулом быстрого появления новых планов.

Импульсивно Гитлер, а потом слепо преданные ему Кейтель и Йодль переходили от страха к растущему и столь же крайнему оптимизму. Так же быстро, как и в Польше, фантазия «верховного главнокомандующего» от чисто тактических категорий сделала скачок в области проблем «мирового характера» и к планам дальнейшего ведения войны после победы во Франции. Согласно Йодлю, Гитлер именно 20 мая заявил, что союзники должны будут отдать Германии отнятые у нее в течение 400 лет области, что первые переговоры с французами он будет вести в Компьене, где в 1918 г. было заключено перемирие. Затем фюрер объявил, пока еще только своим приближенным, что теперь Англия сможет иметь с Германией выгодный мир, если возвратит ей колонии¹. Скоро он скажет об этом официально с трибуны рейхстага.

В этот же день, 20 мая, перейдя от полемики с военным командованием к безудержным похвалам в его адрес, Гитлер сформулировал дальнейшие задачи вооруженных сил в войне против Франции, а на следующий

¹ Ассман пишет, что 24 мая Гитлер говорил, что он «надеется... уже через шесть недель заключить мир с Англией». Он, Гитлер, предложит Англии любую помощь, которая ей понадобится в борьбе против большевизма. (Assman K. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951. S. 169, 170.)

день утвердил план операций на втором этапе войны¹. Его охватило чувство необычайной гордости за победу. Гальдер записал 21 мая о письмах, которые Гитлер направил Муссолини: «...переписка последнего времени наполнена гордыми сообщениями фюрера об успехах и приветственными речами Муссолини»². Наконец, 21 мая в официальном докладе Гитлеру командующий флотом адмирал Редер счел возможным именно сейчас поставить вопрос о подготовке вторжения в Англию³.

Итак, 20—21 мая Гитлер и его ближайшее окружение, считая войну против Франции практически выигранной, начинают думать о новых планах. Первая проблема, которая возникает перед ними, — как быть с Англией? Первый ответ, который дается тогда же на этот вопрос, — заключить мир.

Французский исследователь Гутар на основе анализа фактов приходит к выводу, что «после окружения союзных армий на севере Гитлер... был убежден, что Англия, лишившись своих континентальных солдат, сочтет себя вынужденной заключить мир. Он имел твердое намерение облегчить Англии это дело и предложить ей чрезвычайно великодушные условия. Было ли в этих условиях удобно начать с того, чтобы захватить у них их единственную армию и тем унижить англичан? Может быть, стоило бы лучше сделать красивый жест и позволить их войскам совершить посадку на суда, что не представляло никакой опасности, так как они не могли взять с собой свое оружие, а война уже на исходе?»⁴

Чрезвычайно интересным является свидетельство постоянного представителя Риббентропа при Гитлере Гевеля. Он заявил об обстановке под Дюнкерком: «Лично Гитлер вмешался в то, чтобы дать англичанам уйти. Он был убежден, что разгром британской армии имел бы

¹ Дневник Гальдера, запись 21 мая 1940 г.

² Там же.

³ *Klee Karl*. Das Unternehmen «Seelöwe». Gottingen, 1958. S. 57.

⁴ *Goutard A.* 1940. La Guerre des occasions perdues. P. 319.

следствием то, что Англия была бы вынуждена сражаться до последнего человека»¹.

Но сразу же возникла и другая проблема.

Факты свидетельствуют, что именно в эти дни, когда завершался первый этап войны против Франции, а не позже, как это нередко утверждается, Гитлер принял основы решения о войне против Советского Союза.

Здесь мы прежде всего сошлемся на интересный документ, который впервые был опубликован в 1958 г. в работе Клее «Das Unternehmen "Seelöwe"», представляющей собой запись бесед автора с бывшим начальником штаба группы «А» генералом Зоденштерном и основанный также на письме последнего к автору².

Зоденштерн документально свидетельствует, что 2 июня 1940 г. Гитлер, приехав в штаб группы, расположенный в Шарлевиле, беседовал с глазу на глаз с Рундштедтом и с ним, Зоденштерном. В ходе беседы Гитлер заявил, что Англия, как он ожидает, «будет вскоре готова заключить разумный мир». И тогда у него «освободятся руки для выполнения его великой задачи — рассчитаться с большевизмом». Вечером того же дня, как свидетельствует Зоденштерн, «Рундштедт был очень беспокоен. Он понимал, что предстоит война с Советским Союзом»³.

Есть достаточно оснований верить этим данным о содержании беседы. В ходе войны на Западе отношение Гитлера к Рундштедту и его начальнику штаба было особенно хорошим и он мог доверительно сообщить им о своих намерениях, в которые, вне всякого сомнения, посвятил также руководство ОКВ — Кейтеля и Йодля. Последний заявил

¹ *Hesse Fritz*. Das Spiel um Deutschland. Wehrwissenschaftliche Rundschau, Oktober 1953.

² Беседы Клее с Зоденштерном состоялись во Франкфурте-на-Майне 13 апреля и 17 июля 1954 г. Письмо датировано 1 апреля 1955 г.

³ *Klee Karl*. Das Unternehmen «Seelöwe». S. 189. Автор подчеркивает, что документ публикуется им впервые и что Зоденштерн до 1954 г. умалчивал об этих фактах «по политическим соображениям».

на Нюрнбергском процессе, что «даже во время кампании на Западе, то есть в мае — июне 1940 года (подчеркнуто нами. — Д.П.), Гитлер сказал ему, что он принял основное решение принять меры против Советского Союза, как только наше военное положение сделает это возможным»¹. Различные источники показывают, что в конце мая — начале июня 1940 г. гитлеровские командные и разведывательные органы проявляли повышенный интерес к Советскому Союзу и «восточным» делам. В документе командования германского военно-морского флота, посвященном подготовке войны против СССР, содержатся записи последних чисел мая 1940 г., из которых явствует, что гитлеровская верхушка уже в это время искала повода для будущего нападения на Советский Союз, обвиняя его, в частности, в подготовке агрессии на Балканы².

Совершенно понятно, что столь важное решение — напасть на Советский Союз — не могло быть принято Гитлером в течение одного дня, например 2 июня, когда оно было сформулировано в Шарлевиле. Учитывая общее положение, перелом в сознании и направленности действий руководства, происшедший 20–21 мая, а также приведенные выше показания Йодля, мы приходим к заключению, что *основы решения о нанесении следующего удара против СССР возникли одновременно с планом заключения мира с Англией — в начале двадцатых чисел мая 1940 г.*

• Но если это так, то, как нам представляется, вопрос о «чуде под Дюнкерком» должен решаться только в связи с приводимыми данными и фактами.

¹ Нюрнбергский процесс... т. V. С. 74.

² Это ложное обвинение содержится в документе под названием «Die Seekriegsleitung und die Vorgeschichte des Feldzuges gegen Rußland». Запись от 28 мая 1940 г. гласит: «Безусловно, Россия готовит вторжение на Балканы» (ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 140); Йодль записывал в своем дневнике 24 мая 1940 г.: «Положение на Востоке стало угрожающим...» (ИМТ, vol. XXXIV, p. 137).

Приказ об остановке под Дюнкерком, отданный 24 мая, неразрывно связан с крупными военно-политическими решениями, возникшими у Гитлера после 20 мая, в которые он посвятил первоначально лишь Кейтеля, Йодля (ОКВ), Рундштедта и Зоденштерна (группа «А»). Именно этим объясняется то обстоятельство, что лишь данные лица понимающе поддерживали «стоп-приказ», в то время как «непосвященные» до поры до времени Браухич и Гальдер (ОКХ), Клюге и другие командиры недоумевали и возмущались по поводу остановки танков на канале Эр — Гравелин.

Но возникает вопрос, играли ли вообще в решении вопроса об остановке танков под Дюнкерком какую-нибудь роль военно-технические расчеты? Да, определенную роль играли. Мы уже отмечали, что, вопреки официальной версии «стоп-приказа», местность под Дюнкерком позволяла использовать танки без особого ущерба. Но все же они здесь понесли бы потери, так как прижатые к берегу англичане, видимо, защищались бы с яростью.

Ко времени выхода немецко-фашистских танковых войск на побережье они уже понесли немалые потери. По данным Якобсена, 3-я танковая дивизия с 10 мая до начала июня 1940 г. потеряла 98 танков, 4-я танковая дивизия — 93, 5-я танковая дивизия — 33 % всех танков, 39-й танковый корпус — 30 % всех танков. Общие потери танкового парка с 10 до 30 мая составили 466 танков.

Приняв в своей основе решение напасть на СССР, Гитлер первоначально думал осуществить его уже осенью 1940 г. Об этом, в частности, сообщал Йодль 29 июля 1940 г. Варлимонту и Лоссбергу в штабе оперативного руководства¹. Согласно немецким данным — и Гитлер, конечно, не мог этого не знать, — доля производства танков в общей стоимости производимого в Германии вооружения в 1940 г. составляла всего лишь 1,6 %². Военные

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1780, л. 61.

² См.: Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. Т. II. С. 145.

заводы выпускали ежемесячно менее 200 танков и самоходно-артиллерийских установок¹. Если агрессия против Советского Союза, по первым расчетам Гитлера, могла начаться примерно в сентябре — октябре 1940 г., то к этому времени промышленность могла дать около 1000 танков. В начале июня 1940 г. немецко-фашистская армия имела 2114 танков. В ходе дальнейших действий во Франции потери могли достигнуть 15—20 % этого состава. Тогда к завершению войны на Западе германский танковый парк имел бы около 1700, а к нападению на Советский Союз — примерно 2500—2600 танков, главным образом легких и средних. Этих сил было явно недостаточно для похода против СССР. Поэтому танки следовало беречь. Они были нужны и для завершения войны во Франции, и для возможного будущего похода. «Танковые силы беречь для будущих операций»², — сказал Гитлер 24 мая.

Но, может быть, правы те, кто считает, что Гитлер дал приказ об остановке с целью сберечь танки только лишь для завершающей стадии западного похода? Как мы видели, данные свидетельствуют о том, что после выхода к побережью и ликвидации огромных армий союзников Гитлер и генералы считали войну практически выигранной. Они не ожидали встретить на ее завершающей стадии упорного сопротивления, а следовательно, не рассчитывали на большие потери. Собственно, если бы они не собирались после западного похода продолжать войну на Востоке, им не нужно было бы так тщательно беречь танки.

Можно сделать следующие общие выводы о «проблеме Дюнкерка».

1. Вопрос об остановке немецких танков под Дюнкерком неразрывно связан с планами дальнейшего ведения агрессивной войны, которые стала вырабатывать фашистская

¹ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. II. С. 143.

² См.: *Jacobsen H.-A. Dünkirchen. S. 73.*

верхушка начиная с 20 мая 1940 г. «Чудо под Дюнкерком» возникло как первый шаг к осуществлению зародившегося теперь нового плана Гитлера: заключить мир с Англией и при ее поддержке напасть на Советский Союз. «Дюнкерк», попытки Гитлера заключить мир с Англией, план «Зеелеве» (план вторжения в Англию) и, наконец, план «Барбаросса» (план агрессии против СССР) — единая линия политических и военных маневров и решений. Единая цепь, а «Дюнкерк» — ее первое звено.

2. Английским войскам была предоставлена возможность эвакуироваться из Франции, оставив почти все оружие на континенте (2300 орудий и 800 пулеметов). Это рассматривалось Гитлером как одна из предпосылок быстрейшего соглашения с Англией, которая, как он думал, проявила бы меньшую уступчивость, если бы ее гордость была уязвлена полным разгромом на континенте.

3. Гитлер и его приближенные, видимо, хотели сбечь как можно больше танков, необходимых для окончания западного похода, а главное — для военных действий на обширных пространствах Советского Союза, тем более что в них ощущался серьезный недостаток, а промышленность не могла быстро возместить потери.

4. Вряд ли правы те буржуазные, особенно западногерманские, исследователи, которые преувеличивают разногласия, «борьбу мнений» между Гитлером и генералами в конце мая, считая это одной из причин «чуда». Здесь — еще одна попытка подчеркнуть, будто генералы могли «решительно возражать» фюреру. Существовал приказ Гитлера — наступать пехотой, а не танками (директива ОКВ от 26 мая), точно выполнявшийся Рундшtedтом. Возражения несогласных практической роли не играли. Возобновленный 26 мая удар был уже «другим наступлением» с частной задачей — на Ипр.

Французские северные армии не удалось эвакуировать вслед за англичанами. По настоянию Рейно через Ла-Манш было переправлено лишь около 15 тыс. чело-

век. 4 июня англичане завершили эвакуацию. В тот момент, когда последний английский солдат покинул французское побережье, английское правительство перестало оказывать военную помощь своему союзнику, тщетно зывавшему к Лондону о присылке новых эскадрилий.

Нежелание союзников помочь бельгийцам ускорило их капитуляцию. В полночь 28 мая немецкий генерал Рейхенау и бельгийский генерал Деруссо подписали протокол о безоговорочной капитуляции бельгийской армии. До 500 тыс. человек сложили оружие.

После выхода германских армий на побережье, капитуляции Бельгии и ухода англичан наступила передышка в военных действиях, продолжавшаяся до 5 июня. Французское правительство постаралось использовать ее для зондирования вопроса о перемирии с немцами. Уже на заседании 25 мая оно открыто обсуждало этот вопрос. В последующие несколько дней капитулянты и пораженцы производили дипломатическую разведку в Риме, рассчитывая, что удобнее всего было бы использовать в качестве посредника Италию, отдав ей «в компенсацию» часть «заморских» территорий. Однако Гитлер и Муссолини не считали момент достаточно выгодным для переговоров, так как понимали, что в сложившихся условиях они добьются значительно большего путем продолжения войны. Да и во Франции боязнь народных выступлений еще удерживала правительство от слишком открытых шагов к полной капитуляции. Когда стало ясно, что Германия и Италия еще не хотят вести с Францией переговоры, а британский союзник отказывается от реальной помощи, председатель совета министров Рейно фактически передал власть группе Пэтэна — Лаваля, которая, по мнению всех, могла добиться перемирия в ближайшие сроки.

Крупное политическое предательство, совершаемое во время войны, не может, конечно, оказать влияния на ход вооруженной борьбы немедленно и прямо. Всегда необходимо время для того, чтобы воля сотен тысяч сражающихся была сломлена и парализована и фронт прекратил

борьбу. Вопрос о капитуляции перед германским фашизмом был предрешен еще в мае пораженцами, которых выдвинула на первый план французская буржуазия. Однако это не могло означать полного и немедленного отказа от военной борьбы. Никто во Франции не был в состоянии, не рискуя всем, заставить армию открыть фронт и прекратить сопротивление. Наоборот, нужно было делать черное дело под патриотическими лозунгами. Чем ближе подходил Вейган к полной капитуляции, тем громче говорил он о необходимости «сражаться за Францию». Французский военный организм продолжал действовать. Штабы составляли планы, командиры отдавали приказы, инженеры укрепляли позиции, а солдаты честно готовились вновь сразиться с врагом и умереть за родину.

5

В то время как во Фландрии еще продолжались бои, завершением которых явился Дюнкерк, французское верховное командование отдало приказ о подготовке нового оборонительного сражения на фронте Соммы и Эны. В ходе совещания военного комитета 25 мая Вейган развивал мысль о том, что лучше было бы сразу отойти на Нижнюю Сену и Марну. Но добровольно отдать врагу еще один кусок Франции правительство не решалось. Новый удар противника, в неизбежности которого никто не сомневался, было решено принять на Сомме, прикрывая Париж и внутренние районы Франции. Однако Нижняя Сена и Марна не были забыты. Они оставались в расчетах Генерального штаба как линия дальнейшего отхода французской армии. Решение это было доведено до войск на следующий день в виде приказа, гласившего: «Сражение, от которого зависит судьба страны, будет дано без помыслов об отступлении, на позиции, которую мы занимаем в настоящее время.

Все командиры, от командующего армией до командира подразделения, должны быть воодушевлены неодолимым желанием сражаться на месте до последней капли крови»¹.

Этот приказ, казалось дышавший энергией, дал повод современным французским историкам утверждать, будто его дух соответствовал действительным настроениям французского командования. Даже такие буржуазные историки, как Лиэ и Гутар, не подвергают сомнению искренность составителей «планов упорной обороны». Но известно, что в конце мая и начале июня политическая и военная верхушка Франции уже предрешила вопрос о капитуляции, осуществление которой теперь оставалось лишь делом времени и благоприятного момента. Вейган, отдавая приказы о сопротивлении, не верил ни одному своему слову.

В тот день, когда готовился упомянутый приказ, Вейган заявил военному комитету: «У нас нет достаточных резервов для того, чтобы провести как следует под натиском противника *отступление* (подчеркнуто нами. — Д.П.) с линии Сомма — Эна в направлении линии Нижняя Сена — Марна. Нет возможности осуществить методическое отступление с таким недостатком сил»². Мысль об отступлении, а не о борьбе господствовала на самом деле в умах верховного командования и Генерального штаба. В тот же день Вейган «предупредил» правительство: «Наступит момент, когда Франция помимо своей воли окажется лишенной возможности продолжать эффективную вооруженную борьбу для защиты своей земли»³. Таковы были действительные настроения главнокомандующего.

У французского командования имелась еще возможность организовать сильный контрудар во фланг немецким танковым и моторизованным дивизиям, выходящим

¹ *Commandante Pierre Lyet. La bataille de France (Mai — Juin 1940). P. 115.*

² Там же. С. 117.

³ *Lyet Pierre. La bataille de France (Mai — Juin 1940). P. 118.*

к побережью тогда, когда фронт их прикрытия с юга оставался слабым (последние числа мая). Однако этот шанс не был использован. Вместо организации контр-удара в благоприятных условиях Вейган втянул крупные силы французских войск, включая резервы главного командования, в затяжные бесперспективные бои против хорошо укрепленных немецких плацдармов на южном берегу Соммы в районах Абвиля, Амьена и Перонна. Эти бои велись непрерывно с 26 мая до 4 июня и поглощали почти без всякого результата значительную часть и без того слабых и немногочисленных французских резервов.

Так, в бесплодных контратаках французское командование истощило свои крайне скудные резервы и до предела ослабило бронетанковые войска в преддверии общего наступления немцев.

Для нового оборонительного сражения французская армия располагала к 29 мая на широком фронте от моря до Лангйона всего лишь 43 пехотными, 3 бронетанковыми и 3 кавалерийскими дивизиями¹. Большинство из них не имело штатного числа людей и техники или находилось в стадии формирования. 12 дивизий состояли только из двух пехотных полков каждая. 2-я и 3-я бронетанковые дивизии насчитывали соответственно 86 и 50 танков, вместо положенных по штатной норме 150². Три легкие механизированные дивизии вообще оказались без танков и необходимого вооружения. Главное командование предполагало оставить в своем резерве 7—8 дивизий из числа вновь формирующихся в глубине страны. Однако 2 июня стало известно, что эти дивизии будут готовы не раньше 10 июня. Начинать сражение приходилось почти без резервов.

Группировка французов к 4 июня 1940 г. была следующей.

¹ Там же.

² Там же.

Рубеж Соммы на западном фланге удерживала 10-я армия, созданная из сформированной ранее группы генерала Альтмайера. Имея на фронте от моря до Амьена шесть пехотных и кавалерийских дивизий, армия вплоть до кануна наступления продолжала безрезультатно атаковать немецкие плацдармы у Абвиля и Амьена, неся при этом тяжелые потери. Создать устойчивый фронт обороны к началу германского наступления армия не успела. За 10-й армией сосредоточивалась резервная группировка главного командования из трех крайне ослабленных легких механизированных и двух бронетанковых дивизий.

К востоку от Амьена 7-я армия обороняла шестью дивизиями в первом эшелоне 90-километровый фронт, а три ее дивизии располагались во втором эшелоне, на слабой тыловой позиции севернее Реймса. В тылу армии заново формировалась 1-я бронетанковая дивизия, разбитая еще 15 мая на Маасе.

Далее на восток вдоль реки Эна до Атиньи протянула свой фронт 6-я армия генерала Тушона. Ее восемь дивизий оборонялись здесь с середины мая, и поэтому позиции были укреплены несколько лучше, чем на других участках. Все три армии объединялись командующим третьей группой армий генералом Бессоном. В качестве резерва группы армий служила единственная дивизия в Шато-Тьерри, удаленная от первого эшелона на расстояние 12 часов марша.

4 июля на командный пункт 6-й армии в замок Конжи прибыл генерал Жорж. В присутствии нескольких генералов он объявил о реорганизации управления: создавалась новая группа армий — четвертая — под командованием Хюнцигера; в нее включались 6-я и 4-я полевые армии. Теперь третья группа армий должна была оборонять полосу от моря до Парижа включительно, а четвертая — далее до Линии Мажинно. Бессон получал более узкий фронт обороны. Реорганизация, начатая накануне «генерального» наступления немцев, ни к чему не

привела. Она лишь внесла сумятицу в управление французской армией.

Нельзя не упомянуть и о том, что только сейчас, в период подготовки последнего сражения, французский Генеральный штаб впервые попытался обобщить опыт предшествующих боев и учесть его при организации нового оборонительного фронта. Приказ французской главной квартиры от 26 мая требовал иметь в качестве основы обороны опорные пункты, создаваемые на главных направлениях. Попытка использовать опыт первых недель войны оказалась робкой. В приказе ничего не упоминалось об изменении системы противотанковой обороны и о том, что она должна была служить основой основ всей оборонительной системы союзников.

Итак, решение было принято. Но это было решение без веры в его выполнимость и, самое главное, — без желания руководителей выполнить его.

Германский план дальнейшего наступления окончательно сложился в последних числах мая. Главный удар наносился крупными подвижными группировками с рубежа реки Соммы на юго-восток, в направлениях Бар-Ле-Дюк (группа армий «А») и Сен-Дизье (группа армий «Б»). Предполагалось создать сильную подвижную группировку, которая будет развивать наступление в направлении восточного берега Мозеля, воплощая собой теперь уже полностью утвердившуюся идею о ведущей роли крупных танковых соединений. Направление удара определялось стремлением Гитлера захватить Лотарингский железорудный бассейн и осуществить двойной охват всей главной группировки французской армии между Парижем и Линией Мажино. Главнокомандующий сухопутных сил дал указание совершить прорыв, не опасаясь за фланги.

К вечеру 4 июня немецко-фашистская армия заняла исходный рубеж для нового наступления в следующей группировке сил. На правом крыле находилась группа армий «Б» в составе 4-й и 6-й армий. В центре фронта

развертывания находилась группа армий «А» в составе 9, 2, 12 и 16-й армий¹.

Танковые войска получили новую группировку. 10 танковых дивизий были теперь объединены в 5 танковых корпусов. Каждый из них имел по две танковые и одной моторизованной дивизии. Три таких корпуса были даны в группу «Б»; два — в группу «А».

В группе «Б» находились отныне 15-й отдельный танковый корпус Гота (5-я и 7-я танковые дивизии), который имел задачу наступать вдоль побережья к Нижней Сене. Два других танковых корпуса (14-й в составе 9-й и 10-й танковых дивизий и 16-й, включавший 3-ю и 4-ю танковые дивизии) образовали танковую группу Клейста, нацеленную на глубокий охват Парижа.

Группа «А» объединяла свои два танковых корпуса (39-й в составе 1-й и 2-й танковых дивизий и 41-й — 6-я и 8-я танковые дивизии) в танковую группу Гудериана, задачей которой было действовать в направлении плато Лангр, заходя в тыл Линии Мажино.

Таким образом, на направлениях главных ударов, особенно на правом фланге группы армий «А», немецко-фашистские войска имели полное превосходство над французскими, что обеспечивало им успех. Всего немецко-фашистское командование для нового наступления перегруппировало, подготовило и развернуло 124 дивизии. Германская группа армий «Ц» продолжала обороняться против Линии Мажино, обеспечивая операцию слева.

¹ 2-я армия развертывалась на фронте 30 км; оперативная плотность войск была дивизия на 2,8 км. Против 8 дивизий этой армии оборонялись всего лишь 1,5 дивизии французов. Фронт развертывания 12-й армии, включавшей 14 дивизий, составлял 50 км; оперативная плотность ее войск — дивизия на 3,5 км. Перед ее фронтом оборонялись 7 французских дивизий. 9-я армия занимала узкий фронт — всего 20 км; оперативная плотность ее войск не превышала дивизии на 2,3 км. 8 дивизиям этой армии противостояли всего лишь 2 французские дивизии.

Согласно замыслу главного командования немецко-фашистской армии, первой должна была перейти в наступление группа армий «Б», которая наносила удар в сердце Франции.

6

Германское наступление на Сомме началось группой армий «Б» в 5 часов 7 июня. В последний раз поднялись из окопов французские солдаты, чтобы отразить натиск врага. Силы были слишком неравными, оборонительный фронт неглубоким, а моральная и физическая усталость французских войск чрезмерной. Французские солдаты и офицеры не видели перед собой ясной цели и перспектив борьбы. Они, как и прежде, честно вступили в бой за Францию. Но теперь они не могли не понимать, что организм французской армии болен и распадается под действием страшной бациллы пораженчества. Единственное спасение Франции — превращение войны в подлинно народную войну было абсолютно чуждо правительству национальной измены. Ведь армией по-прежнему командовали генералы, которые вели ее от поражения к поражению, — Вейган, Хюнцигер, Корап и другие. Именно их пригвоздила к позорному столбу Коммунистическая партия Франции, заявившая в июле 1940 г.: «С преступной беспечностью, достойной генералов Второй империи, они не сумели ничего предвидеть и ничего организовать. Все эти гражданские и военные предатели Франции не заслуживают ни малейшего доверия»¹. Французские солдаты, поднявшиеся на рассвете 5 июня 1940 г. из окопов за Соммой, чтобы встретить врага, теперь уже сражались без надежды на успех. На отдельных участках немецкая атака была отбита успешно. Двое суток южнее Амьена 24-я пехотная дивизия сдерживала

¹ *Горез Морис*. Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. С. 484.

танки 9-й и 10-й немецких танковых дивизий. Поле боя превратилось, как свидетельствовали очевидцы, в кладбище германских танков. На канале Элет захлебнулись под огнем французской артиллерии все немецкие атаки в направлении Шмен-де-Дам. Наступавший с пладцарма южнее Перонн 16-й танковый корпус встретил мужественное сопротивление 19-й и 29-й французских пехотных дивизий и контратаки слабой 1-й бронетанковой дивизии. Успех в ожесточенном двухдневном бою был достигнут немцами дорогой ценой. «Тотальные потери 16-го армейского корпуса в танках достигают 30 %, — писал Гальдер. — Танковые дивизии понесли значительные потери в пехоте и в личном составе мотоциклетно-стрелковых частей. Войска требуют пополнений»¹. Но в целом слабый фронт на Сомме не смог удержать танкового потока. Немцы обходили опорные пункты, прорывали растянутую оборону компактными группировками при сильной поддержке авиации.

Именно в эти дни немецко-фашистский генералитет теперь уже окончательно признал все преимущества массивного наступления крупных танковых соединений в оперативных масштабах. После прорыва на Сомме все намерения немецких командиров сводились к быстрейшему проталкиванию вперед подвижных войск. Анализ оперативных документов немецкого верховного командования, разработанных в июне 1940 г., показывает, что, не в пример маю того же года, решение главных задач возлагалось теперь не на пехоту, а исключительно на танковые корпуса; пехотные части как бы отодвигаются на второй план. Танковые соединения получают множество задач на различных участках. Дрогнувший французский фронт не может их остановить.

Исход войны не вызывал сомнений. «Битва за Францию» окончилась в мае, теперь на Сомме гремели ее отголоски. Заключительный акт ничего не менял. Политика Мюнхена и «странной войны» логически завершалась

¹ Дневник Гальдера, запись 7 июня 1940 г.

военной катастрофой. Капитулянты и предатели, получившие все больше власти, сделали все, чтобы не позволить народу активно включиться в борьбу, перевести ее на подлинно демократический путь общенародного сопротивления. Крупная буржуазия не допустила повторения 1871 года. Гитлер был приемлемее, чем Коммуна. Когда фашистские дивизии приближались к Парижу, правительство срочно усилило столичную полицию и приказало стрелять в рабочих, если они попытаются организовать оборону города. Открытая пропаганда фашизма подрывала и без того надломленное состояние людей. Буржуазный общественный деятель де Кериллис пишет: «Техника тех, кто задавал тон в делах так называемого патриотизма, состояла в том, чтобы пичкать общественность всеми тезисами гитлеризма... Людей заражали ядом нацизма...»¹.

Но не эти обреченные историей панегирики фашизму становились правдой Франции. Раздавшийся 6 июня пламенный призыв французских коммунистов — превратить войну в народную, вооружить народ, оборонять Париж — определял единственный путь, способный изменить судьбу Франции, ибо в первом периоде Второй Мировой войны гитлеровские армии останавливались там, где сопротивление им принимало общенародные формы.

Врезаясь в массы отступавших, немецкие танки двигались все дальше на юг. В конце концов они вышли в тыл Линии Мажино, падение которой стало символом окончательного краха военной системы Третьей республики. Критика оружием — лучшая критика военных идей мирного времени. Де Кериллис называет идею Линии Мажино попыткой «...вернуться к самым устаревшим и непригодным военным тенденциям..., классической мыслью, переходящей из поколения в поколение еще из каменного века через столетия... Продолжение

¹ *De Kerillis H. Français, Voici la Vérité!*. P. 247, 248.

этой традиции в век танков, авиации и парашютизма, — продолжает он, — означало вызов здравому смыслу»¹.

Почти на всех участках фронта немецко-фашистские соединения быстро двигались вперед, стремясь выйти к Марне и захватить плацдармы. На совещании руководства вермахта 10 июня было принято решение ввести между внутренними флангами 4-й и 6-й армий прибывающую с севера 18-ю армию в общем направлении на Париж. 4-й армии ставилась задача наступать западнее, а 6-й — восточнее Парижа. Танковая группа Клейста, силы которой теперь были объединены, нацеливалась на юго-восток, в направлении Труа. В этом же направлении должна была наступать и танковая группа Гудериана. После выхода танковых дивизий в район Труа здесь была создана мощная танковая группировка типа танковой армии, которая получила задачу совместно с группой армий «Ц» завершить окружение французской армии в Северо-Восточной Франции. Но французские войска не бросали оружия. 6-я и 4-я армии продолжали на ряде участков севернее Марны оказывать упорное сопротивление.

Однако стойкость и упорство войск не подкреплялись энергичными действиями правительства и военных руководителей. Армия сражалась, вожди складывали оружие. Вскоре ослабленные 7-я и 10-я французские армии отошли западнее Парижа. На линии Реймс — Марна — Уаза — Нижняя Сена французским войскам вновь удалось остановить немецкое наступление, начинавшее выдыхаться. Гальдер отмечал 11 июня: «О 14-м армейском корпусе сообщается, что у него осталось лишь 35 % танкового парка... Хуже всего обстоит дело с танками в 9-й танковой дивизии, понесшей большие потери от минных заграждений противника. В 10-й танковой дивизии положение несколько лучше. Она насчитывает около 100 танков. Войска сильно измотались. Они в состоянии еще

¹ *De Kerillis H. Français, Voici la Vérité!* P. 232.

вести преследование, но участвовать в тяжелых наступательных боях они больше не в силах (“психоз переутомления”). Боевой состав пехоты в дивизиях лишь 50 %»¹. Судя по этому заявлению начальника немецкого Генерального штаба, французы при стойкости, крайнем напряжении сил и твердом руководстве могли бы, вне всякого сомнения, задержать наступление немцев на более или менее значительный срок и заставить их уплатить за победу дорогой ценой. Но именно в этот день Вейган сообщил Рейно: «Атаки неприятеля вынуждают нас к отступлению все дальше и дальше вглубь. Последней линией, на которой мы могли бы надеяться на эффективное сопротивление, является фронт Нижней Сены, позиция Парижа, Марна... Крупный прорыв наших линий обороны может произойти с минуты на минуту, если противнику удастся захватить переправы Нижней Сены и охватить с юга парижский район. Если подобная возможность осуществится, то армии будут продолжать сражаться до исчерпания всех своих средств и своих сил. Но разъединение армий будет лишь делом времени»².

11 июня Франции и Англии объявила войну Италия. Теперь в среде французского руководства уже не было и речи о сопротивлении немцам. Непрерывно шли заседания правительства. Рейно предлагал сдать страну врагу, а правительству бежать в Северную Африку или Англию, передав последней флот. Этот план поддерживали англичане. Намерения группы Пэтэна—Лавалья были проще: заключить сделку с Гитлером и при его поддержке стать «вождями» фашистского типа во Франции. И тот и другой план не выходил из рамок полной капитуляции. В этой же связи стоял вопрос и о сдаче Парижа. Выражая настроения трудящихся, Коммунистическая партия Франции 6 июня объявила, что оставление Парижа фашистским захватчиком было бы изменой и

¹ Дневник Гальдера, запись 11 июня 1940 г.

² *De Bardies. La campagne* 39—40. P. 186.

что она рассматривает в качестве самого главного национального долга оборону столицы. Опасаясь роста активности трудящихся масс при обороне Парижа, правительство Рейно решило покинуть столицу без боя. Были приняты энергичные меры, чтобы предотвратить «беспорядки» в Париже до момента прихода немцев. Правительство и военное командование стремились скорее заключить мир, чтобы сохранить армию — единственную реальную силу против возможного выступления французских трудящихся. Вейган высказывал в эти дни опасение Полю Рейно, что в условиях разрухи, нищеты и смерти повсюду возникнут маленькие местные правительства, как своего рода «распространившаяся советизация». Только армия, пока еще подчиняющаяся руководству, могла бы предотвратить этот страшный для правящей клики процесс. На заседании англо-французского Верховного совета 10 июня в Бриаре Вейган заявил, что не видит никакой возможности предотвратить захват всей французской территории. Вместе с Пэтэном и Рейно он решительно отверг предложение Черчилля о продолжении борьбы партизанскими методами, с использованием военных отрядов. Вечером следующего дня французское правительство находилось уже в Туре. Здесь Вейган снова заявил о необходимости немедленно капитулировать «во избежание беспорядков». «Я не хочу, — говорил он, — чтобы во Франции началась анархия, которая бывает следствием военного поражения. Вот почему я повторяю... что перемирие диктуется необходимостью». Рейно характеризовал это выступление Вейгана как стремление прежде всего защитить социальный порядок, что, по мнению Рейно, стало навязчивой идеей Вейгана¹. Вейгана поддержал Пэтэн. 11 июня

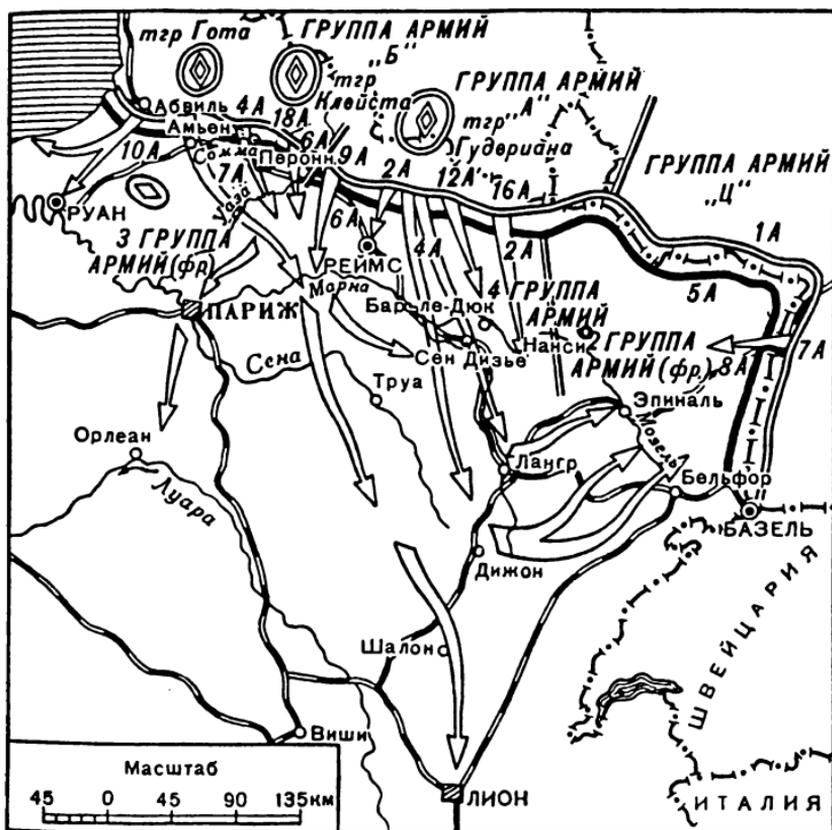
¹ Рейно вспоминает о заседании 14 июня: «Генерал Вейган... всегда находясь во власти неотвязной мысли о революции... в драматическом тоне объявляет, что Морис Торез обосновался в Елисейском дворце». (*Reynard Paul. La France a sauvé l'Europe. Paris, 1947. P. 323.*) Ложь, конечно, была разоблачена.

Вейган совместно с генералами Думаном и Жоржем составили секретную инструкцию-приказ, предусматривавший отказ от дальнейшей борьбы и определявший направление отхода французских армий: 10-й — на Руан, третьей группе армий вместе с развернутой «армией Парижа» и 7-й армией — на Париж, Орлеан и далее к югу, четвертой группе армий — на Шалон, наконец, второй группе армий, оставив укрепления Линии Мажино, отступить на Дижон. Общая глубина отхода для всех армий достигала 200–280 км. План всеобщего отступления (которое некоторые французские историки стыдливо называют «сосредоточением») был доложен председателю совета министров, переехавшему в Бордо, а 12 июня войска получили приказ о всеобщем отступлении. Вечером того же дня немецкое командование неожиданно узнало о начавшемся отходе французов. 14 июня при гробовом молчании парижан в столицу вступила 84-я гитлеровская дивизия. Это был день траура всей Франции. Теперь французские армии отступали по всему фронту. 16 июня после отставки Рейно было сформировано правительство Пэтэна, которому предстояло оформить капитуляцию. Переговоры открылись немедленно и закончились 22 июня подписанием в Компьене акта о перемирии.

Компьен стал венцом политики национальной измены, проводимой французскими капитулянтами и пораженцами. Сдача Парижа была олицетворением этой политики на завершающем этапе войны. Париж июня 1940 г. не повторил Варшавы 1939 г. В польской столице развал государственного аппарата создал условия для высвобождения демократических сил. В Париже диктатура буржуазии, сохранившая власть, передавала город фашистскому фюреру в неприкосновенности.

Париж 1940 г. не стал и Парижем 1870–1871 гг.

70 лет назад демократический Париж не сдался прусским армиям Мольтке. Его лозунгом было: «Борьба до истощения». Даже в 1914 г. генерал Галлиени имел приказ оборонять столицу до последнего человека. В 1940 г.

Военные действия в поле 1940 г.

среда капитулянтов выдвинула позорный лозунг «Лучше рабство, чем смерть», и тот самый Париж, в котором при его осаде пруссаками была съедена последняя собака и лошадь, стал открытым городом, ибо «нужно было спасти уязвимые монументы и щадить человеческие жизни». Но Пэтэн, Вейган, Фланден, подобно их предшественникам Фавру, Тьеру и Трошю, боялись не разрушения монументов, а народа.

Гитлеровский вермахт был во всех отношениях сильнее и организованнее сухопутных и военно-воздушных сил союзных держав. Его активный, с оперативной точки зрения, решительный план войны, построенный с учетом слабых сторон предполагаемых действий и военного искусства вооруженных сил союзников, обеспечил внезапность удара главной группировки из Арденнских гор и в целом стоял намного выше англо-французского плана. Конечно, это не означало, что германский милитаризм овладел теперь тайнами побед путем молниеносных войн и что Генеральный штаб стал «непревзойденным инструментом планирования и ведения войны», как утверждают современные апологеты вермахта. Лишь вследствие антинациональной политики правящих кругов Франции стратегия «молниеносной войны» имела на Западе успех. Решающую роль здесь играли прежде всего политические и моральные факторы, а затем уже стратегическая и оперативная концепция. Когда немецкие танковые дивизии прорывались к Ла-Маншу с темпом, превышающим в среднем 25 км в сутки, то их в большей мере вела рука предателей Франции и ее отсталых военачальников, а потом уже собственное воинское умение. Но это последнее также шагнуло вперед, превратив гитлеровский вермахт в еще более опасную для свободных народов военную силу. В период подготовки и проведения западного похода военные методы германских вооруженных сил характеризовались тщательностью разработки оперативно-тактических планов, скрупулезностью, с которой продумывались все их детали.

Отказ от ввода в начале вторжения лишь части сил предназначенной для ведения войны армии (как это было при нападении на Чехословакию и на Польшу) и переход к практике нанесения первого удара одновременно максимальным количеством всех заблаговременно развернутых сил вермахта позволил в самом начале военного столкновения добиться крупных оперативных результатов. Необычайно высокая для старых представлений степень массирования танков и авиации на главных направлениях, осуществленная в развитие методов, примененных в Польше, оказалась чрезвычайно действенным средством наступления, заставшим врасплох союзное командование.

Массирование танковых соединений в масштабе танковой группы Клейста, а затем, на завершающей стадии борьбы, — в рамках двух и трех танковых групп, следует оценить как шаг вперед по сравнению с 1939 г. в использовании оперативных танковых соединений. Но германский Генеральный штаб в 1940 г. еще не смог выработать вполне целесообразные принципы руководства танковыми группами. Наступление танковой группы Клейста, как это признает ее начальник штаба Цейцлер, «полностью не удалось», а ее успех был результатом главным образом, по его же признанию, «благоприятного стечения обстоятельств».

Оперативно-тактическая концепция гитлеровского вермахта, особенно после войны в Польше, была, несомненно, выше французской, с ее пассивно-оборонительными формами, а тактическая подготовка войск и командного состава — лучше.

Все эти сильные качества вермахта, распространявшиеся главным образом на категории оперативного и тактического порядка, находились в противоречии со стратегией германского верховного командования, которая, как это стало теперь особенно ясным после западного похода, была оторвана от общего политического положения в мире, когда потенциальные силы народов, решительно отрицающих фашизм, были неизмеримо выше ресурсов и возможностей фашистского блока. Германский «план

Гельб», если рассматривать его стратегические аспекты, был оторван от задач борьбы с коалицией держав, противостоявших Германии. Он предусматривал только победу над Францией и ее малыми соседями, но не поднимался до масштабов коалиционной стратегии, не предусматривал, каким образом станет возможным закончить войну против англо-французского блока в целом. Отсутствие перед вторжением во Францию конкретных планов войны против Англии поставило гитлеровское руководство перед необходимостью начинать заново планирование лишь в двадцатых числах мая. Стратегия перед вторжением во Францию была сведена к чрезмерно узким рамкам. Генеральные штабы и ОКВ не занимались долгосрочным планированием войны, и это было в дальнейшем одной из причин, приведших их в стратегический тупик.

«План Гельб» представлял собой плод чисто континентального мышления. Но, имея перед собой в качестве противника морскую державу — Англию, германское командование не могло замыкаться в кругу одних лишь сухопутных проблем. Оперативное планирование на сухопутном театре было оторвано от морского, которое в свою очередь не пыталось решить вопроса о реальных путях достижения конечной победы на море. Победа в Норвегии, несмотря на то что дала Германии крупный оперативный выигрыш, не способствовала достижению конечных стратегических целей, так как на значительный период подорвала морскую мощь вермахта и оставила его без необходимых средств борьбы на море в тот момент западного похода, когда возник вопрос о продолжении войны непосредственно против Англии.

Все это свидетельствует, что германская стратегия не смогла учесть ресурсы и возможности обеих сторон. Она могла обеспечить достижение крупной, но в рамках мировой войны в целом все же лишь частной победы.

Последние выстрелы потерпевшей поражение французской армии слились с первыми выстрелами зарождающегося Сопротивления. Коммунистическая партия Франции была единственной партией, которая сразу же

решительно поднялась на борьбу против оккупантов. 10 июля Центральный комитет Французской коммунистической партии обнародовал манифест, представлявший собой программу действий против захватчиков. «Никогда такая великая нация, как наша, — говорилось в манифесте, — не станет нацией рабов. Франция не станет колонией... Французский народ будет мужественно сражаться за свободу. Франция должна подняться, и она поднимется». Здесь были слова призыва и план борьбы. Уже летом и осенью 1940 г. проходят патриотические демонстрации трудящихся, забастовки, начинается саботаж. Под руководством коммунистов создаются народные комитеты солидарности и взаимопомощи. Компартия налаживает подпольную печать, сыгравшую впоследствии огромную роль в организации сил Сопротивления.

Франция не склонила голову. Она боролась.

Глава VIII

ОТ ПОБЕДЫ НА ЗАПАДЕ К НАЧАЛУ АГРЕССИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1

Поражение Франции, Бельгии и Голландии летом 1940 г. было самым тяжелым ударом по коалиции капиталистических государств, противостоящих фашистскому блоку в первом периоде Второй Мировой войны. Оно стало началом подлинной трагедии народов этих стран, попавших под иго нацизма, вынужденных своей кровью и свободой расплачиваться за многолетнюю реакционную политику буржуазных правительств. События лета 1940 г. означали полный крах мюнхенского политического курса, всей политики «странной войны», приведших государства Западной Европы к военной катастрофе и оккупации. «Война, которую правящие круги не желали вести против нацистов, а хотели направить

против своего народа, привела Францию к катастрофе мая — июня 1940 года»¹.

Западная, Центральная и Северная Европа находилась в руках захватчиков или под их влиянием. Англия осталась в одиночестве. Никто из англичан не мог в эти летние месяцы поручиться, что гитлеровцы не рискнут начать вторжение. Теперь английский народ оказался лицом к лицу со своим смертельным врагом — германским фашизмом и милитаризмом. Он поднимался на защиту отечества. Английская буржуазия не могла капитулировать и пойти на мир с Гитлером. Это означало бы для нее как для класса полнейшее банкротство — политическое, экономическое и моральное. У нее был один путь — война. На данном ее этапе у правящих кругов не оставалось места для продолжения старого политического курса. Угроза национальному существованию требовала вступить в бескомпромиссную схватку с фашизмом.

Западный поход окончился. Голландия, Бельгия, Северная Франция находились во власти победителей. Прекрасные поля и долины чернели, выжженные пламенем войны. По дорогам Франции миллионы беженцев уходили на юг от порабощения и смерти, которые нес гитлеризм. Немецкая 84-я пехотная дивизия маршировала под Триумфальной аркой. Ее встретил молчаливый Париж. Фюрер позировал фотографу у Эйфелевой башни. Рейхстаг в связи с победой наградил его миллионом марок. В Компьене французский генерал Хюнцигер салютовал фашистскому военному флагу. Генерал Штюльпнагель распорядился в столице Франции. Правительство Пэтэна готовилось выполнять директивы германских хозяев. Словом, победа была полной. Германский

¹ *Бесс Ги*. Борьба Французской коммунистической партии против фашизма и войны. 40 лет Французской коммунистической партии. — М.: Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. С. 57.

Генеральный штаб находился на вершине славы и торжествовал. Его офицеры, теперь полностью убежденные в непобедимости вермахта, расположились во дворце французских королей — Фонтенбло и приступили к планированию новых военных походов. Реакционная печать всего мира кричала о полном перевороте в военном искусстве, произведенном германской армией, об абсолютной несостоятельности обороны вообще, о том, что современная война благодаря творчеству германского Генерального штаба стала сплошным безудержным порывом «скоростных» войск, в первую очередь авиации и мотомехчастей. Американский полковник Рейли опубликовал исследование о «молниеносной войне», создателем которой объявил германский Генеральный штаб. Датские газеты безмерно превозносили германскую стратегию и методы ведения операций, обеспечившие «изумительно быстрое продвижение германской армии в Голландии и Бельгии». Шведский военный журнал посвящал статьи «идеальной тактике германского клинового удара» и т.д. Легенда о «непобедимости» германских вооруженных сил, владеющих всеми тайнами «молниеносной войны», широко подкрепляемая геббельсовской пропагандой, распространялась на Западе с необычайной быстротой и парализующе действовала на умы нестойких, дезориентированных людей. Эту легенду усиленно насаждали те, кто не могли трезво разобраться в происходящих событиях, видели лишь сильные стороны гитлеровского вермахта, и те, кто открыто сочувствовали фашизму и хотели способствовать ослаблению воли народов, сопротивляющихся агрессии.

19 июня 1940 г. состоялось заседание германского рейхстага. В огромном зале собрался цвет Третьего рейха: генералы вплоть до командиров корпусов, дипломаты, партийгеноссе, главари СС, гестапо, экономические вожди, бессловесные, раболепствующие перед фюрером депутаты. Перед ними выступил Гитлер. Подведя итог победам германского оружия, он торжественно объявил, что предлагает Англии мир. Это была апелляция к со-

глашательским элементам Англии в расчете на новое издание Мюнхена¹.

Однако времена изменились. Мирное предложение повисло в воздухе. Блестящее собрание не дало ожидаемых результатов. В тот же день Гитлер выразил благодарность вооруженным силам. Двенадцать генералов были произведены в фельдмаршалы. Торжества в Генеральном штабе продолжались несколько дней.

Но в те дни полного торжества генералы вермахта, конечно, не знали, что и пышное заседание рейхстага, и цветы, которые трогательно преподносили офицеры своим начальникам, получившим новые чины, и военные ритуалы в роскошном парке французских королей — вершина не только личной военной карьеры каждого из них, но и кульминация военных достижений германского милитаризма вообще. Уже сейчас тени омрачали, казалось, безоблачные горизонты победы. Пришлось отменить парад в Париже. В июле в столице Франции состоялась крупная демонстрация протеста против оккупантов. Стали появляться сигналы о первых вооруженных выступлениях французских патриотов. Но пока это не беспокоило триумфаторов.

Вторая половина мая, июнь, июль 1940 г. составляют первый важный этап дальнейшего планирования войны, завершившийся выступлением Гитлера в Бергхофе 31 июля. Решения, принимаемые теперь под впечатлением неожиданных фантастических успехов в Европе и порожденной ими переоценки своих возможностей, отличались крайней импульсивностью. Гитлеровская верхушка была в это время, как никогда ранее, далека от объективного анализа мировой политической и военной обстановки. Больше чем когда-либо прежде, она действует на основе предвзятых мнений, в соответствии со своей доктриной. Но всякий раз, когда военное командование пыталось проверить возможности осуществления оперативных планов реальными

¹ Dokumente der Deutschen politik. Band 8, Teil 1. Berlin, 1943. S. 250.

данными, эти планы вызывали многочисленные сомнения и нередко отменялись, чтобы уступить место новым, не менее сомнительным планам. В противоречии между методами планирования, основанными на ложных предпосылках, и реальной действительностью находятся причины тех колебаний, которыми отмечен период деятельности гитлеровского руководства летом и осенью 1940 г. Авантюризм в стратегии, столь характерный, как показала история, для германского Генерального штаба в годы Второй Мировой войны, с особой полнотой выступил наружу именно теперь, когда болезненная уверенность в неограниченности возможностей вермахта толкнула германское руководство на решение о походе против Советского Союза.

Военный разгром Советского Союза, уничтожение первого в мире социалистического государства, захват его ресурсов и порабощение советского народа всегда оставались в центре политики гитлеризма, рассматривавшего себя в качестве ударной силы против СССР и готовившегося к войне с ним в наиболее благоприятный для себя момент. Теперь гитлеровцы решили, что этот момент наступил — в руках Третьего рейха оказались ресурсы почти всей Европы, германские вооруженные силы обладали огромной ударной мощью и большим опытом.

Решение нанести очередной удар против Советского Союза сложилось очень рано — в самом разгаре военных действий на Западе, значительно раньше тех сроков, о которых говорят многие историки Запада. Столь раннее принятие решений о войне против СССР не оставляет никакого места утверждениям западногерманской историографии о том, будто планы восточного похода возникли в результате угрозы со стороны Советского Союза, были «ответом» на эту угрозу.

Как мы уже отмечали, еще 20 мая 1940 г., то есть через 10 дней после начала вторжения во Францию, когда главнокомандующий сухопутных сил Браухич сообщил Гитлеру, что взят Абвиль и что немецкие танки на-

ходятся вблизи устья Соммы, Гитлер, по свидетельству Йодля, заявил, что Англия после возвращения ею немецких колоний могла бы получить с Германией выгодный мир. 2 июня 1940 г., после выхода немецко-фашистских войск на побережье, Гитлер, беседуя с Рундшtedтом и его начальником штаба Зоденштерном в Шарлевиле, подчеркнул, что Англия, как он ожидает, будет вскоре готова к заключению «разумного мира» и тогда освободятся руки для выполнения «его великой задачи — расчитаться с большевизмом».

Характерно, что людьми, которых Гитлер прежде всего посвятил в свои решения, были представители германского милитаризма Рундшtedт, Зоденштерн. Фашистские генералы были соучастниками решения.

Уже 25 июня ОКХ высказывает предположение о необходимости сосредоточить на Востоке 24 дивизии, в том числе 6 танковых и 3 моторизованные. 30 июня в ходе беседы начальника штаба ОКХ с государственным секретарем министерства иностранных дел Вейцзекером, состоявшейся в Берлине, затрагивались различные политические вопросы. Итог беседы Гальдер зафиксировал на страницах своего служебного дневника многозначительной фразой: «Взоры обращены на Восток»¹. В сочетании с фактами, характеризующими линию поведения Гитлера во время Дюнкерка, эти данные не оставляют сомнения, что первая мысль германского руководства о направлении следующего удара связывалась в этот период с планами развязывания войны против Советского Союза.

Однако после завершения военных действий во Франции и подписания перемирия в Компьене Англия молчала, не подавая сигналов о желании прекратить борьбу и начать переговоры. Гитлеровское руководство не поняло в те дни, что английский империализм ни при каких обстоятельствах не смирится с огромным усилением в Европе германского империализма, с его захватами,

¹ Дневник Гальдера, запись 30 июня 1940 г.

решительно ущемляющими не только европейские, но и мировые позиции Англии. Англия не могла пойти на мир и тем признать немецкую гегемонию в Европе. Это было бы равносильно самоубийству для Англии как великой державы. Именно поэтому, несмотря на свое крайне трудное положение после Дюнкерка, Англия не собиралась идти на заключение мира и на какие-либо переговоры и предполагала вести дальнейшую борьбу.

Перед гитлеровской верхушкой возник теперь вопрос: как дальше действовать против Англии?¹ Именно этот вопрос был поставлен Редером на совещании у Гитлера 20 июня². Через 10 дней, когда Гальдер беседовал в

¹ Изучение вопроса о планировании войны против Англии приводит нас к выводу, что быстрый успех немецких войск во Франции застиг врасплох германские высшие штабы, которые в масштабах «плана Гельб» вообще не разрабатывали планов операций против непосредственно Англии и во второй половине мая не имели каких-либо конкретных предложений о дальнейшем ведении войны. Очевидно, командование флота в это время серьезно сомневалось в реальности плана вторжения, так как потери флота в Норвежской кампании не позволяли рассчитывать на удачу такого предприятия. Гитлер в мае 1940 г. не ставил ОКВ задачу разработать план вторжения в Англию, так как надеялся на мир с ней. Эта точка зрения подтверждается тем, что, когда 21 мая Редер в Шарлевиле первым (как и перед вторжением в Норвегию!) поставил вопрос о десанте в Англию, он, видимо, не нашел поддержки Гитлера (см. запись Редера о беседе с Гитлером 21 мая 1940 г. и замечания К. Клее в его работе «Das Unternehmen "Seelöwe"». S. 57).

² Во время беседы Редера с Гитлером 20 июня гросс-адмирал, очевидно уже понимая трудность вторжения в Англию с точки зрения возможностей флота, предложил начать против Англии энергичное воздушное наступление, с направлением главного удара против английского морского флота. Необходимым условием вторжения Редер считал завоевание германской авиацией господства в воздухе. (*Raeder Erich. Mein Leben. Tübingen, 1957. S. 228, 229.*)

министерстве иностранных дел о возможной войне против СССР, начальник штаба оперативного руководства ОКВ Йодль представил Гитлеру памятную записку, в которой заявлял, что войну против Англии необходимо завершить политическими средствами. Если же они к цели не приведут, следует силой сломить сопротивление Англии. В начале дальнейшей борьбы необходимо подавить английскую авиацию, после чего развернуть наступление авиацией и флотом на морские коммуникации и особенно на промышленность Англии. Йодль считал вторжение крайним, последним средством. Главная предпосылка вторжения — завоевание господства в воздухе. Для десанта в Англию, если он все же потребует, должно быть выставлено не менее 30 дивизий, которые могут встретить сопротивление примерно 20 английских соединений. Йодль считал, что Англия борется теперь не ради победы, а только во имя удержания своих позиций¹.

Записка Йодля — генерала, ответственного за высшее стратегическое планирование, — свидетельствует о том, что намерением германского верховного командования в конце июня — начале июля 1940 г. по-прежнему было немедленное заключение мира с Англией и прекращение войны на Западе. Вторжение рассматривалось как нежелательное и самое крайнее средство.

1 июля Гальдер обсуждал в Берлине вопросы ведения войны против Англии с начальником штаба военноморского руководства генералом Шниевиндом, а на следующий день ОКВ впервые официально предложило

¹ *Klee Karl. Das Unternehmen «Seelöwe».* S. 63. Обращает на себя внимание тот факт, что ОКВ, посвященное в политические намерения Гитлера, начиная со второй половины мая, в июне и июле действует очень медленно, выжидает и растягивает сроки выработки каких-либо планов против Англии. Клее пишет, характеризуя «записку» Йодля: «Политические соображения стоят в начале и конце записки» (там же, стр. 62). Несравненно решительнее разрабатывались планы против СССР.

штабам трех видов вооруженных сил начать по указанию Гитлера подготовку операции против Англии. Срок готовности оставался открытым. В установке ОКВ, как и в записке Йодля от 30 июня, особо подчеркивалась необходимость завоевания господства в воздухе. ОКХ представлял себе будущую десантную операцию примитивно, как «форсирование крупной реки» с фронта Остенде — Гавр первоначально силами шести дивизий под прикрытием дымовой завесы. 2 июля ОКВ отдало приказ штабам сухопутных и морских сил о начале планирования, а 3 июля в штабе сухопутных сил была создана небольшая рабочая группа¹, которая и занялась подготовкой оперативного плана вторжения в Англию. Одновременно энергично разворачивались работы по планированию нападения на СССР. В тот же день 3 июля начальник Генерального штаба сформулировал своим подчиненным сущность «восточной проблемы»: «Нанести решительный удар России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе»². На следующий день Гальдер дал в этом духе практический инструктаж командующему и начальнику штаба 18-й армии генералам Кюхлеру и Марксу, направляемым на восток для руководства стратегическим развертыванием. Начали составляться первые планы железнодорожных перевозок для развертывания сил против Советского Союза с таким расчетом, чтобы 18 июля приступить к переброске танков.

3

9 июля военно-морское командование сообщило ОКХ и главному командованию ВВС о том, что, с его точки зрения, осуществить вторжение — значит прежде всего

¹ Ее возглавил полковник Грейфенберг. В состав группы вошли также представители военно-морских сил.

² Дневник Гальдера, запись 3 июля 1940 г.

решить транспортную задачу. Наиболее целесообразный район посадки и высадки десанта — между 1°30' восточной и 1°30' западной долготы¹. 11 июля проект оперативного плана ОКХ был одобрен Браухичем. В тот же день к Гитлеру в Оберзальцберг прибыли Кейтель и Редер. В ходе длительного совещания Гитлер снова несколько раз подчеркнул, что вторжение — крайнее средство принудить Англию к миру². Англия, с его точки зрения, пойдет на мир и без вторжения, в результате ударов подводных лодок по морским коммуникациям и воздушного наступления на промышленные центры, такие как Ливерпуль.

В ОКВ разработка соображений по десантной операции была закончена Йодлем 12 июля. В первоначальном варианте плана, условно именуемом «Лев», Йодль выдвинул пять главных предпосылок, являющихся, по его мнению, залогом успеха вторжения в Англию: победа над английской авиацией, уничтожение или изгнание базирующихся у английских берегов военно-морских сил, разминирование путей движения десантов, обеспечение флангов минными полями, сковывание английских военно-морских сил операциями в Северном море, а итальянским флотом — в Средиземном море. Авиация должна, помимо завоевания господства в воздухе и наступления на английский флот, подавить береговые укрепления, наземные войска, а также разрушить важнейшие железнодорожные линии³.

Германские ВВС, понесшие, согласно Клее, за апрель—июнь 1940 г. потери — 2784 самолета, значительно ослабели. И хотя штаб ВВС в своих расчетах приходил к выводу, что по качеству руководства и боевым свойствам материальной части германские ВВС превосходят английские и что уже в этом году ожидается победа, решить выдвигаемые ОКВ многочисленные задачи авиации было

¹ *Klee Karl. Das Unternehmen «Seelöwe».* S. 72.

² *Raeder Erich. Mein Leben.* S. 231.

³ *Klee Karl. Das Unternehmen «Seelöwe».* S. 72, 73.

явно не под силу¹. В затруднительном положении находился германский флот, который не оправился от потерь в Норвежской операции и ударные силы которого еще не вступили в строй.

На новом совещании с командованием сухопутных сил, состоявшемся в Бергхофе 13 июля, Гитлер повторил о нежелательности дальнейшего ведения войны против Англии. Он удивлялся тому, что Англия до сих пор не ищет мира, но объяснял это ее надеждой на Россию. «Если мы разгромим Англию в военном отношении, то вся Британская империя распадется, — заявил он. — Однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие»². Так или иначе, но оговорки свидетельствовали об отсутствии решимости провести намерения в жизнь. Гитлер продолжал развивать свои планы: втянуть в войну Испанию, «чтобы создать сплошной фронт против Англии от Нордкапа до Марокко», расширить влияние в Румынии, захватить побережье Африки. Совещание не дало ничего нового. Оно вновь убеждало военное командование в том, что у Гитлера нет ясности о дальнейшем ведении войны.

Тем временем работа над директивой о вторжении в Англию в ОКВ закончилась. Эта директива (№ 16) была подписана 16 июля под условным наименованием «Зее-леве» («Морской лев»). Директива начиналась констатацией того факта, что Англия, «несмотря на свое безнадежное военное положение, еще не дает признаков

¹ Согласно расчетам штаба германских ВВС, проведенным в середине июля 1940 г., против 1075 немецких истребителей англичане имели 900 машин, против 1350 бомбардировщиков — 860. Материальная часть английской авиации и боевые качества ее личного состава оценивались значительно ниже германской авиации (Дневник Гальдера, запись 29 июля 1940 г.). Эти расчеты и оценки не соответствовали действительности — они преуменьшали силы и возможность английских ВВС.

² Дневник Гальдера, запись 13 июля 1940 г.

готовности к соглашению». Поэтому необходимо подготовить десантную операцию, «и если окажется необходимым — провести ее». Комментируя эту часть директивы, западногерманский историк Клее пишет: «Другими словами, это означало, что Гитлер еще предполагал возможность, что Англия при известных условиях из политических соображений проявит уступчивость, или ее можно будет заставить уступить под военным нажимом — сильной воздушной и морской войной, и что тем самым необходимость проводить десант на остров отпадает»¹. Следует добавить, что «политическими соображениями», о которых упоминает, но которые не раскрывает Клее, был, конечно, желаемый сговор с Англией за счет Советского Союза — именно об этом мечтали в те дни Гитлер и его генералы. В качестве главного объекта операции директива № 16 называла метрополию, которую следовало, «если потребуется», полностью занять. Десант должен производиться в форме внезапного перехода канала на широком фронте примерно от Рамсгета до района западнее о. Уайт. Подготовку операции требовалось закончить к середине августа.

Директива главного командования сухопутных сил, отданная на следующий же день, предусматривала участие в операции группы армий «Б» в составе 16, 9 и 6-й армий².

¹ *Klee Karl. Das Unternehmen «Seelöwe». S. 75; Peter Fleming. Invasion 1940. London, 1957. P. 42–52.*

² Первый вариант плана командования сухопутных сил от 17 июля предусматривал создание трех оперативных групп: «Кале» (16-я армия в составе 13 дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованная) должна была вторгаться в Англию с фронта Остенде, устье Соммы на участок побережья между Маргет и Гастингс. Группа «Гавр» (9-я армия в составе 9 дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованная) — с фронта Дьепп, Казн на участок Брайтон, Портсмут. Группа «Шербур» (6-я армия в составе 9 дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованная) — из района Шербур в район Веймут (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 318, л. 55–56).

Но уже на следующий день после подписания директивы № 16 между Браухичем и Редером состоялся крупный разговор о предполагаемом десанте. Оказалось, что военно-морское командование не видит реальной возможности подготовить флот к середине августа. Более того, оно считало, что задачи, поставленные директивой № 16, совершенно не отвечают состоянию флота, что они значительно труднее задач, определенных директивой другим видам вооруженных сил. Сухопутные силы уже сосредоточены в Бельгии и Северной Франции; авиации не потребуется для наступления на Англию проводить какую-либо серьезную подготовку, а флоту предстоит полная перегруппировка сил, изменение базирования, создание новых стоянок. Наконец, перед ним стоят дополнительные трудности: погода, туманы, штормы, течения и т. д.¹. Прошло еще несколько дней — и военно-морское командование официально сообщило, что к 15 августа оно ни в коем случае подготовку вторжения не закончит. Сосредоточение флота, разминирование путей движения через канал станет возможным лишь после установления господства в воздухе². Таким образом, военно-морское командование уже на самой ранней стадии указало на ряд трудностей намечаемых планов и на отсутствие реальных возможностей проведения десанта, по крайней мере в намечаемые сроки. Вскоре открылись серьезные разногласия между военно-морским и сухопутным командованием по ряду принципиальных технических вопросов десантной операции, которые еще более усложнили решение проблем ее подготовки.

На известном заседании рейхстага 19 июля Гитлер официально предложил Англии мир. Через два дня состоялось совещание в рейхсканцелярии. Оценка обстановки, данная Гитлером в отношении Англии, была крайне противоречивой. Она отражала колебания в принятии решений и противоречия в анализе возможностей

¹ *Klee Karl*. Das Unternehmen «Seelöwe». S. 79.

² *Raeder Erich*. Mein Leben. S. 233.

вермахта и английских вооруженных сил, которые были характерны для германского руководства в этом вопросе. С одной стороны, Гитлер, как и раньше, отмечал безнадёжность положения Англии и требовал убыстрения подготовки операции «Зеелеве», чтобы «не упускать из своих рук военно-политической инициативы». С другой — снова, уже в который раз, подчеркивал рискованность десанта и рассматривал его лишь как самое крайнее и нежелательное средство, ибо десант — это не «переправа через реку», как предполагает ОКХ, а «переправа через море, на котором господствует противник». Вопрос о сроках готовности вторжения вновь остался открытым впредь до завершения в штабе военно-морских сил всех подготовительных расчетов. «В середине этой недели, — записал Гальдер 22 июля, — после доклада Редера последует решение фюрера о том, проводить ли десантную операцию этой осенью. Если не теперь, то только в мае будущего года»¹. Здесь, на совещании 21 июля, впервые через пять дней после отдачи директивы о вторжении, появилась мысль о перенесении десанта на 1941 г.

Итак, факты показывают, что решение о наступлении на Англию никогда, буквально ни на один день, не было окончательным и твердым. Оно все время рассматривалось как нечто весьма трудное и нежелательное.

4

В противоположность этому несравненно более определенно и твердо принималось решение о подготовке войны против Советского Союза.

На совещании 21 июля Гитлер категорически заявил, что «русская проблема будет решена наступлением». Его тон в этом вопросе был значительно более категоричным,

¹ Дневник Гальдера, запись 22 июля 1940 г.

чем в вопросе об Англии¹. Здесь же Браухич доложил фюреру первые расчеты операции на Востоке. Развертывание продлится 4–6 недель. Россия имеет 50–75 хороших дивизий, для разгрома которых Германия должна выставить 80–100 дивизий. Необходимо «разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации»² и чтобы немецкая авиация могла разгромить важнейшие центры СССР. В качестве главных направлений вторжения предполагались Украина, Прибалтика, Финляндия. В расчетах Браухича не исключалась возможность нападения на СССР еще осенью 1940 г.

Совещание 21 июля, в конечном счете ни на шаг не сдвинув с места проблемы ведения войны против Англии, представляло собой вместе с тем важный этап начальной стадии планирования войны против Советского Союза. Здесь в масштабах государственного совещания нацизм и милитаризм утвердили свое намерение напасть на СССР. Впервые вопрос об этом был поставлен на почву оперативных расчетов, которые ясно свидетельствовали, что Генеральный штаб уже значительное время вел работы по оперативному планированию нападения на Советский Союз.

На следующий день Англия официально отклонила мирные предложения Гитлера. Какой же была реакция на это в германском Генеральном штабе?

Браухич дал указание Гальдеру усилить подготовку войны против Советского Союза. Он поставил дополнительные вопросы, подлежащие изучению в ходе планирования. Начальник разведывательного отдела «Восток» полковник Кинцель получил уточненные задачи о разведывательной деятельности против СССР. Через четыре дня Кинцель уже смог доложить Гальдеру некоторые новые сведения о Красной Армии. Затем в ОКХ возник

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 143.

² Дневник Гальдера, запись 22 июля 1940 г.

еще один вариант оперативного плана: главный удар нанести на Москву, сохраняя примыкание к Балтийскому морю, после чего обойти с севера советскую группировку, находящуюся на Украине и на Черноморском побережье.

В последние дни июля 1940 г. ОКХ напряженно работало над уточнением основ будущего оперативного плана восточного похода. Прежде всего обсуждался вопрос о направлении главного удара. Из двух точек зрения: наносить удар на юге или на севере, руководство ОКХ придерживалось второго варианта, имея в виду развивать успех на Москву с последующим поворотом ударной группировки к югу, с выходом в тыл советским войскам, обороняющимся на Украине. Обсуждались проблемы стратегического развертывания на Востоке пока главным образом с точки зрения возможностей дорожной сети. Детализацию оперативного плана восточного похода было решено поручить начальнику штаба 18-й армии генералу Марксу, который еще во времена рейхсвера специализировался на изучении Советского Союза и слыл «специалистом по России». С этой целью Маркс был вызван в Фонтенбло, где получил указания начальника Генерального штаба по дальнейшему планированию.

Предварительные наброски плана восточного похода появились также и в штабе военно-морского командования; здесь 28 июля 1940 г. был составлен документ под названием «Соображения о России». В нем предлагалось «скорее устранить советскую опасность большевизма» и с этой целью еще в 1940 г. «занять пространство до линии Ладожское озеро — Смоленск — Крым, чтобы с этих позиций продиктовать условия мира»¹. Далее в документе высказывалось предложение провести на Востоке сильное воздушное наступление, а для борьбы против Англии оставить только подводные лодки.

Но все же штаб ВМФ до поры до времени должен был планировать десант в Англию. 28 июля Редер представил

¹ Klee Karl. Das Unternehmen «Seelöwe». S. 192.

соображения и расчеты по плану «Зеелеве». Они были неутешительными. Оказалось, что требования штаба сухопутных сил военно-морское командование выполнить не может: все транспортные средства позволяли перебросить через канал только 30 % сил, запланированных ОКХ для десантирования. На переправу первого эшелона, по расчетам Редера, требовалось 10 дней. Форсирование предполагалось вести на чрезмерно узком, с точки зрения ОКХ, фронте. Доклад Редера вызвал в штабе сухопутных сил нервную реакцию. «Это означает, — заявил Гальдер, — что никакая десантная операция вообще невозможна»¹. К такому же заключению присоединился и Браухич. Он отправил в Берлин для переговоров с военно-морским командованием обер-квартирмейстера ОКХ полковника Грайфенберга, через которого Редер сообщил сухопутному командованию, что флот может быть готов не ранее 15 сентября и что самым ранним сроком вторжения будет 20–26 сентября. Он заявил далее, что главные трудности флота состоят в нехватке тоннажа для переброски войск, что операцию невозможно обеспечить от нападения английского флота, так как основные германские линейные корабли находятся еще на верфях.

29 июля Йодль сообщил в отделе «Д» штаба оперативного руководства четырем офицерам, что Гитлер решил начать войну с Советским Союзом. «Война с Россией должна произойти так или иначе, так будет лучше провести эту войну в связи с уже происходящей войной»².

Вечером 30 июля в штабе сухопутных сил Браухич и Гальдер обсуждали дальнейшие перспективы ведения войны. Они пришли к выводу, что военно-морской флот не обеспечит осенью 1940 г. условий для проведения десанта в Англию. Но перенесение десанта на май 1941 г. будет иметь ряд отрицательных моментов: усиление Анг-

¹ Дневник Гальдера, запись 28 июля 1940 г.

² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1780, л. 61.

лии, расширение помощи ей со стороны Америки и т.д. Наиболее опасным результатом изменения сроков операции «Зеелеве» Браухич и Гальдер считали вероятную потерю инициативы ведения войны. Германия должна только наступать, только наносить удары, держать весь мир в напряжении — такова природа Третьего рейха. «Зеелеве» должен осуществляться возможно скорее или никогда.

Первый этап выработки новых стратегических решений, начавшийся еще в мае 1940 г., завершился 31 июля совещанием у Гитлера в Бергхофе. Это совещание имело особое значение для дальнейшего хода войны. На нем присутствовали высшие военные руководители: Кейтель, Йодль, Браухич, Гальдер, Редер. Последний заявил, что флот может быть готов к высадке десанта в Англию не раньше 13 сентября, но следует учитывать плохую погоду в проливе, обычную для второй половины сентября, и нехватку транспортов. Так как требования сухопутных сил о высадке на широком фронте и некоторые другие не могут быть выполнены, Редер приходил к выводу о необходимости перенести операцию на май 1941 года¹. К этому времени войдут в строй 4 крейсера, в том числе «Бисмарк» и «Тирпиц», с сентября 1940 г. флот ежемесячно будет получать по одному эсминцу, увеличится количество торпедных катеров. К тому же до весны Англию, возможно, удастся еще более ослабить ударами авиации.

Мысль о воздушном наступлении на Англию пришла по душе также и Гитлеру. В результате обсуждения этого вопроса он заявил, что окончательное решение о высадке десанта в этом году или весной будущего года будет принято после крупного воздушного наступления на Южную Англию, которое осуществится в течение ближайших 8—10 дней. Сухопутные силы должны тем временем продолжать подготовку, ориентируясь на 15 сентября.

¹ *Raeder Erich. Mein Leben. S. 237.*

Особенно важной была вторая часть заседания, после ухода Редера. Гитлер обратился к присутствующим с речью о войне против Советского Союза. Надеждой Англии, заявил он, является Россия и Америка. Если надежда на Россию исчезнет, то Америка также отпадет от Англии. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним стремительным ударом разгромим государство»¹. Фюрер считал, что лучше всего было бы напасть на СССР еще в 1940 г., но нужно хорошо подготовиться. Кроме того, «остановка зимой опасна». Характерно, что в качестве срока нападения на СССР Гитлер назвал май 1941 г., то есть тот месяц, на который только что ориентировал Редера как на возможный срок вторжения в Англию. Следовательно, он не верил в десант и проводить его не собирался. Далее Гитлер изложил основы оперативного плана войны против Советского Союза, подготовленного к этому времени ОКВ. Война против СССР должна продлиться пять месяцев. Ее цель — «уничтожение жизненной силы России». Необходимо нанести два удара: первый — на Киев с выходом к Днепру, второй — на Прибалтику и Белоруссию с развитием наступления на Москву; затем двусторонний удар с севера и юга и широкий охват всей территории Европейской части СССР. Необходимо дополнительно сформировать 40 дивизий, чтобы общее их количество достигло 180. Тогда примерное распределение сил окажется следующим: против СССР будет направлено 120 дивизий («чем больше соединений мы бросим в наступление, тем лучше»). Во Франции останется 50 дивизий, в Норвегии — 7, в Голландии и Бельгии — 3. В качестве маскировки могут быть использованы подготовительные мероприятия к действиям против Испании, Северной Африки и Англии.

Так закончилось совещание 31 июля 1940 г., определившее главные перспективы гитлеровской стратегии на

¹ Дневник Гальдера, запись 31 июля 1940 г.

будущее и завершившее первый этап стратегического планирования после западного похода.

Можно сделать следующие выводы.

Замыслы нападения на Советский Союз и вторжения в Англию возникли на различной основе. Решение развязать войну против СССР было обусловлено всей многолетней антикоммунистической направленностью фашизма, стремлением овладеть богатствами СССР, поработить его народы и предположением, что теперь, после столь необычайных побед, для этого настал благоприятный момент.

С Англией, уже в ходе и особенно после окончания западного похода, предполагалось заключить мир, чтобы затем при сотрудничестве с нею начать войну против Советского Союза. План вторжения, как и «воздушной войны» против Англии, появился из интуитивного стремления гитлеровской верхушки оказать военный нажим и принудить Англию к миру военными средствами или угрозой их применения, поскольку дипломатические меры успеха не принесли. План «Зеелеве» возник как крайнее и нежелательное средство.

План нападения на Советский Союз был решительным планом, в основе которого лежали установки на истребительную войну, на уничтожение Советского государства и низведения его народов до состояния рабов. Решение напасть на СССР, принятое раньше, чем сложился замысел «Зеелеве», было с самого начала твердым. Именно Советский Союз Гитлер и его приспешники начиная с мая — июля 1940 г. считают главным противником и основным объектом агрессии.

Если говорить о непосредственной подготовке вторжения в Англию, которая велась с 17 июля и до октября¹ 1940 г. каждым из трех видов вооруженных сил, то следует отметить, что командиры, штабы и войска, не осведомленные в политических аспектах проблемы, готовились

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725110, д. 7639, л. 19.

к десанту тщательно в духе традиций и правил германского милитаризма. Не может быть двух мнений относительно судьбы, которая постигла бы английский народ, если бы вторжение состоялось. Бывший гитлеровский фельдмаршал Паулюс 16 мая 1946 г. показал, что приказы относительно «Зеелеве» воспринимались командованием и войсками 6-й армии, где он тогда находился, как действительные¹. Командования видов вооруженных сил готовили вторжение методически. ОКХ в августе 1940 г. разработало детальнейшие указания под названием «Борьба за побережье», которые Браухич утвердил 21 августа. В них определялись «основные принципы борьбы за побережье при пересечении широкого морского пролива»². Они были главным руководством для армии при вторжении.

К 5 сентября были уточнены задачи сухопутной армии, состоявшие в том, чтобы «во взаимодействии с военно-морским флотом и авиацией... высадиться в Южной Англии, разбить английские сухопутные силы, овладеть Лондоном и, в зависимости от обстановки, также и другими областями Англии»³. Наступление возлагалось теперь на группу «А» в составе 9-й и 16-й армий с первой оперативной целью «овладеть линией устье Темзы — высоты южнее Лондона — Портсмут... кроме того, продвинуть в западном направлении от Лондона моторизованные силы, чтобы охватить столицу с юга и запада, затем продолжать атаку с ближайшей задачей овладеть линией Мелден (северо-восточнее Лондона) — устье р. Соверн (вторая оперативная цель)». Детальные расчеты велись в течение всего сентября. Командование флота сделало расчеты рейсов и эшелонов, предусмотрело обманный маневр морских сил от берегов Норвегии, сосредоточило к 4 сентября в исходных портах 6300 мин и т. д.⁴. Были, наконец, подготовлены указания для свире-

¹ Там же, оп. 725168, д. 274, лл. 20–30.

² Там же, л. 32.

³ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 274, л. 32.

⁴ См.: *Klee Karl. Das Unternehmen «Seelöwe»*. S. 141–147.

пых расправ с английским населением, для борьбы с партизанами¹ и даже указатели дорог.

Все это показывает, что армия и флот, не вдаваясь, естественно, в соображения высшего командования, вновь методически готовили завоевательную войну, планировали в соответствии со своими обычаями и методами захватить Англию и обрушить на английский народ ужасы фашистского террора.

Подготовка нападения на Советский Союз ускорила полную отмену плана «Зеелеве» и окончательно сняла угрозу вторжения. Те танковые и пехотные дивизии, тот эсэсовский полк, которые предназначались для марша по дорогам Англии, окружения Лондона и других английских городов, были погружены в эшелоны и двинуты против Советского Союза. Из 24 соединений, входивших в состав 16-й и 9-й армий группы «А», развернутой против Англии, 17 было переброшено на Восток².

Объективно Советский Союз еще задолго до начала Великой Отечественной войны стал той силой, которая оттягивала на себя гитлеровские армии от стран Запада. Тем самым СССР отводил все новые удары вермахта от европейских народов и облегчал развертывание национально-освободительной борьбы в Европе.

5

Постепенно подготовка вторжения в Англию переключается на холостой ход. Сроки готовности переносятся: сначала на 15 сентября, потом на 21 и 24 сентября и, наконец, на 12 октября. Формальная отмена плана фиксирует уже свершившийся факт.

Воздушное наступление на Англию было порождено теми же расчетами — принудить ее к заключению мира.

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725110, д. 261, л. 43, 44.

² *Dr. Weber Theo.* Die Luftschlacht um England. Frauenfeld, 1956. S. 34, 35.

Оно началось еще в июле и значительно усилилось после директивы Гитлера № 17 от 1 августа 1940 г., требовавшей создать предпосылки для окончательного поражения Англии, для чего продолжать воздушную и морскую войну против Англии более энергично, чем это было до сих пор. Удары авиации предполагалось направить в первую очередь против английских ВВС, их аэродромов и баз снабжения, а также против военной промышленности. Фактически от воздушного наступления гитлеровское руководство ожидало значительно большего. Умами Гитлера, Геринга и Йодля владел не только смутный расчет все-таки принудить Англию к миру путем военного нажима, но и явное желание продемонстрировать всеокрушающую мощь германского воздушного флота и стремление не выпустить из рук военную инициативу в период, когда новые решения еще не созрели. Немалую роль играли также попытки подорвать английскую экономику путем ударов по судоходству¹.

В конечном счете по инициативе Геринга воздушное наступление превратилось в попытку развертывания «тотальной воздушной войны» в духе доктрины Дуэ². Геринг давно считал, что Англию можно заставить согласиться на мир только авиацией, и тем самым вторжение станет излишним³. Такая возможность прельщала Гитлера, желавшего сбереечь как можно больше сухопутных сил для нападения на СССР. Однако германское командование оказалось не в состоянии определить возможности самостоятельного авиационного наступления и рас-

¹ На конференции ВВС в Гравенхаге, посвященной усилению воздушной войны против Англии, Геринг заявил, что воздушное господство над Англией будет завоевано за 13 дней (*Osterkamp. Durch Höhen und Tiefen jagt ein Herz. Heidelberg, 1952. S. 325*).

² Об этом пишет, в частности, в своем исследовании «Битва за Англию» западногерманский автор Т. Вебер, ссылаясь на работы Ассмана и Манштейна (см.: *Weber Theo. Die Luftschlacht um England. S. 39–40*).

³ Там же. С. 39.

считать силы, необходимые для достижения поставленной цели. Назначенные для «воздушного блица» 2-й и 3-й воздушные флоты оказались слишком малочисленными для столь серьезной задачи.

Согласно Ассману, к началу августа 1940 г. германские ВВС имели 2669 боевых самолетов, из которых 2460 входило в состав названных воздушных флотов (из них 1200 бомбардировщиков, 280 пикирующих бомбардировщиков, 980 истребителей)¹. Германское командование, склонное теперь переоценивать свои силы, допустило немалый просчет в определении возможностей английской истребительной авиации.

Даже Вебер, настроенный отнюдь не критически к «Люфтваффе», признает, что командование германских ВВС «как в отношении численности британской истребительной авиации, так и в отношении снабжения самолетами и возможностей подготовки летчиков было недостаточно осведомлено, или оно недооценивало оба эти основных элемента боевой силы противника в воздухе»². Достаточно сказать, что по немецким данным в середине июля на юге Англии действовало 400–500 истребителей, а в действительности их было 650. Германская промышленность не возмещала ежемесячных потерь в самолетах. Англия же форсировала выпуск истребительной авиации³. Количество ее бомбардировщиков первой линии на 1 августа составляло 560.

Английское руководство понимало неразрешимость проблем, поставленных немцами перед собой в отношении Англии. Оно вполне отдавало себе отчет в том, что десант в Англию может быть высажен лишь в случае, если Германия добьется решающего господства в воздухе и на море. Но англичане знали ограниченность сил немецкой

¹ Assmann K. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951. S. 179.

² Weber Theo. Die Luftschlacht um England. S. 89.

³ Если в январе 1940 г. в Англии было выпущено 802 самолета, из них 157 истребителей, то в августе — соответственно 1601 и 476 (см. там же, стр. 93).

авиации и относительную слабость немецкого флота после Норвежской операции. Борьба во Франции причинила германским ВВС серьезный урон и во многом облегчила теперь положение Англии, а военные действия в Норвегии сделали то же в отношении германского флота. Несмотря на всю трудность обстановки в июне — июле 1940 г., английский кабинет был уверен, что немцы не смогут осуществить десант.

Черчилль надеялся, что Германия вскоре нападет на Советский Союз и, опасаясь потерять силы, ослабит нажим на Англию. Так и было в действительности. Что касается военно-морского флота, то здесь английские руководители чувствовали себя особенно твердо. В служебной записке главнокомандующему войскам метрополии, написанной 10 июня 1940 г., Черчилль сообщал, что неожиданная переправа немцев невозможна, а в более широких местах Северного моря захватчики стали бы легкой добычей, поскольку часть пути им пришлось бы совершить днем.

Общая система обороны Англии строилась на сочетании комбинированных действий флота, авиации и эшелонированных позиций сухопутных сил, обороняющих собственно территорию Англии¹.

Таким образом, английские руководители даже в самые трудные дни не сомневались в бесперспективности германских намерений.

Конечно, Гитлер и его генералы недооценили способность Англии к сопротивлению, действия вооруженных сил которой были стойкими и организованными. Но при всех обстоятельствах остается фактом, что, вопреки установившейся ныне на Западе точке зрения, намерение направить очередной удар против Советского Союза

¹ Детально характеристика организации обороны приводится в работе: *Collier B. The Defence of the United Kingdom. London, 1956.* Наиболее подробные сведения об организации гражданской обороны см.: *Fleming Peter. Invasion 1940. N 1. London, 1957.*

появилось не как производное от результатов борьбы с Англией, а как самостоятельное решение, вытекающее из всего курса политики немецко-фашистского государства. Уже начало подготовки этого нападения оказало решающее влияние на судьбы Англии. Англия была спасена. Другое дело, что позже, когда для гитлеровской верхушки выяснились трудности высадки десанта на Британские острова, она стала обосновывать необходимость восточного похода своим стремлением уничтожить Советский Союз как «последнюю опору Англии на континенте». Такая «аргументация» потребовалась Гитлеру, видимо, для того, чтобы рассеять у некоторых из его приближенных, в том числе у генералов, опасения о возможных боевых действиях на два фронта. Выдвинутый одно время тезис «Россия — опора Англии» не мог заслонить основного содержания идеи восточного похода — захватить «восточное пространство», ограбить Советский Союз, уничтожить десятки миллионов славян.

«Битва за Англию», в ходе которой английский народ продемонстрировал мужество, твердость духа и дисциплинированность, а британские ВВС — воинское умение, не была решающим событием первого периода Второй Мировой войны, а тем более ее поворотным пунктом, как это нередко утверждают историки, социологи и общественные деятели Запада¹.

Начало интенсивного германского воздушного наступления на Англию относится к первым числам августа 1940 г.² На первом этапе воздушного наступления, который продолжался от начала августа до первых чисел сентября, германская авиация стремилась измотать и

¹ *Churchill Winston S. The Second World War. Vol. II. P. 555.*

² Именно к этому времени командованию 2-го и 3-го воздушных флотов удалось полностью развернуть аэродромную сеть в районе Атлантического побережья и создать здесь необходимые запасы (*Kesselring A. Soldat bis zum letzten Tag. S. 85*).

ослабить английскую истребительную авиацию, подавить систему ПВО и нарушить торговое судоходство главным образом путем налетов на морские суда в Ла-Манше и на прибрежные порты. Эта задача выполнялась на основе директивы Геринга, отданной 2 августа и известной под наименованием «Адлер». В ходе боевых действий первого этапа английская авиация понесла тяжелые потери. Только с 24 августа по 6 сентября было сбито 466 самолетов «Спитфайр» и «Харрикейн», погибло 230 английских летчиков. Однако достигнуть своей цели — уничтожить английскую авиацию и захватить господство в воздухе — немцы не смогли. Серьезные потери понесла и немецкая авиация¹.

Германское авиационное командование переоценило свои успехи. Оно считало, что на 1 сентября у англичан осталось только 350 истребителей. В действительности их имелось около 700, то есть больше, чем в июле².

В таких условиях гитлеровцы начали 7 сентября второй этап воздушного наступления. Он представлял собой попытку главным образом подорвать экономический потенциал Англии³. Кроме того, имелось в виду ослабить моральный дух населения и вместе с тем самым фактом воздушного наступления маскировать развертывание главных сил вермахта против Советского Союза. В первый же день нового этапа воздушного наступления английской столице пришлось пережить один из самых сильных налетов германской авиации. В нем приняло участие днем 300, ночью 250 бомбардировщиков дальнего действия.

Тяжелые удары по Лондону наносились в течение десяти суток. Кульминационным английские историки считают налет 15 сентября, когда над жилыми районами Лондона английской авиации удалось сбить 60 не-

¹ По данным Черчилля, соотношение потерь немцев и англичан составляло 3:6.

² *Weber Theo.* Die Luftschlacht um England. S. 126.

³ *Kesselring A.* Soldat bis zum letzten Tag. S. 100.

мецких самолетов, потеряв при этом 26 своих истребителей¹. А в следующую ночь английские бомбардировщики нанесли сильный ответный удар по германским судам в портах между Булонью и Антверпеном.

Итак, не решив первой задачи — уничтожения английской авиации и системы противовоздушной обороны, германское командование переходит к попыткам добиться новой цели — подорвать экономику Англии. Это было еще одним просчетом. Перенеся удар на Лондон, Геринг и его генералы «создали командованию британской истребительной авиации именно ту передышку, в которой оно так нуждалось»². Вместе с тем у Германии оказалось недостаточно авиации для ведения «экономической войны» и самостоятельного воздушного наступления в стратегических целях, в духе концепции Дуэ, которая в условиях Второй Мировой войны оказалась неприемлемой.

После 15 сентября в Англии вновь усиливается тревога по поводу возможного вторжения немцев. Конечно, в те дни в Англии никто не знал, что опасность вторжения фактически миновала. Но и в наше время, когда английские историки и мемуаристы отлично знают это, они все же продолжают настаивать, что только победа англичан в воздухе 15 сентября заставила Гитлера отменить вторжение в Англию. Делается это, как мы уже отмечали, с целью преувеличить роль «битвы за Англию», отодвинуть на второй план разбойничий замысел фашистов по уничтожению СССР.

Начиная со второй половины сентября интенсивность налетов на Англию падает. Вплоть до 13 ноября немецко-фашистская авиация продолжала наносить удары по Лондону, прежде всего по докам и железнодорожным путям, по заводам в Рочестере, Бирмингеме, Ковентри, Дерби, Миддлсборо и в других городах. Примерно

¹ Батлер Дж. Большая стратегия, сентябрь 1939 — июнь 1941 г. С. 275.

² Churchill Winston S. The Second World War. Vol. II. P. 22.

с 14 ноября и до 15 февраля немцы сбрасывают бомбы преимущественно на периферийные города и порты, а затем, до 16 мая, ударам авиации подвергаются порты западного и юго-западного побережья Англии. В эти заключительные периоды воздушное наступление во все большей степени приобретает характер стратегической маскировки мероприятий, проводимых по «плану Барбаросса».

Во время германского воздушного наступления на долю английского народа выпали тяжелые испытания. Впервые за века война пришла непосредственно в его дом. По английским данным, за 10 месяцев, с сентября 1940 г. по июнь 1941 г., в Лондоне разорвалось свыше 45 тыс. бомб общим весом около 7,5 тыс. т, не считая зажигательных. Всего за время «блица» Англия потеряла убитыми 43 667 своих граждан, 50 387 человек перенесли тяжелые ранения. Разрушались и пылали дома, больницы, вокзалы, заводы. В этих условиях рабочие, служащие, крестьяне Англии показали себя мужественными людьми. Лондонцы смело боролись с очагами пламени. Почти по 40 часов подряд находились на своих постах пожарные, которые только за первые 22 дня налетов выезжали на 10 тыс. пожаров. Английский рабочий класс самоотверженно трудился на оборону. Рабочие таких крупных промышленных городов, как Бирмингам, Шеффилд, Бристоль и другие, не покидали работу, даже когда их заводы оказывались в зоне бомбометания. Столь же энергично и хладнокровно действовали на своих участках отряды гражданской обороны, медицинский персонал, служащие. Народ видел, что фашистский агрессор несет ему смерть и разорение. В Ковентри от центральной части города осталась только колокольня. В Портсмуте был уничтожен лучший квартал. Такая же участь постигла центральные районы Бристоля, Плимута, Гуллы. Нужно ли говорить, что тяжкие испытания, выпавшие в эти месяцы на долю английского народа, вызвали в нем острую ненависть к германскому фашизму и милитаризму, укрепили в нем желание со всей решимостью и до конца разгромить агрессора.

В сложившихся обстоятельствах никакой другой политической линии не могло проводить и английское правительство, интересы которого теперь были прежде всего направлены на то, чтобы выстоять в борьбе, выстоять до того момента, когда немецкий удар будет перенесен на Восток. Тенденции «странной войны» и политического заигрывания с Гитлером были погребены под градом немецких бомб, разрушавших английские города.

Итак, определяющее значение для дальнейшего хода войны имело решение Гитлера об агрессии против Советского Союза, сложившееся в принципе в период май—июль 1940 г. План вторжения в Англию не опирался на твердую базу, он никогда не был окончательным и не принимал решительных очертаний, хотя войска в рамках тактических форм готовились к его осуществлению интенсивно. Постепенно план был отменен, а позже превратился в крупную маскировочную акцию при подготовке агрессии против Советского Союза. Отмена плана «Зеелеве» произошла в связи с ранее принятым решением фашистской верхушки напасть на Советский Союз, боязнь понести потери в авиации и войсках, необходимых для войны против СССР, а также в связи с тем, что силы гитлеровских авиации и флота были недостаточными для установления господства на море и в воздухе. Главной причиной была первая, однако все они должны рассматриваться в комплексе.

Воздушное наступление на Англию не принесло и не могло принести стратегических результатов, ибо в его основе лежала нереальная политическая цель, а стратегическая задача не соответствовала имеющимся силам.

Борьба против Советского Союза как объекта германской колонизации и носителя идей марксизма была ведущей целью германского империализма, монополий, нацистов. Она составляла стержень внешней политики Третьего рейха на всех этапах его существования. Победы в Европе многократно усилили авантюризм германских милитаристов. Многие из них чувствовали себя способными

вести войну против любого противника на многих фронтах, втягивая в сферу войны новые и новые районы мира.

Мы не ставим своей целью рассматривать здесь подробно подготовку и планирование германским командованием войны против СССР. Остановимся кратко лишь на двух характерных чертах подготовки агрессии против Советского Союза. Ими были: всесторонняя недооценка германскими милитаристами сил и возможностей социалистического государства и особая тщательность подготовки нападения в оперативно-тактических рамках.

Недооценка сил Советского Союза и его армии порождалась общим непониманием природы социалистического строя, гиперболической переоценкой своих возможностей и неправильными сведениями о состоянии Красной Армии, к которым пришел германский Генеральный штаб. Он с особой охотой воспринимал все отрицательные сведения о советских войсках, которыми его усиленно питала разведка, в частности финская, после советско-финляндской войны. Одностороннее восприятие ее опыта толкнуло гитлеровских генштабистов, подобно их французским коллегам зимой 1939/40 г., на грубый просчет в отношении «восточного противника».

В специальных разведывательных обзорах состояния Красной Армии, рассылаемых всем ответственным командирам вермахта в начале 1941 г., сообщалось, что в войне с Германией «русские военачальники будут не способны проводить крупные наступательные операции, будут не способны к быстрым действиям при благоприятном положении»¹.

У советских войск, по мнению гитлеровской разведки, не будет умения атаковать, обеспечивать взаимодействие, не будет «знаний современных требований»². «Взаимодействие разных родов оружия совершенно неудовлетворительное», — утверждалось в другой сводке о

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 529, л. 106.

² Там же.

Красной Армии. И наконец, подводя 15 января 1941 г. итог ставших известными германской разведке мероприятий по перестройке Красной Армии, генштабисты приходили к выводу, что «успех новых методов будет виден не по прошествии нескольких лет, а может быть, по прошествии нескольких десятилетий»¹. Единственное, что признавалось, — это упорство и отвага советских солдат, особенно в обороне, а также приоритет советского военного искусства в разработке методов массированного использования танковых соединений в наступлении на реке Халхин-Гол².

Что касается определения количества советских дивизий, то здесь был допущен крупный просчет: гитлеровская разведка считала, что в Красной Армии почти на 100 соединений меньше, чем было на самом деле. Изучая советскую военную технику, фашисты особенно внимательно следили за танкостроением. Гитлеровские атташе изучали советское оружие во время парадов на Красной площади³. В целом германская разведка неплохо знала старые модели советского оружия, но не имела представления о многих новых образцах. Поэтому, например, появление в боях 1941 г. замечательных советских танков Т-34 и КВ оказалось для вермахта полной неожиданностью.

Коренная недооценка сил и возможностей Советского Союза и его армии представляла собой законченное выражение авантюризма военного мышления германских милитаристов. Все их стратегические расчеты строились на ложной основе представлений, будто Красную Армию можно разгромить одним ударом и завершить войну на Востоке за несколько месяцев. Эти расчеты полностью воплотились в «плане Барбаросса» — плане нападения на Советский Союз. И было вполне закономерным, что они потерпели полный крах в первые же

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 529. л. 106.

² Там же, оп. 725110, д. 449, л. 1.

³ Там же, л. 11.

месяцы войны с Советским Союзом. Здесь уместно привести слова Гальдера, которые он произнес 11 августа 1941 г., испытав горечь разочарований во всех своих предвоенных расчетах. «Общая обстановка показывает, — писал он в своем дневнике, — что колосс — Россия... был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны... и в особенности на чисто военные моменты»¹. Но это было сказано лишь год спустя.

Первые чисто практические меры для подготовки войны против СССР германское командование начало принимать в июне 1940 г., когда в Польшу дополнительно к находившимся здесь ранее 9 пехотным дивизиям были направлены еще 15 дивизии. Там же был развернут штаб 18-й армии, объединивший теперь все войска на Востоке. Новый организационный план, разработанный в связи с подготовкой восточного похода, предусматривал формирование дивизий, общее число которых должно было возрасти со 155 до 180. Работа в этом направлении, требовавшая значительного времени, началась летом 1940 г. Увеличение армии на Востоке было связано с большой перестройкой вооруженных сил в целом, так как затрагивало почти все соединения, которым предстояло выделять из своего состава опытные кадры для вновь создаваемых дивизий. С особой интенсивностью эта работа развернулась в сентябре 1940 г.; формировались новые части, реорганизовывались старые, комплектовалась новая 11-я армия. Одновременно главное командование сухопутных сил отдало приказ о дальнейшей переброске войск на Восток. Из Франции в Польшу был передислоцирован штаб группы армий «Б», штабы 4-й и 12-й армий и 14 дивизий, в том числе 3 танковые. Общая численность войск, сосредоточенных в районах, прилегающих к Советскому Союзу, значительно возросла по сравнению с началом августа и достигла 30 дивизи-

¹ Дневник Гальдера, запись 11 августа 1941 г.

зий. Тем самым во все большей степени снималась угроза вторжения, висевшая над Англией.

Война против Советского Союза требовала подготовки исходного плацдарма. Поэтому уже в августе 1940 г. на территории Польши развернулись работы по строительству и улучшению железных и шоссейных дорог, линий связи, складов, казарм и т.д., которые должны были обеспечить развертывание главных сил гитлеровской армии.

По первым наметкам оперативного плана, составленного начальником штаба 18-й армии генералом Марксом, выходило, что для победы над Советским Союзом достаточно 80—100 дивизий. Ясными данными о численности Красной Армии германский Генеральный штаб, как известно, не располагал. Ни посол в Москве Шуленбург, ни военный атташе Кестринг не могли представить на этот счет сколько-нибудь полных сведений. В предварительных расчетах была взята цифра 50—75 дивизий, однако вскоре от нее отказались и приняли численность Красной Армии в 213 дивизий, а число немецких дивизий для восточного похода увеличили до 120. Но обе цифры, определяющие численность советских войск, были весьма далеки от действительности. С начала сентября дальнейшей разработкой плана занимался обер-квартирмейстер главного штаба сухопутных войск Паулюс. План военного нападения на Советский Союз складывался постепенно в течение лета, осени и начала зимы 1940/41 г. по мере изучения Генеральным штабом данных обстановки, задач и возможностей вооруженных сил¹.

К осени главные предпосылки плана вырисовывались достаточно четко. Они состояли в том, чтобы наступлением

¹ Подробнее об этом см.: Жилин П. А. Подготовка германским генеральным штабом войны против СССР // Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы / Под общей редакцией генерал-майора Н.Г. Павленко. М.: Воениздат, 1960. С. 47—70.

130—140 дивизий разбить Красную Армию в западных областях Советского Союза, захватить Москву, Ленинград, Украину, а впоследствии Северный Кавказ с его нефтяными источниками и достигнуть линии, которая сделала бы невозможными налеты советской авиации на территорию Германии. Конечной целью предусматривалось достижение линии Астрахань—Архангельск. При этом Генеральный штаб руководствовался требованием Гитлера, чтобы территория России никогда в последующем не распространялась западнее Урала.

5 декабря план был доложен Гитлеру, а 18 декабря он подписал директиву № 21 «Барбаросса» о войне против Советского Союза. Эта директива стала основой дальнейшего планирования и подготовки войны. Составленная в январе 1941 г. на ее основе директива по сосредоточению войск развивала способы действий и задачи вооруженных сил и армейских объединений. Обе директивы определяли методы и средства, которыми предполагалось достигнуть «молниеносной победы» над Советским Союзом. В качестве главной стратегической цели определялась задача «еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию». Это предполагалось достигнуть посредством «глубокого вклинивания танковых войск и уничтожения новой массы русских армий, находящихся в Западной России». Генеральный штаб особо требовал «предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны».

Германский Генеральный штаб, планируя нападение на Советский Союз, не смог сделать оперативный расчет сил, необходимых не только для войны в целом, но и для первой кампании. Начиная наступление 153 дивизиями на общем фронте около 2 тыс. км, он предполагал к завершению «восточной кампании» до зимы 1941 г. продвинуть их более чем на 2 тыс. км и выйти на фронт, превышающий 3 тыс. км. Это означало, что войска должны были двигаться на всю глубину со среднесуточным темпом 25—30 км и к завершению кампании иметь

чрезвычайно низкую оперативную плотность — одна дивизия на более чем 20 км фронта! Иными словами, расчет был составлен на движение как бы в пустом, никакими войсками не занятом пространстве. Возможное сопротивление Советских Вооруженных Сил, по крайней мере восточнее Днепра, просто не принималось в расчет. Столь невероятные ошибки могли быть допущены лишь Генеральным штабом, убедившим себя в собственной непогрешимости и гениальности, штабом, доктрины которого пропитаны духом авантюризма, презрения и пренебрежения к противнику.

После победы над Францией несоответствие гитлеровской стратегии в масштабах мировой войны реальным военным возможностям рейха и вооруженных сил обнаружилось особенно ясно. Агрессия имеет свою внутреннюю логику, коренным образом отличающуюся от логики реальной политики. Нить агрессии, если она не будет разорвана, разматывается непрерывно. Один удачный акт влечет за собой серию других, и чем больше успехов одерживает агрессор, тем больше новых задач он ставит перед собой и пытается выполнять.

После победы над Францией Гитлер и верховное командование уверовали в непобедимую силу вермахта, для которого отныне не существует невыполнимых задач. Они стали считать, что именно теперь наступило время, когда возможно приступить к осуществлению военных планов всемирного масштаба. Западногерманский историк Якобсен приходит к выводу, что корни «национального несчастья», которое постигло Германию в 1945 г., «следует искать... в так называемых “победоносных годах” немецкого полководческого искусства»¹. К этому следует прибавить, что генералитет был един с Гитлером как в оценках мощи вермахта, так и в определении задач, которые необходимо решать в дальнейшем ходе

¹ *Von Jacobsen H.-A. Hitlers Gedanken zum Kriegsführung im Westen//Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1955. N 10. S. 433.*

войны. «Когда летом 1940 г., — продолжает Якобсен, — Герман Геринг объявил Гитлера “величайшим полководцем всех времен”, он создал этим фальшивый, даже опасный ореол “своему фюреру”... Гитлер, пожалуй, и сам начал верить в свой “полководческий гений”, а нацистская пропаганда сделала свое дело, приписывая победу на Западе исключительно только «военному гению фюрера»¹.

Генеральные штабы исходили из главной ошибочной предпосылки Гитлера, высказанной им в октябре 1940 г. при встрече с Муссолини: «Война выиграна; доведение ее до полной победы является лишь вопросом времени»². Определяя пути к «полной победе», Гитлер, ОКВ и штабы постепенно доводили цепь своих стратегических расчетов, разрабатываемых теперь в изобилии и с необычайной быстротой, до подготовки захватов мирового масштаба.

Было решено провести войну против Советского Союза как единственную кратковременную кампанию. Германский генералитет считал, что после победы на Востоке европейский континент уже не будет иметь реальных противодействующих Германии сил. Казалось естественным после победы над Советским Союзом начать наступление от Кавказа на Ближний Восток, в Иран и к Суэцу, где новый удар сомкнется с наступлением группы Роммеля, которая к этому времени одержит победу в Африке. Чтобы задушить Англию, следовало отрезать ее средиземноморские коммуникации, проходящие через Гибралтар, и, приняв различные меры против не оккупированной Франции, Испании и Португалии, завершить превращение побережья Атлантики в германское. Все эти расчеты были выражены в оперативных планах ОКВ и генеральных штабов. Директива верховного командования № 32 от 11 июня 1941 г. предусматривала уже осенью 1941 г., оставив для охраны территории России 60 дивизий и

¹ Там же.

² Дневник Гальдера, запись 15 октября 1940 г.

одну воздушную армию, осуществить концентрическое наступление в районы Передней Азии из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, из Закавказья через Иран; развить наступление совместно с итальянцами на Суэцкий канал, осуществить захват Гибралтара; возобновить в полном объеме «осаду Англии» силами флота и авиации.

В августе 1940 г. в штабе сухопутных сил был разработан план агрессии против Швейцарии («план Танненбаум»), согласно которому предусматривалось ударом 12-й немецко-фашистской армии в составе 16–17 дивизий (в том числе 3–4 танковых, 2 моторизованных, 2 горных) перейти на широком фронте швейцарскую границу и «возможно скорее занять главный город страны Берн с прилегающей индустриальной областью...»¹.

В конце августа того же года командование сухопутных сил одобрило план вторжения в Ирландию («план Хербстрайзе»)².

Общие перспективы дальнейшего ведения войны были изложены Гитлером 12 ноября 1940 г. (директива № 18). Здесь мы находим планы нанесения ударов в различных направлениях европейского континента и вне его пределов. Фюрер и его генералы готовят вступление войск в Испанию и Португалию с целью изгнать Англию из западной части Средиземного моря. Они планируют захват Канарских и Азорских островов. Одновременно даются указания о подготовке оккупации греческой территории севернее Эгейского моря — все это в рамках широкой подготовки войны против СССР³.

План наступления через Испанию и Португалию к Средиземноморью и Атлантике вскоре принял характер конкретных оперативных расчетов (варианты «Феликс» и «Изабелла»). Предусматривалось создать ударные

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725110, д. 601, л. 4.

² Там же, д. 261, л. 13.

³ *Jacobsen H.-A.* 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 153–156.

группировки под общим командованием Рейхенау для быстрого захвата Гибралтара, Испанского Марокко и Португалии¹. Особенно детально, с учетом многочисленных данных воздушной разведки, планировался штурм гибралтарской крепости 1-й горной дивизией и эсэсовским полком «Великая Германия»².

Германские милитаристы в это же время планировали захват не оккупированной территории Франции (вариант «Аттила»). Директива № 19, отданная 10 декабря, предусматривала быстрое решение этой задачи сильными моторизованными группами, захват французского флота в Тулоне и оставшихся французских ВВС³.

Параллельно велась подробная разработка захвата Балкан. «План Марита», разработанный главным командованием (директива № 20 от 13 декабря 1940 г.), предусматривал введение в Румынию группировки в 7 дивизий, а после установления хорошей погоды, примерно в марте 1941 г., усиление ее 24 дивизиями и направление этих сил через Болгарию в Грецию для захвата всего полуострова. Удар намечался через Салоники на Коринфский перешеек⁴.

Наконец, в начале 1941 г. был составлен план наступления в Африке («план Зонненблюме») и захвата острова Крит («план Меркур»).

Подготовка удара на Ближний Восток, а затем против Индии начиналась заблаговременно с широкого шпионажа. Изучая документы фашистских высших штабов, мы находим обширные досье по так называемому «воздушно-географическому описанию», в частности Сирии и Палестины, в которых собраны добытые германской разведкой подробнейшие характеристики и снимки

¹ Там же. С. 174–176.

² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 640, л. 2.

³ *Jacobsen H.-A.* 1939–1945. *Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten.* S. 176–178.

⁴ См.: Там же.

всех районов и объектов, имеющих мало-мальское военное значение¹.

Так, потеряв чувство реального, поверив в свои безграничные возможности и в бессилие всего остального мира, германские милитаристы вместе с нацистской верхушкой готовили на рубеже 1940/41 гг. последовательный захват многих стран. Эту «ближайшую программу» они собирались выполнить к осени 1941 г., и ее первым условием была победа над Советским Союзом.

Что произошло бы в мире, если бы советский народ не отразил удара?

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 318, л. 1—195.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События первого периода Второй Мировой войны обнажили перед сотнями миллионов людей и перед историей те острейшие противоречия, которые существовали в 30-е годы нашего столетия в империалистическом мире и которые привели к схватке внутри него. Они показали, что политика антикоммунизма и поддержки фашистских режимов может привести в конечном счете лишь к глубоким катастрофам буржуазных государств. Вместе с тем первые двадцать два месяца Второй Мировой войны дали народам особенно ясную картину сущности германского империализма и фашизма, о которых в предвоенные годы у многих буржуазных политических деятелей существовало немало иллюзий.

В Программе КПСС говорится: «Империализм не знает иных отношений между государствами, кроме отношений господства и подчинения, угнетения слабого сильным. Международные отношения он строит на диктате и угрозах, насилии и произволе. Агрессивные войны рассматриваются им как естественное средство решения между-

народных вопросов. ...В период безраздельного господства империализма вопрос о войне и мире решался финансово-промышленной олигархией в глубокой тайне от народов»¹.

В полной мере это относится к германскому фашистскому империализму.

Германский милитаризм показал себя самой зловещей, наиболее беспощадной и реакционной силой. Он и не мог быть ничем иным, ибо пройденный им путь после первого поражения Германии мог привести только к тому варварству, к тем преступлениям, которые он стал с началом войны совершать в Европе.

Со всей своей старой, извращенной и циничной идеологией, представляющей историю и судьбы человечества как непрерывное покорение слабого сильным, прогресс — как усовершенствование дубины, со всеми своими идолами железного кулака, с мишурой, символами и националистическими бреднями, с теориями германской исключительности немецкие милитаристы вкупе с магнатами финансового и промышленного капитала выпестовали гитлеровский фашизм. Они дали ему силу, доверили свои идеи и кадры, помогли прийти к власти и превратились в одно из главных орудий германского фашистского империализма. Нет ничего опаснее вымысла, будто германский милитаризм — это нечто иное, чем германский фашизм, якобы эти понятия выражали в гитлеровской Германии разную сущность. Именно так ныне нередко утверждают на Западе, пытаясь заставить народы поверить, что зловещая сила, призванная сегодня на службу западному империализму, была вчера чем-то иным, а не самим гитлеризмом, не его душой и телом, не его сознательным орудием.

Германский милитаризм — орудие, направленное не только против народов других стран, но и против германского народа. Как слуга реакционной политической

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Издательство «Правда», 1961. С. 56.

верхушки и монополистического капитала, он хладнокровно посылал в огонь войны миллионы германских трудящихся во имя интересов правящей клики. В.И. Ленин еще в 1916 г. говорил: «В Германии... возложили величайшие жертвы на подавляющее большинство народа, и все это для того, чтобы “верхние 30 000” могли положить в карман миллиарды военной прибыли и чтобы миллионы погибали на бойне для пользы этих “благороднейших и лучших” представителей нации»¹.

Первый период Второй Мировой войны, ставший трагедией многих государств Европы, не подготовленных или, вернее, не сумевших по вине своих руководителей подготовиться к удару агрессора, был вместе с тем великим уроком для народов. Было бы непростительной близорукостью людей, переживших 1939—1941 гг., за множеством новых проблем, выдвигаемых жизнью, забывать этот тяжелейший этап европейской истории. Один только перечень стран, «молниеносно» захваченных гитлеровскими армиями за первые двадцать два месяца войны, только названия разрушенных городов, цифры погибших, ни с чем не сравнимые моральные потрясения людей, чувства и мысли которых были внезапно растоптаны железным сапогом фашистской солдатчины, — все это должно ныне внушать отвращение и презрение к возродившемуся германскому милитаризму, чьи бы слова он сегодня ни повторял и в какие бы новые одежды ни рядился. Он — враг народов всего мира, в том числе и германского народа. И нередко путь на Запад бывает для него намного короче, чем путь на Восток.

Необходимо помнить, что на протяжении всей своей истории германские империалисты всегда старались повторять слова, наиболее понятные данной эпохе, и этим завоевывать популярность у непосвященных и позволяющих себя обмануть. Пелена заблуждений спадала с первыми же выстрелами, производимыми в очередной развязанной ими войне. Но тогда становилось уже позд-

¹ В.И. Ленин. Сочинения. Т. 23. С. 147.

но. Именно так произошло утром 1 сентября 1939 г., но так больше не должно и не может произойти.

Антикоммунизм был накануне Второй Мировой войны и остается сейчас той самой почвой, на которой разрастается ядовитое семя фашизма и милитаризма. Антикоммунизм нацистов Людендорфа и Бломберга, Кессельринга и Рейхенау, Йодля и Кейтеля нашел перед Второй Мировой войной и в ее начале союзника в антикоммунизме Даладье и Гамелена, Рейно и Жоржа, Хюнцигера и Корапа. Он подорвал изнутри силы французской армии и позволил германским милитаристам, прикрывавшимся понятными для реакционеров по ту сторону Рейна лозунгами разбить и растоптать своих единомышленников. Урок тяжел. Нельзя допустить, чтобы современная болезнь антикоммунизма вновь окончательно развязала руки тем, кто открыто провозглашает свое стремление «начать все сначала».

Солдаты Европы в 1939–1941 гг. в большинстве своем мужественно сражались против гитлеровских армий. Польские — на Варте и Видавке, под Модлином и в героической Варшаве, французские — под Динаном и Монтерме, под Филиппвилем и Гу, бельгийские — на канале Альберта и плато Жамблу, голландские — у Роттердама, английские — на реке Диль и под Аррасом, югославские и греческие — у Скопле и Рупельского перевала. Пусть же старые солдаты Европы, их дети и внуки не забывают этих дней, не допустят повторения трагедий 1939–1941 гг. Для этого нужно лишь одно: помнить, что все это принес германский милитаризм — орудие международного империализма, что он сейчас жив, стоит рядом и открыто готовит новое 1 сентября.

1939–1941 гг. были годами наивысших военных успехов германского империализма. Никогда за всю его историю ему не удавалось в такой короткий срок захватить столько стран, победить столько армий, завоевать столько богатств. Франция, Бельгия, Голландия были побеждены. На востоке истекала кровью зажатая в смертельные гестаповские тиски Польша. Скандинавия стала

немецким плацдармом для господства в Северных морях. Балканы, Северная Африка превратились в германские орудия, повернутые на Средиземноморье и Ближний Восток. Положение в Европе существенно изменилось. Казалось, достигнуто невозможное: Европа становилась немецкой, и мечта о тысячелетнем рейхе превращалась в действительность. Ослепленные блеском собственных побед, захватчики считали, что нет силы, способной противостоять вермахту. Но они не могли разглядеть, что в недрах этого чуда победы уже таились зародыши будущего поражения. В покоренной Европе развивались глубинные процессы народного сопротивления, которые сначала почти незаметно, но чем позже, тем сильнее подтачивали могущество фашистского «нового порядка» и остановить которые было нельзя.

Исторический урок 1939–1941 гг., который полезно напомнить империалистам, заключается в том, что в наше время невозможно остановить стремление народов к свободе. Народы поднимаются на борьбу, даже когда агрессор, казалось бы, достиг вершины побед, когда зло представляется несокрушимым. Воля к свободе патриотов различных стран оказывалась сильнее фашистской тирании. Правда, внутренний протест пока еще мог находить лишь сдержанное выражение. Силы сопротивления еще не консолидировались, наиболее реакционные круги буржуазии, предатели всех мастей, коллаборационисты располагали сильной поддержкой оккупантов и властью. Но действия польских, югославских, греческих, албанских и норвежских партизан, забастовки на французских и бельгийских заводах, активная работа коммунистов во многих оккупированных странах, демонстрации, мужественные выступления патриотов, таких как Фабьен во Франции или Манолис Глезос в Греции, были признаками постепенного, до вступления в войну Советского Союза, незначительного по масштабам, но все более активного сопротивления народов фашизму. Освободительная борьба разрасталась, и чем

чаще вспыхивали ее огни на погруженном во мрак Европейском континенте, тем больше менялась окраска событий. Национально-освободительная борьба народов против фашистского изуверства превращала Вторую Мировую войну из войны империалистической в справедливую, освободительную войну народов против фашизма.

Представляется возможным определить следующие этапы этого процесса.

Первый этап связан главным образом с польским сопротивлением в период германско-польской войны. Начавшееся с первых ее дней, оно скоро вышло за рамки официальной политической и военной организации распавшегося уже в начале войны режима Рыдз-Смиглы. Оно стало отрицанием этого режима, всей его политики и постепенно вступало в русло национальных освободительных традиций польского народа. Однако в решающие моменты польские патриоты остались без руководящего ядра, которым могли быть в тех условиях только левые силы, прежде всего коммунисты. Польская коммунистическая партия в этот период уже не существовала. Возглавляемая в отдельных местах страны патриотически настроенными буржуазными элементами и представителями военных кругов, национальная борьба приобрела локальные формы и не могла в тех условиях быстро превратиться в общенациональное движение. Однако остается историческим фактом, что польский народ, ставший одной из первых жертв гитлеровской агрессии, одним из первых же и начал поднимать знамя сопротивления, следуя примеру своих чехословацких соотечественников.

Вскоре ему эхом откликнулись выстрелы отважных норвежских патриотов, которые среди суровых гор и скал Севера приступили к сведению своих счетов с захватчиками, вероломно нарушившими доверие и спокойную жизнь миролюбивого народа Скандинавии.

Вторым и важнейшим этапом были события, связанные с поражением Франции и ее союзников летом 1940 г.

Военный крах Франции, бедствия Англии означали вместе с тем и полный провал всей многолетней политики английской и французской буржуазии. Даже закостенелых консерваторов он заставил пересмотреть по крайней мере те аспекты своей политической деятельности, которые, как теперь стало уже предельно ясным, поставили не только народы их стран, но и их самих на грань существования и уничтожения. Для каждого непредвзятого современника этих событий стало очевидным, что правда была на стороне коммунистов в их борьбе против империалистической реакции. Моральная сила коммунистов Франции позволила им сплотить патриотические силы страны и возглавить антифашистскую борьбу, развернувшуюся сразу же после окончания военных действий. Движение росло по мере вызревания сил сопротивления и ухода гитлеровских войск на восток.

Развертывающаяся борьба французских, бельгийских и голландских патриотов, стойкость англичан в недели и месяцы после падения Франции были в 1940 г. и в начале 1941 г. существенным фактором рассматриваемого нами процесса.

Его третий этап определяется комплексом военных событий на Балканах весной 1941 г., когда партизаны Югославии, Албании и Греции открыли вооруженную борьбу против захватчиков.

Итак, по мере расширения гитлеровской агрессии росли масштабы сопротивления народов, под влиянием которого развивался процесс изменения характера Второй Мировой войны в целом. Вероломное нападение на Советский Союз в решающей степени усилило и завершило этот процесс. Война с участием СССР приобрела в целом справедливый, освободительный, антифашистский характер со стороны народов, противостоящих блоку агрессоров.

В плане дальнейшего хода мировой войны ее первый период представлял собой подготовку германского империализма к нападению на Советский Союз, который фашисты рассматривали как главного противника и напасть на который они осмеливались, лишь захватив предварительно ресурсы Европы. Оккупация ряда стран позволила фашистской Германии намного увеличить

территорию, значительно поднять добычу и производство основных видов сырья и материалов, а также повысить уровень военного производства¹.

Если рассматривать этот вопрос под углом зрения стратегии, то захват Польши означал создание плацдарма против Советского Союза на центральном направлении, оккупация Норвегии — на северном, Балкан — на южном; война против стран Западной Европы позволила Германии в значительной мере обеспечить стратегический тыл. Ресурсы захваченных государств были поставлены на службу антисоветской войне.

Первый период Второй Мировой войны дает немало материалов для размышлений в чисто военной области — в области стратегических и оперативно-тактических проблем.

Военные события 1939—1941 гг. означали крупный сдвиг в буржуазном военном искусстве. Происходила быстрая ломка старых традиций и представлений. Незыблемое вчера сегодня оказалось фальшью. Многие авторитеты были свергнуты. Казалось бы, точные расчеты оказались никуда не годными. Принципы отстали на целую эпоху. Сложная военная доктрина Франции со всей ее расчетливой методичностью, создаваемая в течение 20 лет двумя поколениями французских генштабистов, теперь разрушилась в исторически мгновенный срок, и не было такой силы, которая могла бы поддержать громоздкое, но ветхое здание французского милитаризма.

Самой крупной неожиданностью для французских и английских военных руководителей оказалась гибель культа позиционности. Рожденная политическими требованиями французской реакции, подкрепляемая догматической приверженностью к опыту Первой Мировой войны, французская доктрина многие годы перед войной учила о непреодолимости позиционных рубежей для любой комбинации

¹ Подробные данные по этому вопросу содержатся в работе Н.Г. Павленко «Решающая роль СССР и его Вооруженных Сил в разгроме германского империализма во второй мировой войне». См.: Германский империализм и вторая мировая война. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 136—137.

наступающих войск. Ее символом стала Линия Мажино. Но за первую неделю борьбы все пошло совершенно иначе.

Практика разбила теорию абсолютной непреодолимости стабильной обороны, построенной на основе системы огня артиллерии, располагавшейся на широком фронте и на небольшую глубину, без траншей и эшелонированных позиций. Наступление с помощью танковых и моторизованных масс настолько выиграло в силе, что практика первого периода Второй Мировой войны, отвергнув многие предвоенные взгляды на оборону, пока еще не дала ответа на вопрос о том, какой она должна быть в новых условиях. Попытка создавать оборонительные позиции опорными пунктами, предпринятая французами в июне 1940 г., лишь намечала перспективы дальнейшего развития.

История еще не дала оценку тому заблуждению, которое царило в умах военных руководителей большинства стран Западной Европы между двумя мировыми войнами в вопросе о моторизации сухопутных сил. Известно, что каждый период развития военного дела отмечен появлением каких-то главных средств борьбы, которые в наибольшей степени влияют на военное искусство. Пулеметы в начале XX столетия, артиллерия в Первой Мировой войне, бронетанковые, моторизованные войска и авиация накануне Второй Мировой войны — именно эти технические усовершенствования и новинки накладывали особый отпечаток на способы ведения войны. И всегда находились люди, слишком поздно уяснявшие их значение. Армии должны были расплачиваться кровью за недооценку или недостаточное понимание роли новой техники, за неумение найти целесообразные приемы ее использования. Накануне Второй Мировой войны такими армиями были польская, французская и английская, а такими людьми — руководители этих армий. Много писали, еще больше говорили, декларировали, тратили народных денег, но крайне мало делали в области создания наиболее современных бронетанковых и механизированных войск и разработки принципов их использования. И вот уже в начале войны открылась вся глубина ошибок, весь трагизм отсталости в военно-технической и военно-теоретической области. Особенно рельефно это выразилось в бронетанковых

войсках и авиации. Массированное использование немецко-фашистским командованием танковых соединений оказалось для поляков, французов, англичан, бельгийцев новшеством, к которому они совершенно не были готовы.

События 1939—1941 гг. означали крах принципов линейной стратегии, исповедуемых польским, французским, английским генеральными штабами и их партнерами. Стало неопровержимо ясным, что планы, основанные на этих принципах, создавались людьми, не учитывавшими переворота, произведенного моторами в методах ведения операций, намного ускорившими темпы и глубину наступления. Эти люди не поняли, что командующий, который хочет руководство оборонительными сражениями свести к затыканию «дыр» в линии фронта малыми силами и стремится во что бы то ни стало иметь геометрически сплошной рубеж, уподобляется человеку, пытающемуся задержать поток воды руками с растопыренными пальцами. Сражения на всем фронте от Нарева до Дуклинского перевала, от Голландии до Седана приобретали не линейные, а глубокие формы, охватывая в одно и то же время значительные территории. Глубоким ударам наступающего следовало противопоставлять и глубокую оборону. Союзное же командование длительное время было убеждено, что линейный фронт, расположенный по берегам рек, обладает полной непроницаемостью. Но оказалось, что арденнские высоты проходимы, а Видавку и даже Вислу и Маас нетрудно перешагнуть, имея превосходство на избранном направлении. Понимание необходимости отойти от старых линейных принципов неподвижной обороны и рассматривать оборону как сумму маневренных действий на глубоком пространстве представляло собой один из главных оперативных итогов 1939—1940 гг.

Иной ритм, скоростной и маневренный характер придали операциям танковые и моторизованные соединения, применяемые для решения оперативных задач массированно во взаимодействии с авиацией. Собственно, резкое увеличение скоростей на полях сражений было главным новшеством военного искусства.

Но это ни в коей мере не означало, что искусство гитлеровского вермахта стояло на той высоте, на которую

воздвигают его западногерманские историки и взявшиеся за перо бывшие генералы и офицеры фашистской армии. Немецко-фашистские вооруженные силы достигли в первом периоде войны крупных результатов не только и не столько за счет более опытного и умелого, чем у союзников руководства и лучшей выучки войск, а прежде всего за счет внутренней слабости буржуазных государств и подрывных действий «пятых колонн», общего абсолютного и подавляющего превосходства сил (в военных действиях против Польши, Норвегии, Бельгии, Голландии, на Балканах) или превосходства в новых средствах борьбы и в организации войск (военные действия против Франции и Англии), массированного применения танковых соединений и авиации. Новые методы использования танковых и моторизованных соединений, которые представляли собой явление, заслуживающее наибольшего внимания, не сложились в немецко-фашистской армии в 1939—1940 гг. сразу в законченном виде. В Польше танковые соединения стали важным фактором успеха, но действовали слишком прямолинейно, были склонны к лобовым ударам, несли неоправданные потери, что дало повод к серьезной критике их действий. Польский опыт не всех убедил в целесообразности признания за танковыми войсками права играть без пехотных подпорок ведущую роль в операциях.

Был отмечен большими колебаниями и сомнениями в методах использования танковых дивизий и начальный этап войны во Франции. Система подчинения танковой группы Клейста стояла ниже критики. Особенно характерным был кризис среди высшего командования после форсирования Мааса: наступать дальше танками или пехотой? Ликвидировать ли танковую группу, подчинив ее части пехоте, или нет? Французы сами подсказали решение, по существу открыв ей путь в глубь своей территории. Прорыв к побережью разрешил сомнения. Большинство оппонентов взгляда о самостоятельных действиях танковых дивизий и корпусов было вынуждено умолкнуть. Наступление в глубь Франции с рубежа Соммы и Эны оказалось главным образом танковым. В нем участвовало несколько танковых групп, прорывы и глубокий маневр которых в условиях дезорганизации французско-

го фронта обеспечили полный успех. Но и вплоть до завершения западного похода еще не все генералы гитлеровского вермахта, включая некоторых командующих армиями, вполне уяснили сущность новых принципов.

По мере роста военных успехов германская стратегия все менее реально учитывала свойства противника, против которого готовился поход. Гитлеровские стратеги предусматривали совершенно одинаковые формы действий как против отсталой буржуазно-помещичьей Польши, так и против Советского Союза. Во всех случаях считалось возможным достигнуть «быстротечной» победы одними и теми же способами. Центр тяжести лежал не во вдумчивом анализе действительного соотношения материальных, моральных и военных сил, а в избрании наиболее выгодной, с точки зрения Генерального штаба, формы маневра, обеспечении внезапности и мощи первоначального удара, в подрыве силы сопротивления изнутри.

Стратегический маневр против Польши («Белый план») предусматривал двойной охват польской армии с целью уничтожения ее западнее Вислы. Стратегический маневр против Швейцарии («план Танненбаум») — двойной охват швейцарской армии с целью уничтожения ее севернее горных районов. Стратегический маневр против Советского Союза («план Барбаросса») сводился к трем охватам Советской Армии с целью уничтожения ее западнее Двины и Днепра. Общая идея везде одинакова.

Достигнуть внезапности первого удара немецко-фашистскому командованию полностью не удавалось ни против Польши, ни на Западе, ни на Балканах. Только роковые ошибки лидеров стран, оказавшихся жертвами агрессии, позволяли заставить их не готовыми к отпору.

Военные действия развязывались во всех случаях одними и теми же способами: удар авиации по аэродромам — переход границы — выдвижение танковых соединений — перенос ударов с воздуха на поддержку наземных войск — прямолинейное движение вперед. Следует признать непростительной ошибкой многих европейских генеральных штабов их слабость в учете предшествующего опыта и в разработке контрмер против упорно повторявшихся однообразных приемов развязывания войны.

В ходе военных столкновений 1939—1941 гг. произошли серьезные изменения в объективном содержании и значении начального периода войны.

После Первой Мировой войны и вплоть до начала второй под начальным периодом подразумевались действия лишь части сил сторон («армий прикрытия» и «армий вторжения»), расположенных в отобюролизованном состоянии вблизи угрожаемых границ, от официального объявления войны до момента ввода в действие главных сил армий сторон. Теперь же содержанием начального периода войны все больше становится борьба заранее развернутых главных сил армий — их первых стратегических эшелонов.

Метод заблаговременного развертывания главных сил, предназначенных для вторжения, был полностью на основе разработанных планов применен немецко-фашистским командованием при подготовке военных действий против Франции, Бельгии и Голландии в 1940 г. Этому способствовал девятимесячный период «странной войны».

Практика нападения на очередные страны без объявления войны, введенная гитлеровским руководством, позволила начинать скрытую мобилизацию настолько заблаговременно, насколько это требовалось для полного развертывания сил. Стратегия нанесения последовательных ударов в 1939—1941 гг. позволяла постоянно держать войска в готовности, проводя лишь меры по частичной дополнительной мобилизации. Возросшая подвижность армий создавала условия для сравнительно быстрого выдвижения заранее отобюрозированных и сосредоточенных войск из глубины страны к границе и вторжения одновременно всеми силами без значительной паузы. Надобность в «армиях вторжения» у агрессора отпала. Практика показала, что в отличие от прошлых войн вооруженные силы каждой стороны имеют возможность с первых же часов войны подвергнуть одновременному эффективному воздействию авиацией территорию противника на глубину до 400—500 км, сорвать его мобилизацию и развертывание, если они еще не завершены, нанести поражение первому стратегическому эшелону. Тем самым глубина пространства, на котором развертываются сражения начального периода, намного увеличилась.

Наконец, появилась возможность стремительного наступления крупных подвижных соединений на большую глубину. По-новому организованная система снабжения позволила им действовать в отрыве от стационарных баз и решать в первые же дни войны серьезные оперативно-стратегические задачи.

Эти обстоятельства изменили уже в 1939—1940 гг. характер и содержание начального периода войны.

Значение начального периода войны для общего хода вооруженной борьбы по сравнению с Первой Мировой войной многократно возросло, так как теперь в действие стали вступать сразу главные силы, а средства поражения стали более мощными.

В чем же состояла новая сущность начального периода войны?

Исходным служит то известное обстоятельство, что каждое государство в предвидении войны обычно стремилось создать группировку вооруженных сил, находящуюся в состоянии наибольшей готовности к вступлению в борьбу. Это была главная часть сил армии, флота, авиации, на которую возлагалась задача первой нанести удар или первой принять и отразить удар противника. В начавшейся Второй Мировой войне эти группировки обычно располагались в обширных районах той или иной страны, прилегающих к угрожаемым границам. Создаваемые в соответствии с принципами военной доктрины мирного времени, эти группировки, по мнению генеральных штабов различных стран, в наибольшей степени отвечали первым стратегическим задачам. На них возлагались особые надежды. Они должны были одержать первый успех, первыми показать мощь военной системы, и всегда существовали расчеты (наиболее полно выраженные у немцев), что эта группировка сможет решить не только первую, но и последующие стратегические задачи. Такая группировка или первый стратегический эшелон, представляющий собой как бы сгусток военно-технических достижений и военных идей государства, развертывалась в каждой из стран перед войной в районе «активной» границы либо в полностью отмобилизованном состоянии, либо в состоянии частичной отмобилизованности.

Военные действия в 1939—1941 гг. неизбежно начинались столкновением прежде всего именно этих первых эшелонов, этих двух первоначальных организаций обеих сторон, находившихся обычно в различной стадии готовности и степени оснащенности и стремившихся решать противоположные задачи. В течение определенного периода войска первых эшелонов вели ожесточенную борьбу на территориях, прилегающих к границе. Это была первая, ставшая исключительно важной, фаза войны, от исхода которой зависело многое. Но вот неизбежно наступал момент, понимаемый, конечно, как более или менее значительный отрезок времени, когда столкновение первоначальных организаций, этих первых эшелонов вооруженных сил обеих сторон, подходило к завершающей стадии. Силы и возможности первого эшелона одной стороны, как правило обороняющейся, оказывались исчерпанными или серьезно ослабленными, и возникала необходимость отвода их, либо ввода нового крупного эшелона войск или его значительной части, чтобы изменить неблагоприятную обстановку. Наступающий к этой стадии также ослабевал и должен был ввести новые силы для развития успеха. Столкновение «первоначальных организаций» могло считаться завершенным и тогда, когда одна из сторон выполняла своей первоначальной группировкой стоявшую перед ней задачу, после чего требовалась постановка новых задач, вызывающая изменение расстановки сил, изменение или уточнение планов и системы руководства. В одних случаях все эти причины в совокупности, в других — некоторые из них определяли завершение борьбы первых стратегических эшелонов — завершение начального периода войны. Это происходило постепенно, порой, особенно если имелась большая разница в силах воюющих сторон и если темпы продвижения наступающего были велики, малозаметно, отнюдь не в виде ярко выраженного скачка. Оно и понятно, так как собственно само представление о «первых эшелонах» является довольно условным: первоначальная группировка не существует в «чистом виде», и порой бывает трудно отделить ее от группировок, развертывающихся в глубине. Но тем не менее, если внимательно изучить все начальные стадии военных столкно-

вений 1939—1941 гг., нельзя не увидеть, что вслед за столкновениями первых эшелонов наступает определенный перелом для одной или обеих сторон, за которым следует новая стадия вооруженной борьбы, связанная уже не со вступлением в войну, а с развитием военных действий, постепенно теряющая специфику начального периода войны и приобретающая несколько иные черты.

Признаки завершения начального периода войны порой весьма трудноуловимы, особенно если силы одной из сторон намного превосходят силы другой. Поэтому неизбежен элемент условности в определении сроков завершения начальных периодов различных военных столкновений. И если историки не признают необходимости определенных компромиссов на основе относительности всех расчетов подобного рода, то бесконечные споры неминуемы.

Несмотря на то что действия сторон в начальном периоде войны, как правило, носят противоположный по способам борьбы характер — одна сторона наступает, другая обороняется, — они приходят к своему завершению для обеих воюющих сторон примерно в одно и то же время. Иначе не может и быть, так как вооруженная борьба — это единый процесс, и не может существовать различных критериев для каждого из его участников. Борющиеся стороны настолько тесно и активно влияют одна на другую, противники в ходе борьбы настолько «сцеплены», что крупные изменения в силах, в группировке, задачах одной стороны не могут не повлиять сразу же на действия другой, не вызывать у противоположной стороны также изменение задач, сил и группировок.

Говоря строго, каждое из военных столкновений 1939—1941 гг. имело с этой точки зрения свои начальные периоды. В германо-польской войне он продолжался до 6—7 сентября 1939 г. (начало отхода польской армии за Вислу, возникновение новой операции немецко-фашистских групп армий); в войне на Западе — до 16—17 мая 1940 г. (поражение первого стратегического эшелона союзников, постановка новых задач командованиями обеих сторон). Но подавляющее превосходство немцев и возможность быстрого развития ими успеха после начального периода значительно стерли его грани и сделали их трудноуловимыми.

Исторический опыт дает комплекс различных признаков и черт начального периода войны, который мы в данном случае не можем подробно рассматривать. При попытке определить эти признаки красной нитью должна, видимо, проходить мысль, что мы имеем дело с началом нового качественного состояния в деятельности вооруженных сил, с историческим переломом жизни государства, с переходом от мира к войне. Здесь происходит столкновение первоначально созданных в результате кропотливой и порой длительной работы группировок, первое столкновение войск, военно-технических достижений, военных идей, систем руководства, выработанных в мирное время. В таком смысле начальный период войны — не только в историческом, но и в оперативном плане — первая проверка предвоенных взглядов и степени подготовки армий воюющих сторон. Конечно, возможны самые различные условия вступления армий в войну. Если эти условия — мы говорим об условиях объективного характера — резко отличаются для каждой из воюющих сторон, ставя одну из них перед войной в особо выгодное, а другую — наоборот, в особо невыгодное положение, то исход начального периода войны не может оцениваться как проверка состояния вооруженных сил сторон.

В начальном периоде войны различие обеих сторон в подготовке войск, в техническом оснащении армий, в доктринах и взглядах выступает острее, резче, чем на более поздних стадиях войны, когда многие из этих различий «стираются», так как взаимное влияние, взаимное заимствование неизбежно. Военно-тактических «сюрпризов» в ходе войны при всех обстоятельствах бывает меньше, чем в начальном периоде, когда впервые раскрываются все новинки — технические, оперативные и иные, тщательно засекреченные и подготовленные за годы мирного периода. Все то, что много лет перед войной держалось в тайне, исторически мгновенно выступает наружу при первых ударах, придавая столкновениям начального периода войны особую остроту, наполняя их особыми неожиданностями и подчас трагизмом. На фоне этой борьбы особо четко выступают недостатки и достоинства вооруженных сил каждой из сторон, а контуры «первой

проверки» становятся рельефны. Нередко именно после завершения начального периода войны сторона, проигравшая его, приступает или пытается приступить к усовершенствованию своих вооруженных сил. Это распространяется порой на организационные, военно-технические вопросы и на военное искусство, вплоть до замены руководящих кадров различных звеньев вооруженных сил (замена Гамелена Вейганом, бегство Рыдз-Смиглы и др.).

Начальный период войны имеет одной из отличительных черт огромный морально-психологический эффект, который производит момент нападения, особенно внезапного, на обороняющуюся армию. Психика человека, «настроенная» на условия мирного времени, при всех обстоятельствах с трудом перестраивается на совершенно новую обстановку войны, с большим трудом воспринимает резкий переход к совершенно иным обстоятельствам, особенно если человек оказался в сфере воздействия мощного оружия или в зоне боевых действий. Чем сильнее оружие, тем выше моральный эффект, производимый начальным периодом войны.

Первый период Второй Мировой войны, некоторые военные аспекты которого мы рассмотрели, вписал самые мрачные страницы в летопись народов многих европейских стран. Захватчики, которые прошли с 1 сентября 1939 г. до весны 1941 г. через большинство государств Европы, нашли поражение и гибель от рук советских воинов. Именно Советские Вооруженные Силы принесли освобождение Европе.

Вот судьбы некоторых «триумфаторов» первого периода Второй Мировой войны.

В 1939 г. в Польше проделала кровавый путь до Варшавы самая сильная из германских армий — 10-я. В 1940 г. она, теперь уже 6-я, сокрушая все на своем пути, оккупировала Бельгию, став символом национального несчастья бельгийского народа. Зимой 1942/43 г. эта армия нашла гибель в железном кольце советских войск у берегов великой русской реки Волги. Командовавший армией с 1939 по 1941 г. один из самых активных нацистов вермахта, личный друг Гитлера, Рейхенау погиб в 1942 г. на советско-германском фронте.

4-я немецко-фашистская армия, прошедшая через Польский коридор и устроившая в Быдгощи кровавую «варфоломеевскую ночь», блокировавшая Варшаву, разорявшая Северную Францию, была разгромлена зимой 1941/42 г. под Москвой.

Под Ленинградом и в Прибалтике в годы Великой Отечественной войны были перемолоты 18-я и 16-я немецкие армии; из них первая принесла в 1940 г. горе и страдания голландскому народу, вторая — запятнала себя в сентябре 1939 г. бесчеловечной осадой Варшавы (тогда она называлась 3-й армией), а потом бесчинствовала на северо-востоке Франции.

Танковая группа Клейста, которая действовала в Южной Польше и во Франции глубокой осенью 1941 г., потерпела поражение под Ростовом-на-Дону.

Главнокомандующий сухопутных сил Браухич и командующий группами армий «Север» против Польши и группой армии «Б» в западном походе Бок закончили свою военную карьеру отставкой после поражения под Москвой. Та же участь постигла главных исполнителей танковых «блицкригов» Гудериана и Хепнера. Воздушные эскадры Кессельринга и Лера, превращавшие в руины города и деревни многих стран, бомбившие Варшаву, Роттердам, Лондон, Ковентри, были сломлены под Москвой, Ростовом, Сталинградом и в других сражениях на Восточном фронте.

Неумолимое возмездие пришло с Востока. Те, кто призывал Гитлера против коммунистов, тоже были спасены армией государства, строящего коммунизм.

Опыт предыстории минувшей войны учит, что войну можно было предотвратить. Уроки ее первого периода показывают, что объединенными усилиями народов можно было сломить германских милитаристов и не допустить мировой трагедии.

В наши дни история подошла к тому рубежу, когда миролюбивое человечество имеет достаточно сил, чтобы обуздать агрессию и добиться прочного и надежного мира.

Денис Ричардс, Хилари Сондерс

БРИТАНСКИЕ ВВС

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий труд, посвященный английским военно-воздушным силам, является в основном историей их боевых действий в период Второй Мировой войны.

Следует подчеркнуть, что, хотя книга написана исключительно на основании официальных документов, ее ни в коем случае нельзя считать официальной историей боевых действий английских ВВС во Второй Мировой войне.

Мы полностью сознаем, что не уделили должного внимания описанию скромного, но неоценимого труда авиатехнического состава, связистов и других категорий личного состава английских ВВС, без которого проведение боевых действий авиации было бы невозможным. Этот недостаток настоящей книги объясняется прежде всего ограниченностью ее объема и тем, что некоторые специальные вопросы, как, например, медицинская служба английских ВВС, будут рассмотрены в других работах.

Поскольку боевые действия английских ВВС составляют лишь одну сторону многогранной деятельности всех вооруженных сил Британской империи во Второй Мировой войне, мы считаем, что поступили правильно, нарисовав там, где это нужно, военно-морской, военный, политический и дипломатический фон. Это было необходимо для правильного рассмотрения вопросов предвоенного строительства английских ВВС, планирования и проведения боевых действий в период Второй Мировой войны.

При написании этого труда в наше распоряжение были предоставлены все материалы, касающиеся боевой деятельности английских ВВС в период Второй Мировой войны, включая решения Военного кабинета и Комитета начальников штабов вооруженных сил Англии, приказы и директивы; телеграфная переписка между министерством авиации и штабом английских ВВС; доклады и донесения командующих авиационными командованиями и соединениями; оперативные документы и журналы боевых действий командований, авиагрупп, авиастанций¹ и эскадрилий, а также боевые донесения экипажей самолетов. В качестве вспомогательных источников при изучении и описании некоторых событий

¹ ВВС Англии разделялись на две группы командований: командование метрополии и командование заморских ВВС. Основную часть составляли ВВС метрополии, разделенные на командования по родам авиации: Бомбардировочное, Истребительное, Береговое — и на командования по подготовке кадров и материально-технического обеспечения.

Командования делились на авиагруппы — оперативно-тактические соединения переменного состава типа авиадивизии или авиакорпуса.

В состав авиагрупп входили авиастанции, объединявшие все боевые подразделения (переменные) и все подразделения обслуживания (постоянные), базировавшиеся на один, реже на несколько аэродромов. — *Прим. ред.*

были использованы материалы, подготовленные военно-историческим отделом штаба английских ВВС. Из немецких материалов в распоряжении авторов оказалось ценное, но, видимо, неполное собрание документов немецких ВВС, захваченных нашими войсками в 1945 году. Очень мало было у авторов итальянских официальных документов, и еще меньше японских.

Ко всем вышеуказанным материалам министерство авиации предоставило нам свободный и неограниченный доступ. Однако в связи с тем, что данный исторический труд носит общий характер и что большинство официальных документов недоступно для свободного изучения, мы не считали обязательным помещать в нашем труде ссылки на эти источники.

В заключение нам хочется выразить нашу глубокую признательность всем тем, кто помог нам в составлении настоящего труда.

Д. Ричардс, Х. Сондерс

Часть I

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

Пролог

Двадцать третьего июля 1934 года в английской палате лордов состоялись прения — обычное явление в политической жизни нашей страны и поэтому не привлекавшее особого внимания англичан, которые в эти дни проявляли значительно больший интерес к проводившимся ежегодным соревнованиям в крикет между Англией и Австралией. Тем не менее это были очень важные прения, так как от результата их зависело будущее английских ВВС, а поэтому и будущее страны.

За четыре дня до этого правительство Англии объявило о своем намерении увеличить численность своих военно-воздушных сил на 41 эскадрилью в течение последующих пяти лет. В обеих палатах английского парламента сразу же были внесены предложения об отклонении этого проекта. «Какова цель столь огромного увеличения наших

ВВС? — спрашивал один из противников проекта. — В чем заключается надвигающаяся на нашу страну угроза?.. Я считаю, что народы никогда не были так заняты вопросами своей внутренней политики, как теперь».

«В чем причина? — спрашивал другой оппонент проекта. — Что за война? Я не говорю о Франции, но если речь идет о Германии, то справедливости ради следует сказать, что именно она была единственным государством в Европе, предложившим навсегда запретить войну в воздухе».

Хотя противники проекта, возможно, и имели какие-то основания считать, что в Германии на первом плане в то время стояли вопросы внутренней политики и реконструкции страны, однако на большинство членов палаты лордов их аргументы не произвели должного впечатления, и проект был одобрен большинством голосов (54 голоса против 9).

30 июля к обсуждению проекта правительства приступила палата общин. Председательствующий — премьер-министр Великобритании Болдуин поддержал проект и обвинил его противников, указывавших, что английское правительство начало проводить «необоснованную политику перевооружения, которая не вызывается необходимостью и не способствует упрочению безопасности нации». Болдуин утверждал, что барометр политической жизни никогда не бывает стабильным. За границей царит дух беспокойства, наша система обороны является очень слабой, и мы не имеем права сидеть сложа руки в то время, когда другие державы реорганизуют и увеличивают свои военно-воздушные силы. Франция, Италия, Бельгия, США и Россия уже сделали определенные шаги в этом направлении. Что же касается Германии, то внутреннее положение этой страны определить трудно, но несомненно то, что в этой стране вопросу развития авиации уделяется исключительно большое внимание.

В своей речи Болдуин старался не называть потенциального агрессора, однако в конце выступления он заявил,

что «со дня возникновения эры авиации прежние государственные границы перестали существовать. Когда мы думаем об обороне Англии, мы больше не думаем о меловых скалах Дувра — мы думаем о Рейне. Вот где, — сказал в заключение Болдуин, — проходит наша граница».

Эта фраза Болдуина вскоре облетела весь мир. По существу она отразила выводы, к которым английское правительство пришло несколькими днями раньше, о том, что события, происходившие в Германии, оправдывали не только увеличение английских ВВС, но и создание английских экспедиционных сил, предназначенных главным образом для несения службы на европейском континенте.

Черчилль, член парламента, в своем выступлении указывал, что Англия является чрезвычайно уязвимой с воздуха страной, а ее «огромная столица представляет крупнейшую мишень в мире». Особую угрозу для Англии представляет Германия. Во-первых, Германия, в нарушение Версальского договора, обладает военно-воздушными силами, численность которых составляет почти две трети численности наших ВВС. Во-вторых, при современных темпах строительства ВВС если даже парламент и одобрит предложение правительства об увеличении численности английских ВВС, то все равно немецкие ВВС к концу 1935 года не будут уступать нашим ВВС в количественном и качественном отношении и будут значительно превосходить их в 1936 году. Наконец, если немцы захватят инициативу в строительстве ВВС, то мы никогда не сможем догнать их. В выпуске гражданских самолетов, которые всегда можно использовать в военных целях, и в подготовке летчиков Германия уже опередила Англию. В конце выступления Черчилль призвал членов палаты общин не только одобрить предложение правительства об увеличении численности английских ВВС, но и потребовать от соответствующих министерств более быстрых и решительных действий в вопросах расширения английских ВВС.

В 11 часов вечера в палате общин состоялось голосование. Большинством голосов, 404 против 60, было при-

нято предложение правительства об увеличении численности английских ВВС на 41 эскадрилью.

Англия пробуждалась ото сна.

Хотя Германии по условиям Версальского договора было запрещено иметь военно-воздушные силы и военно-морскую авиацию, а развитие ее гражданской авиации вначале строго контролировалось, немцы тем не менее настойчиво проявляли большой интерес к авиации. Даже в условиях строгого контроля со стороны союзников в Германии под видом спорта широко практиковались полеты на планерах и легких самолетах, а опытные военные летчики заняли армейские должности в военном министерстве. Немецкие авиационные промышленники и многие конструкторы работали в то время в Швеции, Турции, Швейцарии и Италии. Но после того как парижским соглашением 1926 года были отменены ограничения в строительстве гражданских самолетов в Германии, а в 1927 году была распущена межсоюзная контрольная комиссия, путь для немцев оказался открытым. Дорнье, Хейнкель и другие авиационные конструкторы возвратились в Германию и энергично приступили к созданию немецкого воздушного флота.

Ввиду того что Германия все еще не имела права производить и иметь в наличии военные самолеты, немецкие авиационные фирмы в течение некоторого времени выпускали исключительно гражданские самолеты. Однако эти самолеты можно было легко использовать и в военных целях. Например, транспортный самолет «Юнкерс-52» применялся в гражданской войне в Испании в качестве бомбардировщика, а десятиместный пассажирский самолет «Хейнкель-111», выпущенный в 1932 году, также оказался вполне пригодным для использования в военных целях.

С приходом в январе 1933 года Гитлера к власти немецкие ВВС стали развиваться бурными темпами. Через три месяца немцы во всеуслышание объявили о создании министерства авиации, которое номинально должно было руководить гражданским воздушным флотом. На

должность министра был назначен Герман Геринг. Наряду с организационным оформлением и ростом немецкой авиации стала расти и немецкая авиационная промышленность. К 1934 году в Германии уже было налажено массовое производство военных самолетов. В соответствии с правительственной программой, рассчитанной на период с января 1934 года по сентябрь 1935 года, предусматривалось выпустить свыше 4000 самолетов, в том числе 1863 боевых и 1760 тренировочных (для первоначального обучения). Строительство столь большого количества учебных самолетов в этот период объясняется усиленной подготовкой летных кадров для быстро растущих военно-воздушных сил Германии.

В течение всего 1934 года средний уровень выпуска самолетов составлял 160 единиц в месяц. В марте 1935 года Гитлер стал канцлером Германии. К этому же времени успешно прошел плебисцит в Сааре. Внимание всех держав было приковано к событиям в Абиссинии. В такой обстановке немцы решили, что наступило подходящее время открыто объявить миру о существовании возрожденных военно-воздушных сил Германии.

Таким образом, в июле 1934 года, когда Черчилль выступил со своим заявлением в палате общин, в Германии уже существовали военно-воздушные силы. Мотивом, побудившим английское правительство начать расширенное строительство своих ВВС, было как раз знание того факта, что немецкие ВВС существуют и быстро развиваются. В распоряжении правительственного комитета по разоружению имелись данные, что немецкие ВВС состоят из территориальных командований, учебно-тренировочного командования и по меньшей мере одного чисто боевого командования. Кроме того, немцы планировали создать военно-морскую авиацию и авиационные соединения, предназначенные для взаимодействия с наземными войсками. Что касается численности немецкой авиации, то полагали, что в Германии имеется около 400 военных самолетов, около 250 самолетов, которые можно без затруднений переделать в военные, и

около 1450 гражданских и учебно-тренировочных самолетов. Авиационная промышленность Германии могла выпускать минимум 100 самолетов в месяц. Еще большую тревогу вызывала программа дальнейшего расширения немецких ВВС. Английское министерство авиации считало, что к октябрю 1935 года немцы смогут увеличить численность самолетного парка боевой авиации до 1000 с лишним самолетов.

Эти данные были достаточно точными. Теперь нам известно, что в декабре 1934 года численность немецких ВВС составляла 1888 самолетов, из которых 584 были боевыми, а остальные — учебно-тренировочными. Это ненамного расходится с нашей оценкой того времени, когда мы считали, что у немцев в октябре 1934 года было 550 военных самолетов.

Каково же было соотношение немецких и английских ВВС в то время? В 1918 году численность самолетного парка английских ВВС составляла 3300 самолетов. После окончания войны эта цифра неуклонно падала и в 1922 году составляла всего лишь 330 самолетов, объединенных в восемь эскадрилий. В 1923 году правительство утвердило план расширения военно-воздушных сил Англии к 1928 году до 52 эскадрилий, из которых две трети должны быть бомбардировочными и одна треть истребительными. В соответствии с этим планом выделялись ассигнования на расширение наших ВВС до 1925 года. Но к этому времени состоявшаяся в Локарно конференция породила надежды на прочный мир, и английское правительство перенесло дату создания военно-воздушных сил метрополии численностью в 52 эскадрильи с 1928 на 1936 год.

К июлю 1934 года численность Командования противовоздушной обороны Англии составляла 42 эскадрильи, насчитывавшие 488 самолетов первой линии¹. Когда

¹ В первую линию включалось штатное количество действующих самолетов без непосредственного резерва самолетов при каждой эскадрилье. Непосредственный резерв в эскадрилье составлял от четырех до пяти самолетов. — *Прим. ред.*

английскому правительству стало известно о развитии немецких ВВС, оно приняло энергичные шаги, направленные на дальнейшее расширение своих ВВС.

Кроме 42 эскадрилий, входивших в состав Командования противовоздушной обороны Англии, английские ВВС метрополии имели четыре эскадрильи летающих лодок, предназначенные для взаимодействия с военноморским флотом, и пять разведывательных эскадрилий для взаимодействия с армией. В состав заморских ВВС¹ входили 24 эскадрильи, из которых шесть базировались в Египте, Судане и Палестине, восемь в Индии, пять в Ираке, три на Дальнем Востоке, одна в Адене и одна на острове Мальта. Заморские ВВС вполне могли обеспечить интересы империи и внутреннюю безопасность этих колоний в случае чисто местных конфликтов, однако они были явно непригодны для действий на обширной территории в большой войне. Еще в меньшей степени их можно было использовать в случае необходимости для усиления противовоздушной обороны метрополии. Таким образом, их нельзя было брать в расчет для борьбы с немецкими ВВС. Это положение относилось также и к нашей военно-морской авиации, состоявшей из 12 эскадрилий и 6 отрядов, которая в то время в организационном отношении еще являлась составной частью английских ВВС, но предназначалась для выполнения многочисленных задач флота. Учитывая все это, для отражения налетов немецкой авиации на Англию мы могли рассчитывать только на военно-воздушные силы метрополии. Но и такие расчеты были условными, так как противовоздушная оборона Англии являлась главной, но не единственной задачей, стоявшей перед военно-воздушными силами метрополии. В случае непредвиденных обстоятельств они в

¹ Заморские ВВС включали в свой состав командования, находившиеся в колониях Британской империи. Командования имели в своем составе по несколько эскадрилий, предназначенных для подавления местного населения. — *Прим. ред.*

любое время могли быть отправлены на заморские театры военных действий, особенно для поддержки экспедиционных сил или обеспечения обороны Индии.

Черчилль совершенно правильно, сравнивая численность немецких ВВС с численностью нашей авиации, не брал в расчет заморские ВВС и военно-морскую авиацию. Количество боевых самолетов Германии к июлю 1934 года составляло не менее двух третей от числа боевых самолетов противовоздушной обороны Англии. Тем не менее это не означало, что немцы, как утверждал Черчилль, имели военно-воздушные силы, равные по боеиспособности почти двум третям наших ВВС, так как они находились в стадии формирования.

Таким образом, положение Англии в июле 1934 года было опасным, но не безвыходным. Английские ВВС все еще были значительно сильнее немецких ВВС. Английское правительство, учитывая угрозу перевооружения Германии, начало уделять серьезное внимание мероприятиям по обороне страны.

Теперь все зависело от энергии, с какой будут осуществляться эти мероприятия. Сумеем ли мы сохранить и упрочить ведущее положение наших вооруженных сил, и особенно военно-воздушных сил, или утратим его? Окончательно ли мы пробудились ото сна или будем еще дремать?

Ближайшие пять лет должны были дать ответы на эти вопросы.

Глава I

РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКИХ ВВС С 1934 ПО 1939 год

Первое крупное расширение английских ВВС, предпринятое летом 1934 года, было прежде всего рассчитано на то, чтобы каким-то образом оказать давление на Германию.

Однако на Гитлера это расширение оказало прямо противоположное действие. Он не только не снизил темпов перевооружения Германии после июля 1934 года, а, наоборот, резко повысил их. К осени 1934 года непрерывный рост немецких ВВС стал настолько очевидным, что английское правительство было вынуждено вынести этот вопрос на обсуждение парламента. 28 ноября Болдуин заявил в палате общин, что Германия имеет минимум 600 военных самолетов. Для сравнения Болдуин указал, что численность самолетов первой линии военно-воздушных сил метрополии и в заморских ВВС составляет 880 единиц; кроме того, Англия располагает значительным количеством самолете-

тов, находящихся в резерве и в учебно-тренировочных частях.

Говоря о соотношении сил между английскими и немецкими ВВС, Болдуин заявил: «Приблизительно через год, если немцы не ускорят темпов выполнения программы развития авиации и если мы будем продолжать расширение своих ВВС согласно одобренной парламентом в июле программе, мы будем опережать немцев по численности наших ВВС в Европе почти на 50 процентов».

В заключение Болдуин еще раз подчеркнул, что английское правительство никогда не уступит Германии своего превосходства в развитии авиации и при всех условиях будет стремиться сохранить его.

В марте 1935 года в Берлин для обсуждения вопросов, связанных со строительством военно-воздушных сил, прибыли министр иностранных дел Англии Саймон и лорд-хранитель печати Иден. Во время переговоров Гитлер прямо заявил, что немецкие ВВС, официально существующие всего лишь две недели, уже не уступают английским ВВС и что он поставил своей целью увеличить численность немецких ВВС и довести их до уровня французских ВВС.

К сожалению, правдивость первого заявления Гитлера нельзя проверить, так как ни в каких немецких документах, имеющихся теперь в Англии или США, об этом не имеется сведений. Насколько нам известно, данные о численности немецких ВВС за период декабрь 1934 года — август 1938 года нигде не были опубликованы. Но, учитывая, что в составе немецких ВВС в декабре 1934 года (о чем нам хорошо известно) было всего 584 боевых самолета, а также тот факт, что немецкая авиационная промышленность тогда выпускала не более 200 боевых, учебно-тренировочных и гражданских самолетов в месяц, трудно поверить, чтобы Германия в марте 1935 года имела свыше 1000 боевых самолетов. В составе же английских ВВС в то время было (включая резервные самолеты) не менее 3000 боевых самолетов.

Сообщение о переговорах Саймона с Гитлером вызвало замешательство в кабинете министров Англии. В это же время стали поступать сведения о том, что немецкая авиационная промышленность развивается гораздо быстрее, чем мы предполагали. Таким образом, наступило время для принятия необходимых мер, направленных на расширение наших ВВС. Однако в этом вопросе возникли разногласия между политическими деятелями и командованием военно-воздушных сил Англии. Штаб ВВС придерживался мнения, что английские ВВС по-прежнему значительно сильнее немецких ВВС, а Кабинет министров предпочитал верить Гитлеру. Иначе говоря, Кабинет министров требовал принятия более решительных мер в вопросе расширения английских ВВС. 22 мая 1935 года была принята новая программа строительства военно-воздушных сил Англии.

В связи с заявлением Гитлера о том, что Германия по численности своей авиации собирается догнать Францию (а Франция намеревалась иметь 1500 боевых самолетов), численность английских ВВС метрополии к марту 1937 года планировалось довести до 123 эскадрилий, насчитывающих 1512 самолетов первой линии.

Как могло случиться, что Англия, значительно превосходившая по численности самолетов Германию в 1935 году, утратила это преимущество за каких-нибудь два года? Причин было много. Наша экономика только что начинала освобождаться от связывающих ее пут. В стране существовали серьезные разногласия по вопросу о вооружении, правительство считало аполитичным высказываться слишком откровенно о Германии; и даже штаб ВВС, являясь твердым сторонником расширения военно-воздушных сил, решительно возражал против бурного роста военно-воздушных сил, который якобы мог привести к снижению боеспособности авиации из-за накопления резерва устаревших самолетов и растворения квалифицированного летного персонала среди массы молодого пополнения. Основная же причина состояла в том, что угроза миру в Европе со стороны Германии, хотя ее вообще и

опасались, не была еще признана реальной. Английское правительство, правильно отражая общественное мнение страны, было готово принять только такие меры для расширения своих военно-воздушных сил, какие не мешали бы мирному развитию нашей промышленности и торговли. Германия же смогла так быстро расширить свои военно-воздушные силы и авиационную промышленность благодаря тому, что ее правительство руководствовалось совершенно другим принципом — «пушки вместо масла».

Английское правительство и штаб ВВС прекрасно знали слабые стороны плана строительства военно-воздушных сил, принятого в мае 1935 года. Тем не менее этот план был принят, так как мы все еще надеялись «удержать» Германию от перевооружения и считали, что количество самолетов, предусмотренное этим планом, было максимальным, которое наша авиационная промышленность мирного времени могла выпустить к марту 1937 года. Но когда к бурному, никем не сдерживаемому росту немецких ВВС добавился конфликт с Италией из-за Абиссинии и непрерывное давление Японии на Дальнем Востоке, Кабинет министров Англии был вынужден вновь заняться рассмотрением вопроса об увеличении численности своих военно-воздушных сил. В феврале 1936 года был принят новый план расширения английских ВВС, в соответствии с которым численность военно-воздушных сил метрополии к марту 1939 года предполагалось довести до 124 эскадрилий, насчитывающих 1736 самолетов. Кроме того, на 10 эскадрилий должны были увеличиться заморские ВВС и на 10 эскадрилий — военно-морская авиация. На создание резервного самолетного парка выделялось 50 миллионов фунтов стерлингов. Согласно этому плану, в военно-воздушных силах метрополии увеличивалось количество эскадрилий, предназначенных для взаимодействия с армией, и значительно повышалась ударная мощь нашей авиации в результате замены легких бомбардировщиков средними бомбардировщиками. В связи с тем что авиационные

фирмы не могли выпускать необходимое количество самолетов для резерва, численность которого, согласно новому плану, должна была составлять 225 процентов от количества самолетов, находящихся в строю, незадолго перед началом войны вступили в строй законсервированные ранее авиационные заводы.

Кроме создания резервного самолетного парка, для расширяющихся военно-воздушных сил Англии нужны были и людские резервы. Численность личного состава регулярных ВВС, составлявшая в 1934 году 30 000 человек, возрастала за счет личного состава частей регулярного резерва. Но этого было мало, необходимо было готовить резервы. С этой целью была создана организация Добровольный резерв английских ВВС. Она пополнялась за счет населения промышленных районов и выпускников средних школ. Основной задачей этой организации был набор в летные школы, которые должны были выпускать 800 летчиков в год. С этой задачей Добровольный резерв успешно справился, и к началу войны 5000 молодых летчиков Добровольного резерва прошли или проходили летную подготовку. Кроме того, Добровольный резерв готовил авиатехнический, медицинский и административный составы, специалистов по вооружению и т.д. Так был создан и работал исключительно ценный орган подготовки и обучения резервов для английских ВВС.

В июне 1939 года был создан женский вспомогательный корпус ВВС Англии, численность которого уже через три месяца составляла около 8000 офицеров и рядовых.

Программа расширения английских ВВС, принятая в феврале 1936 года, была рассчитана на три года. Но в связи с бурным ростом немецких ВВС предпринимались все усилия, чтобы выполнить этот план досрочно и догнать Германию по выпуску самолетов. Было развернуто строительство аэродромов и увеличены штаты летного и технического состава для регулярных ВВС Англии сверх количества, намеченного планом 1936 года.

После захвата Австрии Германией производство самолетов в Англии стало неуклонно расти. Если в апреле

1938 года мы выпустили 158 самолетов, то к началу войны авиационная промышленность производила около 800 самолетов в месяц, то есть столько же, сколько выпускалось в Германии.

С вступлением Англии в войну была принята новая программа дальнейшего строительства военно-воздушных сил, рассчитанная до 1942 года. Основное внимание в этой программе уделялось увеличению выпуска истребителей и тяжелых бомбардировщиков. Однако никакие успехи, достигнутые за последние 18 месяцев перед войной, не могли компенсировать отставание предыдущих лет. К сентябрю 1939 года, за пять предвоенных лет, численность самолетного парка военно-воздушных сил метрополии увеличилась с 564 до 1476 самолетов, а численность заморских ВВС — с 168 до 435 самолетов. Численность личного состава английских ВВС за этот же период возросла с 30 000 кадровых военнослужащих и 11 000 резервистов до 118 000 кадровых военнослужащих и 68 000 резервистов. За эти же пять лет немцы превратили свои слабые военно-воздушные силы, насчитывавшие в 1934 году 400 самолетов, в полностью боеспособные ВВС, имевшие 3609 боевых и 552 транспортных самолета. Численность личного состава немецких ВВС в 1935 году составляла 20 000 человек, а в 1939 году уже свыше полу-миллиона; около миллиона человек было в войсках противовоздушной обороны. За пять предвоенных лет английские ВВС увеличились в 3—4 раза, а немецкие ВВС за этот же период увеличились минимум в 10 раз. Таким образом, к сентябрю 1939 года немецкие ВВС обогнали наши военно-воздушные силы в количественном отношении. В качественном отношении им этого достигнуть не удалось.

В течение нескольких лет после окончания Первой Мировой войны на вооружении английских ВВС состояли самолеты, выпущенные во время войны. До 1923 года нам не удалось выпустить ни одного нового бомбардировщика, до 1924 года — ни одного нового истребителя. Надежда на разоружение и экономия средств ограничивали

технический прогресс не только в английских ВВС, но и в английской авиационной промышленности. Штаб ВВС и авиационные фирмы не уделяли должного внимания научно-исследовательской работе. С момента проектирования нового типа самолета и поступления его на вооружение строевых частей проходило очень много времени. Например, для среднего бомбардировщика нормальным считался период в семь лет, а для тяжелого — восемь лет. Новые типы самолетов не поступали на вооружение в строевые части до тех пор, пока они не проходили заводских и войсковых испытаний, а к тому времени они, как правило, устаревали. Если к этому добавить, что министерство авиации предъявляло высокие требования к авиационной промышленности, то станет понятным, почему к 1934 году самолеты, состоявшие на вооружении военно-воздушных сил Англии, не отвечали требованиям того времени. Они еще не уступали по своим летно-тактическим данным военным самолетам других стран, но уступали в скорости и грузоподъемности металлическим монопланам американской и немецкой гражданской авиации.

Поэтому после того как парламент одобрил план расширения английских ВВС, штаб ВВС, во главе которого тогда стоял главный маршал авиации¹ Эллингтон, считал своей задачей не только увеличить численность английских ВВС, но и перевооружить их на новые самолеты. Это решение неизбежно сказалось на темпах производства само-

¹ Следует иметь в виду следующее сопоставление генеральских и маршальских званий:

ВВС Англии

Маршал королевских ВВС
 Главный маршал авиации
 Маршал авиации
 Вице-маршал авиации
 Коммодор авиации

ВВС Советской Армии

Маршал авиации
 Генерал-полковник авиации
 Генерал-лейтенант авиации
 Генерал-майор авиации
 Промежуточное звание между генерал-майором авиации и полковником

летов, так как выпуск большого количества самолетов, уже состоящих на вооружении, мог быть организован в значительно более короткие сроки, чем освоение и выпуск новых, более современных самолетов.

За пять лет, с 1934 по 1939 год, самолетный парк английских ВВС в основном был оснащен современными самолетами. В 1934 году на вооружении наших военно-воздушных сил находились лишь деревянные бипланы. В 1939 году большинство английских самолетов являлось монопланами металлической конструкции.

Самый лучший английский истребитель 1934 года «Фьюри-II» был вооружен двумя пулеметами и имел максимальную скорость 360 км/час на высоте 5000 метров; «Спитфайр-1» выпуска 1939 года был вооружен восемью пулеметами и мог развить скорость 570 км/час на высоте 6300 метров. Самый совершенный английский бомбардировщик 1934 года «Хейфорд-III» был вооружен тремя пулеметами, его бомбовая нагрузка составляла 700 килограммов, максимальная скорость 220 км/час, а дальность полета 1200 километров. Бомбардировщик выпуска 1939 года «Веллингтон-1 А» был вооружен шестью пулеметами, установленными на трех турелях, имел скорость 380 км/час, дальность полета его составляла 1930 километров с бомбовой нагрузкой 2000 килограммов или 4000 километров с бомбовой нагрузкой 450 килограммов. Значительная разница в тактико-технических данных самолетов выпуска 1934 и 1939 годов объясняется в основном тем, что на вооружение английских ВВС стали поступать металлические самолеты-монопланы с убирающимися шасси, с изменяемым в полете шагом винта и более мощными авиационными двигателями.

Среди мероприятий, проведенных в области перевооружения английских ВВС, особенно большое значение имело усиление вооружения истребителей и повышение их скорости, благодаря чему наши истребители «Спитфайр» и «Харрикейн» выиграли битву над Англией и спасли страну в 1940 году. Важное значение имело также поступление на вооружение военно-воздушных сил

метрополии тяжелых бомбардировщиков, которые позднее нанесли мощный удар по промышленности Германии.

Создание и массовый выпуск новых типов самолетов представляли собой лишь одну сторону вопроса расширения английских ВВС. Кроме этого, необходимо было построить большое количество аэродромов, складов, ремонтных мастерских, летных и авиатехнических училищ. Это была трудная задача. К лету 1939 года ежегодные расходы только на строительные работы более чем в три раза превышали средства, ассигнованные на военно-воздушные силы Англии в 1934 году.

Строительство аэродромов было сопряжено с многочисленными затруднениями. Особенно их было много в сельской местности, где землевладельцы зачастую протестовали против строительства аэродромов, отстаивая свои права на землю. Немалые затруднения вызывало строительство авиационных полигонов. Даже в тех случаях когда удавалось выбрать место, пригодное для полигона и совершенно не заселенное людьми, почти всегда раздавались голоса в защиту обитающей в этом районе дичи.

Но несмотря на все затруднения, строительство аэродромов продолжалось, и к концу 1939 года в Англии насчитывалось уже 138 аэродромов, в то время как пять лет назад в стране имелось всего 52 аэродрома. При этом на новых аэродромах было установлено высококачественное отечественное оборудование, хотя бетонированные взлетно-посадочные полосы все еще были редким явлением.

В период расширения английских ВВС исключительно большое внимание уделялось вопросу противоздушной обороны страны. Бомбардировочная авиация противника могла нанести удар в любое время по любому объекту и с любого направления. Следует иметь в виду, что от побережья до любого пункта Англии можно было долететь не более чем за 20 минут. Как в таких условиях могли наши истребители, которым требовалось 10 минут на набор боевой высоты, перехватить бомбардировщики противника раньше, чем те сбросят бомбы?

Это удавалось только в том случае, если истребители в момент объявления воздушной тревоги находились в воздухе, осуществляя непрерывное патрулирование в определенном районе. А этого можно было добиться лишь при наличии в стране огромных сил истребительной авиации, что в свою очередь привело бы к тому, что для производства орудий, танков и кораблей осталось бы очень мало средств, а для строительства бомбардировщиков вообще ничего бы не осталось.

Такая особенность противовоздушной обороны Англии породила в штабе ВВС убеждение, что все средства ПВО: истребители, зенитная артиллерия, прожекторы, аэростаты заграждения, звукоулавливатели и наблюдательные посты службы ВНОС — могут быть только частью, причем не главной, нашей защиты от воздушного нападения противника. Действительное разрешение этой проблемы, по мнению штаба ВВС, заключалось в проведении наступательных форм борьбы, в снижении эффективности налетов авиации противника путем ее уничтожения на земле и в воздухе. Следствием этого должно было явиться завоевание нашей авиацией господства в воздухе над территорией противника, что значительно облегчило бы задачу уничтожения его военного потенциала. Сущность хорошо организованной воздушной войны заключается в наступлении, а не в обороне. Таким образом, авиационная доктрина английских ВВС имела ярко выраженный наступательный характер. Практическое проявление наступательного характера нашей авиационной доктрины в мирное время выражалось в том, что при формировании новых частей английских ВВС в период их расширения на каждую истребительную эскадрилью приходилось минимум две бомбардировочные эскадрильи.

Однако вера в преимущества наступательных форм воздушной войны вовсе не означала, что мы должны были уделять меньше внимания вопросам противовоздушной обороны страны. Министерство авиации неустанно искало и разрабатывало новые, более совершенные средства для современного обнаружения самолетов

противника, ибо акустические средства обнаружения уже стали непригодными в связи с непрерывно возрас-тавшей скоростью полета самолетов.

Для проведения научно-исследовательских работ и создания эффективных средств обнаружения самолетов противника в Англии в конце 1934 года был создан специальный комитет, членами которого являлись несколько известных ученых и начальник управления научно-исследовательских работ министерства авиации. Этот комитет в течение небольшого отрезка времени проделал большую плодотворную работу, и уже 26 февраля 1935 года в авиационном научно-исследовательском центре начались практические испытания радиолокатора — устройства для обнаружения самолетов в воздухе с помощью отраженных радиоволн.

Последующие изыскания вскоре показали, что радиолокация может найти применение во многих областях военного дела, в частности для управления огнем зенитной артиллерии и для обнаружения кораблей в море. Кроме того, возможности радиолокации не ограничивались использованием радиолокационных средств на земле; с таким же успехом можно было сконструировать радиолокационные установки для использования их на самолетах и военных кораблях. Однако в то время наибольшую важность представляла аппаратура для обнаружения самолетов в воздухе и непрерывного наблюдения за ними на больших расстояниях. В связи с этим в сентябре 1935 года Воздушный совет Англии рекомендовал начать создание цепи наземных радиолокационных станций от Саутгемптона до реки Тайн.

К началу войны на территории Англии имелось 20 радиолокационных станций, три станции были установлены в заморских территориях Англии. Технические возможности наших радиолокационных станций того времени позволяли обнаруживать самолеты, летавшие на средних высотах, на удалении до 160 километров от берегов Англии. Были разработаны и сданы в производство специальный радиолокатор для обнаружения низколетящих

самолетов и прибор для опознавания принадлежности самолетов, позволявший отличать в воздухе свои самолеты от самолетов противника.

Необходимо отметить, что радиолокационные станции обнаружения вошли в общую систему нашей противовоздушной обороны, в связи с чем была создана новая система службы ВНОС, успешно прошедшая испытания на учениях противовоздушной обороны. Наши истребители могли теперь находиться на аэродромах до подачи сигнала на вылет при обнаружении самолетов противника, и тем не менее в большинстве случаев у них было достаточно времени, чтобы перехватить вражеские самолеты.

Расширение и оснащение английских ВВС новой техникой в свою очередь выдвинуло необходимость реорганизации военно-воздушных сил. Программа расширения ВВС, принятая в 1935 году, предусматривала увеличение численности военно-воздушных сил метрополии в два раза. Поэтому было ясно, что прежняя организационная структура не годится. В 1936 году была отменена старая структура военно-воздушных сил и противовоздушной обороны, а вместо нее принята новая структура, в основе которой лежал принцип разделения и целевого предназначения различных родов авиации, то есть были созданы существующие сейчас Бомбардировочное командование, Истребительное командование, Береговое командование, Учебно-тренировочное командование и группа обслуживания и обеспечения (переименованная позднее в Командование обслуживания и обеспечения). В 1938 году было создано Командование аэростатов заграждения. До войны было создано также Резервное командование, в состав которого вошли учебные части Добровольного резерва и гражданские школы первоначальной летной подготовки. Однако в 1940 году это командование было слито с Учебно-тренировочным командованием, на базе которого позднее были созданы Командование по подготовке летного состава и Командование по подготовке авиатехнического состава. Кроме того, в декабре 1940 года было создано Командование по

взаимодействию с наземными войсками, в 1943 году — Транспортное авиакомандование; в ходе войны создавались специальные контингенты английских ВВС для обеспечения высадки союзных войск на европейский континент. Такая организационная структура военно-воздушных сил метрополии сохранялась до конца войны.

В заморских территориях, где находились меньшие силы авиации, к началу войны были созданы следующие авиационные командования: Средневосточное, Палестино-Трансиорданское, Иракское, Индийское, Средиземноморское (на острове Мальта), Аденское и Дальневосточное. В состав каждого из этих командований входили как боевые, так и обслуживающие части.

Организационная структура английских ВВС, принятая в 1936 году, не подвергалась существенным изменениям и успешно выдержала все испытания войны. Принципиальная схема этой организации выглядела следующим образом. Кабинет министров, в состав которого входил и министр авиации, с помощью Комитета начальников штабов вооруженных сил Англии определял общие основы военной стратегии и соответственно этому распределял национальные ресурсы. Ответственность за осуществление выработанной Кабинетом министров политики в вопросах увеличения численности и развития английских ВВС возлагалась на Воздушный совет. Общее руководство военно-воздушными силами страны в соответствии со стратегией, разработанной Кабинетом министров, и указаниями Воздушного совета осуществлялось начальником штаба ВВС¹, являвшимся членом Воздушного совета. Через свой штаб он издавал директивы для командований различных родов авиации и осуществлял широкий контроль в вопросах боевого использования военно-воздушных сил. Командующие авиационными командованиями, выполняя задачи в порядке их важности, определенном

¹ Должности главнокомандующего ВВС в Англии нет, его обязанности выполняет начальник штаба ВВС. — *Прим. ред.*

министерством авиации, имели широкую инициативу в вопросах подготовки и боевого использования подчиненных им авиационных соединений и частей. В состав каждого командования входило несколько боевых авиагрупп. Авиагруппа состояла из нескольких авиастанций, в состав которых входили боевые эскадрильи однородного состава.

Осуществление мероприятий по расширению английских ВВС в период между 1934 годом и началом войны не обошлось без промахов и ошибок. В общем же, достигнутые успехи окупали допущенные ошибки.

Одной из крупных ошибок было то, что к увеличению численности своих военно-воздушных сил Англия приступила по меньшей мере на год позже, чем этого требовала обстановка. Английское правительство слишком поздно осознало угрозу, какую представлял Гитлер. В результате этого английские ВВС, которые в 1934 году были намного сильнее немецких ВВС, в 1939 году стали значительно уступать им в численности самолетов и личного состава.

Кроме того, в английских ВВС имелись и другие недостатки, особенно проявившие себя вскоре после начала войны. К этим недостаткам в первую очередь следует отнести неудовлетворительную организацию ремонта и недостаточный уровень боевой подготовки личного состава. В авиационных частях, за исключением разведывательных эскадрилий Берегового командования и нескольких ночных бомбардировочных эскадрилий, мало уделялось внимания таким вопросам, как отработка самолетовождения при полетах на большие расстояния, бомбометание и техника пилотирования по приборам.

Боеспособность авиации определяется не только количеством самолетов, но и их качеством. В сентябре 1939 года наша авиация уступала по численности немецкой авиации, ее было явно недостаточно, чтобы выполнять все возложенные на нее задачи. Но этот недостаток отчасти компенсировался тем, что большинство наших самолетов, за исключением таких устаревших самолетов, как «Бэтл», по своим летно-тактическим данным были значительно лучше и более современны, чем

немецкие самолеты, а уже утвержденный проект нового четырехмоторного тяжелого бомбардировщика давал основание надеяться, что это преимущество английских ВВС, хотя и небольшое, но жизненно важное, будет ими сохранено. Кроме того, в такой чрезвычайно важной области, как радиолокация, от которой в значительной степени зависел весь ход воздушной войны в Европе, мы намного опередили противника.

Обладая значительным техническим превосходством над немецкими ВВС, особенно в вопросах использования авиации в целях противовоздушной обороны, английские ВВС в 1939 году имели преимущества и в организационном отношении. Прежде всего они обладали статутом самостоятельности наравне с армией и флотом. В период расширения на военно-воздушные силы возобновились нападки со стороны других видов вооруженных сил Англии, и, хотя двадцатилетняя борьба за военно-морскую авиацию закончилась в 1937 году тем, что она перешла в подчинение Адмиралтейства, береговая авиация, предназначенная для проведения боевых действий над морем, осталась в составе военно-воздушных сил, а требования армейского командования создать свою собственную армейскую авиацию (эти требования были настолько большие, что они поглотили бы все средства для производства самолетов) были отклонены. Таким образом, за исключением военно-морской авиации, в Англии было сохранено единое централизованное управление военно-воздушными силами страны. Такое управление позволило успешно разрешить многочисленные вопросы, связанные с развертыванием и усилением военно-воздушных сил страны. Только при такой организационной структуре можно было добиться наибольшего эффекта боевого применения военно-воздушных сил, направляя ударные силы нашей авиации на подавление самолетов противника, или его военно-морского флота, или его сухопутных сил или на разрушение промышленных объектов в соответствии с общей стратегией и требованиями данного момента. Принцип создания объединенных воен-

но-воздушных сил восторжествовал, благодаря чему новая организация английских ВВС (создание командований по родам авиации) оставалась без изменения до конца войны, обеспечивая экономию сил и средств при проведении весьма эффективной воздушной войны.

Кроме принципа организационной самостоятельности и объединения всех сил авиации, доктрина английских ВВС включала и такие важнейшие положения: необходимость завоевания и последующего удержания господства в воздухе; важность сохранения технической и тактической инициативы; возможность проведения боевых операций не только во взаимодействии с наземными войсками и морским флотом, но и самостоятельно, особенно при нанесении ударов по военным и промышленным объектам противника. Все это говорит о том, что наша авиационная доктрина была значительно лучше, полнее и яснее доктрины немецких ВВС, которые, несмотря на организационную самостоятельность, фактически являлись слугой сухопутных сил.

Современное вооружение и оборудование, хорошо продуманная организация и правильные принципы боевого использования военно-воздушных сил имеют чрезвычайно важное значение в ведении войны. В конечном же счете главную роль играют люди, а про английские ВВС можно с уверенностью сказать, что они имели отличные кадры способных руководителей.

Не останавливаясь на отрицательных последствиях морального, политического и военного характера франко-английской политики в мюнхенском вопросе, можно сказать, что благодаря Мюнхенскому соглашению французские и английские ВВС получили годовую передышку, которую они использовали для дальнейшего роста и технического переоснащения своих военно-воздушных сил. Значение этой передышки для английских ВВС можно показать на следующих фактах. В сентябре 1938 года для борьбы с немецкой бомбардировочной авиацией, насчитывавшей 1200 новых бомбардировщиков, Истребительное командование английских ВВС могло выставить

лишь 93 новых истребителя, вооруженных восемью пулеметами. Остальные 666 истребителей были устаревшими бипланами. Год спустя, когда началась война, английские ВВС уже имели в строю свыше 500 современных истребителей.

Годовую передышку нужно было использовать не только для дальнейшего переоснащения наших военно-воздушных сил, но и для приведения в боевую готовность и детальной доработки планов их боевого использования. Что касается последнего вопроса, то мы начали эту работу с запозданием, но тем не менее сумели многого добиться. К февралю 1937 года Комитету начальников штабов была вполне ясна роль каждого из трех видов вооруженных сил в войне с Германией, и он отдал распоряжение о разработке детальных оперативных планов. К этому времени министерство авиации провело большую работу по разработке мобилизационных и оперативных планов.

Оперативные планы подразделялись на три категории: планы взаимодействия с военно-морским флотом, планы взаимодействия с наземными войсками и планы, предусматривающие проведение самостоятельных воздушных операций. Сюда входили планы по нанесению мощных ударов нашей авиации по основным аэродромам, военным складам и промышленным объектам противника.

В ходе дальнейшей разработки оперативных планов основное внимание уделялось действиям против аэродромов и объектов системы материально-технического обеспечения немецких ВВС, поскольку это непосредственным образом могло снизить масштабы нападения немецких ВВС на нашу страну.

После заключения Мюнхенского соглашения планы взаимодействия военно-воздушных сил с военно-морским флотом и планы самостоятельных воздушных операций с целью нанесения ударов по немецким промышленным объектам были доведены до конца. Значительно больше трудностей возникало при составлении планов

взаимодействия военно-воздушных сил с наземными войсками, так как никто в сентябре 1938 года не знал, где наша армия будет вести сражение. К этому времени были разработаны планы переброски во Францию двух английских пехотных дивизий и одной авиагруппы. Вопросы, касающиеся приема, размещения, обеспечения и охраны этих контингентов, были обсуждены с французами, но никакого соглашения по поводу их боевого использования заключено не было. Авиагруппу предполагалось направить во Францию для того, чтобы наши бомбардировщики, имеющие небольшой радиус действия, смогли наносить удары по немецким промышленным объектам с передовых аэродромов¹. Для выработки общей стратегии необходимо было провести переговоры между представителями Генеральных штабов Англии и Франции.

А время для таких переговоров действительно назрело. Германия угрожала не только миру в Европе, она способствовала возникновению военных конфликтов во всем мире. На каком-то этапе Германия подстрекала Японию напасть на наши владения на Дальнем Востоке. Еще более серьезные неприятности для нас могли возникнуть на Средиземном море и на Среднем Востоке. В таких условиях в феврале 1939 года английское правительство одобрило точку зрения Комитета начальников штабов, предлагавшего согласовать наши оперативные планы с Францией и, если возможно, с Бельгией и Голландией на случай войны со странами Оси.

За две недели до англо-французских переговоров Германия оккупировала Прагу. Даже те, кто в сентябре прошлого года сомневались в истинных намерениях Гитлера,

¹ Здесь со всей наглядностью проявился разрыв между сухопутными войсками и военно-воздушными силами Англии, порожденный самостоятельностью последних. Даже упомянутое небольшое количество бомбардировщиков предназначалось не для взаимодействия со своими войсками, а для действий по промышленным объектам, что составляло основу английской доктрины воздушной войны. — *Прим. ред.*

теперь убедились, что за страстью фанатика скрывается облик гангстера. Мириться с дальнейшей агрессией Германии было нельзя. Поэтому англо-французские гарантии в спешном порядке были дачи вероятным потенциальным жертвам Германии, а английское правительство, пришедшее к тому времени к решению, что на континент необходимо послать более двух дивизий, решило удвоить численность территориальной армии и ввело обязательную воинскую повинность.

Переговоры представителей Генеральных штабов Англии и Франции, начавшиеся в Лондоне 29 марта 1939 года, продолжались до тех пор, пока не началась война. С самого начала эти переговоры выявили единство взглядов по основным вопросам. Германия и Италия, обладавшие вначале превосходством как в сухопутных, так и в военно-воздушных силах, не могли увеличить свой военный потенциал в ходе войны в такой степени, как Англия и Франция, и поэтому делали ставку на молниеносную войну. Перед демократическими странами стояли следующие задачи: выиграть время и собрать силы, необходимые для защиты своей промышленности от воздушного нападения; создать запасы вооружения; обеспечить «благожелательный нейтралитет или активную помощь со стороны других стран, особенно США»; оказывать на противника экономическое давление и затруднять его торговлю, но не начинать крупного наступления ни на земле, ни в воздухе. Для союзников было предпочтительнее ожидать наступления немцев, и если те предпримут его через Голландию, Бельгию или Швейцарию, то остановить его как можно скорее. Когда же наступление немцев будет остановлено, союзники смогут приступить к захвату итальянских колоний, покончить с Италией и в надлежащее время разгромить Германию, хотя пока еще нельзя было точно установить ни даты, ни возможного плана действий для достижения этой окончательной цели. Что касается исхода войны, то, если Япония нападет на нас, вероятнее всего, мы сможем достигнуть победы лишь с помощью дополнительных союз-

ников. Если же Япония останется нейтральной — мы получим полную возможность развернуть боевую мощь Британской империи и Франции и достигнуть победы в войне.

Такая оценка была сделана еще до предоставления Польше англо-французских гарантий. Когда эти гарантии были даны, возникла необходимость детального рассмотрения последствий союза с Польшей. Мы считали, что небольшие военно-воздушные силы Польши вынудят Германию держать на Востоке одну пятую часть ее истребительной авиации и зенитной артиллерии, что значительно снизило бы способность Германии отражать налеты союзной авиации на Западном фронте. Что же касается наземных сил, то вклад, который могла внести Польша, имел еще большее значение. Несомненно, Германия могла разгромить Польшу, сконцентрировав против нее огромные силы, но для поддержания оккупационного режима в Польше и для защиты ее от возможного нападения со стороны России Германии необходимо было держать в Польше значительное количество своих дивизий. Следовало иметь в виду, что поляки все равно не смогли бы долго продержаться без помощи России. В случае вторжения немцев в Польшу Англия и Франция не могли оказать ей прямой помощи ни на суше, ни на море, ни в воздухе.

Таким образом, Россия являлась единственно реальной силой, способной оказать сопротивление немцам на Восточном фронте. Признавая жизненно важное значение наличия на востоке нейтральной и дружественной России, мы придавали не меньшее, а возможно, даже большее значение тем выгодам, которые сулил нам союз с Турцией.

Таково было положение вещей, и такого хода событий, по мнению союзников, следовало ожидать в будущем. Польша стала бы полезным, но далеко не решающим делом союзником; ее можно восстановить на карте Европы после нашей победы, но пока ее нельзя было спасти. Наша основная стратегия оставалась без изменения и заключалась в том, чтобы собрать силы, приобрести

союзников, сдерживать наступление немцев, захватить итальянские колонии, разгромить Италию и, наконец, обрушиться на Германию.

С обострением международной обстановки Англия и Франция удвоили усилия, направленные на приобретение союзников. Однако наше предложение провести переговоры между представителями Генеральных штабов Англии, Франции и Бельгии было отклонено бельгийским королем, питавшим надежду на нейтралитет; а раз бельгийцы отказались от сотрудничества, то, по-видимому, не было смысла добиваться по этому вопросу контактов с голландцами. Что касается наших отношений с Турцией, то к июню 1939 года с ней было заключено политическое соглашение и начаты военные переговоры. В то же время все наши усилия заключить соглашение с Россией, которое имело для нас большое значение, окончились неудачей. По причинам, которые лучше всего были известны самой Москве, но которые, конечно, были связаны с нежеланием поляков разрешить пребывание русской армии на их земле, наши переговоры с Россией успеха не имели.

21 августа было объявлено о готовящемся заключении русско-германского пакта. 22 августа Гитлер собрал в Оберзальцберге главнокомандующих видами вооруженных сил и командующих армиями и сообщил им, что наступление немецких армий на Польшу начнется в ближайшую субботу — 26 августа.

23 августа английское правительство приняло решение ввести в действие секретные мероприятия, запланированные на случай войны. Вечером этого же дня командование английских ВВС получило приказ провести укомплектование всех частей согласно штатам военного времени. 25 августа английские гарантии Польше были скреплены заключением союза между Англией и Польшей. Таким образом, было абсолютно ясно даже для Риббентропа, что нападение Германии на Польшу будет означать начало всеобщей войны в Европе. Гитлер понимал, что в такой войне он не может рассчитывать на получение помощи от такого плохо подготовлен-

ного союзника, каким была Италия. Поэтому начало военных действий против Польши было отсрочено на несколько дней, в течение которых Гитлер стремился добиться победы, не прибегая к оружию. Все его попытки окончились неудачей, и 31 августа он отдал приказ начать наступление на Польшу утром 1 сентября.

Поскольку нам был выгоден нейтралитет Италии, командованию английских вооруженных сил в заморских владениях Англии было приказано избегать всяких действий, которые могли бы вызвать конфликт с Италией. Командование английских ВВС получило указания наносить бомбардировочные удары только по военным объектам. Кроме того, было решено выступить с совместной англо-французской декларацией о том, что союзники намерены выполнять правила международных конвенций о запрещении применения отравляющих веществ и использования подводных лодок и авиации для нанесения ударов по торговому судоходству. Это исходило не только из нашего искреннего желания избежать всех ужасов войны, но и решения ограничиться проведением оборонительных действий до тех пор, пока мы не накопим достаточных сил для перехода в наступление.

1 сентября немецкие войска вторглись в Польшу, и в Англии немедленно была объявлена всеобщая мобилизация. Мобилизация английских ВВС к этому времени была, по существу, завершена. Соединения и части как в военно-воздушных силах метрополитана, так и в заморских ВВС были приведены в боевую готовность. Были укомплектованы и приведены в боевую готовность части противовоздушной обороны. Самолеты Берегового командования непрерывно патрулировали в Северном море. Днем 2 сентября десять боевых эскадрилий английских ВВС перелетели из Англии во Францию. Когда на следующее утро английский премьер-министр объявил, что Англия находится в состоянии войны с Германией, то английские ВВС, хотя они и не успели полностью подготовиться к войне, находились в боевой готовности и жаждали вступить в бой с врагом.

Глава II

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ ВВС НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

Бомбардировочное командование английских ВВС начало боевые действия 4 сентября налетом бомбардировщиков «Бленхейм» и «Веллингтон» на немецкие военные корабли, находившиеся в Северном море.

Характерными особенностями боевых действий частей Бомбардировочного командования в начальный период войны являются: некоторая переоценка наших возможностей в достижении успеха; стремление не наносить ущерба немецкому гражданскому населению; недостаточная навигационная подготовка экипажей самолетов и неэффективность бомбардировок.

Численность Бомбардировочного командования, крупнейшего объединения боевой авиации английских ВВС, была на первом этапе войны недостаточной, и действия его были ограничены.

Перед вступлением Англии в войну Бомбардировочное командование насчитывало 55 эскадрилий, из которых 33, насчитывавшие 480 самолетов, были выделены в первый эшелон для непосредственного проведения боевых действий.

Остальные 22 эскадрильи (за исключением двух) были выделены в резерв для покрытия первоначальных потерь бомбардировочной авиации, а также использовались для нужд боевой подготовки. Из 33 боевых эскадрилий десять были переброшены с началом войны во Францию. На вооружении этих эскадрилий находились устаревшие одномоторные бомбардировщики «Бэтл» с небольшим радиусом действия и слабым вооружением, совершенно не пригодные для проведения бомбардировочных налетов на Германию с аэродромов Англии. 23 эскадрильи, базировавшиеся в Англии, были вооружены более современными самолетами. Шесть эскадрилий 2-й авиагруппы имели на вооружении двухмоторные самолеты «Бленхейм-IV», являвшиеся в то время нашими самыми скоростными бомбардировщиками, которые, однако, имели небольшой радиус действия и небольшую бомбовую нагрузку. Остальные эскадрильи 2-й авиагруппы были вооружены двухмоторными бомбардировщиками «Веллингтон», «Уитли» и «Хэмпден», обладавшими меньшей скоростью, чем самолеты «Бленхейм», но имевшими значительно больший радиус действия и большую бомбовую нагрузку. Шесть эскадрилий 3-й авиагруппы, базировавшиеся в Восточной Англии, были вооружены бомбардировщиками «Веллингтон-I и IA», имевшими по шесть пулеметов, установленных в трех турелях. Пять эскадрилий 4-й авиагруппы, базировавшейся в графстве Йоркшир, имели на вооружении бомбардировщики «Уитли-III» или «Уитли-IV» — самолеты с большим радиусом действия и небольшой скоростью полета, вследствие чего они были пригодны лишь для ночных бомбардировок. И наконец, шесть эскадрилий 5-й авиагруппы, базировавшейся в графстве Линкольншир, были вооружены самолетами «Хэмпден». Таковы были силы, которые имел в своем

распоряжении командующий бомбардировочной авиацией английских ВВС главный маршал авиации Ладлоу-Хьюитт и с которыми он приступил к проведению наступательных воздушных операций.

Против 33 боевых эскадрилий, имевшихся в составе Бомбардировочного командования и английских передовых ударных ВВС во Франции, немцы могли выставить 1500 самолетов с большим радиусом действия¹. Если к этому добавить, что Франция не имела хороших бомбардировщиков, то станет понятным, почему решительные действия авиации нельзя было предпринимать по крайней мере до тех пор, пока не было достигнуто благоприятное соотношение сил. Став защитниками гуманности, союзники решили проводить лишь ограниченные действия бомбардировочной авиации. В соответствии с этим решением английское правительство 1 сентября одобрило план боевого использования бомбардировочной авиации в первоначальный период войны. Боевые действия нашей авиации, согласно этому плану, зависели от того, насколько агрессивно будет действовать авиация противника. Если Германия начнет неограниченную воздушную войну, то Бомбардировочное командование английских ВВС будет наносить удары по жизненно важным объектам противника, таким, например, как его нефтеперерабатывающие заводы, несмотря на то что при проведении этих налетов может пострадать и гражданское население. Если же немецкие самолеты ограничатся налетами на чисто военные объекты, то наша бомбардировочная авиация тоже ограничится налетами на немецкие корабли в Вильгельмсхафене и в море, а также сбрасыванием листовок над Германией.

Прошли первые дни войны, а немецкая авиация, сосредоточив все свои усилия для поддержки наступления на Востоке, не проводила никаких серьезных воздушных операций на Западе. В связи с этим Бомбардировочное командование английских ВВС получило возмож-

¹ Авторы, по-видимому, относят к этой категории немецкие бомбардировщики «Хейнкель-111», «Юнкерс-88» и «Дорнье-215», имевшие дальность полета 2000–2400 километров. — *Прим. ред.*

ность сохранить и расширить свои силы для последующих боевых действий. Ввиду того что нападение на немецкий флот в Вильгельмсхафене обошлось нам слишком дорого, деятельность Бомбардировочного командования сводилась теперь к проведению налетов на военные корабли противника в море и сбрасыванию пропагандистских листовок.

До 19 сентября одиночные самолеты Бомбардировочного и Берегового командований произвели семь разведывательных полетов в район Гельголандской бухты. В шести случаях были обнаружены немецкие военные корабли, но они находились слишком близко от своих баз и успели бы укрыться в них до подхода наших бомбардировщиков. Поэтому было решено прибегнуть к разведке боем. В район Гельголандской бухты высылалось девять или больше бомбардировщиков, которые должны были вести поиск и бомбардировать все обнаруженные военные корабли и подводные лодки противника. При этом экипажам самолетов было строго приказано не атаковать немецкий флот в базах, не нарушать датские и голландские территориальные воды и не производить атак на немецкие военные корабли, сопровождавшие торговые суда, если была хоть малейшая опасность повреждения последних. Однако и разведка боем не дала положительных результатов.

Ясно, что столь ограниченные наступательные действия нашей бомбардировочной авиации, хотя и соответствовали нашему общему стратегическому плану, не способствовали успешному ведению войны на море. Поэтому неудивительно, что военно-морской министр Англии проявил признаки серьезного беспокойства после инцидента 17 ноября. В этот день наш самолет, производивший разведку в районе Вильгельмсхафена, обнаружил в открытом море несколько немецких кораблей и сообщил по радио их координаты, однако нами не были высланы бомбардировщики для атаки этих кораблей, и они благополучно возвратились в свой порт.

Как выяснилось впоследствии, командующий Береговым командованием, получив донесение самолета-разведчика, решил не высылать бомбардировщиков для атаки

этих кораблей по следующим совершенно обоснованным причинам: немецкие корабли направлялись в сильно защищенный порт Вильгельмсхафен, куда было запрещено высылать наши самолеты; кроме того, если бы наши бомбардировщики и были высланы, то они не смогли бы достичь цели до наступления темноты. Тем не менее этот вопрос всесторонне обсуждался на заседании Военного кабинета. На этом заседании было решено, что обстановка на море, учитывая успехи противника в минной и подводной войне, требовала принятия более решительных мер. В соответствии с этим министерство авиации получило разрешение атаковать немецкие военные корабли, однако наши потери не должны были сильно превышать потери противника. Это решение означало, что, хотя политика сохранения сил бомбардировочной авиации оставалась прежней, теперь не запрещалось атаковать цели, надежно прикрытые средствами противовоздушной обороны противника. Таким образом, впервые после начала войны нашей бомбардировочной авиации было разрешено при наличии благоприятных обстоятельств проводить налеты на немецкие боевые корабли, находившиеся в непосредственной близости от своих баз.

Эти операции по-прежнему было решено проводить, применяя разведку боем. В тех случаях, когда условия погоды позволяли летать на большой высоте в районе Вильгельмсхафена или Гельгоlanda, высылалось не менее 24 самолетов для поиска и атаки кораблей противника. Но, как и раньше, экипажи должны были «принимать все меры», чтобы не вызвать потерь среди гражданского населения противника. Поэтому запрещалось бомбардировать корабли, находившиеся в доках или у причалов.

Результаты налетов самолетов Бомбардировочного командования на корабли противника в течение многих месяцев были неэффективными. Самолеты командования произвели 861 самолето-вылет, сбросив всего 61 тонну бомб. Небольшие повреждения получили легкий крейсер «Эмден» и броненосец «Адмирал Шеер», была потоплена одна подводная лодка и один тральщик; в

воздушных боях были уничтожены десять истребителей противника. Такие результаты не оправдывали потерю 41 бомбардировщика. Однако уроки, извлеченные из этих незначительных по своим результатам операций, были исключительно ценными для наших военно-воздушных сил. Были улучшены тактические приемы наших бомбардировщиков, установлены на самолетах протектированные бензобаки, бомбардировщики стали использоваться только в ночное время. Мы приобрели этот опыт своевременно, так как впереди предстояли тяжелые испытания. Если бы наша бомбардировочная авиация не получила в самом начале войны этого опыта, то в тяжелые майские дни 1940 года она понесла бы такие потери, которые значительно ослабили бы ее мощь в самый ответственный для нас момент.

В начале 1940 года самолеты Бомбардировочного командования сбрасывали листовки в глубоком тылу противника. В период с 20 января по 17 февраля самолеты командования почти не производили боевых вылетов из-за плохой погоды, стоявшей над Европой. После этого операции по сбрасыванию листовок возобновились. В них стали принимать участие самолеты английских ВВС, базировавшиеся во Франции. Однако основной задачей всех авиагрупп Бомбардировочного командования являлась разведка различных районов Германии для подготовки крупной операции по минированию водных магистралей Германии. Во время этих разведывательных полетов сбрасывание листовок производилось с целью не вызвать подозрений противника о готовившейся операции, к которой Бомбардировочное командование приступило 6 апреля.

За период с 3 сентября 1939 года по 6 апреля 1940 года потери Бомбардировочного командования при проведении боевых операций были слишком большими и не оправдывали достигнутых результатов. Но и эти результаты имели для нас важное значение: мы собрали много ценной информации о противнике и проверили в боевых условиях тактику действий наших самолетов. В то время как самолеты Бомбардировочного командования сбрасывали

листовки над Германией или производили поиск немецких военных кораблей, самолеты Берегового командования выполняли задачи по патрулированию над морем и сопровождению конвоев. Наша стратегия в то время представляла собой сочетание обороны с экономической блокадой противника, в которой (до тех пор, пока немецкая армия и немецкие ВВС не проявляли активности) основную роль играл военно-морской флот Англии.

В противоположность общепринятому мнению связь Берегового командования с военно-морским флотом была с самого начала прочной и эффективной. При штабе Берегового командования был создан небольшой военно-морской отдел, а все три авиагруппы командования (15, 16, 18-я) проводили боевую деятельность под руководством объединенного штаба района, в котором военно-морской и военно-воздушный отделы размещались совместно.

Численность самолетного парка Берегового командования к началу войны была небольшой по сравнению с самолетным парком Бомбардировочного и Истребительного командований. На вооружении состояли в основном устаревшие самолеты, хотя были заказаны и новые типы морских самолетов. Десять из одиннадцати разведывательных эскадрилий командования были вооружены самолетами «Ансон». Это были надежные в пилотировании машины, но они имели небольшую скорость полета (288 км/час) и ограниченный радиус действия (при нормальных условиях полета около 400 километров). Одна разведывательная эскадрилья имела на вооружении американские самолеты «Хадсон» с радиусом действия в два раза большим, чем у самолета «Ансон», а также с значительно большей скоростью полета и бомбовой нагрузкой. Из шести эскадрилий дальнего действия только две были вооружены самолетами «Сандерленд» (имевшими семь пулеметов), средний радиус действия которых составлял 1370 километров, а бомбовая нагрузка — 900 килограммов. Остальные четыре эскадрильи были вооружены самолетами «Лондон» и «Стренрир», которые имели низкие летно-тактические данные.

Одна из основных задач Берегового командования состояла в проведении воздушной разведки над Северным морем. По официальному заключению Адмиралтейства, опубликованному до войны, наибольшую опасность для нашего судоходства в этом море представляли не подводные лодки, а надводные корабли противника.

Другой не менее важной задачей Берегового командования являлся поиск и уничтожение магнитных мин противника. Эту задачу выполняли самолеты «Веллингтон», имевшие на борту специальные установки для подрыва таких мин. В период с января по май 1940 года шесть самолетов «Веллингтон», выделенные для борьбы с магнитными минами, уничтожили свыше 12 процентов от общего количества мин, вытраленных или подорванных с ноября 1939 по май 1940 года.

Угроза со стороны магнитных мин была быстро ликвидирована. Труднее обстояло дело с немецкими подводными лодками, по-прежнему представлявшими большую опасность для нашего судоходства. Уже к концу сентября общий тоннаж английских судов, потопленных немецкими подводными лодками, достиг 150 000 тонн.

В этот трудный для нас начальный период, когда в море находилось большое количество наших одиночных судов, возвращавшихся в Англию, а корабли охранения не заходили далее 13 градусов западной долготы, когда мы только налаживали конвоирование судов (в предмобилизационный период оно вообще не предусматривалось), Береговое командование английских ВВС прилагало все усилия к тому, чтобы обеспечить наши суда, находившиеся в прибрежных водах, надежным воздушным прикрытием. Однако это прикрытия на расстояние свыше 160 километров от островов Силли проводилось редко, так как большинство самолетов дальнего действия использовалось для выполнения главной задачи — воздушной разведки над Северным морем. Кроме того, необходимо было держать в резерве часть сил Берегового командования, так как из района юго-западных подходов к Англии поступал непрерывный поток донесений о

наличии подводных лодок противника в этом районе. Приходится с горечью признать, что в вопросах обеспечения наших транспортов воздушным прикрытием у нас были большие недостатки. Когда же Адмиралтейство решило применить для прикрытия наших транспортов с воздуха палубную авиацию, то мы едва не лишились авианосца «Арк Ройял», а после гибели авианосца «Корейджес» Адмиралтейство отказалось от применения палубной авиации.

К октябрю было налажено прикрытие с воздуха и эскортирование наших торговых судов, и, хотя случаи потопления наших судов были далеко не единичны, все же их число заметно уменьшилось. В ноябре потери нашего торгового флота от немецких подводных лодок еще снизились. Это можно объяснить тем, что в этом месяце немецкие подводные лодки стали нести потери от английских боевых кораблей, а также тем, что противник стал уделять больше внимания постановке магнитных мин. К этому времени самолеты Берегового командования начали проводить дневные полеты с разведывательными целями в район Северного моря и обеспечивать наши конвои в Атлантике воздушным прикрытием на удаление до 300 километров от берегов Англии. Если бы мы имели аэродромы в Северной Ирландии, то, естественно, воздушное прикрытие можно было бы осуществлять на значительно большее расстояние. В то же время самолеты Берегового командования, которые вели борьбу с надводными кораблями противника в Северном море, настолько успешно справлялись с дополнительно возложенной на них задачей по обнаружению немецких подводных лодок в этом районе, что нам удалось установить маршруты следования немецких подводных лодок в водах, омывающих северную часть Шотландии. Были выделены специальные самолеты для борьбы с немецкими подводными лодками, и к середине ноября обнаружение подводных лодок противника в море было признано такой же важной задачей, как и обнаружение надводных кораблей противника.

Использование авиации для борьбы с подводными лодками вполне себя оправдало. Чтобы не быть обнаруженными с воздуха, подводные лодки теперь большую часть маршрута следовали в погруженном состоянии. Самолеты береговой авиации не раз выводили морских охотников, снабженных противолодочными бомбами, на удобную позицию для атаки подводных лодок. Однако непосредственно на боевом счету самолетов еще не было ни одной потопленной подводной лодки. Это можно объяснить тем, что на вооружении самолетов в то время не было подходящих противолодочных бомб, 45-кг противолодочные бомбы, состоявшие на вооружении самолетов «Ансон», не причиняли ущерба подводной лодке даже в случае прямого попадания, а 113-кг противолодочные бомбы, которыми были вооружены летающие лодки, могли причинить серьезный ущерб, если взрыв происходил не дальше двух метров от корпуса подводной лодки.

Непригодность наших противолодочных бомб не была для нас неожиданностью. Еще до войны высказывались серьезные опасения о недостаточной эффективности этих бомб. Прошло всего несколько дней войны, как эти опасения полностью подтвердились. 5 сентября 1939 года две наши подводные лодки были ошибочно атакованы самолетами «Ансон». Обе лодки не получили никаких повреждений. Аналогичный инцидент, происшедший 3 декабря, явился еще одним доказательством непригодности наших противолодочных бомб. В этот день 45-кг противолодочная бомба попала в основание боевой рубки нашей подводной лодки «Снэппер». Единственное повреждение, причиненное лодке, заключалось в том, что в боевой рубке были разбиты четыре электрические лампочки.

Через неделю Адмиралтейство отдало распоряжение о разработке и производстве противолодочных бомб. А пока таких бомб не было, самолеты Берегового командования совершали беспокоящие налеты на немецкие подводные лодки.

Несмотря на возобновление активности немецких подводных лодок в январе — феврале 1940 года, преимущество в войне на море было на стороне союзников. Поиск и обнаружение подводных лодок, проводившиеся на дальних подступах к Англии, давали хорошие результаты: за надводными рейдерами противника велось надежное наблюдение, успешно ликвидировалась угроза со стороны немецких магнитных мин, а подводные лодки противника, которые представляли для нас большую опасность, чем мы предполагали до войны, наносили нашему судоходству значительно меньше потерь, чем в 1917 году. Заслуга во всем этом принадлежала в первую очередь военно-морским силам Англии. Однако и Береговое командование внесло весьма существенный вклад в каждое из этих достижений. Но, вероятно, самым значительным достижением первоначального периода войны было то, что Береговое командование, предназначавшееся в основном для ведения воздушной разведки в интересах военно-морского флота, приступило к ведению наступательной борьбы с подводными лодками противника.

На Истребительное командование возлагалась организация и осуществление противовоздушной обороны Англии, что, несомненно, в то время являлось важнейшей задачей английских ВВС.

Для того чтобы наша истребительная авиация могла оказать успешное противодействие немецкой бомбардировочной авиации (насчитывавшей, по нашим предположениям, около 2000 самолетов)¹, нам необходимо было иметь, как было подсчитано, 46 истребительных эскадрилий для общего прикрытия страны с воздуха, четыре эскадрильи для прикрытия конвоев, следовавших у восточного побережья Англии, две эскадрильи для прикрытия военно-морской базы Скапа-Флоу и одну для прикрытия Северной Ирландии.

¹ К началу Второй Мировой войны в составе немецких ВВС насчитывалось всего около 2000 бомбардировщиков, которые не могли быть полностью использованы против Англии. Авторы сознательно преувеличили силы противника, чтобы усилить впечатление о затруднениях Англии на начальном этапе войны. — *Прим. ред.*

Таким образом, для обеспечения противовоздушной обороны метрополии командующему Истребительным командованием главному маршалу авиации Даунингу требовались минимум 53 истребительные эскадрильи. Фактически в его распоряжении к началу войны было не больше 35 эскадрилий. Даунинг настойчиво добивался формирования недостающих 18 истребительных эскадрилий раньше намеченного срока, а также требовал, чтобы имеющаяся в его распоряжении истребительная авиация не отвлекалась для выполнения других задач даже в тот период, когда немецкие самолеты не производили налетов на Англию.

В первые же дни войны Даунинг потребовал от министерства авиации немедленного формирования 12 истребительных эскадрилий в дополнение к имевшимся 35 эскадрильям. Однако ему было отказано, так как авиационная промышленность Англии выпускала в то время не более 100 истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр» в месяц, что было недостаточным для покрытия предполагаемых потерь истребительных эскадрилий, не говоря уже о создании новых эскадрилий.

Штаб ВВС, естественно, не рассматривал этот вопрос столь упрощенно, как Даунинг, и поэтому не мог согласиться с требованиями последнего о первоочередности расширения сил Истребительного командования. Английские наземные войска и военно-воздушные силы во Франции, да и сами французы непрерывно требовали отправки на континент истребительных эскадрилий. Основной же задачей министерства авиации являлось создание в первую очередь мощных сил бомбардировочной авиации. Нет сомнения, что невозможно было удовлетворить все требования. Но очевидно было и то, что количество истребительных эскадрилий необходимо было увеличить. И эта необходимость становилась все более настоятельной в связи с тем, что немецкие ВВС, начав свои операции на Западном фронте, выбрали в качестве целей те самые объекты на территории Англии, для обороны которых предназначались дополнительные истребительные эскадрильи; формирование их было одобрено еще перед войной.

В конце концов, благодаря поддержке начальника штаба английских ВВС Ньюолла, Даудинг добился того, что численность Истребительного командования была увеличена на 18 эскадрилий, которые были сформированы к декабрю 1939 года.

Большинство этих эскадрилий имели на вооружении самолеты «Бленхейм», а часть их была вооружена устаревшими самолетами «Бэтл». Весной 1940 года английская авиационная промышленность увеличила выпуск новых одномоторных истребителей, и к маю девять из восемнадцати эскадрилий были вооружены современными истребителями «Харрикейн» и «Спитфайр». В связи с тем что четыре эскадрильи, вооруженные самолетами «Бленхейм», были переданы Береговому командованию для прикрытия наших кораблей с воздуха, а две истребительные эскадрильи были переброшены во Францию, Истребительное командование в конечном итоге увеличилось на 12 эскадрилий. Таким образом, численность Истребительного командования, выделенного для выполнения задач по противовоздушной обороне метрополии, увеличилась с 35 эскадрилий (из них 22 эскадрильи были вооружены самолетами «Харрикейн» и «Спитфайр»), имевшихся в сентябре 1939 года, до 47 эскадрилий к маю 1940 года (из них 38 имели на вооружении современные самолеты «Харрикейн» и «Спитфайр»). С другой стороны, значительное расширение Истребительного командования неизбежно замедляло и без того медленное развитие бомбардировочной авиации. Расширение Истребительного командования опрокинуло все прежние представления о правильном соотношении между наступательными и оборонительными видами воздушного оружия, так как к маю 1940 года общее количество истребительных эскадрилий в Англии и Франции превосходило общее количество бомбардировочных эскадрилий.

В период с октября 1939 по май 1940 года основной задачей Истребительного командования являлось прикрытие наших кораблей и судов у восточного побережья Англии и военно-морских баз. Даудинг с нежеланием

приступил к выполнению этой задачи. Имевшиеся в то время радиолокационные станции были бессильны против низколетящих самолетов, летчики-истребители не имели навыков полета над морем, а аэродромов на побережье было очень мало. Все эти обстоятельства затрудняли выполнение боевых задач, поставленных перед нашей истребительной авиацией. В конце концов Даудинг согласился оборонять прибрежную полосу на удалении 8 километров от берега. Вначале истребительные эскадрильи не имели успеха, но, когда им разрешили действовать с аэродромов Берегового командования, потери наших кораблей и судов значительно уменьшились. В заключение можно добавить, что с начала войны и до начала кампании в Норвегии наши истребители уничтожили около 40 немецких самолетов из числа 400 с лишним самолетов, которые были обнаружены над побережьем Англии или поблизости от него.

Защита с воздуха нашей главной военно-морской базы Скапа-Флоу осенью 1939 года была не менее важной задачей, чемкрытие с воздуха кораблей и судов. Защита Розайта больших затруднений не представляла, так каккрытие с воздуха этой базы могло быть осуществлено двумя эскадрильями шотландских вспомогательных ВВС, базировавшихся в Дреме и Торнхаузе. Нокрытие военно-морской базы Скапа-Флоу на Оркнейских островах, находившихся вне радиуса действия самолетов Истребительного командования, представляло значительную трудность. И когда началась война, эта важная военно-морская база оказалась без истребительного прикрытия. Для защиты Скапа-Флоу было срочно переброшено из Лондона некоторое количество аэростатов заграждения, а Адмиралтейство выделило из состава авиации военно-морских сил две истребительные эскадрильи, базировавшиеся на гражданский аэродром Хатстон.

Оккупировав Польшу, Гитлер устремил свои взоры на Запад. 14 октября 1939 года немецкая подводная лодка беспрепятственно проникла в Скапа-Флоу и двумя точными залпами потопила английский линейный корабль

«Ройял Оук». В связи с неудовлетворительным состоянием обороны Скапа-Флоу командующий военно-морским флотом метрополии решил в течение ближайшей недели перебросить основные силы флота из Скапа-Флоу в Розайт. Однако и здесь наш флот не был в безопасности. 16 октября около 12 немецких бомбардировщиков совершили налет на Розайт, в котором находились корабли. В результате прямых попаданий бомб был потоплен крейсер «Саутгемптон» и поврежден крейсер «Эдинбург». Несмотря на то что две истребительные эскадрильи, базировавшиеся в Шотландии, не были своевременно предупреждены о подходе немецких самолетов к Розайту, так как вышел из строя радиолокатор, они взлетели, вступили с противником в бой и сбили два бомбардировщика «Хейнкель-111». Это были первые немецкие самолеты, сбитые над Англией.

На следующий день небольшая группа немецких бомбардировщиков произвела налет на Скапа-Флоу, однако большинство наших кораблей в это время уже находились в море.

Встревоженное потерей линейного корабля «Ройял Оук» и налетом немецкой авиации на Розайт, Адмиралтейство до окончания постройки аэродромов в Шотландии решило перебросить корабли на западное побережье Англии — в устье реки Клайд. Отсюда кораблям было трудно, если не невозможно, своевременно перехватывать немецкие надводные рейдеры, прорывавшиеся в Атлантический океан, корабли и подводные лодки, угрожавшие нашему судоходству у восточного побережья Англии.

Двумя или тремя удачно нанесенными ударами по морским базам Розайт и Скапа-Флоу, вынудив англичан перебросить корабли с восточного на западное побережье, ценной потери четырех самолетов немецкие ВВС и подводные лодки достигли выдающегося успеха, преимущества которого немецкий военно-морской флот не использовал.

Тем временем были предприняты серьезные меры для усиления противовоздушной обороны Скапа-Флоу. В феврале 1940 года на аэродром Уик (северная Шот-

ландия) были переброшены три истребительные эскадрильи (43, 111 и 605-я), вооруженные самолетами «Харрикейн». Здесь был создан центр службы ВНОС и управления истребителями в воздухе. В районе Скапа-Флоу строился новый аэродром, поблизости устанавливалось несколько радиолокационных станций, а вдоль побережья устанавливались аэростаты заграждения. В начале марта 1940 года английские корабли возвратились в Скапа-Флоу. 16 марта в результате налета немецких самолетов на Скапа-Флоу были повреждены крейсер «Норфолк» и учебный корабль «Айрон Дьюк». Пытаясь уничтожить или вывести из строя как можно больше наших кораблей перед тем, как оккупировать Норвегию, немецкая авиация произвела в апреле еще три налета на Скапа-Флоу, однако наши истребители «Харрикейн» успешно отразили эти налеты.

К марту 1940 года система противовоздушной обороны, включавшая 11, 12 и 13-ю истребительные авиагруппы, которые прикрывали районы южного и восточного побережья страны, от Портсмута и до залива Ферт-оф-Форт, была дополнена на севере отдельным сектором противовоздушной обороны для прикрытия Скапа-Флоу. Неся значительные потери у юго-восточного и восточного побережья Англии, противник перенес усилия своей авиации по нашему торговому флоту в район между заливом Ферт-оф-Форт и Оркнейскими островами.

В это время в Германии готовились к выпуску самолеты с большим радиусом действия, способные совершать налеты не только на наши корабли на юго-западных подходах Англии, но и на всю территорию страны к западу от Портсмута. Против этой угрозы у нас был пока единственный сектор противовоздушной обороны в Филтоне, предназначенный для прикрытия Бристоля и авиационных заводов, расположенных в районе города. Даудинг снова обратился в министерство авиации с просьбой увеличить численность истребительной авиации с целью прикрытия северо-восточного и юго-западного районов Великобритании.

Следует отметить, что для прикрытия территории страны между Портсмутом и Филтоном уже было намечено формирование новой, 10-й истребительной авиагруппы. На севере Даудинг планировал сформировать 14-ю авиагруппу, ответственную за все операции между заливом Ферт-оф-Тей и Шетландскими островами. Штаб ВВС, рассматривая проблему расширения Истребительного командования, пришел к заключению о необходимости увеличить общую численность истребительной авиации метрополии к 1 апреля 1941 года до 80 эскадрилий.

К началу немецкого наступления на Западном фронте новые авиагруппы не были сформированы. Но то, что создание их было предусмотрено и уже шло полным ходом, являлось заслугой как Даудинга, так и штаба ВВС, проявивших необходимую предусмотрительность. Если в марте 1940 года увеличение численности истребительной авиации было, безусловно, желательным, то спустя несколько месяцев, когда немецкие самолеты базировались на аэродромы Норвегии и Франции, оно представлялось крайне необходимым.

Тем временем война продолжалась. Правда, она носила пассивный характер. Не было крупных сражений на земле и в воздухе. Союзники накапливали силы для дальнейших битв, немцы же собирались перейти в решительное наступление в следующем раунде. Но какой бы ограниченный характер ни носила война в воздухе, нашим летчикам приходилось совершать ночные полеты над территорией Германии, часами всматриваться в пустынные просторы океана или вылетать на перехват немецких самолетов, пытавшихся атаковать наши торговые суда.

Пассивный характер войны был выгоден союзникам, накапливавшим силы для последующих ее этапов. Восьмимесячную передышку они использовали с большой пользой для себя. Несмотря на ограниченный масштаб боевых операций на этом этапе войны, союзники извлекли ценный опыт. Были пересмотрены и улучшены планы боевых действий в Бельгии и Голландии, усовершенство-

ваны новые виды оружия и боевой техники. В этот период появился специальный вариант облегченного невооруженного истребителя «Спитфайр» для ведения высотной аэрофоторазведки. Были созданы наземные радиолокационные станции для обнаружения низколетящих самолетов, усовершенствовано управление истребителями в воздухе с помощью новых радиостанций управления и наведения истребителей. На вооружение военно-воздушных сил начали поступать новые типы самолетов, в декабре 1939 года был сдан первый заказ на самолеты «Москито», имевшие для того времени хорошие летно-тактические данные. Но самое важное значение эта передышка имела для подготовки летно-технических кадров. За период с сентября 1939 года по май 1940 года количество авиатехнических училищ увеличилось более чем в два раза. Гораздо труднее было разрешить проблему подготовки летных кадров, но и она была успешно решена к весне 1940 года. Для сколачивания экипажей и освоения ими боевых самолетов в боевых командованиях были созданы учебно-тренировочные части. Так как Британские острова с их небольшой территорией и значительной плотностью населения были в военное время явно неподходящим местом для подготовки огромного количества летного состава, то большое количество школ первоначальной и основной летной подготовки было открыто в доминионах и колониях Британской империи. В Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Родезии было открыто 25 школ первоначальной летной подготовки, 25 школ основной летной подготовки, 14 школ подготовки летчиков-наблюдателей, 14 школ подготовки бомбардиров и воздушных стрелков и 2 школы штурманов. Начиная с середины 1942 года эти школы должны были выпускать 11 000 летчиков и 17 000 других членов летных экипажей в год.

Глава III

СКАНДИНАВСКАЯ НЕУДАЧА

Союзники уже давно стремились лишить Германию возможности получать высококачественную железную руду из Швеции. Количество железной руды, завозившейся в Германию из Швеции и Норвегии в первые месяцы войны, составляло две трети от общего количества, необходимого для Германии.

Когда в ноябре 1939 года началась русско-финская война, стало ясно, что вмешательство союзников в этот конфликт с введением своих вооруженных сил в Скандинавию может разрешить эту проблему. Такую удачную возможность лишения Германии шведской железной руды нельзя было упускать. Самые скромные подсчеты показывали, что без шведской железной руды немецкая военная машина развалится в течение одного года.

Позиция Военного кабинета в этом вопросе была весьма неуверенной. Эту задачу можно было успешно разрешить путем непосредственной оккупации месторождений

руды и коммуникаций, по которым она перевозилась. Но это могло привести к конфликту со всеми скандинавскими странами. Таким образом, операцию под предлогом оказания помощи финнам нужно было проводить осторожно и только в случае согласия Норвегии и Швеции.

В декабре 1939 года Черчилль, занимавший тогда пост военно-морского министра, предложил блокировать коммуникации между Нарвиком и Германией, проходящие в норвежских территориальных водах. Чтобы не вызвать недовольства в скандинавских странах, Военный кабинет отклонил предложение Черчилля и решил предварительно выяснить позицию норвежского и шведского правительств в этом вопросе. Однако ответ, полученный от этих стран, был неутешительным.

К февралю 1940 года стало очевидно, что без существенной помощи со стороны Финляндия сможет продержаться лишь несколько недель. В начале марта английское правительство решило снова запросить разрешение Норвегии и Швеции о проходе союзных войск в Финляндию через территорию этих стран. И на этот раз ответ Швеции и Норвегии был отрицательным.

К этому времени у немцев возникли подозрения о наших намерениях в Скандинавии. 4 марта Гитлер отдал приказ о приведении в боевую готовность немецких вооруженных сил.

Боевые действия между Россией и Финляндией прекратились 12 марта 1940 года. На следующий день Военный кабинет рассмотрел предложение Черчилля о подготовке и посылке вооруженной экспедиции в скандинавские страны с целью овладеть месторождениями шведской руды, а также предупредить возможное продвижение русских к Атлантике. И снова Военный кабинет отклонил это предложение из-за отсутствия согласия правительств Норвегии и Швеции на ввод наших войск в эти страны.

После подписания мирного договора между Россией и Финляндией немцы почувствовали, что подготовка Англии к интервенции в Норвегию несколько ослабла, но тем не менее Гитлер назначил на 26 марта начало операции по

захвату Норвегии и Дании, носившей условное наименование «учение Везер»¹. Союзники не хотели отказываться от своих намерений в Скандинавии и 28 марта направили новые ноты правительствам Норвегии и Швеции, предупреждая их о том, что политика нейтралитета, которой они придерживаются, наносит ущерб английским интересам. В нотах говорилось, что Норвегия и Швеция не должны препятствовать Англии, если она будет оказывать помощь Финляндии, и что мы оставляем за собой право принять необходимые меры, чтобы помешать немцам вывозить из Скандинавии важное стратегическое сырье.

5 апреля 1940 года, через два дня после того как первые транспорты со снабжением для немецких экспедиционных сил отправились в Норвегию, ноты были вручены правительствам Норвегии и Швеции. Шведское правительство сразу же ответило отказом, обвиняя англичан в том, что они «втягивают их в войну». От Норвегии ответ еще не поступил, однако дальнейшее развитие событий сделало его уже ненужным.

Через несколько часов после вручения нот правительствам Норвегии и Швеции наши корабли, выделенные для минирования норвежских территориальных вод, вышли из Скапа-Флоу. Намечалось выставить одно минное поле в Вест-Фьорде — непосредственно на подходе к Нарвику, а другое — значительно южнее Нарвика. Пока эти корабли двигались к берегам Норвегии, английские войска грузились на транспорты и крейсера, находившиеся в готовности к отплытию.

К 8 апреля стали поступать многочисленные донесения о сосредоточении немецких военных кораблей в Северном море. 6 апреля наша воздушная разведка обнару-

¹ Для участия в этой операции немецкое командование выделило семь пехотных дивизий, усиленных отдельными танковыми, моторизованными и пулеметными батальонами, и одну моторизованную бригаду. Для обеспечения действий наземных войск были привлечены 5-й воздушный флот в составе около 1300 самолетов и главные силы военно-морского флота. — *Прим. ред.*

жила большое количество немецких военных кораблей, включая линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау», стоявших на рейде у Вильгельмсхафена. К вечеру этого дня немецкая эскадра снялась с якоря и вышла в море. Днем 7 апреля 12 бомбардировщиков «Бленхейм» из состава 107-й эскадрильи Бомбардировочного командования вылетели для атаки кораблей эскадры, находившихся в Северном море. К сожалению, ни одна из бомб, сброшенных с самолетов, не попала в цель. По донесениям экипажей, эскадра состояла из линейного корабля, «карманного линкора», двух или трех крейсеров и большого количества эскортных миноносцев. Эти данные не совсем точны, так как фактически в составе эскадры находились линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау», тяжелый крейсер «Хиппер» и эскорт миноносцев, направлявшихся для захвата Тронхейма и Нарвика. Во второй половине дня две эскадрильи бомбардировщиков «Веллингтон» произвели повторный налет на эскадру, но из-за плохой видимости атака опять была неудачной.

Поскольку немецкая эскадра продолжала следовать к северу, а атаки наших самолетов успеха не имели, командующий флотом метрополии решил выслать в Северное море флот для перехвата кораблей противника. Отряду, занимавшемуся постановкой мин южнее Нарвика, было приказано возвратиться на свою базу. 8 апреля командующий флотом приказал выгрузить с крейсеров, находившихся в заливе Ферт-оф-Форт, войска, предназначенные для высадки в Норвегии, а крейсерам следовать в Северное море для соединения с главными силами английского флота.

На рассвете 8 апреля один отряд английских кораблей заканчивал постановку мин у Нарвика, а другой, не выполнив своей задачи, возвращался домой. Один из наших самолетов, производивших поиск немецкой эскадры, обнаружил ее и доложил, что она идет курсом 270 градусов. Эта информация оказалась неправильной. Отряд кораблей, обнаруженных экипажем самолета, составлял лишь часть немецкой эскадры и состоял из тяжелого крейсера

«Хиппер» и четырех эскадренных миноносцев и двигался не в сторону Западной Атлантики, а на северо-восток в направлении Тронхейма. Командующий английской эскадрой, дезориентированный этим сообщением, направил свои корабли для перехвата немецкой эскадры, якобы двигавшейся на запад. Фактически английские корабли оказались значительно западнее немецкой эскадры. Тем временем остальные немецкие корабли с войсками вышли из Гельголандской бухты и, не замеченные нашей воздушной разведкой, направились к северу для захвата Бергена, Эгерсунда, Кристиансанда, Арендаля и Осло. Поздно вечером немецкие корабли вошли в норвежские территориальные воды. Недалеко от порта Осло норвежский минный заградитель «Олав Трюгтвесон» нанес повреждения легкому крейсеру «Эмден»; в районе острова Оскарсборг норвежские корабли оказали упорное сопротивление тяжелому крейсеру «Блюхер», не подпустив его к крепости. В остальных портах Норвегии немцы успешно справились со своей задачей, несмотря на сопротивление, оказанное им кораблями норвежского флота. Героизм, проявленный норвежскими моряками в Нарвике, был сведен на нет предательством начальника гарнизона сухопутных войск (сообщника Квислинга), который сдал гарнизон немцам без всякого сопротивления.

На рассвете 9 апреля немецкий посол в Осло прибыл в министерство иностранных дел Норвегии и потребовал немедленной капитуляции страны. А через три часа над Норвегией появились первые самолеты немецких ВВС.

Для захвата Норвегии немецкое командование выделило около 600 боевых и свыше 600 транспортных самолетов. Немецкие двухмоторные истребители атаковали аэродромы Сола и Форнебю. Численность их значительно превосходила число базировавшихся там норвежских самолетов. Через некоторое время на эти аэродромы были сброшены парашютисты и приземлились самолеты с пехотой. К середине дня немцы полностью овладели аэродромами Сола и Форнебю, на которые начали непрерывно прибывать транспортные самолеты с войсками

и снабжением. Боевые самолеты, действовавшие с этих аэродромов, оказывали поддержку своим наземным войскам. К вечеру 9 апреля немецкие войска овладели столицей Норвегии Осло и основными железнодорожными станциями и портами страны. Одновременно с этим немецкие войска почти без всякого сопротивления оккупировали Данию, обеспечив тем самым для Германии удобный плацдарм для переброски войск в Норвегию.

В Англии вначале недооценивали успех, которого достигли немцы в Норвегии. Многие считали, что господство Англии на море, которое считалось бесспорным, обеспечит полный перехват немецких судов и кораблей, направлявшихся в Норвегию. К сожалению, наши предположения оказались ошибочными. Горькая истина заключалась в том, что морские пути из Германии и Дании в Южную Норвегию контролировались не английским флотом, а германским флотом и ВВС, все аэродромы и порты Норвегии находились в руках немцев. Немецкие самолеты, базируясь на аэродромы Норвегии и Дании, могли совершать регулярные боевые вылеты с этих аэродромов. Союзники же должны были действовать на морских коммуникациях протяженностью от 600 до 1000 миль.

Пока союзники согласовывали свои военные планы, английские ВВС и военно-морской флот прилагали огромные усилия, направленные на поиск и уничтожение немецких кораблей, доставлявших войска и снабжение в Норвегию. С 9 по 12 апреля самолеты Берегового командования производили интенсивные поиски немецких кораблей в Северном море и норвежских портах. В результате этих поисков было установлено, что в Бергене находятся легкий крейсер «Кельн» и тяжелый крейсер «Кенигсберг», в Кристиансанде тяжелый крейсер «Карлсруэ» и в Тронхейме тяжелый крейсер «Хиппер». Для налета на крейсеры в Бергене 9 апреля были посланы 12 самолетов «Веллингтон» из состава 9-й и 115-й эскадрилий Бомбардировочного командования. Атака была неудачной, и «Кельн» в этот же вечер благополучно покинул Берген. «Кенигсберг», получивший ранее повреждения от норвежской береговой

артиллерии, остался в Бергене, на следующее утро он был снова атакован и потоплен нашей авиацией. Тяжелый крейсер «Карлсруэ», вышедший вечером 9 апреля из Кристиансанда, был потоплен английской подводной лодкой. В период с 10 по 13 апреля английские корабли потопили несколько эскадренных миноносцев, доставлявших в Нарвик немецкие войска. Все остальные немецкие военные корабли благополучно возвратились в Германию. 12 апреля у юго-западного побережья Норвегии были обнаружены линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау» и тяжелый крейсер «Хиппер». Для атаки этих кораблей в этот же день были направлены 92 бомбардировщика из состава Бомбардировочного командования, но из-за плохой погоды им пришлось возвратиться на свою базу.

Так закончилась первая фаза вторжения в Норвегию. Немецкий военно-морской флот успешно переправил в Норвегию достаточное количество войск и предметов снабжения для захвата всех ключевых пунктов страны. Правда, если учесть небольшую численность немецкого флота, то он понес значительные потери, но они целиком и полностью окупили себя в результате успешного выполнения поставленных перед ним задач.

Попытки нашей авиации атаковать немецкие корабли при их возвращении в Германию не увенчались успехом. Теперь действия английских ВВС были направлены против немецких аэродромов в Норвегии, из которых наиболее важными были аэродромы Форнебю в районе Осло, Вернее в районе Тронхейма и Сола в районе Ставангера. Аэродромы Вернее и Форнебю находились вне радиуса действия нашей дневной бомбардировочной авиации, поэтому командование решило наносить удары по аэродрому Сола. Первый налет на этот аэродром был проведен в ночь на 12 апреля. 14 апреля, в день высадки английских войск в Норвегии, по аэродрому Сола был проведен повторный налет, в котором участвовали крупные силы авиации. В дальнейшем аэродром Сола регулярно подвергался ударам бомбардировочной авиации.

Ключом для овладения Норвегией был Тронхейм. Если бы мы смогли захватить этот третий по величине

порт и центр коммуникаций Норвегии с близко расположенным от него аэродромом Вернее, мы смогли бы контролировать всю северную часть Норвегии и, накопив достаточные силы, в дальнейшем наступать в южном направлении. Учитывая, что численность немецких войск в Тронхейме не превышала 2000 человек, норвежское правительство обратилось к союзникам с просьбой предпринять немедленный захват Тронхейма с моря. Проведение такой операции, несомненно, было сопряжено с потерей значительного количества наших кораблей, поэтому было принято решение захватить Тронхейм с суши, наступая одновременно с двух направлений. Одна группа союзных войск должна была высадиться в небольшой гавани Намсус, находившейся в 140 километрах севернее Тронхейма, а другая в гавани Ондальснес в 160 километрах южнее Тронхейма. И наконец, третья группа, действовавшая независимо от первых двух, должна была высадиться на севере Норвегии и захватить Нарвик.

14 апреля английские войска высадилась в Намсусе. В этот же день началась высадка английских войск на севере Норвегии в районе Харстада. 17 апреля передовой отряд высадился в Ондальснесе¹. Высадка наших войск во всех трех пунктах прошла успешно, без всякого противодействия со стороны противника, поэтому было окончательно решено захватить Тронхейм с суши. 19 апреля в Намсусе высадился отряд французов. Но в этот день начали активно действовать немецкие самолеты, которые произвели ряд мощных налетов на Намсус. Через два дня на фланге союзных войск, следовавших из Намсуса в направлении Тронхейма, появились немецкие войска, прибывшие из Тронхейма, и наступление союзников на Тронхейм с севера было приостановлено.

Наступление на Тронхейм с юга, из района Ондальснеса, также не имело успеха. Отряд англичан численностью

¹ В период с 11 по 21 апреля в районе Намсуса были высажены одна французская дивизия альпийских стрелков и одна английская бригада и в районе Ондальснеса две английские дивизии. — *Прим. ред.*

1600 человек, высадившийся в Ондальснесе, получил приказ продвигаться не на север для захвата Тронхейма, а на юг с задачей овладеть важным железнодорожным узлом Домбос, чтобы не допустить продвижения на север немецких войск из Осло. Воспользовавшись хорошей погодой, редкой в Норвегии в такое время года, немецкая авиация непрерывно производила налеты на наши войска, которые безуспешно пытались сдержать наступление немецких войск с юга.

Пока наземные войска союзников пытались закрепить на захваченных плацдармах в Центральной Норвегии, английская авиация продолжала наносить удары по немецким аэродромам в Норвегии и Дании. В период с 14 по 21 апреля английские самолеты произвели 200 самолетовылетов по аэродромам противника, однако им не удалось снизить активность действий немецких самолетов в Норвегии. Немецкие аэродромы находились на большом удалении от наших аэродромов, погода над Северным морем очень часто была неблагоприятной для полетов, противовоздушная оборона аэродромов противника была очень сильной, и нашей авиации приходилось действовать по ним или ночью, или под прикрытием облачности.

Начиная с 14 апреля наши самолеты занимались постановкой магнитных мин в проливах Большой и Малый Бельт, Зунд, Кильском канале, устье реки Эльбы и в других районах, куда не заходили наши корабли. В период с 15 апреля по 15 июня 1940 года немцы потеряли на морских коммуникациях, ведущих в Норвегию, всего лишь восемь или девять процентов от общего тоннажа своего торгового флота и только около 1000 человек из числа 100 000, переброшенных в Норвегию.

Операции по постановке мин с воздуха и налеты нашей авиации на аэродромы противника в Норвегии хотя и были необходимы, однако не облегчили положения наших войск, сражавшихся в этой стране. Войска имели недостаточное количество зенитных средств и совсем не имели истребительного прикрытия. Не были выделены самолеты для обеспечения боевых действий наземных

войск в Центральной Норвегии. Все известные нам аэродромы в Норвегии уже были захвачены немцами, а построить в короткий срок посадочные площадки в гористой стране со снежным покровом толщиной в несколько футов едва ли было возможно.

Для оказания воздушной поддержки союзным войскам, высадившимся в Намсусе и Ондальснесе, в норвежские воды 23 апреля были переброшены из Средиземного моря авианосцы «Глориес» и «Арк Ройял». На борту «Глориеса» находилась 263-я истребительная эскадрилья, вооруженная устаревшими бипланами «Гладиатор», которые могли действовать с небольших взлетно-посадочных площадок.

Для базирования этих самолетов была сооружена посадочная площадка на льду озера Лезьяског, на которую к вечеру 24 апреля с авианосца «Глориес» перелетели 18 самолетов «Гладиатор». Однако на следующий день самолеты противника уничтожили эту взлетно-посадочную площадку и десять находившихся на ней самолетов. Оставшиеся восемь самолетов 26 апреля были переброшены на небольшую взлетно-посадочную площадку Сетнесмоен в районе Ондальснеса. В течение двух дней они прикрывали наши войска с воздуха, проводили воздушную разведку и вели бои с немецкими бомбардировщиками, совершавшими налеты на Ондальснес. Вскоре в эскадрилье остался лишь один исправный самолет, но и для него не было горючего, и личный состав 263-й эскадрильи был переброшен в Англию.

Несмотря на смелые действия летчиков морских истребителей с авианосцев «Глориес» и «Арк Ройял», превосходство в воздухе в Норвегии по-прежнему было на стороне немцев. 28 апреля Комитет начальников штабов вооруженных сил Англии отдал приказ об эвакуации союзных экспедиционных сил из Центральной Норвегии.

Морские истребители, базировавшиеся на авианосцы «Глориес» и «Арк Ройял», прикрывали отход наших войск из района Намсуса. Однако в результате непрерывных налетов немецких самолетов на эти авианосцы

их пришлось вскоре отправить в Англию. Эвакуация наших войск из Намсуса фактически проводилась без прикрытия с воздуха.

Успешнее проходила эвакуация наших войск из Ондальснаса, которая была закончена в ночь на 2 мая. Все корабли благополучно прибыли в Англию. Конвой с войсками, вышедший из Намсуса, подвергся на маршруте многократным атакам немецкой авиации, в результате которых были потоплены два наших крейсера.

Высадка союзников в Северной Норвегии проходила гораздо успешнее, чем высадка союзных войск в центральной части страны, так как Нарвик находился вне радиуса действия немецкой авиации.

12 апреля из Англии в район Нарвика вышел конвой с английскими экспедиционными войсками в составе одной бригады. Хотя численность немецких войск в Нарвике была небольшой, британские войска высадились в небольшом порту Харстад, расположенном в 60 километрах от Нарвика. Согласно плану операции, наши войска, высадившиеся в Харстаде, должны были захватить плацдармы севернее и южнее Нарвика, подождать прибытия подкреплений и после этого захватить Нарвик.

27 апреля в Харстад начали прибывать подкрепления с французскими и польскими частями. Одновременно с наземными войсками в Харстад прибыл подполковник Этчерли, который имел задачу обследовать имеющиеся в районе Нарвика посадочные площадки или места, пригодные для их сооружения. Наиболее подходящими оказались посадочные площадки в районах аэродромов Бардифосс, Банак и Сканланд, где условия местности позволяли строительство полевых аэродромов. Строительство аэродромов началось 4 мая, и через три недели все три аэродрома были готовы для использования.

11 мая в Харстад со своим штабом прибыл генерал-лейтенант Окинлек, назначенный на должность командующего союзными экспедиционными войсками в Норвегии. На эти войска возлагались следующие задачи: удержание Северной Норвегии, прекращение перевозок

шведской железной руды в Германию через Нарвик и создание препятствий в перевозке руды из порта Лулео.

Однако 10 мая, за сутки до прибытия Окинлека в Норвегию, началось вторжение немцев в Бельгию, Голландию и Францию, серьезно затруднившее выполнение планов союзников. Численность сил, необходимых для удержания Северной Норвегии, по расчетам Окинлека, составляла 17 пехотных батальонов, 104 тяжелых и 96 легких зенитных орудий и четыре эскадрильи. Такое количество сил нельзя было сразу выделить в распоряжение Окинлека, так как союзные армии несли большие потери в Бельгии и Франции. Союзникам пришлось даже отказаться от налетов бомбардировочной авиации на немецкие аэродромы в Норвегии и Дании, так как все силы авиации пришлось направить на выполнение других, более важных задач. 21 мая Комитет начальников штабов вооруженных сил Англии констатировал, что «безопасность Франции и Англии является исключительно важным вопросом, а удержание Северной Норвегии не является больше необходимостью», и соответственно рекомендовал Военному кабинету, чтобы союзные войска захватили Нарвик, взорвали порт и все его сооружения и после этого покинули Норвегию.

Тем временем 263-я истребительная эскадрилья, снова укомплектованная самолетами «Гладиатор», была отправлена на авианосце «Фюриес» в Норвегию и 22 мая перелетела на аэродром Бардуфосс.

К этому времени в Северной Норвегии было сосредоточено достаточное количество союзных войск, чтобы предпринять наступление на Нарвик. Частые налеты немецких самолетов, действовавших с аэродрома Вернее, причинили немало беспокойств нашим кораблям, но не помешали сосредоточению наших войск в Северной Норвегии. Наступление на Нарвик намечалось провести с прибытием в Норвегию 46-й истребительной эскадрильи, вооруженной самолетами «Харрикейн».

Эта эскадрилья прибыла в Норвегию 26 мая на авианосце «Глорис». На взлетно-посадочной полосе аэродрома Сканланд, где должна была базироваться эскадрилья,

к этому времени начал таять снег, и первые три самолета при посадке скапотировали, в связи с чем остальные самолеты пришлось посадить на аэродром Бардуфосс. Условия базирования истребителей на этот аэродром были очень тяжелыми. Аэродром находился в гористой местности на удалении 80 километров от Нарвика. Постоянные туманы, стоявшие в это время года, сильно затрудняли действия истребителей.

27 мая союзные войска закончили сосредоточение для наступления на Нарвик. 263-й и 46-й истребительным эскадрильям было приказано непрерывно патрулировать и прикрывать с воздуха войска в районе боевых действий.

Вечером и ночью 27 мая, когда союзные войска высаживались с кораблей в исходных для наступления районах, авиация противника не появлялась. Утром 28 мая над аэродромом Бардуфосс навис густой туман, что задержало на некоторое время вылет наших истребителей. Воспользовавшись этим, немецкие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» нанесли повреждения флагманскому кораблю союзников, находившемуся в районе Нарвика. После этого из-за плохой погоды и, главным образом, патрулирования наших истребителей в воздухе немецкие бомбардировщики больше не появлялись. К вечеру 28 мая союзные войска при поддержке авиации овладели Нарвиком.

К 3 июня наши войска полностью разрушили порт Нарвик. Таким образом, немцы не могли больше использовать Нарвик для вывоза железной руды в Германию вплоть до января 1941 года.

С 2 по 7 июня английские истребители прикрывали отход союзных войск из Северной Норвегии. Истребители «Гладиатор» после завершения эвакуации должны были перелететь на авианосец «Глориес», а оставшиеся в наличии десять истребителей «Харрикейн» из состава 46-й эскадрильи предполагалось уничтожить на аэродроме, так как попытки совершить посадку на палубу авианосца при отправке в Норвегию закончились неуда-

чей. Командир 46-й эскадрильи запросил разрешения у командования снова попытаться произвести посадку на авианосец. В ясную белую ночь 7 июня истребители «Харрикейн» взлетели с аэродрома Бардуфосс и успешно произвели посадку на авианосец «Глориес».

Но судьба зло посмеялась над смелостью и искусством английских летчиков. Немецкие линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау», направлявшиеся в район Нарвика, перехватили радиogramмы с авианосцев «Арк Ройял» и «Глориес», находившихся в Северном море, и пошли на перехват их. Во второй половине дня 7 июня немецкие корабли обнаружили «Глориес» и сопровождавшие его два эскадренных миноносца. Первыми же залпами немецкие корабли поразили авианосец. Через два часа, объятый пламенем, «Глориес» перевернулся и затонул. Вместе с ним погибли почти все летчики истребителей «Харрикейн».

Характер боевых действий наших войск в Центральной и Северной Норвегии имел существенные различия. Боевые действия в Центральной Норвегии проводились при наличии плохих баз, слабо развитых коммуникаций, в пределах досягаемости крупных сил немецкой авиации и вне пределов практического радиуса действия английских самолетов. Неудивительно, что наши войска быстро потерпели неудачу. Боевые действия наших войск в Северной Норвегии проводились в условиях противодействия лишь незначительных сил авиации противника. Вот почему северная группа союзных войск добилась определенных успехов к тому времени, когда тяжелая обстановка на Западном фронте потребовала переброски наших вооруженных сил из Норвегии.

В Норвежской кампании впервые полностью проявилась решающая роль воздушного оружия. Английские ВВС, слишком малочисленные и значительно удаленные от районов боевых действий, не могли оказать эффективной помощи нашим войскам в Норвегии. И, хотя поражение наших войск в Центральной Норвегии было

вызвано рядом факторов чисто военного характера¹, оно усугублялось наличием у противника в Норвегии мощных воздушных сил, которые насчитывали не менее 615 бомбардировщиков, истребителей и разведывательных самолетов и 650 транспортных самолетов.

Английское министерство авиации еще до Норвежской кампании подчеркивало исключительную важность использования в войне военно-воздушных сил. Однако если ранее это признавалось теоретически, то теперь это стало очевидным фактом, по крайней мере для военных кругов. Наш военно-морской флот благодаря своим умелым действиям понес во время Норвежской кампании относительно небольшие потери, но даже самые испытанные «морские волки» почувствовали ту грозную мощь, какую таили в себе военно-воздушные силы.

¹ Одной из причин поражения союзников в Норвегии следует считать весьма нерешительные и несогласованные действия англо-французского командования. Военно-морской флот союзников не сумел использовать свое огромное численное превосходство и действовал с излишней осторожностью. Немалую роль в успехах гитлеровцев сыграла также подрывная деятельность Квислинга и его фашистской партии «Национальное единство». — *Прим ред.*

Глава IV

КАТАСТРОФА НА ЗАПАДЕ

Н а рассвете 10 мая 1940 года немецкие войска перешли границы нейтральных государств: Голландии, Бельгии и Люксембурга. Обеспечивая действия наземных войск, немецкие ВВС произвели налеты на 70 французских, бельгийских и голландских аэродромов. Одновременно с этим немецкие воздушно-десантные войска захватили четыре наиболее важных опорных пункта в системе обороны Бельгии и проникли в глубь Голландии. Начался третий, наиболее внушительный этап немецкого «блицкрига».

У союзников было достаточно времени, чтобы подготовиться к немецкому наступлению. Предположение союзников, что немцы будут наносить главный удар через Голландию, Бельгию и Люксембург в обход укрепленной Линии Мажино, полностью подтвердилось. В предвидении этого были тщательно разработаны оперативные планы и почти с началом немецкого наступления отданы необходимые распоряжения о проведении в жизнь этих планов.

При наличии благоприятной обстановки союзные армии должны были нанести противнику ответный удар в соответствии с заранее разработанным планом «Д» (план «Диль»). Согласно этому плану, союзные войска, расположенные в Лотарингии и Эльзасе, находились в готовности для отражения любой атаки противника на Линию Мажино, а войска, расположенные севернее, вдоль франко-бельгийской границы, должны были выдвинуться к рубежу Намюр — Антверпен. Главные усилия союзных армий намечалось сосредоточить на левом фланге. 2-я французская армия, являвшаяся основной ударной силой союзных войск на правом фланге, имела задачу удерживать позиции на южных подступах к Арденнам. 9-я армия должна была выдвинуться вперед к реке Маас на участке от Мезьера до Намюра. 1-й французской армии была поставлена задача занять позиции между рекой Маас у Намюра и рекой Диль у Вавра. Британские экспедиционные силы должны были выйти к реке Диль на участке от Вавра до Лувена, а 7-я армия, находившаяся на левом фланге, стремительным маршем выходила к Антверпену и голландским островам в устье реки Шельды. Как видно, между британскими экспедиционными силами и 7-й армией получался разрыв протяженностью от Лувена до Антверпена. Этот разрыв должны были заполнить отступавшие бельгийские войска, сопротивление которых на главной линии обороны Бельгии вдоль канала Альберта, по нашим предположениям, могло продлиться не более трех-четырёх дней.

Совместно с французским командованием был разработан план боевого использования английских ВВС при осуществлении плана «Диль» и в последующих операциях. Авиационную поддержку наземным войскам должны были оказывать английские самолеты, базировавшиеся во Франции и находившиеся под командованием маршала авиации Баррата. Эти ВВС состояли из двух авиационных соединений: английских экспедиционных ВВС и английских передовых ударных ВВС во Франции.

Английские экспедиционные ВВС, возглавляемые вице-маршалом авиации Блаунтом, состояли из пяти эс-

кадрилий, вооруженных разведчиками «Лизандер» и предназначенных для проведения тактической воздушной разведки и аэрофотосъемки на фронте английских экспедиционных войск, четырех эскадрилий бомбардировщиков «Бленхейм» — для ведения оперативной воздушной разведки за линией фронта английских и бельгийских войск до рубежа реки Рейн и четырех эскадрилий истребителей «Харрикейн», предназначенных для прикрытия с воздуха английских войск и аэродромов на территории Франции, а также для сопровождения своих самолетов-разведчиков.

Английские передовые ударные ВВС во Франции под командованием вице-маршала авиации Плейфера имели более широкие задачи. Вследствие того что у французов было менее 100 бомбардировщиков, из которых только 25 являлись современными самолетами, перед английскими передовыми ударными ВВС была поставлена задача обеспечивать потребности всего фронта союзников. В состав этих ВВС входили десять бомбардировочных эскадрилий, вооруженных самолетами «Бэтл» и «Бленхейм», которые должны были наносить удары по наступающим войскам противника, преимущественно там, где движение войск замедлялось, например на мостах и узлах дорог, и две эскадрильи истребителей «Харрикейн» (с началом немецкого наступления планировалось увеличить число истребительных эскадрилий до четырех), предназначенных для взаимодействия со своими бомбардировщиками и прикрытия с воздуха аэродромов в районе Реймса, где базировались английские передовые ударные ВВС. Таким образом, первоначальная цель переброски английских передовых ударных ВВС во Францию для нанесения эффективных ударов по объектам немецкой промышленности с небольших расстояний не была достигнута. Это можно объяснить необходимостью использования всех сил авиации для поддержки союзных армий в начале немецкого наступления, а также полной неспособностью бомбардировщиков «Бэтл» вести борьбу с немецкими истребителями над территорией Германии.

Хотя английские передовые ударные ВВС могли действовать на всем Западном фронте, их предполагалось использовать в основном для оказания авиационной поддержки нашим войскам на южном секторе фронта. По противнику, наступавшему на северных участках фронта, должны были наноситься удары бомбардировщики «Бленхейм», базировавшиеся в метрополии и входившие в состав Бомбардировочного командования. Кроме того, две эскадрильи бомбардировщиков «Уитли», также базировавшиеся в метрополии, должны были наносить удары ночью по шоссейным и железным дорогам противника в районах западнее реки Рейн.

Решение привлечь бомбардировщики с аэродромов метрополии для оказания поддержки союзным наземным войскам вызвало опасения у штаба английских ВВС. Еще большие опасения возникли у штаба Бомбардировочного командования.

За два дня до начала немецкого наступления командующий Бомбардировочным командованием маршал авиации Портал, сменивший в апреле Ладлоу-Хьюитта, заявил: «Я убежден, что нецелесообразно использовать бомбардировщики “Бленхейм”, так как это может отрицательно повлиять на ход воздушной войны... Район боевых действий, выбранный противником, будет насыщен истребителями противника». Портал выразил сомнение, что 50 бомбардировщиков «Бленхейм» смогут в значительной степени повлиять на ход войны и оправдать большие потери, которые мы можем понести.

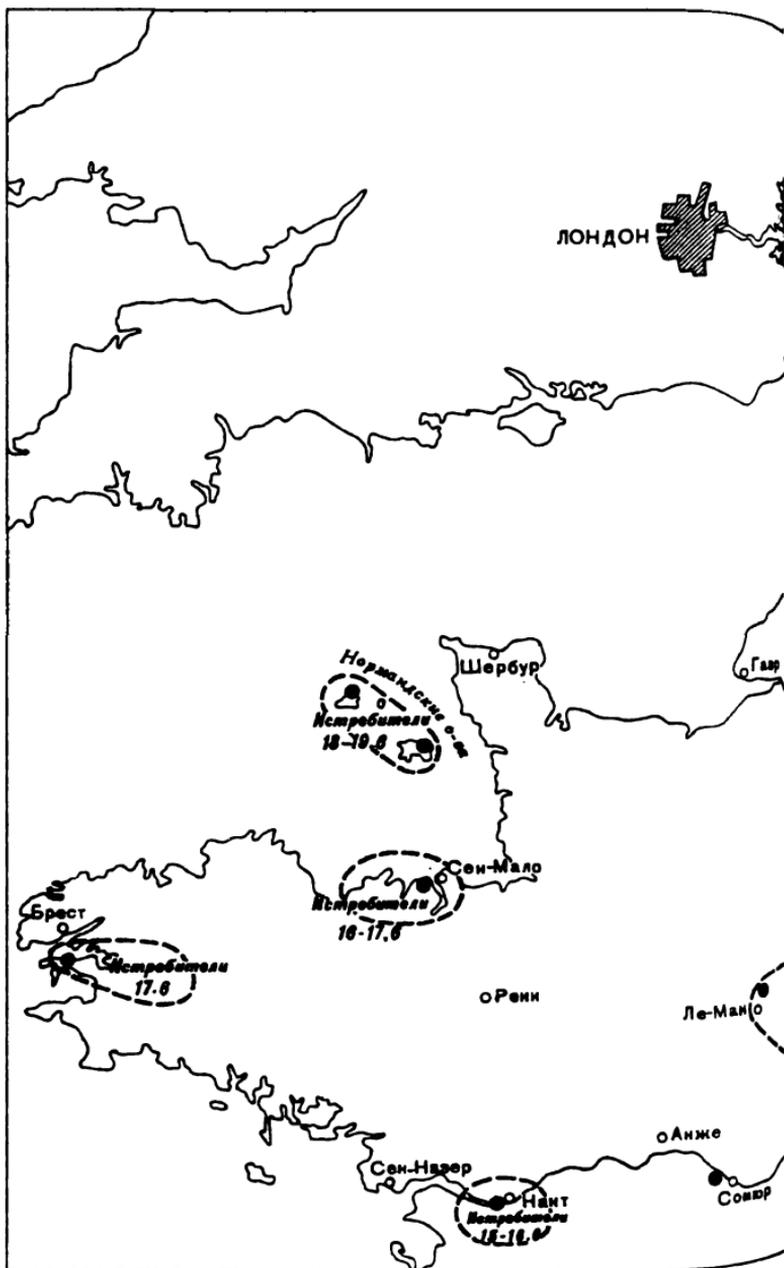
Возражения Портала против подобного использования бомбардировочной авиации метрополии, высказанные им перед самым началом боевых действий, не были лишены здравого смысла. Действительно, больше половины личного состава английской бомбардировочной авиации должно было впервые участвовать в совершенно новом для него виде боевых действий — отражать наступление армии противника, хорошо обеспеченной всеми средствами противовоздушной обороны и имеющей крупные силы истребительной авиации. С другой сторо-

ны, штаб ВВС не мог отказаться от использования бомбардировочной авиации метрополии в интересах войск, в то время когда союзные армии безусловно нуждались в ее помощи. Поэтому ей была поставлена задача оказывать поддержку наземным войскам.

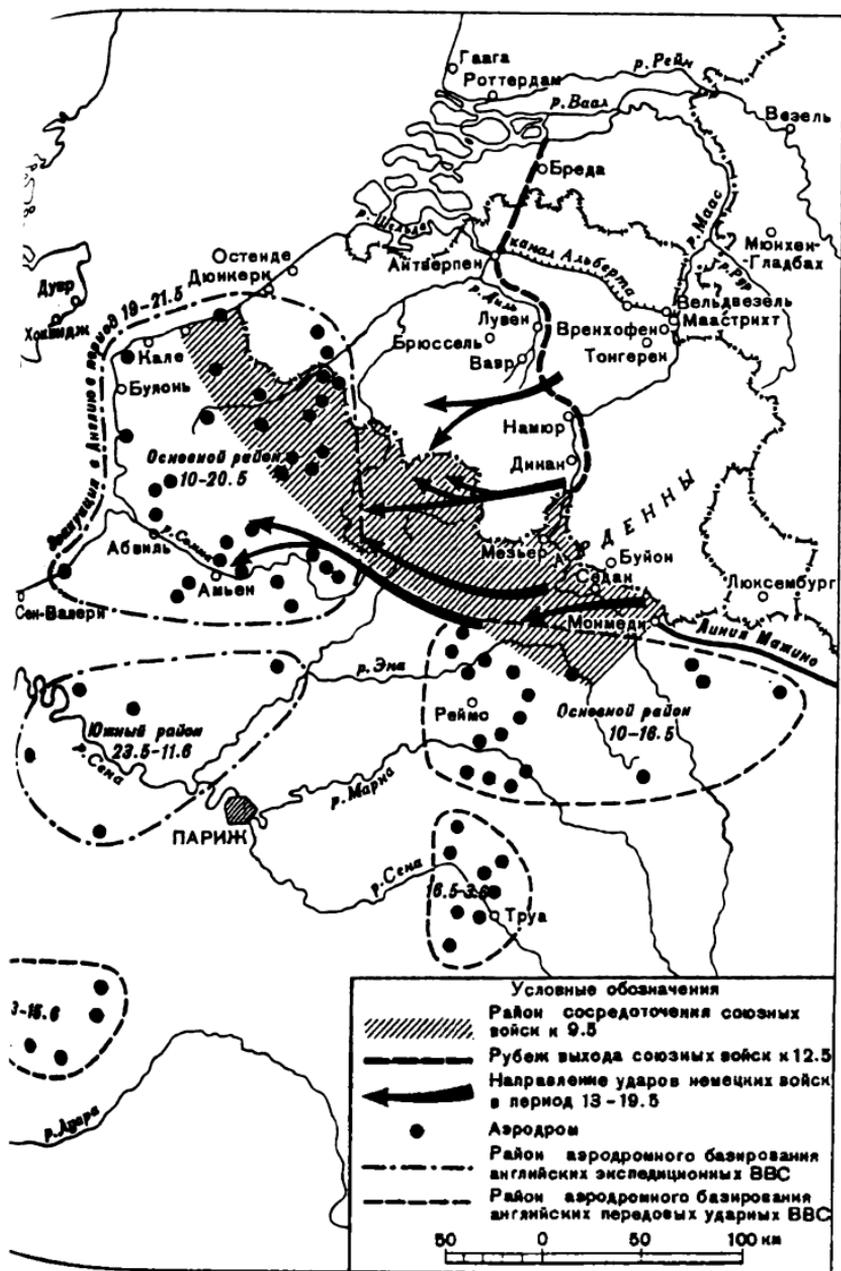
Что касается использования тяжелых бомбардировщиков, то в этом вопросе были еще более серьезные разногласия. В составе Бомбардировочного командования было 16 эскадрилий, вооруженных бомбардировщиками «Веллингтон», «Хэмпден» и «Уитли». Как показал опыт боевых действий, в мае 1940 года невозможно было использовать тяжелые бомбардировщики днем, в условиях сильного противодействия истребителей противника. Однако штаб ВВС мог использовать их в ночное время.

Штаб английских ВВС неоднократно указывал, что оккупация немцами Голландии должна явиться сигналом к началу бомбардировки Рура английской тяжелобомбардировочной авиацией. По мнению штаба ВВС, тяжелые бомбардировщики не следовало использовать против объектов, находящихся в тактической зоне. В Рурском бассейне было сосредоточено большое количество промышленных предприятий, составлявших около 60 процентов всей военной промышленности Германии. Нанося удары по объектам Рура, мы могли бы одновременно сбрасывать бомбы и на коммуникации противника, что в значительной степени затруднило бы продвижение немецких армий в Голландию. Это в свою очередь вынудило бы немцев перебросить свою истребительную авиацию и зенитную артиллерию с фронта для защиты самой Германии, что могло облегчить действия наших средних бомбардировщиков, наносящих удары по наступавшим армиям противника.

У французов не было убедительной воздушной доктрины, с помощью которой они могли бы выдвинуть обоснованные возражения против аргументов англичан. Они признавали необходимость бомбардировки объектов немецкой промышленности, однако были не согласны с тем, что самым подходящим временем для начала

Наступление немецких войск

в Голландии, Бельгии и Франции

такой бомбардировки является момент развертывания крупного сухопутного сражения. Тяжелые бомбардировщики, по мнению французов, должны были действовать по объектам, находившимся недалеко от линии фронта. Французское командование считало, что утверждения англичан о том, что бомбардировка Рура существенно помещает продвижению войск противника, являются нереальными. Фактически за этими доводами скрывался страх перед немецкими ВВС; неудовлетворительное состояние противовоздушной обороны Франции, конечно, было немаловажной причиной для таких опасений. В связи с этим французы возражали против любых действий союзной авиации, которые могли бы повлечь за собой налеты немецкой авиации на французские города.

В конце концов французы согласились с нашей точкой зрения, и на заседании Высшего военного совета 22—23 апреля 1940 года было решено, что «в случае немецкой агрессии против Голландии или Бельгии или одновременно против обеих стран английским ВВС без предварительной консультации между союзными правительствами или верховным командованием будет разрешено наносить удары по железнодорожным узлам и нефтеперерабатывающим заводам Рура».

8 мая английскому министерству авиации было разрешено в случае нападения немцев на Бельгию или Голландию провести ряд ночных атак на немецкие железнодорожные узлы. Что касается нанесения сильных ударов по нефтеперерабатывающим заводам и электростанциям Рура, то на эти объекты все еще нельзя было производить налеты без специального разрешения Военного кабинета.

С началом немецкого наступления 10 мая девять аэродромов, на которые базировались английские самолеты во Франции, подверглись ударам с воздуха; наши потери составили всего несколько самолетов. 10 и 11 мая из Англии на французские аэродромы прибыли четыре эскадрильи, вооруженные истребителями «Харрикейн». Таким образом, общее количество эскадрилий английской истребительной авиации во Франции было доведено до десяти.

В то время, как истребители «Харрикейн», базировавшиеся во Франции, успешно отражали налеты немецкой авиации и обеспечивали с воздуха продвижение английских экспедиционных войск, истребители дальнего действия¹, базировавшиеся в Англии, прикрывали левый фланг 7-й армии, вышедший на побережье Северного моря. Бомбардировщики «Бленхейм» вели разведку на основных направлениях наступления немецких войск. 10 мая Баррат приказал командующему английскими передовыми ударными ВВС Плейферу выслать группу бомбардировщиков «Бэттл» для проведения атак по колоннам немецких войск, двигавшимся через Люксембург. Однако при проведении этих налетов наши самолеты понесли большие потери от ружейно-пулеметного огня противника, так как летчики, опасаясь атак истребителей, производили атаки с высоты 75 метров. Из 32 самолетов, высланных в этот день для атаки немецких войск, 13 самолетов были сбиты, остальные получили повреждения.

Хотя налицо уже имелись явные признаки того, что основные силы противника наступают на Люксембург и Бельгию, наиболее тяжелая обстановка в первый день немецкого наступления сложилась в Голландии. Голландцы не были захвачены врасплох и оказали упорное сопротивление немецким воздушно-десантным войскам, пытавшимся захватить Гаагу. Однако немцам удалось овладеть несколькими важными аэродромами страны, включая Вальхавен близ Роттердама и Ипенбург около Гааги. Голландцы запросили помощи у английского правительства. Опасаясь, что бомбардировка этих аэродромов может повлечь за собой жертвы среди гражданского населения Голландии, Военный кабинет разрешил произвести налет истребителей на аэродром Ваальхавен. Шесть истребителей «Бленхейм-IV Ф», вылетевших для атаки аэродрома, были встречены двенадцатью немецкими истребителями «Мессершмитт-110», которые сбили пять

¹ Авторы имеют в виду двухмоторные истребители «Бофайтер» и «Бленхейм-IV Ф», которые были перевооружены с бомбардировщиков на истребители дальнего действия. — *Прим. ред.*

наших самолетов. Более успешно произвели налет на этот аэродром бомбардировщики «Бленхейм».

В ночь на 11 мая 36 бомбардировщиков «Веллингтон» из состава Бомбардировочного командования произвели налет на аэродром Ваальхавен, в то время как Портал предпочел бы использовать свои самолеты для бомбардировки нефтеперерабатывающих заводов и железнодорожных узлов Рура. Немецкие самолеты действовали пока только по военным объектам, и Военный кабинет Англии не решался санкционировать проведение бомбардировочных налетов на железнодорожные узлы и промышленные объекты, что могло бы повлечь за собой жертвы среди гражданского населения Германии.

К 11 мая стал яснее вырисовываться стратегический замысел противника. Кроме наступления на Голландию, где обстановка для голландцев ухудшалась с каждым часом, немцы наступали в двух направлениях: на Арденны и через Маастрихт на Брюссель. Несомненно, наибольшую опасность представляло наступление немцев в Бельгии, где они с помощью воздушно-десантных войск захватили все мосты западнее Маастрихта в исправном состоянии и форсировали канал Альберта. Поэтому возникло серьезное опасение, что бельгийцы не смогут задержать наступление противника до выхода союзных войск на рубеж реки Диль.

11 мая 21-я и 110-я эскадрильи Бомбардировочного командования, вооруженные бомбардировщиками «Бленхейм», действовали по коммуникациям наступающих войск противника, форсировавших канал Альберта. Большинство самолетов были повреждены зенитным огнем.

На южном участке фронта восемь бомбардировщиков «Бэтл» атаковали с малой высоты колонну немецких войск, двигавшихся к границе Люксембурга; с задания вернулся только один самолет. С наступлением ночи 36 бомбардировщиков из состава Бомбардировочного командования сбросили бомбы на дороги, выходящие из Мюнхен-Гладбаха.

К 12 мая большая часть французских и английских войск вышла на намеченные рубежи. Поскольку продви-

жение немцев через Маастрихт представляло серьезную угрозу для северного фронта союзников, по просьбе генерала Джорджа — командующего этим фронтом — на это направление были направлены все усилия английских передовых ударных ВВС. На рассвете 12 мая девять бомбардировщиков «Бленхейм» из состава 139-й эскадрильи произвели налет на немецкую колонну, двигавшуюся по дороге из Маастрихта в Тонгерен. Потеряв в воздушном бою семь самолетов, эта эскадрилья перестала существовать как боевая единица.

С рассвета 10 мая бельгийские войска пытались вывести из строя мосты через канал Альберта, которые были захвачены немцами. Однако ни контратаки наземных войск, ни артиллерийский обстрел этих мостов не увенчались успехом. Тогда бельгийцы обратились за помощью к союзникам. 12 мая Баррат приказал Плейферу выделить шесть бомбардировщиков «Бэтл» для разрушения этих мостов. В район действия бомбардировщиков были высланы истребители «Харрикейн», однако непосредственного сопровождения бомбардировщиков истребителями организовано не было. Три самолета были выделены для бомбардировки металлического моста в трех километрах севернее Вельдвезеля. Потеряв пять самолетов, мы вывели из строя лишь металлический мост. Железобетонный мост остался невредим: несмотря на прямое попадание 120-кг бомбы, ему был причинен лишь незначительный ущерб.

Одновременно с этим 24 бомбардировщика произвели налет на мосты через реку Маас в самом Маастрихте. В результате этого налета десять наших самолетов не вернулись с боевого задания, мосты же не получили серьезных повреждений.

Продвижение противника, наступавшего через Маастрихт, несколько замедлилось, однако его давление в Арденнах непрерывно нарастало. Вечером 12 мая 15 бомбардировщиков из состава английских передовых ударных ВВС произвели налет на немецкие войска, двигавшиеся вблизи Буйон в Арденнах. Атака была успешной, но свои потери опять были очень большими: с боевого задания не вернулись шесть самолетов. Французское верховное

командование высоко оценило действия английских бомбардировщиков, заявив, что они спасли положение в этом районе. Однако это было далеко не так. Известно, что бомбардировки мостов и атаки колонн войск могут дать желаемые результаты лишь в том случае, если за ними последует наступление наземных войск или если эти налеты совершаются непрерывно. Союзные наземные войска не смогли провести успешных атак, что же касается наших бомбардировщиков «Бэтл», то они не могли проводить непрерывные налеты на мосты и наземные войска противника вследствие больших потерь, которые они понесли во время предыдущих налетов.

На 10 мая в составе английских передовых ударных ВВС во Франции имелось 135 исправных бомбардировщиков, а к исходу дня 12 мая это количество сократилось до 72 самолетов.

13 мая армия фон Клейста без особых затруднений прорвала линию обороны французов на реке Маас. Учитывая сложность быстрой переброски через Арденны большого количества артиллерии, противник решил форсировать реку и подавить оборонявшие ее французские войска при помощи крупных сил авиации. Для этой цели фон Клейст привлек 200 пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87». 9-я французская армия, только что занявшая оборону на рубеже реки Маас, укомплектованная плохо обученными войсками и имевшая незначительное количество истребителей и зенитной артиллерии, представляла прекрасную цель для пикирующих бомбардировщиков, которые успешно справились с поставленной перед ними задачей. Через несколько часов после налета авиации немецкие войска форсировали реку.

Чтобы исправить положение на северном участке фронта, французы должны были бросить в бой все резервы, состоявшие из нескольких плохо оснащенных дивизий. Поэтому крайне важно было немедленно перебросить на северный участок фронта часть войск с Линии Мажино, где противник действовал менее активно. Но в то время в дивизиях почти не было автотранспорта. Войска можно было перебросить на север лишь по железным

дорогам. Противник учел это обстоятельство и бросил бóльшую часть из своих 2000 бомбардировщиков для налета на коммуникации, главным образом железные дороги, соединяющие Восточную и Северную Францию. И когда французы наконец решили перебросить свои войска с Линии Мажино на север, то они оказались не в состоянии этого сделать, так как все железные и шоссейные дороги, ведущие на север, были выведены из строя.

Ход событий 14 мая определил как дальнейшую судьбу английских передовых ударных ВВС во Франции, так и исход всей кампании. Ранним утром десять бомбардировщиков «Бэтл» из состава 103-й и 150-й эскадрилий успешно атаковали немецкие понтонные переправы у Седана, не потеряв при этом ни одного самолета. Во второй половине дня по просьбе французского верховного командования был произведен налет на переправы и скопления немецких войск на береговом плацдарме у Седана. На эту цель Баррат направил все наличные бомбардировщики. В ходе атак зенитным огнем и истребителями противника было сбито 40 из 71 самолета, участвовавшего в налете. Вечером 14 мая по этим же целям совершили налет 28 бомбардировщиков «Бленхейм» из состава Бомбардировочного командования. Так как эта группа самолетов имела более сильное истребительное прикрытие, чем самолеты, действовавшие днем, их потери были соответственно меньше, тем не менее они составили семь самолетов. По показаниям немецких пленных, бомбардировка нашей авиации причинила немало беспокойств немецким войскам; французское верховное командование считало, что действия нашей авиации в сочетании с контратакой 2-й армии улучшили на некоторое время положение французских войск у Седана.

К 13 мая обстановка в Голландии резко ухудшилась. Голландцы всегда отказывались согласовывать свои планы с союзниками. Мы же никогда не рассчитывали, что сопротивление голландских войск может продлиться более четырех или пяти дней. Наши предположения полностью подтвердились. К вечеру 13 мая положение в стране было исключительно тяжелым: голландские ВВС

были фактически уничтожены, а королева Вильгельмина была вывезена из Голландии на английском корабле.

Во второй половине дня 14 мая, в то время когда велись переговоры о капитуляции Голландии, около 40 немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» произвели мощный налет на Роттердам, не встретив при этом никакого противодействия. Возникшие пожары опустошили наиболее заселенную часть города. В городе было уничтожено 20 000 жилых зданий и убито около 1000 человек. Утром 15 мая голландские войска, за исключением частей в области Зееланд, сложили оружие.

Налет немецкой авиации на Роттердам и разрушение города помогли нам разрешить вопрос дальнейшего использования нашей тяжелобомбардировочной авиации. 15 мая Военный кабинет, рассмотрев снова вопрос о целесообразности бомбардировки промышленных объектов Рура, разрешил наконец штабу ВВС приступить к таким операциям. Принимая такое решение, Военный кабинет считал, что бомбардировка Рура облегчит положение французских войск, парализованных превосходством немецкой авиации. Предполагалось, что с началом бомбардировки английской авиацией Рура немецкие ВВС в порядке возмездия предпримут бомбардировку Лондона и в связи с этим часть немецкой бомбардировочной авиации будет переключена с действий по французским наземным войскам на налеты на Лондон.

Дальнейшее развитие событий вынудило французское правительство снова поднять вопрос о переброске дополнительных десяти эскадрилий английской истребительной авиации во Францию.

Командующий истребительной авиацией Даудинг возражал против этого, считая, что дальнейшая переброска истребителей во Францию серьезно ослабит противовоздушную оборону страны. Доводы Даудинга оказались убедительными, и Военный кабинет принял решение пока не посылать английских истребителей во Францию. Это решение тем более себя оправдывало, что мы планировали в ближайшее время начать наступление английской бомбардировочной авиации на Рур и не могли ослаблять

противовоздушную оборону Англии в связи с возможными ответными ударами немецкой авиации по Лондону. Однако 16 мая Военный кабинет пересмотрел свое решение и отдал распоряжение штабу английских ВВС послать во Францию четыре истребительные эскадрильи. Прибывший в этот же день в Париж Черчилль телеграфировал в Лондон о немедленной отправке во Францию еще шести истребительных эскадрилий. Военный кабинет решил полностью удовлетворить требование французов, однако в связи с недостатком аэродромов в Северной Франции было решено высылать туда каждое утро три истребительные эскадрильи, а во второй половине дня заменять их тремя свежими эскадрильями.

В ночь на 16 мая 96 бомбардировщиков «Веллингтон», «Уитли» и «Хэмпден» совершили первый налет на объекты восточнее Рейна. 78 самолетов должны были бомбардировать нефтеперерабатывающие заводы, однако только 24 самолета вышли на цели и атаковали их.

16 мая находившийся в Париже Черчилль ознакомился с обстановкой и согласился с точкой зрения французского командования, что усилия английской тяжелобомбардировочной авиации необходимо теперь сосредоточить по переправам через реку Маас. Начиная с этого дня наши тяжелые бомбардировщики действовали по промышленным объектам, находящимся восточнее реки Рейн, как этого добивался штаб английских ВВС, и по объектам, расположенным ближе к полю боя, как этого просили французы.

В целом действия нашей тяжелобомбардировочной авиации по промышленным и военным объектам Германии в течение нескольких последующих ночей были неудачными. Ущерб, причиненный немецким промышленным объектам, был незначительным, переправы через Маас ночью обнаружить не удалось, немецкая истребительная авиация и зенитная артиллерия не были перебросены с Западного фронта для защиты Германии, и ни один немецкий бомбардировщик не был снят с действий по французским армиям и их коммуникациям для нанесения ответных ударов по территории Англии. Идея

воздушного наступления на Рур, столь популярная в штабе английских ВВС, потерпела неудачу. Выбор времени для проведения этого наступления был неудачным, а имевшиеся в наличии средства были явно недостаточными.

К 16 мая наступление немецких войск с северо-востока поставило под угрозу аэродромы, расположенные по обоим берегам реки Эна, на которые базировались английские передовые ударные ВВС. К счастью, еще до начала немецкого наступления во Франции было построено несколько грунтовых аэродромов и посадочных площадок, в том числе аэродромы в Южной Шампани и в районе Труа. Едва английские самолеты перебазировались на эти аэродромы, как возникла угроза захвата немцами аэродромов английских экспедиционных ВВС. 17 мая их передовые части были вынуждены перебазироваться к побережью. 19 мая было решено, что экспедиционные ВВС могут так же эффективно и с большей безопасностью действовать с аэродромов Южной Англии, и к вечеру 21 мая экспедиционные ВВС, за исключением нескольких самолетов-разведчиков, перебазировались в Южную Англию.

Перебазирование авиации проводилось в такой спешке, что большая часть оборудования, имущества и запасных частей досталась противнику в исправном состоянии. Особое сожаление вызывает тот факт, что противнику досталось большое количество неисправных истребителей «Харрикейн». В составе английских экспедиционных ВВС во Франции было 13 истребительных эскадрилий, насчитывавших 261 истребитель «Харрикейн». Из этого количества 75 самолетов были уничтожены в боях, 66 перебазировались в Англию, а остальные 120 самолетов были повреждены и попали в руки противника. Таким образом, за десять дней боев в Северной Франции английские ВВС потеряли 195 истребителей «Харрикейн», то есть около четвертой части всех своих истребителей.

В это время бомбардировщики «Бэттл» из состава английских передовых ударных ВВС продолжали наносить удары по коммуникациям противника с аэродромов Франции. Но теперь они действовали главным образом ночью и несли незначительные потери. В период интенсивных бое-

вых действий в дневное время с 10 по 14 мая потери составляли один самолет на каждые два самолето-вылета, тогда как в ночных вылетах в период с 20 мая по 4 июня они составили один самолет на 200 самолето-вылетов.

Опыт использования бомбардировщиков в дневное время показал, что они несли большие потери от истребителей противника. В то время мы не имели истребителей для сопровождения бомбардировщиков. Следовательно, удары по объектам в тылу противника нужно было наносить либо в ночное время, либо не производить их вообще.

Однако эта политика перехода к ночным действиям сопровождалась снижением точности поражения целей. Многие экипажи бомбардировщиков «Бэтл» сбрасывали бомбы по расчету времени, без точного опознавания цели. Это вынудило Баррата запретить данный способ бомбометания. Из докладов экипажей о вылетах термин «по расчету времени» исчез, но применение этого способа бомбометания продолжалось.

21 мая немецкие танковые части, двигаясь по правому берегу рек Эна и Сомма, подошли к Абвилю¹ и, повернув на север, стали наступать вдоль побережья Ла-Манша. Таким образом, союзные войска на севере Франции оказались полностью изолированными. Несомненно, создавшаяся обстановка требовала принятия решительных мер, чтобы закрыть брешь между двумя группами союзных армий. Или северная группировка союзных войск должна была пробиваться с боями на юг, или южная группировка — наступать на север, или, наконец, обе группировки — двигаться навстречу друг другу. 19 мая Военный кабинет принял следующее решение: английским экспедиционным войскам, входившим в состав северной группировки, наступать в южном направлении на Амьен, атаковать все встреченные на пути группировки противника и занять рубеж на левом фланге французской армии. Однако этот замысел, принятый на

¹ Авторы допускают неточность. Абвиль был занят немецкими войсками 20 мая, на побережье Ла-Манша они вышли 21 мая, расчленив стратегический фронт союзников. — *Прим. ред.*

Даунинг-стрит¹, теперь уже не мог изменить положения дел на фронте. Противник, стремительно продвигаясь вперед вдоль побережья к северу, занял Булонь и окружил Кале. 1-я французская армия, входившая в состав северной группировки, вместо того чтобы наступать на юг, стала отступать к северу. Слабо вооруженные французские армии, расположенные южнее рек Эна и Сомма, не предприняли никаких попыток атаковать противника, находившегося между двумя группировками союзных армий. 26 мая английские экспедиционные войска получили приказ немедленно отступать вместе с французскими и бельгийскими войсками к побережью Па-де-Кале². С этого момента надежды двухсоттысячной союзной армии и всей нации были сосредоточены на Дюнкерке.

В эти тревожные дни штаб английских ВВС рассмотрел один из основных принципов боевого использования истребительной авиации, считавшийся незыблемым в течение двадцати лет. Начиная с Первой Мировой войны командование английских ВВС считало, что истребительная авиация при проведении наступательных операций наземных войск должна применяться не для непосредственного сопровождения и прикрытия бомбардировщиков, а для «выметания» воздушного пространства от неприятельской авиации путем патрулирования истребителей в зонах действий нашей бомбардировочной авиации. Однако теперь, в условиях огромного численного превосходства авиации противника, такой принцип боевого использования истребительной авиации оказался совершенно непригодным. И когда в районе Дюнкерка возникла серьезная угроза уничтожения английских экспедиционных войск и средние бомбардировщики опять были вынуждены действовать преимущественно в дневное время, то во избежание больших потерь их, как правило, стали сопровождать истребители. Поскольку бом-

¹ На Даунинг-стрит, 10 в Лондоне расположена резиденция премьер-министра Великобритании. — *Прим. ред.*

² Бельгийская армия капитулировала 28 мая 1940 года. — *Прим. ред.*

бардировочная авиация действовала теперь с английских аэродромов, а ее цели находились в радиусе действия самолетов Истребительного командования, истребители стали привлекаться для сопровождения бомбардировщиков.

Кроме непосредственного прикрытия и сопровождения бомбардировщиков, истребители продолжали патрулировать в районе боевых действий. Начиная с 22 мая истребители, базировавшиеся в Англии, совершали в среднем около 200 самолето-вылетов в день. «Сопrotивление истребительной авиации противника, — как отмечалось в журнале боевых действий 19-го немецкого корпуса, — стало настолько сильным, что проведение воздушной разведки стало практически невозможным делом».

Тем временем давление противника в Северной Франции нарастало. Сюда прибыли основные силы немецких танковых войск, и скоро все ресурсы Истребительного командования английских ВВС стали использоваться в сражении, развернувшемся в Северной Франции. Питая надежду на наилучший исход событий на фронте, английское командование в то же время разрабатывало план на случай неудачного исхода боевых действий. Уже 19 мая военное министерство и Адмиралтейство приступили к рассмотрению «возможной, но маловероятной эвакуации крупных контингентов английских вооруженных сил с европейского континента в случае создания там опасной обстановки». Было решено, что в случае необходимости такая операция, получившая условное наименование операция «Динамо», будет проведена под руководством вице-адмирала Рамсея. Необходимые средства для проведения этой операции сосредоточивались в Дувре. В течение 23 и 24 мая был успешно эвакуирован гарнизон Булони. Героический гарнизон Кале также можно было спасти, если бы английское правительство не решило, что в величайших интересах союзных армий, сражавшихся в районе Дюнкерка, английские войска в Кале должны стоять насмерть. Проведение операции «Динамо» было начато в 18:57 26 мая.

Эвакуация союзных войск из Дюнкерка, осуществлявшаяся в период с 26 мая по 4 июня 1940 года, была проведена успешно не только благодаря искусству и преданности

своему долгу личного состава военно-морского и торгового флота Англии, но и благодаря огромным усилиям и активным действиям английских ВВС.

Как и во всех предыдущих операциях, в ходе эвакуации союзных войск из Дюнкерка участвовали все рода авиации английских ВВС. Основная тяжесть ложилась на истребительную авиацию, самолеты которой прикрывали береговой плацдарм в районе Дюнкерка и морские коммуникации. Не нужно забывать о том вкладе, который внесла наша разведывательная авиация, добывавшая необходимые сведения о дислокации противника и непрерывно следившая за его подводными лодками и торпедными катерами. Немалые усилия приложили наши бомбардировщики, наносившие удары по войскам и коммуникациям противника.

Боевыми действиями частей английских ВВС, обеспечивавших эвакуацию союзных войск из Дюнкерка, руководил командующий экспедиционными ВВС вице-маршал авиации Блаунт из тылового эшелона штаба в Хаукиндже. Штаб экспедиционных войск и военное министерство предъявляли большие запросы на оказание авиационной поддержки наземным войскам. В то же время они давали Блаунту самую незначительную информацию о положении своих войск и войск противника. При выполнении многочисленных боевых задач, за исключением воздушной разведки, Блаунт зависел целиком и полностью от всех боевых командований английских ВВС, выделявших по его просьбе необходимое количество самолетов для выполнения этих задач. К счастью, Портал, Даунинг и Боухилл отлично понимали всю серьезность создавшейся для союзных войск обстановки в Дюнкерке. У наших солдат и матросов, благополучно возвратившихся домой после всех испытаний и ужасов Дюнкерка, на устах был лишь один вопрос: «А где же были наши военно-воздушные силы?» Недовольство и критика наших военно-воздушных сил личным составом армии и флота приняла столь большие размеры, что вновь назначенный начальник Имперского генерального штаба Дилл в какой-то степени поддался таким настроениям и не указал ко-

мандующим родами войск английских вооруженных сил, что военно-воздушные силы в ходе эвакуации наших войск из Дюнкерка действовали успешно. Недовольство действиями нашей авиации со стороны личного состава армии и флота было необоснованным, но тем не менее вполне понятным. Солдаты английских экспедиционных войск, естественно, не были в курсе всей оперативной и стратегической обстановки, сложившейся в Европе, и, несомненно, находились под впечатлением исключительно тяжелого морального и физического потрясения, вызванного тем фактом, что они оказались выброшенными из Франции всего лишь через три недели после начала кампании. Сознавая, что они хорошо дрались и ни в чем не уступали войскам противника, наши солдаты во всем винили малодушных французов и наши военно-воздушные силы. Солдаты не учитывали того факта, что немецкие ВВС были значительно сильнее наших ВВС и поэтому наземные войска неизбежно подвергались бомбардировкам со стороны неприятельской авиации.

Была еще одна причина, почему наши солдаты и матросы выражали недовольство действиями военно-воздушных сил. В 1940 году большинство личного состава не могло отличить в воздухе свои самолеты от самолетов противника. Подвергаясь частым налетам авиации противника, наши солдаты и матросы считали, что все самолеты, находящиеся в воздухе, являются немецкими. Особенно плохо разбирались в этом моряки. Артиллерийские расчеты кораблей открывали огонь по самолетам, часто даже не установив их принадлежности. В этой связи стоит упомянуть, что даже в 1944 году, спустя четыре года после событий в Дюнкерке, когда немецкие самолеты очень редко осмеливались появляться в воздухе и когда сотни наших самолетов с крупными опознавательными полосами черного и белого цвета, нанесенными на фюзеляж и плоскости, летели к побережью Нормандии во время высадки союзных войск, часто наши корабли открывали по ним зенитный огонь.

Значительно труднее понять недовольство боевыми действиями военно-воздушных сил со стороны некоторых

высокоответственных лиц, и в частности адмирала Рамсея, руководившего эвакуацией войск из Дюнкерка. В своих донесениях Адмиралтейству Рамсей указывал, что английские ВВС в ходе эвакуации часто действовали не там, где это было необходимо, или не в то время, или же выделяли недостаточное количество сил для борьбы с авиацией противника.

Отрицая подобные заявления, командование английских ВВС указывало, что наша истребительная авиация добилась больших успехов в борьбе с бомбардировочной авиацией противника в ходе эвакуации союзных войск из Дюнкерка. Высокую оценку нашей авиации при проведении операции «Динамо» дал премьер-министр Великобритании. Кроме прикрытия войск с воздуха в районе Дюнкерка, значительное количество вылетов истребителей было произведено для сопровождения бомбардировщиков. Около 30 самолето-вылетов в день производилось в целях ведения воздушной разведки. Большие усилия английские ВВС прилагали для оказания непосредственной и косвенной поддержки войскам в период их эвакуации из Дюнкерка. Ежедневно выделялось не менее 50 бомбардировщиков «Бленхейм» для действий по немецким войскам, наступавшим на Дюнкерк. Такое же количество тяжелых бомбардировщиков из состава Бомбардировочного командования выделялось каждую ночь для действий по коммуникациям, ведущим в район Дюнкерка, и значительно большее количество бомбардировщиков направлялось для нанесения ударов по тыловым коммуникациям противника.

Во время эвакуации союзных войск из Дюнкерка численное превосходство в истребителях почти все время было на стороне противника. Вице-маршал авиации Парк, командир 11-й истребительной авиагруппы, на которую была возложена задача по прикрытию наших войск с воздуха, имел в своем распоряжении в среднем около 200 исправных самолетов. С таким количеством самолетов он должен был расстроить силы и сорвать планы немецкой авиации, значительно превосходившей по численности наши военно-воздушные силы. А ведь именно

немецким ВВС, а не немецкой армии Гитлер поставил задачу сорвать эвакуацию союзных войск из Дюнкерка. Недостаток сил был, однако, не единственным затруднением в боевой работе наших истребителей. Район, выделенный для прикрытия, находился на удалении 85—100 километров от наших ближайших аэродромов. Действуя вне радиуса действия средств противовоздушной обороны, расположенных в метрополии, и не получая достаточной информации о противнике, наши истребители были вынуждены применять метод непрерывного патрулирования в воздухе, характеризующийся большим расходом сил.

Вечер 26 мая, когда началась эвакуация, прошел спокойно. Однако на следующий день наземные войска и авиация противника развили исключительно высокую активность и нанесли нам большой ущерб, грозивший сорвать всю операцию по эвакуации. Рано утром французские войска, находившиеся западнее Дюнкерка, под натиском противника были вынуждены отойти на рубеж, расположенный всего в 8 километрах от Дюнкерка. Вследствие того что город и подходы с моря в порт оказались теперь под обстрелом немецкой артиллерии, наши корабли вынуждены были подходить к Дюнкерку окружным, более длинным путем с востока, в связи с чем соответственно сократилось количество рейсов, которые могли сделать эти корабли. Теперь немецкое командование сосредоточило основной удар своей авиации и артиллерии по городу и порту, в результате чего английские войска пришлось вывести из города, а эвакуацию было приказано проводить только с побережья.

Конечно, английские ВВС не могли воспрепятствовать разрушению Дюнкерка, поскольку превосходство в силах и инициатива были на стороне немцев. Кроме того, задача английских истребителей была осложнена требованиями военного министерства организовать воздушное прикрытие и сбрасывать предметы снабжения героическим защитникам Кале, так как тогда еще не знали, что гарнизон Кале капитулировал накануне вечером. Адмиралтейство тем временем требовало от военно-воздушных сил организации непрерывного прикрытия Дюнкерка в

течение всего светлого времени. Имея в своем распоряжении только 16 истребительных эскадрилий, Парк мог добиться непрерывности прикрытия только за счет уменьшения наряда самолетов. Даже когда он узнал о капитуляции Кале, он все равно не мог одновременно высылать для непрерывного прикрытия Дюнкерка более одной истребительной эскадрильи. Поэтому 27 мая, несмотря на то что наши истребители непрерывно находились над Дюнкерком, в воздухе было больше немецких истребителей.

Следующий день принес надежды на более успешное продолжение эвакуации. Эти надежды появились благодаря ухудшившейся погоде и завесе черного дыма от горевших нефтехранилищ, затянувшей весь город. Наибольшая угроза для операции в этот день заключалась не в налетах немецкой авиации, а в беспорядках, царивших на побережье, где производилась эвакуация. Военные корабли и транспорты не могли подойти к берегу, а небольших судов, на которых производилась переброска войск с побережья на корабли, было слишком мало. Хотя район, подлежащий прикрытию с воздуха, теперь несколько сократился, командование не могло еще выделять для непрерывного патрулирования в воздухе более двух истребительных эскадрилий. Утром 28 мая немецкая авиация произвела на район Дюнкерка несколько массированных налетов. Во второй половине дня погода окончательно испортилась, и немецкие самолеты больше не появлялись. Несмотря на то что в этот день было потоплено шесть наших кораблей, эвакуация проводилась несколько организованнее.

Начиная с 29 мая над районом Дюнкерка в течение одиннадцати часов светлого времени в воздухе одновременно находилось до четырех наших истребительных эскадрилий, а в течение остальных шести часов светлого времени несколько патрульных самолетов из состава Берегового командования. Во второй половине дня немецкая авиация произвела пять массированных налетов на наши корабли. Нашим истребителям удалось отразить три налета авиации противника; в двух случаях немецкие самолеты произвели налеты в тот момент, когда в воздухе не было истребителей. Ущерб, причиненный

бомбардировкой, опять был весьма значительным. Были потоплены восемь кораблей, порт вновь оказался блокированным. Что касается войск, находившихся на побережье, то в этот день они понесли небольшие потери, так как были хорошо прикрыты своей авиацией.

Решающим фактором, способствовавшим успешной эвакуации в течение 30 мая, несомненно, была погода. Из перехваченных радиogramм противника нам было известно, что 300 немецких бомбардировщиков и значительное количество истребителей находились в готовности для налета на наши корабли в районе Дюнкерка. Сплошная низкая облачность, стоявшая в течение первой половины дня, сорвала этот массированный налет немецкой авиации. Во второй половине дня погода несколько улучшилась, но небольшие по силе периодические налеты немецкой авиации лишь незначительно помешали эвакуации. Ускорить эвакуацию в этот день помогло прибытие небольших судов и лодок, предназначенных для переброски войск с побережья на корабли.

31 мая стояла безоблачная погода, и самолеты противника произвели несколько мощных налетов на наши корабли, но почти все атаки вражеской авиации были отбиты нашими истребителями. В этот день был потоплен только один корабль. Эвакуация шла успешно, но для завершения ее требовалось еще несколько дней, так как было принято дополнительное решение об эвакуации французских войск.

Утром первого июня в условиях хорошей погоды около 40 немецких бомбардировщиков «Юнкерс-87» произвели налет на наши корабли. В этот момент патрулировавшие истребители, израсходовав горючее, взяли курс на свой аэродром, а сменившая их группа истребителей еще не появилась над Дюнкерком. Вскоре другая группа немецких бомбардировщиков произвела повторный налет на наши корабли, опять используя тот момент, когда происходила смена наших истребителей. Во время этих двух налетов немецкая авиация потопила 10 кораблей, в том числе три эскадренных миноносца, и нанесла серьезные повреждения еще нескольким кораблям. Теперь артиллерия

противника могла обстреливать все подходы с моря к Дюнкерку, и вице-адмирал Рамсей приказал проводить эвакуацию только в ночное время. С одной стороны, это решение отодвигало срок окончания эвакуации, но с другой — давало возможность сосредоточить большие силы нашей истребительной авиации над районом эвакуации в течение двух наиболее критических периодов суток: во время вечерних сумерек и на рассвете, когда корабли прибывали и уходили из Дюнкерка. Около 8 часов утра, когда корабли с войсками уже отошли от Дюнкерка, появилось приблизительно 120 немецких самолетов. Наши истребители вступили с ними в бой и, несмотря на численное превосходство противника, нанесли ему большие потери. В этот день мы не потеряли ни одного корабля, и к полуночи все английские войска были эвакуированы из Дюнкерка. В течение последующих двух ночей продолжалась эвакуация французских войск. Утром 4 июня в районе Дюнкерка оставалось 20 000 — 30 000 человек, однако французские войска не имели боеприпасов, противник же на всем фронте подходил к морю и угрожал захватить Дюнкерк. Отправив утренние конвои, французское командование признало дальнейшее сопротивление бесполезным, и во второй половине дня 4 июня операция «Динамо» была прекращена.

Некоторые современные историки отрицают активное участие английских ВВС в ходе эвакуации союзных войск из Дюнкерка. Однако следует признать, что в этой операции наша авиация действовала исключительно активно. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что за девять дней эвакуации английские бомбардировщики произвели 651 самолето-вылет, разведчики 171 и истребители 2739 самолето-вылетов, непосредственно связанных с эвакуацией из Дюнкерка, не говоря уже о боевых вылетах, которые они совершили в эти дни, выполняя другие задачи.

26 мая 1940 года около 340 000 англичан и французов, сосредоточенных в районе Дюнкерка, почти не имели никаких шансов на спасение, но благодаря колоссаль-

ному напряжению и смелости английских моряков и летчиков они были спасены¹.

После эвакуации союзных войск из Дюнкерка началась битва за Францию. Хотя едва ли слово «битва» соответствует действительности. Если в начале кампании 134 союзные дивизии не могли остановить противника, то оставшиеся 63 дивизии едва ли смогли добиться успеха. В период короткой передышки, наступившей после сражения у Дюнкерка, немцы произвели перегруппировку сил для дальнейшего наступления в южном направлении. Французское командование в спешном порядке отвело в тыл все части с Линии Мажино. Цель этого маневра заключалась не только в том, чтобы сдерживать противника на рубеже, проходящем вдоль рек Эна и Сомма, но и в том, чтобы создать, правда с некоторым опозданием, крупную ударную группировку. Однако, несмотря на это, французские войска, расположенные на рубеже рек Эна и Сомма, не представляли для противника серьезной преграды из-за малочисленности и большой рассредоточенности по фронту.

Поэтому, когда 5 июня немцы начали новое наступление, они без особого труда прорвали линию обороны французов на всех участках фронта. К вечеру 5 июня правый фланг немецких войск находился на реке Сомма, а на левом фланге к 7 июня немцы форсировали реку Эна. 10 июня немецкие войска форсировали реки Марна и Сена. 11 июня во Французских Альпах появились итальянские войска². 14 июня немецкие части, форсировавшие Марну, повернули на восток с целью овладеть Линией Мажино с тыла. 15 июня немцы прорвали с фронта Линию Мажино, разъединив французские армии, в результате

¹ Авторы допускают неточность. Из Дюнкерка были эвакуированы войска численностью 239 500 человек, остальные 98 500 человек эвакуированы с других участков побережья. По официальным данным, англичане оставили в Дюнкерке 2400 орудий, 700 танков, 130 000 автомашин. При этом немцы потопили 226 английских и 17 французских кораблей и судов. — *Прим. ред.*

² Италия объявила войну Англии и Франции 10 июня 1940 года. — *Прим. ред.*

чего организованное сопротивление французов фактически прекратилось.

После эвакуации английских войск из Дюнкерка английские тяжелые бомбардировщики возобновили налеты на нефтеперерабатывающие заводы Германии. С 8 июня основные усилия тяжелобомбардировочной авиации были снова сосредоточены по коммуникациям противника в Северной Франции. Средние бомбардировщики «Бленхейм» продолжали наносить удары по немецким войскам, особенно по группировке, продвигающейся к реке Сена; бомбардировщики «Бэтл» из состава английских передовых ударных ВВС днем действовали по наступающим войскам, а ночью по коммуникациям противника. Самолеты Истребительного командования в течение нескольких дней прикрывали английские войска, оставшиеся на побережье Франции, включая 51-ю дивизию, стойко сражавшуюся у Сен-Валери. Одновременно прикрывалась с воздуха эвакуация английских войск из Гавра.

В эти тяжелые дни английские ВВС прилагали все усилия, чтобы предотвратить надвигающуюся на Францию катастрофу. Только в одной просьбе французского командования Военный кабинет вынужден был отказать — направить во Францию дополнительное количество английских истребителей. За три с половиной недели, с 10 мая и по последний день эвакуации союзных войск из Дюнкерка, мы потеряли 432 истребителя «Харрикейн» и «Спитфайр». Несомненно, столь быстрое уменьшение численности самолетного парка нашей истребительной авиации не могло дальше продолжаться. Наши истребители еще могли проводить боевые полеты над Францией; что же касается перебазирования истребительных эскадрилий во Францию, то об этом не могло быть и речи.

13 июня находившийся во Франции Черчилль узнал, что генерал Вейган добивается заключения перемирия с немцами и что даже Рейно, который в свое время заверял, что никогда не пойдет на этот шаг, собирался начать отдельные переговоры с Гитлером. 16 июня на пост премьер-министра был назначен Пэтэн, который сразу же начал вести с немцами переговоры о капитуляции Франции.

В этих условиях ничего другого не оставалось, как перебазировать наши самолеты во Франции к западному побережью на аэродромы в районах Анже, Сомюра, Ренна и Нанта. Эти аэродромы были сильно перегружены, так как по мере продвижения противника все дальше на запад Франции в распоряжении французских ВВС осталось лишь небольшое количество аэродромов. Базирование на таких аэродромах было связано с постоянной угрозой уничтожения самолетов на земле. Учитывая, что наши бомбардировщики могли теперь с одинаковым успехом действовать и с аэродромов метрополии, Баррат 15 июня отдал приказ о перебазировании подчиненных ему бомбардировочных эскадрилий в Англию. Во второй половине дня уцелевшие бомбардировщики «Бэтл» приземлились на английском аэродроме Абингдон.

Несмотря на недостаточно плотное прикрытие с воздуха, эвакуация английских войск в целом прошла успешно. Немецкая авиация днем производила бомбардировочные налеты, а ночью занималась постановкой мин. 17 июня самолеты противника потопили судно «Ланкастрия», находившееся на внешнем рейде Сен-Назера. На борту судна находилось 5000 английских солдат и офицеров.

К полудню 18 июня эвакуация английских войск была полностью завершена, и истребители, большинство из которых накануне сделали по шесть самолето-вылетов, также перебазировались в Англию.

Боевые действия английских ВВС не смогли оказать существенное влияние на ход немецкого наступления во Франции. Лучших результатов английская авиация добилась под Дюнкерком, где крупные силы самолетов были сосредоточены в ограниченном районе. В первые дни кампании наши бомбардировщики «Бэтл» и «Бленхейм» несколько замедлили темпы продвижения наземных войск противника, но это было достигнуто ценой больших потерь. Бомбардировщики «Веллингтон», «Хэмпден» и «Уитли», действовавшие ночью, не достигли успеха из-за неправильного боевого использования тяжелобомбардировочной авиации. Эти самолеты совершали лишь беспокоящие налеты и не могли сдержать

продвижение немцев. Ценная информация была получена от разведывательных самолетов, особенно от высотных разведчиков «Спитфайр»¹. Эффективнее всех действовала наша истребительная авиация. Всего в этой кампании противник потерял 1284 самолета. Какое количество сбитых немецких самолетов приходится на долю английских ВВС и сколько приходится на долю ВВС и ПВО наших союзников, выяснить не удалось. Однако несомненно, что значительное количество немецких самолетов было сбито самолетами английских ВВС, и особенно истребителями экспедиционных ВВС.

Количество английских самолетов, участвовавших в первом большом сражении в Европе, было незначительным по сравнению с тем количеством нашей авиации, которая позднее наносила удары по противнику в Африке, Италии, Франции, Германии — везде, где бы он ни появлялся.

В этой кампании мы не допустили грубых ошибок в вопросах боевого применения наших ВВС, вернее, если такие ошибки и были, мы сразу же их исправляли. Например, через несколько дней после начала войны мы запретили бомбардировщикам «Бэтл» проведение атак с малой высоты, так как они несли большие потери, а полеты бомбардировщиков «Бленхейм» стали проводиться под прикрытием значительного числа истребителей. Своевременно были устранены недостатки в организационной структуре наших ВВС. Мы поступили совершенно правильно, используя нашу основную стратегическую ударную силу — тяжелобомбардировочную авиацию только в ночных полетах, благодаря чему ее потери были весьма незначительными — не более двух процентов от общего количества самолето-вылетов. Несмотря на настойчивые требования наших союзников перебросить дополнительное количество истребительных эскадрилий на европейский континент, нам удалось удержать в метрополии ос-

¹ Для ведения разведки с высот 10 000—12 000 метров англичане с 1940 года использовали самолеты «Спитфайр», на которых устанавливались длиннофокусные фотоаппараты, а все вооружение было снято. — *Прим. ред.*

новые силы Истребительного командования, которому приходилось выполнять исключительно сложные задачи.

За май и июнь 1940 года английские ВВС потеряли 959 самолетов, в том числе 477 истребителей. Английские передовые ударные ВВС во Франции потеряли 229 самолетов, английские экспедиционные ВВС — 279, Истребительное командование — 219, Бомбардировочное командование — 166 и Береговое командование — 66 самолетов. Однако, несмотря на огромные жертвы и героизм экипажей английских ВВС, нам не удалось предотвратить катастрофу во Франции. И все же жертвы и усилия были не напрасными. Наши ВВС причинили противнику тяжелый урон, обеспечили успешную эвакуацию английских экспедиционных сил из Европы и, пройдя суровую школу в многочисленных боях, накопили большой боевой опыт. Английские ВВС успешно выдержали первое боевое испытание и вышли из него достаточно сильными для того, чтобы бороться и победить в решающем сражении войны.

Глава V

БИТВА НАД АНГЛИЕЙ

«**С**ражение, которое генерал Вейган назвал битвой за Францию, закончилось. Теперь должна начаться битва за Англию... Противник вскоре должен обрушить на нас всю мощь своего оружия. Гитлер знает, что ему придется либо разгромить нас на Британских островах, либо проиграть войну. Если мы сумеем выстоять в этой борьбе, вся Европа может стать свободной, и тогда во всем мире наступят радостные, солнечные дни. Но если мы не сумеем выстоять, тогда весь мир, включая Соединенные Штаты, окажется погруженным во мрак. Поэтому давайте приложим все наши усилия и постараемся так выполнить свой долг перед людьми, чтобы они через тысячу лет, если столько времени просуществует Британская империя и ее содружество наций, сказали: "Это был их самый славный час"».

Призыв премьер-министра Англии нашел широкий отклик среди населения страны. Он вдохновил всех занятых в военной промышленности. Утомленные рабочие и

служащие после работы находили время заниматься военной подготовкой в добровольных частях местной противовоздушной обороны. Все южное побережье Англии покрылось бетонными надолбами и рядами колючей проволоки. Зеленые склоны древних холмов были изрезаны многочисленными траншеями. Дороги блокировались наспех сооруженными заграждениями.

Оккупация немцами Франции и Бельгии выдвинула перед командованием английских ВВС ряд новых проблем. Помимо сильно возросшей угрозы нападения на наши морские конвои и нависшей опасности вторжения немцев на Британские острова приходилось учитывать и тот неприятный факт, что самые крупные в мире военно-воздушные силы могли теперь за один час долететь до самой крупной в мире цели¹. Кроме того, авиация противника могла легко обойти фланги нашей противовоздушной обороны. Радиолокационное прикрытие вдоль побережья Англии было создано с учетом вероятных налетов авиации противника с аэродромов, расположенных в Германии и Нидерландах. Конечно, такое прикрытие было недостаточным из-за возможности налетов авиации противника с любой точки европейского побережья от Арктики до Пиренеев.

Прежде всего необходимо было разрешить две чрезвычайно важные задачи: охватить системой ПВО слабо защищенные северную и южную части страны и максимально увеличить численность самолетного парка Истребительного командования. К счастью, планы противовоздушной обороны северных и южных районов страны уже были утверждены и претворялись в жизнь. В начале июня западнее Мидл-Уоллопа базировалась только одна истребительная эскадрилья, а через два месяца в этом районе базировались уже семь эскадрилий. Во время эвакуации английских войск из Дюнкерка в Англии имелись только три истребительные авиагруппы (11, 12 и 13-я), а

¹ Авторы имеют в виду Лондон, имевший в 1938 году население 8 700 000 человек, включая пригороды. — *Прим. ред.*

к началу битвы над Англией, кроме этих авиагрупп, была создана и находилась в полной боевой готовности 10-я авиагруппа, базировавшаяся на аэродромы, расположенные в Юго-Западной Англии и Северной Шотландии. Увеличение истребительных эскадрилий сопровождалось увеличением количества радиолокационных станций и наблюдательных постов служб ВНОС.

Проблема увеличения численности самолетного парка английских ВВС была в то время самой важной. Скорейшее ее разрешение требовало проведения в жизнь некоторых организационных мероприятий, в частности создания министерства авиационной промышленности.

14 мая 1940 года научно-исследовательское и производственное управления министерства авиации отделились от него и образовали министерство авиационной промышленности, во главе которого стал лорд Бивербрук.

Чтобы оценить работу, проделанную министерством, можно в качестве примера привести данные запланированного и фактического выпуска самолетов в Англии за три месяца до создания министерства авиационной промышленности и за три месяца после создания министерства.

1940 год, месяц	Запланированное кол-во выпуска всех типов самолетов	Фактический выпуск самолетов	Запланированное кол-во выпуска истребителей	Фактический выпуск истребителей
Февраль	1001	719	171	141
Март	1137	860	203	177
Апрель	1256	1081	231	256
Май	1244	1279	261	325
Июнь	1320	1591	292	446
Июль	1481	1665	329	496
Август	1310	1601	282	476

Превосходные результаты, достигнутые в июне, июле и августе, несомненно, являлись заслугой всех работников авиационной промышленности. Следует отметить, что Бивербрук проявил исключительные организаторские способности и решительность. Смертельная опасность, нависшая над Англией в мае 1940 года, требовала принятия самых безотлагательных мер. Учитывая эту опасность, Бивербрук сумел добиться безусловной первоочередности производства самолетов по сравнению с производством всех других видов вооружения. Следует сказать, что Бивербруку помог «дюнкерский дух» — огромное самопожертвование, которое охватило рабочих авиационной промышленности, не жалевших сил для выполнения намеченной программы выпуска самолетов.

Кроме того, английским ВВС и министерству авиационной промышленности в некотором отношении явно повезло. Хотя Гитлер, безусловно, мог бросить значительную часть, если не всю свою бомбардировочную авиацию против Англии сразу же после падения Франции, он предпочел переждать с воздушным наступлением на Англию не только до того времени, когда немецкие ВВС перебазировались на французские, бельгийские и датские аэродромы, с которых они смогли бы нанести наиболее эффективный удар, но и до того момента, когда англичане после нескольких недель передышки придут к заключению о необходимости сложить оружие. Время шло, однако англичане не выражали никакого желания капитулировать. Неужели упрямые британцы рассчитывали на вмешательство в войну Америки или даже России? Гитлер не знал, что вопрос продолжать войну или капитулировать был по существу уже решен в самое тяжелое для нас время, когда казалось, что за поражением Франции неизбежно последует гибель всех английских экспедиционных войск. 25 мая Комитет начальников штабов английских вооруженных сил, разрабатывая план действий на случай капитуляции Франции, на основании информации, полученной от министерства экономической войны, пришел к заключению, что при условии тесного экономического и финансового

сотрудничества с панамериканскими странами у нас имеются все возможности вызвать расстройство германской экономики в середине 1941 года.

Гитлер, естественно, не знал об этом и до середины июля серьезно не ставил вопроса о вторжении в Англию, хотя в качестве меры предосторожности он несколько раньше приказал начать подготовку к вторжению в Англию. Когда Англия отклонила официальное предложение Германии от 19 июля о заключении перемирия, то Гитлеру стало ясно, что англичане не намерены сдаваться без борьбы. За три дня до этого он отдал приказ о вторжении в Англию. Однако, учитывая уровень подготовки немецких вооруженных сил, эта операция вряд ли могла начаться раньше середины сентября.

По замыслу Гитлера, операция вторжения, получившая условное наименование «Морской лев», была тесно связана с активными действиями немецкой авиации. За шесть недель до вторжения немецкие ВВС должны были начать крупное воздушное наступление на Англию, в первую очередь против английских ВВС. Первые две недели этого наступления должны были определить, можно ли практически осуществить переброску немецкой армии через Ла-Манш. Планировалось, что до конца первой недели августа немецкая авиация будет заниматься разведкой и «зондированием прочности» нашей обороны, расстройством нашего судоходства и накоплением сил для нанесения решающего удара. Немцы были полностью уверены в успешном исходе операции. 11 июля генерал Штапф докладывал начальнику Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Гальдеру: «Военно-воздушные силы противника будут наголову разбиты за две или четыре недели».

Решение немцев отложить на конец лета проведение крупных воздушных операций против английских ВВС было исключительно выгодно для Бивербрука и других лиц, работавших над устранением недостатков в системе нашей обороны. Со времени Дюнкерка и до начала битвы над Англией мы получили драгоценную двухмесячную передышку, в течение которой нам удалось избежать на-

прасной потери большого количества истребителей, которые все это время не прекращали выполнять боевые задачи. За эти два месяца мы смогли восполнить тяжелые потери, понесенные нашими военно-воздушными силами в битве за Францию, и создать довольно большой резерв самолетов для предстоящих напряженных боев.

При определенных обстоятельствах можно значительно ускорить производство самолетов. Гораздо труднее ускорить подготовку квалифицированного летного состава. Суровая зима 1939/40 года оказалась исключительно неблагоприятной для проведения летной подготовки. Строевые авиационные части были вынуждены пополняться летным составом за счет учебно-тренировочных частей; кроме того, в ходе боев во Франции и Нидерландах мы потеряли около 300 летчиков-истребителей. Несмотря на то что в истребительную авиацию были своевременно переведены 58 летчиков из состава военно-морской авиации, мы все же не могли в одно и то же время полностью укомплектовать летным составом уже имевшиеся истребительные эскадрильи и сформировать новые. Со временем нам удалось это сделать, но с конца июля и до конца сентября Истребительному командованию было передано дополнительно только пять истребительных эскадрилий.

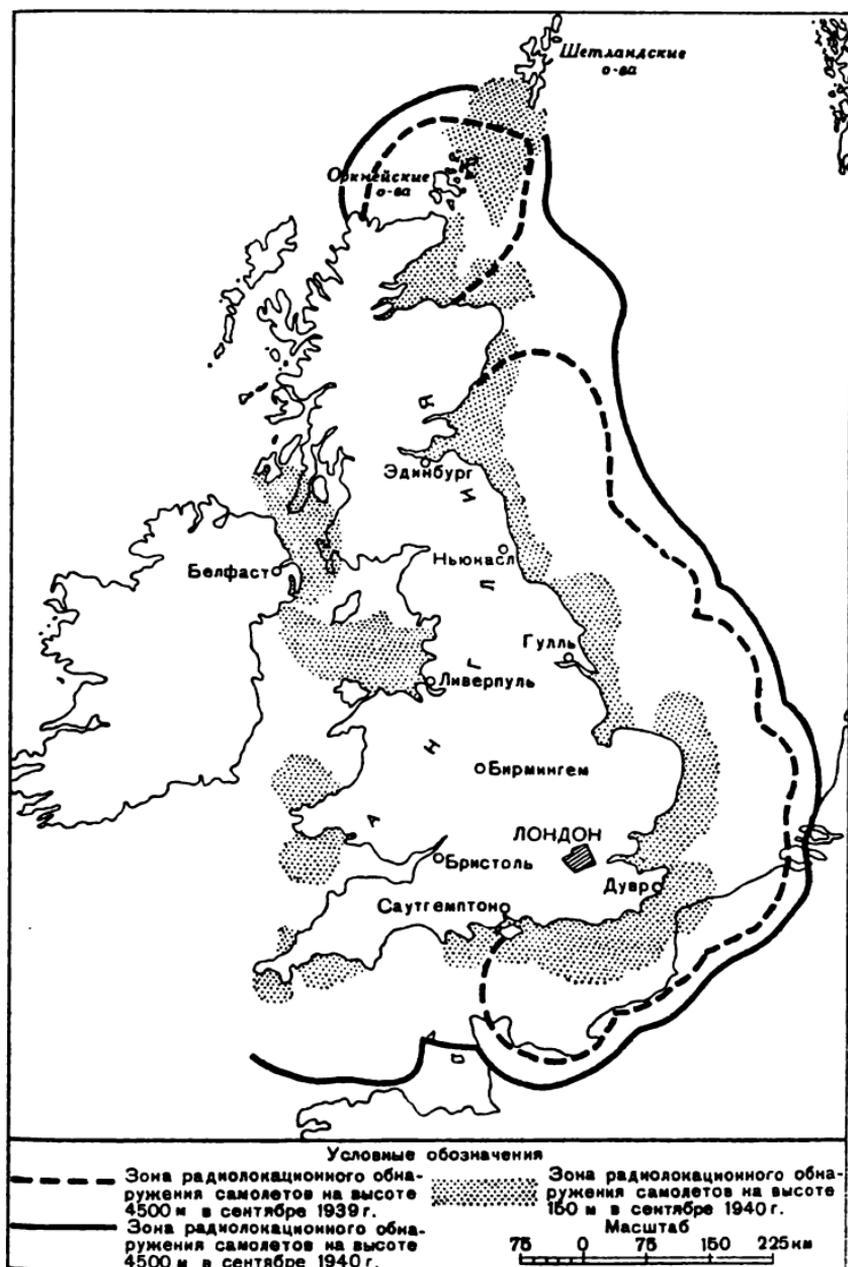
К середине августа, когда началась битва над Англией, общее количество эскадрилий Истребительного командования лишь немногим превышало количество эскадрилий, которое у нас было к концу эвакуации английских войск из Дюнкерка. Однако качественное состояние самолетного парка Истребительного командования за этот период значительно улучшилось. Если на 4 июня в составе Истребительного командования было 446 исправных самолетов, из которых 331 составляли «Харрикейны» и «Спитфайры», то на 11 августа в составе командования было уже 704 исправных самолета, из них 620 истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр». Численность самолетного парка фронтовых соединений за эти два месяца увеличилась почти вдвое. Значительно возрос резервный самолетный парк Истребительного командования. На

4 июня в резервных складах ВВС было только 36 истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр», а на 11 августа уже 289 истребителей.

Таким образом, силы нашей истребительной авиации за эти два месяца были восстановлены, укреплены и значительно расширены. Когда командование английских ВВС проанализировало причины нашего поражения во Франции, оно пришло к выводу, что численность Истребительного командования английских ВВС, насчитывавшего в то время 60 эскадрилий, должна быть увеличена по крайней мере вдвое. В связи с тем что такую численность или даже близкую к ней в ближайшем будущем создать было невозможно, вывод штаба ВВС имел лишь теоретическое значение. Еще более серьезную тревогу вызывало недостаточное количество как тяжелых, так и легких зенитных орудий. Еще до войны Комитет начальников штабов вооруженных сил Англии рекомендовал довести численность зенитной артиллерии до 4000 орудий. По более поздним расчетам, потребность в зенитной артиллерии исчислялась в количестве свыше 8000 орудий. Фактически же на вооружении зенитно-артиллерийских частей командования противовоздушной обороны к началу августа 1940 года состояло менее 2000 орудий разных калибров. Учитывая же незначительный выпуск этого вида оружия (на протяжении всей второй половины 1940 года на вооружение войск противовоздушной обороны страны поступало в среднем только по 40 тяжелых орудий в месяц), мы не могли рассчитывать на быстрое разрешение этой проблемы. Наличное количество прожекторов и аэростатов заграждения было близко к запланированному, однако и оно еще далеко не соответствовало нашим потребностям.

В связи с тем что в ближайшем будущем нельзя было ожидать существенного увеличения численности зенитной артиллерии, Даунингу¹ приходилось искать другие пути, чтобы разрешить проблему зенитно-артиллерийского

¹ Главный маршал авиации Хью Даунинг был командующим Истребительным командованием с 14 июля 1936 года по 25 ноября 1940 года.

Зоны радиолокационного обнаружения
(сентябрь 1939 г. и сентябрь 1940 г.)

прикрытия Англии. Вместе с генералом Пайлом, командующим войсками противовоздушной обороны, который в оперативном отношении подчинялся Даудингу как командующему всей системой противовоздушной обороны Англии, он пересмотрел распределение имевшихся в наличии наземных средств активной и пассивной противовоздушной обороны. Во многих районах страны, включая Лондон, было уменьшено число орудий зенитно-артиллерийского прикрытия и не менее четверти всех тяжелых зенитных орудий сосредоточено для обороны объектов авиационной промышленности, от которой теперь, как никогда ранее, зависела наша способность к сопротивлению. Одновременно, насколько позволяли средства, Даудинг усилил оборону многих авиационных заводов за счет аэростатов заграждения.

Наконец, в отдельных случаях для обороны некоторых авиационных заводов были использованы парашютно-тросовые заграждения. Принцип работы этих установок заключался в следующем: к легким стальным тросам, снабженным парашютами, прикреплялись ракеты; при приближении самолетов противника ракеты запускались в воздух на высоту до 200 метров, парашюты раскрывались, и свисавшие с них тросы образовывали узкую, но смертельную полосу препятствий для самолетов.

Тем временем и немецкие ВВС готовились к решительным боевым действиям. В воздушном наступлении на Британские острова должны были принять участие три немецких воздушных флота, 2-й воздушный флот под командованием Кессельринга базировался на аэродромы в Голландии, Бельгии и Северо-Восточной Франции; 3-й воздушный флот под командованием Шперрле был сосредоточен в Северной и Северо-Западной Франции; 5-й воздушный флот, которым командовал Штумпф, базировался на аэродромы в Норвегии и Дании. Общая численность самолетного парка всех трех воздушных флотов составляла около 3500 самолетов. Если даже допустить, что только 75 процентов из них были в исправном состоянии, и то немцы могли выставить к началу наступления не менее 250 пикирующих бомбардиров-

щиков, 1000 бомбардировщиков дальнего действия и 1000 истребителей.

В течение последней недели июля оперативный отдел штаба немецких ВВС и оперативные отделы штабов воздушных флотов занимались разработкой и уточнением планов операции «Адлерангриф»¹. Согласно замыслу этой операции, английские ВВС должны быть уничтожены после нанесения по ним ряда массированных ударов. 2 августа командующие воздушными флотами получили последние указания. В случае благоприятной погоды воздушное наступление немецкой авиации должно было начаться 10 августа.

В период разработки планов и подготовки к операции «Адлерангриф» немцы выделили от пяти до десяти процентов боевого состава своих военно-воздушных сил для ведения боевых действий против Англии. Главными задачами немецкой авиации в подготовительный период операции была разведка наших аэродромов, пробные полеты над побережьем Англии, ночные тренировочные полеты и атаки наших кораблей и судов, находящихся в Ла-Манше.

Первые налеты немецкой авиации на Англию были произведены в ночь на 6 июня, когда около 30 самолетов атаковали аэродромы и другие объекты, расположенные на восточном побережье Англии. На следующую ночь такое же количество самолетов произвело повторный налет, затем до 17 июня наступило затишье. В это время Франция начала переговоры о перемирии. Но с момента капитуляции Франции² и до начала дневного воздушного наступления немецкая авиация производила налеты на Англию почти каждую ночь. В этих налетах принимали участие не более 60—70 бомбардировщиков, причем потери редко превышали один-два самолета.

¹ Условное наименование воздушного наступления немецких ВВС на Англию. — *Прим. ред.*

² Акт о капитуляции Франции был подписан представителями правительства Пэтэна в Компьенском лесу 22 июня 1940 года. Два дня спустя было заключено перемирие между Италией и Францией. — *Прим. ред.*

Вначале эти налеты причиняли большое беспокойство, даже несколько снизили выпуск продукции промышленных предприятий. Это происходило не в результате непосредственного ущерба, причиненного бомбардировками, а в результате частых и продолжительных воздушных тревог. Но, по мере того как мы свыкались с вероятностью падения бомб и все реже и реже объявлялись воздушные тревоги, ночные налеты немецкой авиации не оправдывали надежд, возлагаемых на них немецким командованием.

Действия противника над Ла-Маншем также не принесли ему большого успеха, но доставили много затруднений Истребительному командованию. Несмотря на то что большинство наших океанских конвоев к этому времени уже использовали маршруты западнее Ирландии, для немецких самолетов не было недостатка в целях в Ла-Манше, так как некоторые конвои все еще проходили через пролив. Тоннаж кораблей, потопленных немецкой авиацией в дневных налетах за один месяц до битвы над Англией, составил около 40 000 тонн. В эти дни самолеты Истребительного командования производили до 600 самолето-вылетов в день. В связи с тем что наши корабли эскортировались лишь небольшим количеством истребителей, а дополнительные силы, как правило, не успевали своевременно прийти на помощь конвоям до начала атак авиации противника, то в большинстве воздушных боев наши летчики оказывались в очень невыгодном положении. Очень часто наблюдалась такая картина: несколькими нашим истребителям «Спитфайр» и «Харрикейн» приходилось вести бои с сотней, а иногда и более многочисленной группой немецких самолетов. Об искусстве и доблести наших летчиков-истребителей, сражавшихся в таких трудных условиях, красноречиво свидетельствует тот факт, что с 10 июля по 10 августа они сбили 227 самолетов противника, в то время как свои потери составили 96 самолетов.

Воздушные бои над Ла-Маншем становились все напряженнее, и наши конвои стали применять буксируемые аэростаты заграждения. Были выставлены аэростаты и в Дувре. Немецкие летчики с увлечением начали

заниматься «спортом» — сбиванием аэростатов — и несли при этом столь большие потери, что Геринг поспешил отдать приказ о прекращении таких полетов.

Английские военно-воздушные силы помимо чисто оборонительных действий проводили и наступательные действия.

Но, для того чтобы действия нашей авиации были успешными, необходимо было выяснить намерения и планы противника. С этой задачей наша авиация успешно справилась. На вооружении наших разведывательных эскадрилий, входивших в состав Берегового командования, находились самолеты нового типа «Хадсон» и «Спитфайр», имевшие лучшие тактико-технические данные. Наши самолеты-разведчики производили регулярные полеты от Норвегии до Испании и фотографировали порты, захваченные противником на побережье Европы. Из всех опасных районов, где, возможно, проводилась подготовка к вторжению, только пункты в районе Балтийского моря были все еще вне досягаемости наших самолетов-разведчиков. Сначала в донесениях нашей воздушной разведки не было никаких данных, указывающих на подготовку противника к вторжению, но во второй неделе августа на фотоснимках можно было ясно различить небольшие скопления барж, что, несомненно, указывало на подготовку к вторжению.

В этот период активно действовали самолеты Бомбардировочного командования. Вначале главной задачей нашей бомбардировочной авиации являлось снижение потенциальной мощи налетов немецких самолетов на Англию. С этой целью бомбардировщики наносили ночные удары по объектам авиационной промышленности Германии, днем действовали по аэродромам противника на оккупированной им территории, по портам, нефтеперерабатывающим заводам и коммуникациям.

Штаб ВВС в то время не испытывал большого желания использовать бомбардировочную авиацию для действий по аэродромам противника. Немецкая авиация, наносившая удары по Англии, действовала более чем с 400 аэродромов. Мы не могли себе позволить совершать

интенсивные налеты на аэродромы противника, так как несли большие потери от немецких истребителей, которые действовали в то время весьма эффективно. Тем не менее обстановка требовала нанесения ударов по аэродромам, и наши бомбардировщики делали все возможное, чтобы выполнить эту задачу. Иногда такие налеты нашей авиации были успешными, но чаще всего эти усилия не оправдывали себя.

По мере приближения дня начала операции «Адлерангриф» немецкие ВВС стали активизировать свои действия в районе Ла-Манша. Нанося удары по коммуникациям в Ла-Манше и по портам, расположенным на юге Англии, противник стремился ослабить военно-морской флот и измотать силы истребительной авиации. 8 августа немецкие самолеты совершили серию налетов на наши конвои в районе Дувра и острова Уайт, в результате чего мы потеряли 20, а противник 28 самолетов. Неудивительно, что такая активность авиации противника показалась нам тогда началом битвы над Англией. На самом деле Геринг еще не начал авиационного наступления. К тому же плохая погода не позволила немцам начать операцию 10 августа. 11 августа немецкая авиация произвела налеты на Дувр, Портленд и на два конвоя. В упорных воздушных боях мы потеряли 32 самолета, противник потерял 35 самолетов. Однако только 12 августа немецкие ВВС начали воздушное наступление.

Сами немцы считают, что они начали битву над Англией 13 августа. Но налеты 13 августа существенно не отличались от атак предыдущего дня, поэтому днем начала битвы над Англией следует считать 12 августа, так как именно с этого дня авиация противника, не прекращая ударов по нашим коммуникациям и портам в районе Ла-Манша, начала систематически действовать по нашим аэродромам и радиолокационным станциям.

Боевые действия в течение 12 августа имели ряд особенностей, характерных и для последующих дней операции: во-первых, немецкие бомбардировщики прикрывались большим количеством истребителей; во-вторых, в этот день было проведено пять-шесть крупных налетов,

в которых участвовало несколько сотен самолетов; и в третьих, налеты немецкой авиации в одном районе, как правило, сопровождалась атаками или просто демонстративными полетами в другом районе, находящемся на значительном удалении от первого района. 12 августа были повреждены все пять радиолокационных станций, расположенных на побережье, выведен из строя аэродром Манстон и частично повреждены аэродромы Лимпне и Хоукиндж, однако на боеспособности английской системы противовоздушной обороны в целом это отразилось лишь в незначительной степени.

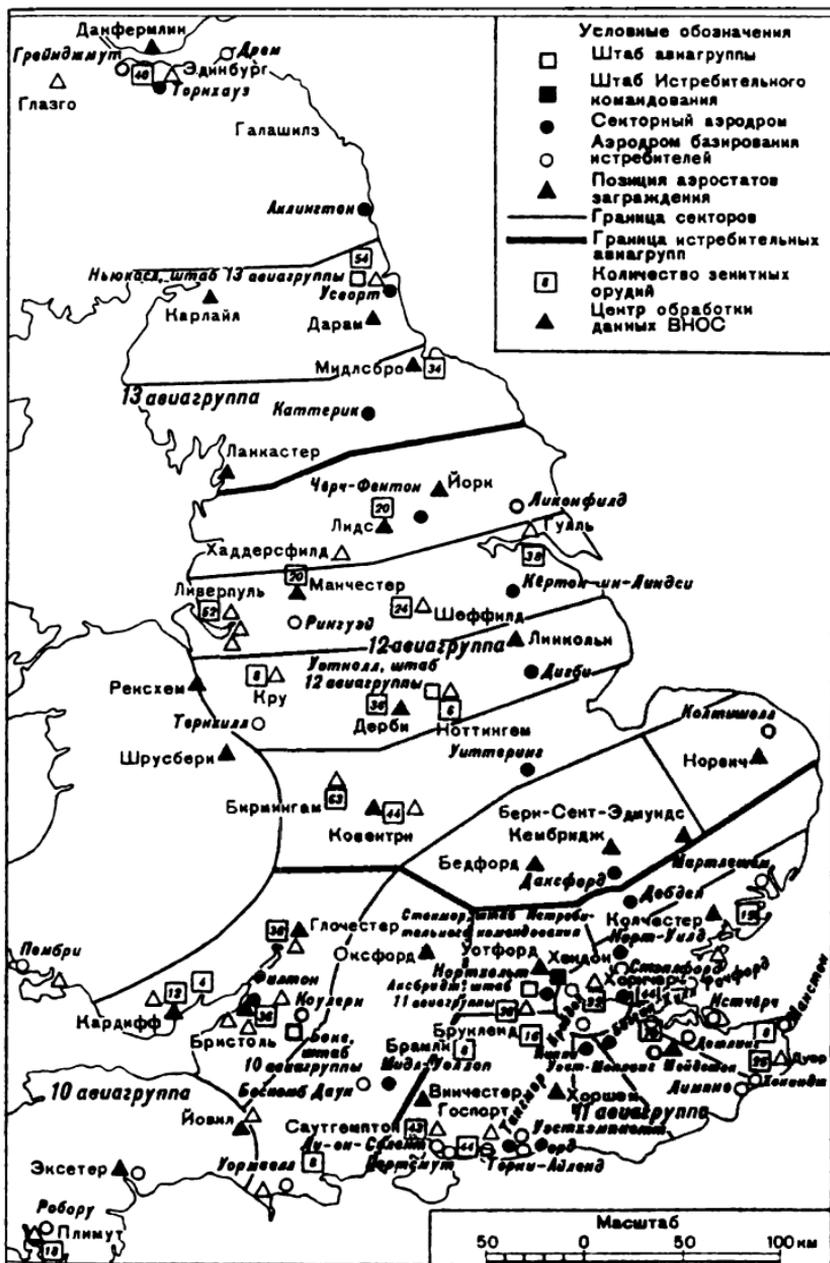
В результате напряженной работы личного состава поврежденные радиолокационные станции, за исключением станции на острове Уайт, к утру следующего дня снова могли выполнять боевые задачи. Более того, если нескольким небольшим группам самолетов противника и удалось незаметно проникнуть к объектам, то все крупные группы немецких самолетов были обнаружены и перехвачены нашей истребительной авиацией. Несмотря на численное превосходство противника, наши истребители сбили в этот день 36 самолетов противника, потеряв 22 своих самолета.

На следующий день немецкая авиация произвела три массированных налета на наши аэродромы, расположенные на юге и юго-востоке страны. Немцы пытались найти слабое место в нашей противовоздушной обороне и убедиться, способна ли истребительная авиация вести бой над Кентом и Эссексом, не ослабляя своего сопротивления над Сассексом и Хемпширом. В течение большей половины дня стояла облачная погода, благоприятствовавшая скорее противнику, чем нам. Немцы глубоко ошиблись, считая, что налетом 12 августа они сильно ослабили систему воздушного наблюдения, оповещения и связи. Наши радиолокаторы по-прежнему своевременно оповещали о приближении авиации противника к английским берегам, а наблюдательные посты корпуса воздушных наблюдателей внимательно следили за продвижением самолетов противника в глубь страны. Рассеянные нашими истребителями, немецкие бомбардировщики сбросили

несколько бомб на семь английских аэродромов. Серьезный ущерб был причинен лишь двум аэродромам Берегового командования в Истчерче и Детлинге. Три основные цели, которые должна была поразить немецкая авиация: аэродромы Одихем, Фарнборо и Рочфорд — совершенно не пострадали. И в этот день соотношение потерь было в нашу пользу: противник потерял 47, мы — 13 самолетов. Сообщая о результатах налетов немецкой авиации на английские аэродромы в период с 8 по 13 августа, Штапф доложил Гальдеру, что из числа основных английских аэродромов восемь были разрушены, а соотношение потерь немецкой и английской авиации составило один к трем для самолетов всех типов и один к пяти для истребителей в пользу немцев.

Преследуя главную цель — подорвать воздушную мощь Англии, немецкие ВВС с 13 августа стали проводить ночные налеты на авиационные заводы. В период с 14 по 23 августа немецкие бомбардировщики произвели восемь ночных налетов на авиационные заводы «Бристоль» в Филтоне, но лишь во время двух налетов бомбы попали в цель. За этот же период немецкие самолеты девять раз пытались бомбардировать авиационные заводы фирм «Вестланд», «Роллс-Ройс» и «Глостер», однако только два раза им удалось сбросить бомбы в радиусе до 8 километров от цели.

После ожесточенных воздушных боев 13 августа следующий день был более или менее спокойным. Утром 14 августа девять истребителей «Мессершмитт-110», имевших бомбовую нагрузку, совершили налет на аэродром Манстон, что было явным признаком того, что Геринг начал сомневаться в способности бомбардировщиков «Юнкерс-87» устоять против английских истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр». В полдень и вечером этого же дня небольшие группы и отдельные самолеты противника произвели налеты на наши аэродромы, расположенные на западном и северо-западном побережье Англии. Однако эти налеты не снизили активности действий нашей истребительной авиации. Противник потерял в этот день 19 самолетов, мы — 8 самолетов.

Противовоздушная оборона Англии (август 1940 г.)

Ночь на 15 августа прошла сравнительно спокойно. Но это было лишь затишье перед бурей. 15 августа разразилось самое ожесточенное воздушное сражение во всей битве над Англией. Немцы давно ожидали благоприятной погоды, чтобы обрушить на Англию объединенные усилия своих трех воздушных флотов. Согласно намеченному плану, части и соединения 2-го воздушного флота в этот день должны были атаковать избранные цели в Юго-Восточной Англии; самолеты 3-го воздушного флота должны были действовать по целям, находившимся в южной части страны, а 5-й воздушный флот должен был наносить удары по целям в Северо-Восточной Англии. Таким образом, вся английская истребительная авиация оказалась бы втянутой в сражение. Если бы Даундинг решил снять часть истребителей с севера для усиления обороны на юге страны, то от этого, несомненно, могли пострадать район графства Нортумберленд и аэродромы бомбардировочной авиации в Йоркшире.

Первый удар противник нанес по аэродромам в Юго-Восточной Англии. В 11:29 две группы немецких самолетов, насчитывавших в общей сложности около 60 пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87», летевшие в сопровождении 50 истребителей «Мессершмитт-109», пересекли побережье Англии между Дувром и Данджнессом; третья группа, в которую входили только истребители, была рассеяна и отогнана еще до того, как она достигла берегов Англии. Для отражения первого налета немецкой авиации в воздух были подняты 54-я и 501-я истребительные эскадрильи, которые своевременно успели перехватить самолеты противника. Из нескольких аэродромов, подвергшихся налетам, большие разрушения были причинены лишь малоиспользуемому аэродрому в Лимпне.

В то время, как над Ла-Маншем шли воздушные бои, противник наносил удары по объектам в северо-восточной части страны. Появление новой группы самолетов противника было зафиксировано в штабе 13-й авиагруппы в 12:08, когда самолеты находились в 160 километрах от берегов Англии, то есть почти за час до того, как они пересекли побережье между Блайтом и Аклингтоном. В воздух были подняты пять истребительных эскадрилий

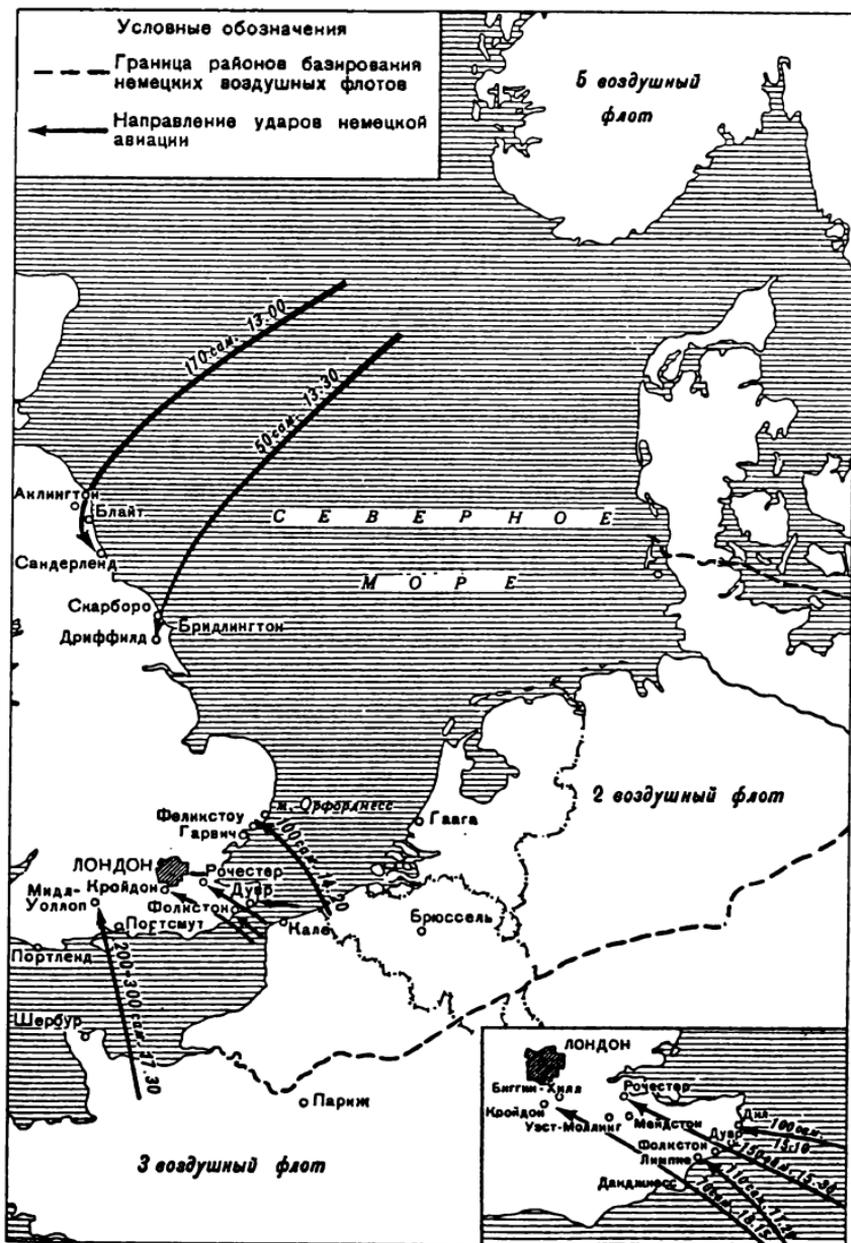
13-й авиагруппы. 72-я эскадрилья перехватила самолеты противника в 50 километрах за Фаркнейскими островами. Командир эскадрильи доложил, что силы противника насчитывали не около 30 самолетов, как указывалось в донесении радиолокационного поста, а около 100 бомбардировщиков «Хейнкель-111» и 70 истребителей «Мессершмитт-110». Несмотря на численное превосходство, эскадрилья, застигнув противника врасплох, вступила с ним в бой и, нанеся ему большие потери, расколола боевой порядок бомбардировщиков на две группы. Одна из этих групп, еще не долетев до побережья Англии, была сильно потрепана нашей 79-й истребительной эскадрильей. Истребители «Мессершмитт-110», дойдя до побережья, повернули обратно, так как им не хватало горючего и они не рискнули вступать в бой с нашими истребителями «Харрикейн» и «Спитфайр». И все же большинству немецких бомбардировщиков «Хейнкель-111» удалось пересечь побережье, и они вступили в бой с самолетами 41, 605 и 607-й истребительных эскадрилий; по немецким самолетам был открыт сильный огонь зенитной артиллерии. Налет немецкой авиации был сорван. Не пострадал ни один завод, ни один аэродром. Все, чем могли похвастаться экипажи немецких бомбардировщиков, — это разрушение 24 жилых домов в Сандерленде.

Тем временем еще одна группа немецких самолетов вылетела из Норвегии и взяла курс на Скарборо. Для отражения этой группы в воздух поднялись четыре истребительные эскадрильи. Несмотря на атаки наших истребителей, сбивших несколько самолетов противника, основным силам этой группы, насчитывавшим около 50 бомбардировщиков «Юнкерс-88», удалось пересечь побережье. Часть из них повернула на север, чтобы присоединиться к своим самолетам, действовавшим в районе реки Тиса и графства Нортумберленд, а остальные повернули на юг. Этой группе немецких бомбардировщиков удалось поразить лишь два военных объекта: склад боеприпасов около Бридлингтона и аэродром Дрифилд, на котором было уничтожено десять самолетов и причинены большие повреждения аэродромным зданиям и ангарам.

Бомбардировка аэродрома Дриффилд была единственным успехом, которого добился 5-й воздушный флот, а потери его оказались настолько тяжелыми, что в течение последующих недель битвы над Англией части и соединения этого флота больше не производили дневных налетов на северо-восточные районы Англии. Английская авиация при этом не потеряла ни одного самолета. Это является наглядной демонстрацией полного бессилия немецких бомбардировщиков перед системой английской противовоздушной обороны, когда им приходилось действовать днем без сопровождения своих истребителей.

К 14:20 воздушное сражение над северными районами страны закончилось. В это время противник начал наносить удары по Юго-Восточной Англии. После ряда отвлекающих маневров большая группа немецких самолетов пересекла побережье в районе Феликстоу, Гарвича и мыса Орфорднесс. В воздух были подняты шесть истребительных эскадрилий, однако они действовали менее успешно и смогли перехватить лишь небольшое количество самолетов противника. Между тем береговые радиолокаторы в 15:10 засекли над проливом еще одну группу немецкой авиации, насчитывавшую около ста самолетов. Наши истребители атаковали и рассеяли обе эти группы в районе графств Кент и Эссекс и, несмотря на значительное численное превосходство самолетов противника, не дали им возможности причинить нашим аэродромам сколько-нибудь существенный ущерб. 20 минут спустя над районом Фолкстона появилась еще одна группа, насчитывавшая около 150 самолетов. Этой группе самолетов удалось сбросить бомбы на авиационные заводы в Рочестере. Два завода получили серьезные повреждения и вынуждены были приостановить выпуск продукции на несколько недель.

Через 2 часа авиация противника нанесла удар еще в одном месте. Между 17:00 и 17:20 радиолокаторы, расположенные на южном побережье Англии, обнаружили в воздухе не менее семи групп немецких самолетов, насчитывавших в общей сложности от 200 до 300 самолетов, которые следовали к берегам графств Хемпшир и

Направления ударов немецкой авиации

Дорсетшир. До того как немецкие самолеты успели пересечь Ла-Манш, в воздух были подняты восемь истребительных эскадрилий. В общей сложности во время этого налета в воздухе находилось около 150 истребителей «Спитфайр» и «Харрикейн» — самое большое количество, какое Истребительному командованию приходилось до этого высылать для отражения налета авиации противника. В районах Портсмута и Портленда разгорелись ожесточенные воздушные бои, в результате которых многие немецкие самолеты были отогнаны раньше, чем они подошли к побережью. Длительные упорные бои велись над территорией всех южных графств. Превосходство наших самолетов было очевидным. Количество бомбардировщиков противника, принимавших участие в этом налете, было небольшим, и ущерб, причиненный ими, оказался незначительным.

Едва закончился этот налет, как в районе Кале в 18:15 была отмечена группа в составе около 70 немецких самолетов, следовавших к английскому побережью в направлении между Дувром и Данджнессом. В воздух были немедленно подняты четыре эскадрильи наших истребителей. Позже, когда самолеты противника углубились в воздушное пространство Англии, в воздух были подняты еще шесть истребительных эскадрилий. Часть немецких самолетов была перехвачена над Фолкстоном, а остальные повернули обратно, не долетев до Мейдстона. Одна группа истребителей «Мессершмитт-110», нагруженных бомбами и прикрываемых истребителями «Мессершмитт-109», прорвалась к Кройдону, где была атакована самолетами 32-й и 111-й истребительных эскадрилий. Несколько вражеских самолетов было сбито, однако немецкие самолеты сбросили бомбы на аэродромы Кройдон и Уэст-Моллинг и на авиационные заводы фирм «Ролласон» и «Редуинг», причинив им значительный ущерб. В этот вечер лондонцы впервые почувствовали, что грандиозная воздушная война надвигается и на них.

Так закончился беспокойный день 15 августа. В этот день авиация противника совершила пять крупных налетов на такие далеко расположенные друг от друга районы, как

Портленд и устье реки Тайн, причем несколько налетов проводилось почти одновременно. Самолетам удалось добиться успеха при налетах на объекты Дриффила, Рочестера и Кройдона. Однако, если принять во внимание, что против Англии в этот день было брошено не менее 1790 самолетов (520 бомбардировщиков и 1270 истребителей), причиненный ущерб был ничтожным. Английская истребительная авиация оказала серьезное противодействие самолетам противника. Немецкой авиации не удалось найти ни одной бреши в противовоздушной обороне Англии. И если главной целью налетов в этот день являлось прежде всего изматывание английской истребительной авиации, а не уничтожение наземных объектов, то, какого бы успеха немецкая авиация ни добилась при выполнении этой цели, он достался ей слишком дорогой ценой: мы потеряли в этот день 34 самолета, а противник, как указывали немецкие документы, обнаруженные в архивах после войны, — 76. По данным, опубликованным в печати, мы оценивали потери противника в этот день в 182 сбитых самолета и предположительно еще 53 уничтоженных самолета.

В то время, как три немецких воздушных флота нанесли массированный удар по Англии, их командующие находились в гостях у Геринга в его прусском поместье. На этот раз у гостей было более важное дело, чем осмотр призовых жеребцов хозяина дома. Они были вызваны на совещание по вопросу хода воздушных операций против Англии. После непродолжительных дебатов Геринг вручил директиву по дальнейшему боевому использованию немецких ВВС в воздушном наступлении против Англии. Геринг напомнил своим подчиненным, что целью этого наступления является сокрушение английских военно-воздушных сил. «Впредь до получения дальнейших указаний, — гласила директива, — военно-воздушные силы должны действовать исключительно против военно-воздушных сил противника, включая объекты его авиационной промышленности. Суда противника, в особенности его крупные военные корабли, следует атаковать только при наличии особо благоприятных обстоятельств.

Остальными целями в данный момент следует пренебречь... Ночные налеты авиации должны быть направлены на то, чтобы не давать передышки противовоздушной обороне противника и его гражданскому населению, однако и ночью необходимо действовать по возможности против объектов военно-воздушных сил противника...» Далее Геринг указывал, что в прошлом было много налетов на второстепенные объекты, не имевшие никакого отношения к упомянутой выше стратегической цели. Впредь второстепенные объекты должны выбираться в зависимости от того, насколько их уничтожение могло бы ускорить победу над английскими военно-воздушными силами.

Последнее указание Геринга было правильным. Но в другом вопросе его мнение, несомненно отражавшее общее настроение участников совещания, было глубоко ошибочным. Девятый пункт директивы гласил: «Сомнительно, существует ли какой-либо смысл в нанесении дальнейших ударов по радиолокационным станциям противника, учитывая то обстоятельство, что ни одну из этих станций нам не удалось до сих пор вывести из строя». На самом же деле налеты на радиолокационные станции причинили нам значительно больший вред, чем предполагал противник. Например, радиолокационная станция на острове Уайт была фактически уничтожена в первый день воздушного наступления — 12 августа. Однако девятый пункт директивы был воспринят как приказ, и после этого на радиолокационные станции было совершено еще только два налета.

Таким образом, день 15 августа был не только днем наиболее напряженных усилий авиации противника, предпринятых ею в соответствии с намеченным планом, но и знаменовал собой роковой, губительный для противника поворот в вопросах дальнейшего использования военно-воздушных сил. В этот же день, 15 августа, спустя всего два-три дня после начала битвы над Англией, Геринг отдал приказ — впредь в составе каждого экипажа самолета, действующего над Англией, иметь не более одного офицера. Таким образом, уже в первые дни боев

страх перед тяжелыми потерями давил на сознание командующего немецкими военно-воздушными силами.

После ожесточенных дневных боев ночь прошла сравнительно спокойно. Днем 16 августа над Англией снова появились крупные силы немецкой авиации. В этот день противник произвел три массированных налета, в которых участвовало 1720 самолетов, из них 400 бомбардировщиков и 1320 истребителей. Соотношение потерь опять было в нашу пользу: немцы потеряли 45 самолетов, наши потери составили 21 самолет. Небо было закрыто облаками, и самолетам противника удалось проникнуть довольно далеко в глубь воздушного пространства Англии. Два бомбардировщика «Юнкерс-88», производившие налет на аэродром Брайз-Нортон, уничтожили не менее 46 самолетов, находившихся в ангарах. Кроме Брайз-Нортон в этот день немецкая авиация атаковала еще семь аэродромов, в том числе Манстон и Фарнборо.

Крупные налеты немецкой авиации 15 и 16 августа, очевидно, вызвали некоторое перенапряжение ее сил, и 17 августа, несмотря на благоприятную погоду, побережье Англии пересекли только 77 самолетов противника. 18 августа авиация противника вновь стала действовать активно и совершила 750 самолето-вылетов. Соотношение потерь в этот день было в нашу пользу: противник потерял 71 самолет, мы — 27 самолетов.

Несмотря на численное превосходство немецкой авиации, итог воздушных боев до сих пор складывался в нашу пользу. Поскольку немецкая авиация действовала преимущественно по целям, расположенным вблизи побережья Англии, то после получения сигнала о появлении самолетов противника у нас было слишком мало времени, чтобы успеть до налета немецких самолетов собрать несколько истребительных эскадрилий и затем уже атаковать противника. Поэтому эскадрильи наших истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр» вводились в бой поодиночке, одна за другой, и в каждом воздушном бою численное превосходство противника могло доходить и обычно доходило до 20 самолетов против одного нашего самолета. И даже в таких тяжелых для наших летчиков

условиях на каждый сбитый наш самолет приходилось по два сбитых самолета противника.

Численного превосходства противника нужно было ожидать и в дальнейшем, поэтому оно действовало на нервы наших летчиков меньше, чем преимущество немецких самолетов в высоте полета. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что данные о высоте полета самолетов противника, получаемые от наших радиолокационных станций, были неточными. Операторам пунктов управления истребителями приходилось держать некоторое количество истребителей ниже облачности для обороны своих аэродромов, а истребители «Спитфайр» и «Харрикейн» в 1940 году не могли набрать высоту 8000 метров быстрее чем за 20 минут; кроме того, на высоте более 6000 метров летные качества истребителя «Харрикейн» были несколько хуже, чем у немецкого истребителя «Мессершмитт-109».

Но, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, английские летчики-истребители пока успешно справлялись со своими задачами. При проведении первых налетов немецкой авиации на Англию немецкие бомбардировщики находились обычно в нижних эшелонах общего боевого порядка, а прикрывавшие их истребители находились высоко над ними. Тактика действий наших истребителей заключалась в следующем: идя на перехват противника, эскадрилья разделялась на два отряда, один отряд завязывал бой и отвлекал на себя истребителей противника, другой отряд атаковал бомбардировщиков. Такая тактика действий оказалась настолько эффективной, что начиная с 16 августа немецкая авиация стала придерживаться более тесного построения боевых порядков, и истребители противника располагались теперь не только сверху своих бомбардировщиков, но и впереди и на флангах на одной с ними высоте.

Английские летчики оказались более чем достойными своих противников. Налеты немецкой авиации на наши аэродромы закончились тем, что лишь один аэродром Уэст-Моллинг был выведен из строя более чем на сутки. Все указывало на то, что в конце концов должно измениться общее превосходство противника в авиационных

ресурсах. За период с 8 по 18 августа немцы потеряли 367 самолетов, а Истребительное командование за этот же период потеряло 213 истребителей, из них 183 были сбиты в воздухе и 30 самолетов уничтожены на земле. Но восполнить такие потери за счет текущего выпуска новых самолетов мы не могли, так как общий выпуск истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр» авиационной промышленностью составлял немногим более 100 самолетов в неделю. Следовательно, чтобы восполнить эти потери, нам приходилось расходовать свои скудные резервы. Если бы наступление немецких ВВС продолжалось в течение многих недель и мы продолжали бы нести такие же большие потери, то поражение наших военно-воздушных сил было бы неизбежным.

Как ни трудно было разрешить вопрос возмещения потерь самолетного парка, недостаточное количество хорошо обученных летчиков-истребителей представляло для нас большую трудность, чем нехватка самолетов. В период с 8 по 18 августа в английской истребительной авиации было убито, тяжело ранено и пропало без вести 154 летчика. Число летчиков-истребителей, подготовленных за этот же период, составило всего 63 человека. Кроме того, эти новички, хотя и не уступали своим старшим товарищам в храбрости, обладали лишь десятой долей их боевого мастерства. Для того чтобы ускорить подготовку летчиков-истребителей, были организованы специальные ускоренные курсы. Эти курсы комплектовались летчиками самолетов «Лизандер» и «Бэттл», летчиками военно-воздушных сил союзных стран и выпускниками летных школ Бомбардировочного и Берегового командований. Однако такие поспешные мероприятия могли лишь уменьшить брешь, но не закрыть ее.

С 19 по 23 августа стояла облачная погода, и немцы не решались наносить удары крупными силами. Но и в эти дни они провели ряд налетов небольшими группами самолетов. При проведении ночных налетов противнику снова удалось нанести некоторый ущерб авиационным заводам «Бристоль» в Филтоне и промышленным объектам в Касл-Бромвиче. В целом результаты, достигнутые

немцами в этот период, были незначительными. Удовлетворение, которое мы испытывали в связи с неудачными ночными налетами немецкой авиации, несколько омрачилось, однако, тем фактом, что наша противовоздушная оборона действовала ночью неудовлетворительно. Ни один из трех немецких самолетов, якобы сбитых над Англией нашей зенитной артиллерией в течение этих пяти ночей, не был найден на земле, а 160 самолето-вылетов ночных истребителей были произведены напрасно, так как только одному пилоту удалось обнаружить самолеты противника.

24 августа немецкая авиация возобновила дневные массированные налеты. Начиная с этого дня и до 6 сентября включительно немецкая авиация производила на Англию в среднем около 1000 самолето-вылетов в день, а 30 и 31 августа было совершено по 1600 самолето-вылетов. И все же на долю бомбардировщиков из этого количества приходилось не более 400 самолето-вылетов, чаще всего оно немногим превышало 250 самолето-вылетов.

Главной задачей авиации противника по-прежнему оставалось уничтожение английских военно-воздушных сил, в первую очередь истребительной авиации. На совещании руководящего состава немецких военно-воздушных сил, состоявшемся 19 августа, Геринг снова подчеркнул важность этой задачи. «Мы достигли, — заявил он, — решающего периода в воздушной войне против Англии. Основная наша цель состоит в том, чтобы направить все средства, имеющиеся в нашем распоряжении, на уничтожение военно-воздушных сил противника. Прежде всего мы должны уничтожить вражеские истребители. Если они не будут больше появляться в воздухе, мы будем атаковать их на земле или вынудим их вступать в бой с нами, нанося бомбовые удары по объектам противника в радиусе действия наших истребителей. В то же время мы должны продолжать боевые действия в еще возрастающем масштабе по аэродромам бомбардировочной авиации противника. Внезапные налеты на объекты авиационной промышленности противника должны проводиться днем и ночью. Как только мы уничтожим военно-воздушные силы противника, удары

нашей авиации будут направлены против других жизненно важных объектов».

Если основные стратегические задачи противника оставались прежними, то он стремился изменить тактику действий своих военно-воздушных сил. Первая неделя воздушного наступления показала, что налеты немецкой авиации на аэродромы и другие объекты, расположенные на побережье Англии, не ослабили сколько-нибудь серьезно английскую истребительную авиацию. Одновременные налеты немецкой авиации на объекты, находившиеся на большом удалении друг от друга, лишней раз доказали, что наша противовоздушная оборона была прочной в любом месте. В поисках новых путей для решения основной задачи немцы решили сконцентрировать все усилия своей авиации для проведения дневных налетов на наши аэродромы, расположенные в Юго-Восточной Англии. Таким образом, всю мощь своей авиации они обрушили на 11-ю истребительную авиагруппу, и особенно на ее наиболее удаленные от побережья аэродромы, ибо только проникнув в глубь страны, противник мог добраться до жизненно важных секторных аэродромов, с которых осуществлялось управление нашими истребительными эскадрильями¹. Немецкое командование надеялось, что именно таким путем ему удастся втянуть в бой возможно большее количество английских истребителей. Если бы немцам удалось уничтожить большинство наших истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр» и парализовать систему управления английской истребительной авиации, то Лондон и участки английского побережья оказались бы открытыми для высадки немецких войск.

¹ Для облегчения управления истребителями зоны истребительных авиагрупп разбивались на несколько секторов. В 11-й авиагруппе их было восемь. В каждом секторе на одном из истребительных аэродромов находился пункт управления, имевший средства связи с радиолокационными станциями, постами ВНОС, аэродромами и с самолетами в воздухе, который руководил наведением и действиями своих истребителей при отражении атак авиации противника. — *Прим. ред.*

И именно в этот момент, когда под натиском немецкой авиации противовоздушная оборона Англии была напряжена до предела, Гитлер, как и под Дюнкерком, еще раз оказал нам большую услугу, перенеся удары своей авиации на Лондон. Однако изменения, последовавшие в оперативных планах боевого использования авиации противника, нельзя отнести исключительно за счет решения Гитлера. На его решение в этом вопросе большое воздействие оказала английская бомбардировочная авиация.

До конца августа дневные налеты английской бомбардировочной авиации были направлены почти исключительно против аэродромов противника на оккупированной им территории; тяжелобомбардировочная авиация продолжала проводить ночные налеты на объекты самой Германии. Бомбардировке подверглись авиационные и нефтеперерабатывающие заводы, порты, корабли и коммуникации противника. Несомненно, было бы несколько оптимистично ожидать больших результатов от 50 самолетов, выделявшихся каждую ночь для выполнения этих задач. Большинство бомб, сброшенных этими самолетами, ложилось вне целей, однако временами ночные налеты наших бомбардировщиков были успешными, и это, естественно, бесило Гитлера. Раздражало его также и то, что, как бы ни был мал ущерб, причиненный промышленным объектам, бомбы падали на немецкие города, в том числе на Берлин, находившийся в 1000 километров от английских аэродромов.

В ночь на 26 августа 81 английский бомбардировщик произвел налет на германскую столицу в порядке возмездия за те несколько бомб, которые предыдущей ночью были сброшены на Лондон. В течение последующих ночей английские бомбардировщики произвели еще несколько налетов на Берлин. Конечно, неправильно было бы считать, что налеты нашей авиации на Берлин были единственной причиной, побудившей Гитлера изменить задачи своей авиации, но они, несомненно, способствовали этому.

4 сентября Гитлер заявил, что его терпение истощилось. «Английская авиация, — кликушествовал фю-

рер, — сбрасывает бомбы на жилые кварталы городов, хутора и на деревни. Три месяца я не отвечал, так как думал, что англичане одумаются, но Черчилль усмотрел в этом проявление нашей слабости. Теперь англичане будут испытывать наши ответные удары каждую ночь». Три дня спустя, 7 сентября, немецкая авиация прекратила налеты на аэродромы нашей истребительной авиации и начала наступление на Лондон.

Первая половина субботы 7 сентября прошла спокойно. Но после полудня наши радиолокационные станции обнаружили несколько групп немецких самолетов, направлявшихся в направлении графств Кент и Сассекс. В воздух были подняты три эскадрильи истребителей для прикрытия основных аэродромов, расположенных в этих районах. Однако на этот раз противник преследовал другую цель. Одна группа немецких бомбардировщиков прорвалась вверх от устья реки Темза и сбросила бомбы на вуличский арсенал и другие промышленные объекты Вулича. Вторая группа самолетов сбросила бомбы на Темзхэвен, и третья группа — на доки в Вест-Хэме. В то время, как эти группы бомбардировщиков с боями пробивались на свои базы, в воздухе появились три новые группы немецких самолетов, следовавших в направлении Дувра. Истребительное прикрытие немецких бомбардировщиков было очень сильным, и им удалось прорвать оборону наших истребителей.

В течение полутора часов немецкая авиация наносила сосредоточенные удары по Лондону. В воздух были подняты 23 истребительные эскадрильи, из них 21 эскадрилья перехватила противника и вступила с ним в бой. Противник потерял 40 самолетов, мы — 28. Почти все сбитые немецкие самолеты были истребители. По сравнению с колоссальным ущербом, причиненным нам этими налетами, Геринг считал эти потери довольно дешевой ценой. Впрочем, не настолько дешевой, чтобы часто позволять себе подобную расточительность.

С наступлением темноты немецкая авиация произвела повторный налет на Лондон. Задача бомбардировщиков противника облегчалась тем, что часть города была

хорошо освещена заревом пожаров в районе доков, вызванных дневным налетом.

С 8 часов вечера и до 7 часов утра 250 немецких бомбардировщиков непрерывно бомбардировали Лондон, сбросив на него около 300 тонн фугасных и 13 000 зажигательных бомб — значительно больше, чем было сброшено в дневном налете. Нашей зенитной артиллерии было запрещено вести заградительный огонь, значительное количество орудий было переброшено для прикрытия авиационных заводов. В эту ночь лондонцы слышали лишь несколько коротких жалких хлопков своих зениток, потонувших в шуме моторов самолетов и несмолкаемых разрывах бомб. На следующее утро, измученные и невыспавшиеся, жители Лондона узнали, что наши истребители и зенитная артиллерия сбили в эту ночь лишь один самолет противника.

Теперь немецкая авиация действовала не только против английских военно-воздушных сил, но и сбрасывала бомбы на жилые кварталы. Лучше всех выдержали налеты жители Ист-Энда¹, на который противник обрушил свой первый жестокий удар. Несмотря на то что немецкие самолеты теперь каждую ночь бомбардировали Лондон и количество человеческих жертв и разрушений в городе непрерывно увеличивалось, не было ни малейшего признака того, что нервы у людей сдали, что Лондон не выдержит это тяжелое испытание.

Немецкое командование прекрасно сознавало, что если к ущербу, нанесенному ночными налетами на Лондон, добавить разрушение важных объектов города, проводя дневные налеты, то задача, стоявшая перед немецкой армией при высадке в Англии, в конце концов оказалась бы не такой уж сложной. Для обеспечения безопасности Лондона англичане, естественно, бросят все силы своей истребительной авиации, и именно тогда можно будет раз и навсегда покончить с упорным сопротивлением английской истребительной авиации. Основная

¹ Ист-Энд — восточная окраина Лондона, заселенная преимущественно рабочими. — *Прим. ред.*

мощь воздушного удара обрушится на Лондон в ночное время, когда потери своей авиации будут сравнительно низкими; днем же крупные силы истребителей, прикрывающих небольшое количество бомбардировщиков, будут прорываться к столице, уничтожая в воздухе остатки самолетов Истребительного командования. Таковы были замыслы немцев.

Введенное в заблуждение хвастливыми донесениями своих летчиков, немецкое командование было убеждено, что силы Истребительного командования сильно истощены и насчитывают последнюю сотню самолетов. Еще несколько дневных массированных налетов на Лондон — и с системой противовоздушной обороны Англии будет покончено. Однако противник скоро горько разочаровался в своих надеждах. Попытка 100 немецких самолетов повторить налет, проведенный на доки 8 сентября, окончилась полным провалом. 9 сентября налет немецкой авиации на Лондон был также неудачным. 10 сентября полеты немецких самолетов были отменены из-за плохой погоды. 11 сентября несколькими немецкими бомбардировщиками удалось прорваться к английской столице, но концентрированной атаки не получилось. 12 и 13 сентября над Южной Англией нависла густая облачность, и в эти дни противник не предпринимал налетов крупными силами авиации, однако одиночным самолетам удалось пробиться к Лондону. Повреждения были нанесены Адмиралтейству, военному министерству и Букингэмскому дворцу. В ночь на 15 сентября немцы выслали на Лондон свыше 1000 самолетов. В эту ночь над Лондоном разыгралось крупное сражение. Наши истребители и зенитная артиллерия оказали такое упорное сопротивление немецкой авиации, что ущерб, причиненный городу, оказался по сравнению с налетом 7 сентября незначительным. Противник потерял 56 самолетов, мы лишились 20 самолетов. С 15 до 23 сентября преобладала облачная погода, и авиация противника была вынуждена ограничить свои действия беспокоящими налетами и атаками прибрежных целей.

В течение двух недель, с 7 по 21 сентября, немецкие самолеты, по мнению командования немецких ВВС, на-

носили по Англии мощные сокрушительные удары. Фактически же немецкие ВВС потерпели полную неудачу. Ночные налеты, несмотря на большие разрушения в Лондоне, не оказали никакого воздействия на моральное состояние англичан. Дневные налеты немецкой авиации не причинили значительного ущерба наиболее важным объектам Лондона и не нанесли решающих потерь Истребительному командованию. Когда немцы все усилия своей авиации сосредоточили по Лондону, Истребительное командование, потерявшее к этому времени значительное количество самолетов, снова начало наращивать силы. Мы это могли сделать не только потому, что бомбардировочная авиация противника прекратила в это время налеты на основные аэродромы Истребительного командования, но и потому, что нанесение ударов немецких самолетов по целям, расположенным в глубине страны, позволяло английским истребителям действовать парами и осуществлять перехват немецких бомбардировщиков прежде, чем те успевали сбросить бомбы. Причем эскадрильи, вооруженные истребителями «Харрикейн», атаковали немецкие бомбардировщики, а эскадрильи истребителей «Спитфайр», которые эффективнее действовали на больших высотах, отвлекали на себя истребителей противника. Такая тактика оказалась успешной. Немецкие бомбардировщики, преследуемые нашими истребителями, нуждались в непосредственном прикрытии. Немецкие истребители оказались в конце концов настолько связанными в своих действиях, что не могли эффективно прикрывать свои бомбардировщики. О результатах такой тактики действий нашей истребительной авиации можно судить по потерям, понесенным той и другой стороной. С 23 августа по 7 сентября, когда немецкая авиация действовала по аэродромам Истребительного командования, мы потеряли 277 истребителей, за этот же период немцы потеряли 378 самолетов, то есть на каждые пять сбитых английских истребителей приходилось семь немецких самолетов. В период с 7 по 21 сентября, когда немцы в основном наносили удары по Лондону, Истребительное командование потеряло 144 самолета, а немецкая авиация

потеряла 262 самолета, то есть на каждые пять сбитых английских самолетов приходилось по девять самолетов противника.

В середине сентября подготовка противника к вторжению в Англию достигла наивысшего размаха. 15 сентября в Булони находились 102 десантные баржи, 17 сентября — 150, 13 сентября в Кале было сосредоточено 136 барж, а 17 сентября уже 266 барж. К 18 сентября противник сосредоточил в портах Ла-Манша более 1000 таких судов, и около 600 барж находилось в порту Антверпен. Каждую ночь английская тяжелобомбардировочная авиация производила удары по скоплениям десантных судов. За две недели английские бомбардировщики вывели из строя 12 процентов судов, выделенных для вторжения.

11 сентября немецкое верховное командование еще раз перенесло день вторжения, на этот раз с 21 на 27 сентября. 14 сентября Гитлер созвал совещание командующих всеми видами вооруженных сил Германии. На обсуждении стоял один вопрос — вторжение немецких войск в Англию. В предшествовавшие совещанию дни английские корабли обстреляли четыре порта, расположенных на побережье. Английские самолеты потопили 80 барж, находившихся в Остенде. Поэтому адмирал Редер предложил отложить принятие решения до октября, обосновывая это тем, что существующее в настоящее время соотношение сил авиации не может обеспечить успешное проведение операции вторжения.

Несмотря на предостережения, высказанные на совещании, Гитлер настоял на том, чтобы 17 сентября еще раз обсудить обстановку.

Следующие три дня не принесли никаких изменений, за исключением того, что на дно Ла-Манша было отправлено еще несколько немецких судов. Даже мощный налет немецкой авиации на территорию Англии 15 сентября оказался малоэффективным вследствие исключительно активных действий английской истребительной авиации. В журнале боевых операций штаба верховного командования немецких вооруженных сил от 17 сентября говорится: «Военно-воздушные силы противника еще не

разгромлены. Наоборот, активность их действий непрерывно возрастает. В связи с этим Гитлер принял решение отложить проведение операции «Морской лев» на неопределенное время».

Данные нашей фоторазведки к 23 сентября показали, что непосредственная угроза вторжения миновала. Количество барж в портах между островом Вальхерен и Булонью сократилось на одну треть.

Во второй половине сентября немецкие самолеты продолжали наносить удары по авиационным заводам, расположенным на юге и юго-западе Англии, а также возобновили попытки пробиться крупными силами к Лондону. Но, как ни старался противник изменить тактику действий путем усиления истребительного прикрытия, привлечения для налетов истребителей-бомбардировщиков, а также производства демонстративных налетов крупными силами истребителей по другим объектам, наша истребительная авиация продолжала оказывать сильное противодействие. 27 сентября немцы совершили три крупных налета на Лондон и на авиационный завод «Бристоль» в Филтоне. Заводу был причинен незначительный ущерб, к столице же удалось пробиться лишь несколькими бомбардировщиками. В этот день противник потерял 45 самолетов, мы — 28 самолетов. Неудачными оказались и дневные налеты немецкой авиации, проведенные 30 сентября. В этот день немцы трижды выслали свою авиацию на Лондон, производя ряд отвлекающих ударов по другим объектам. Соотношение потерь опять было в нашу пользу: противник потерял 47 самолетов, мы — 20 самолетов. После этого немецкое командование отказалось от проведения дневных налетов по территории Англии. Но борьбу с английской истребительной авиацией нужно было продолжать и в дневное время. Для этой цели лучше всего подходили истребители «Мессершмитт-109» и «Мессершмитт-110». С начала октября немецкая бомбардировочная авиация производила налеты в ночное время, для борьбы с английскими истребителями днем привлекались истребители и истребители-бомбардировщики.

Октябрь подходил к концу, и немецкому командованию стало ясно, что английские ВВС были так же далеки от поражения, как и прежде. 12 октября Гитлер отложил проведение операции «Морской лев» до весны 1941 года. При этом предполагалось, что ночные бомбардировочные операции немецких ВВС зимой 1941 года в сочетании с действиями подводных лодок должны серьезно ослабить сопротивление англичан.

Битва над Англией характерна многочисленными заблуждениями и противоречиями. Англичане заблуждались относительно действительного размера потерь немецких ВВС. Еще больше заблуждались немцы относительно истинного размера потерь, понесенных английскими ВВС¹.

После окончания битвы над Англией многие говорили о том, что мы ощущали острую нехватку истребителей. Необходимо отметить, что никогда численность резервного парка Истребительного командования не доходила до десяти эскадрилий. Кульминационным периодом битвы над Англией для нашей авиации были те две недели, с 24 августа по 6 сентября, когда основные усилия немецкой авиации были направлены против аэродромов Юго-Восточной Англии, особенно против основных аэродромов 11-й авиагруппы. В течение этих двух недель противник причинил значительный ущерб нашим аэродромам, потери в истребителях за этот период настолько превысили текущий их выпуск, что, если бы немецкие ВВС смогли продолжить наступление с такой же интенсивностью еще в течение трех недель, мы бы полностью израсходовали все резервы своих истребителей. Как известно, 7 сентября противник переключил усилия своей авиации на Лондон. С этого времени численность

¹ В период с 10 июля по 31 октября 1941 года немцы, по нашим подсчетам, потеряли 2698 самолетов, фактически же они потеряли 1733 самолета. За этот же период, по подсчетам немцев, их авиация уничтожила 3058 английских самолетов, в действительности мы потеряли только 915 самолетов. — *Прим. авторов*

самолетного парка Истребительного командования вновь стала расти. Уже за неделю с 7 по 14 сентября общее число потерь истребителей «Харрикейн» и «Спитфайр» было меньше количества самолетов, которое выпустила за это время авиационная промышленность, и такое благоприятное соотношение оставалось до конца битвы над Англией. Таким было положение с резервом истребителей 7 сентября, но и в этот день мы имели в резерве 125 истребителей «Спитфайр» и «Харрикейн», не учитывая поступления новых самолетов, выпускавшихся нашей промышленностью. Как указывалось ранее, наиболее трудная проблема заключалась не в самолетах, а в нехватке летного состава. В начале сентября эскадрильи Истребительного командования имели в среднем только по 16 летчиков вместо 26, положенных по штату¹.

Таким образом, в Истребительном командовании к 7 сентября положение с самолетами и в особенности с летным составом было действительно тяжелым. К счастью, не лучше обстояло дело и в немецких военно-воздушных силах. Несмотря на то что численность самолетного парка строевых частей немецких ВВС значительно превосходила численность самолетного парка английских ВВС, немцы к тому времени уступали нам в производстве и выпуске самолетов. Поэтому им было нелегко восполнить тяжелые и непрекращающиеся потери своей авиации. Кроме того, немцы не смогли разрешить проблему надежного сопровождения своих бомбардировщиков истребителями, а без такого сопровождения их бомбардировщики были бессильны. Проведение немцами дневных налетов на Лондон было тактической ошибкой. Отказ немцев от дневной бомбардировки и переход к бомбардировочным налетам в ночное время следует рас-

¹ В истребительных эскадрильях английских ВВС при наличии 26 летчиков и 18 самолетов, положенных по штату, в боевых вылетах участвовал только боевой расчет в составе не более 12 экипажей. Это позволяло быстро восстанавливать потери, чередовать действия экипажей в две смены и постоянно поддерживать боеспособность эскадрилий. — *Прим. ред.*

считать как несомненный успех Истребительного командования английских военно-воздушных сил.

Решение Даудинга сосредоточить только половину сил Истребительного командования в наиболее угрожаемых районах не встретило всеобщего одобрения. Противники этого решения считали, что большую часть эскадрилий нужно передать в состав 11-й истребительной авиагруппы и прилежащих к ее району секторов, чтобы встретить противника над Юго-Восточной Англией с более выгодным соотношением сил. Тем не менее Даудинг имел веские основания считать, что большая концентрация эскадрилий на ограниченном числе аэродромов создаст большие затруднения и противник использует ослабление воздушной обороны других районов, чтобы перенести туда удары своих бомбардировщиков.

Огромное численное превосходство немецкой авиации послужило причиной для критики не только плана боевого использования Истребительного командования, но и тактики действий 11-й истребительной авиагруппы, которой командовал Парк. Особенно резко критиковал Парка командир 12-й истребительной авиагруппы вице-маршал авиации Ли-Мэллори. Когда ему было приказано оказать помощь 11-й авиагруппе, он стал вводить в бой не по одной эскадрилье, как это делал Парк, а сразу по несколько эскадрилий — обычно по три, четыре или пять; однажды были подняты в воздух одновременно семь эскадрилий. Они действовали в боевых порядках авиакрыла или более крупной группы¹. Тактика массированного применения истребителей вполне себя оправдала. Растущие разногласия между командирами 11-й и 12-й авиагрупп достигли наконец такого положения, что штаб английских ВВС вынужден был произвести расследование основного тактического разногласия между ними — вопроса о преимуществах боевого применения эскадрильи и авиакрыла.

12-я авиагруппа была расположена севернее 11-й авиагруппы, и потому Ли-Мэллори имел в своем распоряжении

¹ В английских ВВС боевой порядок авиакрыла обычно включал две или три эскадрильи. — *Прим. ред.*

достаточно времени, чтобы поднять в воздух сразу несколько эскадрилий, иногда авиакрыло, для отражения налетов немецких самолетов. 11-я авиагруппа, расположенная в юго-восточной части Англии, имела обычно значительно меньше времени на подготовку к вылету самолетов, и поэтому Парку удавалось одновременно поднять в воздух не более двух эскадрилий.

Как бы то ни было, тактические концепции Ли-Мэллори получили одобрение, и в ноябре он был назначен вместо Парка командиром 11-й истребительной авиагруппы, выполнявшей исключительно важную задачу по обороне Англии. Одновременно с этим заместитель начальника штаба английских ВВС маршал авиации Дуглас был назначен командующим Истребительным командованием. Немецкая авиация теперь проводила боевые действия преимущественно ночью, и штаб английских ВВС решил перейти к наступлению и перенести дневные действия английской истребительной авиации на другую сторону Ла-Манша.

Битву над Англией часто сравнивают с битвой на Марне. Но между ними есть существенная разница. На Марне сражались армии противников, не уступавшие друг другу в численности. На протяжении всей битвы над Англией немецкая авиация обладала минимум двойным превосходством над английскими военно-воздушными силами, а в отдельных воздушных боях численное превосходство немецкой авиации составляло 20—30 самолетов на один английский самолет. Численность летного состава нашей бомбардировочной и разведывательной авиации составляла около 6000 человек, а численность летчиков-истребителей, принимавших на себя главные удары неприятеля, не более 1000 человек.

Битва над Англией была выиграна не только в воздухе. Она была выиграна на заводах, в авиаремонтных мастерских, в частях аэродромного обслуживания, в летных школах, на радиолокационных станциях, в пунктах управления авиацией и во многих других местах, включая министерство авиации. Битву над Англией вели экипажи не только истребительной, но и бомбардировочной и раз-

ведывательной авиации, однако боевые действия Бомбардировочного и Берегового командований, хотя и важные сами по себе, явились второстепенными по сравнению с боевыми действиями Истребительного командования. И несомненно, летчики-истребители английских ВВС внесли основной вклад в дело победы в битве над Англией.

По донесениям наших агентов, показаниям пленных немецких летчиков и данным, полученным из других источников, отдел научной разведки министерства авиации пришел к заключению, что в Германии создана система радиомаяков направленного действия, которую можно использовать при слепой бомбардировке объектов в Англии.

Чтобы проверить, насколько правильно это заключение, 21 июня 1940 года были проведены полеты бомбардировщика «Ансон», имевшего на борту специальный радиоприемник для приема сигналов немецких радиомаяков направленного действия. Экипажу удалось обнаружить радиопеленг немецкого радиомаяка на частоте 30 мегагерц. Таким образом, полностью подтвердились выводы нашей разведки.

Радиопеленг, обнаруженный экипажем, излучался радиомаяком немецкой радионавигационной системы, известной под названием «Кникебеин». Принцип действия этой системы заключался в следующем. Летчик вел свой самолет по радиопеленгу до тех пор, пока его не пересекал другой радиопеленг; когда эти радиопеленги пересекались, в наушниках появлялся сигнал другого тона, и именно в этот момент штурман сбрасывал бомбы. Чтобы самолет мог избежать сильного зенитного огня противника в определенном районе, радиопеленги могли пересекаться на небольшом удалении от цели. В этом случае экипаж вел самолет по определенному курсу от точки пересечения радиопеленгов и затем уже сбрасывал бомбы по расчету времени. Точность бомбометания с использованием этой системы составляла примерно одну квадратную милю, и поэтому она могла с успехом использоваться при бомбардировке городов в ночное время.

Тот факт, что работа немецких радиомаяков направленного действия была обнаружена еще 21 июня, за

несколько недель до того, как немцы начали широко проводить ночную бомбардировку, наглядно показывает, что английское министерство авиации обращало большое внимание на организацию противовоздушной обороны страны в ночное время.

Как только был выявлен принцип работы системы «Кникебейн», сразу же была создана сеть пунктов подслушивания, а также установлены подвижные и стационарные станции для подавления сигналов немецких радиомаяков. Кроме того, была создана более совершенная аппаратура для создания помех. Например, некоторые из английских радиомаяков были приспособлены для приема сигналов противника и ретрансляции их. При помощи такого радиомаяка можно было расширить радиопеленг, по которому немецкий летчик вел свой самолет, что приводило к значительным отклонениям от заданного курса, или же можно было направить свой пересекающий радиопеленг перед точкой пересечения, запланированной противником. И в том и в другом случае бомбы должны были упасть в стороне от избранной противником цели. Таким образом, к тому времени, когда немецкая авиация приступила к проведению ночных операций, мы были готовы во всеоружии встретить нововведение противника.

Однако система «Кникебейн» была в то время не единственной радионавигационной системой, которую применял противник. Экипажи немецких самолетов, принимавших участие в налетах на Англию, широко использовали свои радиомаяки, с рабочей зоной в средневолновом диапазоне, цепь которых протянулась от Германии до берегов Ла-Манша. Получая пеленги с любых двух таких радиомаяков, местонахождение которых было известно, штурманы немецких самолетов могли периодически определять свое местонахождение в воздухе. К счастью, инженеры английского министерства связи своевременно разработали систему создания помех немецким радиомаякам. Сигналы их принимались и ретранслировались с достаточной мощностью, чтобы заглушить звук первоначального сигнала в наушниках немецких штурманов, которые, не зная о действитель-

ном происхождении этих сигналов, неправильно определяли свои координаты.

Кроме нарушения работы радионавигационных средств противника у нас были и другие средства для введения в заблуждение немецких экипажей, совершавших налеты на Англию. Еще опыт войны 1914—1918 годов со всей очевидностью показал ценность маскировки во всем ее многообразии. Вскоре после начала Второй Мировой войны разработка и проведение всех мероприятий по маскировке в английских ВВС была поручена начальнику строительно-монтажного управления английского министерства авиации полковнику Тэрнеру, который успешно справился со своей задачей. К тому времени, когда немцы захватили Францию, в Англии уже было создано около 70 ложных аэродромов; большинство из них было оборудовано посадочными и другими сигнальными огнями, зажигавшимися при приближении немецких самолетов. Внимание авиации противника было привлечено к этим аэродромам с самого начала ночных операций над Англией, и в течение только июня 1940 года немецкая авиация произвела на них не менее 36 налетов.

Дезориентирование немецких ночных бомбардировщиков оказалось весьма необходимым, поскольку наши истребители и зенитная артиллерия не могли эффективно действовать в ночных условиях. Основная причина этого состояла в том, что средства нашей противовоздушной обороны не могли точно проследить за полетом немецких самолетов в ночное время после того, как они пересекали побережье Англии. Днем наблюдатели постов ВНОС при благоприятной погоде определяли количество самолетов противника в воздухе и их высоту полета значительно точнее, чем радиолокаторы. Однако ночью или в условиях плотной облачности отсутствие эффективно действующих радиолокаторов в глубине территории Англии сильно затрудняло работу системы нашей ПВО. В этом случае наблюдателям постов ВНОС приходилось ориентироваться по звуку самолетов, и, хотя данные наблюдения были весьма ценными для оповещения о налетах авиации противника, все же они были недостаточно точными, чтобы

организовать надежный перехват целей истребителями или обстрелять их зенитной артиллерией.

Таким образом, в середине 1940 года ни зенитная артиллерия, ни прожектора, снабженные звукоулавливателями для наведения на цель, не могли успешно действовать при отражении ночных налетов авиации противника. Возросшие скорости и высоты полетов самолетов сделали звукоулавливатели непригодными для использования. Прожекторные установки, количество которых в Англии в июле 1940 года составляло около 4000, не могли держать самолет в луче в течение необходимого времени, не могли пробить облачность, а также обеспечить эффективное освещение цели на высоте более 4000 метров.

Наша зенитная артиллерия также оставляла желать много лучшего как по своему количеству, так и по своим тактико-техническим данным. В июле 1940 года во всем Соединенном королевстве имелось всего 1200 тяжелых и 549 легких зенитных орудий. Из числа тяжелых орудий около 200 были устаревшего образца калибра 3 дюйма; остальные — калибра 3,7 и 4,5 дюйма с теоретической досягаемостью по высоте свыше 10 000 метров, которая практически была 8000 метров, вследствие того что применявшийся в то время прибор управления артиллерийским зенитным огнем не был рассчитан на большие высоты. Легкие орудия, около половины которых составляли орудия системы «Бофорс», вели борьбу с самолетами на высотах до 2000 метров.

От недостатков нашей системы ВНОС в одинаковой степени страдали как зенитная артиллерия, так и истребительная авиация. В сентябре 1940 года, когда немецкая авиация приступила к ночным налетам на Англию, у нас фактически было восемь истребительных эскадрилий, предназначенных для ведения боевых действий в ночное время, однако ни в одной из них не было специальных ночных истребителей. Из них две эскадрильи были вооружены устаревшими истребителями «Дефиант», непригодными для ведения боя в дневное время, и шесть эскадрилий — двухмоторными истребителями «Бленхейм», которые имели недостаточную скорость, но значительную

продолжительность полета. Часть из них была снабжена радиолокационными прицелами А.І.

Еще на заре радиолокации английские ученые предвидели возможность создания бортовой радиолокационной установки, которая могла бы использоваться для поиска как самолетов в воздухе, так и кораблей в море. Однако выполнение этой задачи было связано с огромными техническими трудностями, и поэтому основное внимание в научно-исследовательской и конструкторской работе в области радиолокации отводилось вопросу создания на побережье наземных радиолокационных станций.

Дальность действия наших наземных радиолокационных станций к лету 1940 года составляла над водой около 160 километров, в то время как дальность действия самолетного радиолокационного прицела А.І. составляла от 240 метров до 3 километров. В середине августа этого же года были успешно проведены первые летные испытания новой модели бортового радиолокационного прицела А.І. (модель IV), максимальная дальность действия которого составляла около 6,5 километра, а минимальная дальность была сокращена до 180 метров.

Примерно в это время на вооружение английских ВВС начал поступать специальный ночной истребитель «Бофайтер», созданный на базе бомбардировщика «Бофорт» и обладавший повышенным запасом прочности и большей скоростью полета. На новых истребителях устанавливали радиолокационные прицелы А.І. последней модели. Но в сентябре 1940 года таких самолетов было еще слишком мало.

Для боевых действий в ночное время выделялись эскадрильи, вооруженные истребителями «Харрикейн» и «Спитфайр». Эти самолеты не были приспособлены для ночных полетов, а их экипажи не имели достаточной подготовки. Аэродромы также не имели оборудования для обеспечения ночных полетов.

В целом в сентябре 1940 года английская противовоздушная оборона не была подготовлена к отражению ночных налетов немецкой авиации. И хотя на вооружение английских ВВС стали поступать специальные ночные

истребители с очень хорошими летно-тактическими данными, снабженные бортовым радиолокационным прицелом А.1., основная тяжесть борьбы с немецкой авиацией ночью по-прежнему лежала на дневных истребительных эскадрильях.

Таким образом, когда немецкая авиация приступила к ночным налетам на Лондон, ей приходилось прежде всего опасаться нашей зенитной артиллерии. Во время первого массированного налета на Лондон в ночь на 8 сентября английскую столицу прикрывали всего лишь 92 тяжелых зенитных орудия, действия которых были малоэффективными.

В течение 48 часов после первого ночного налета немецкой авиации количество тяжелых зенитных средств в системе ПВО Лондона было увеличено в два с лишним раза. Существовавшие в то время методы управления огнем зенитной артиллерии не могли обеспечить надлежащего противодействия налетам авиации противника. Поэтому при налете немецкой авиации в ночь на 11 сентября расчетам многих орудий была предоставлена полная свобода действий. Боеприпасы расходовались исключительно щедро, но ни один немецкий самолет в эту ночь не был сбит. Тем не менее экипажи немецких самолетов, почувствовав возросшую активность огня нашей зенитной артиллерии, изменили тактику действий. Теперь самолеты противника летели на большей высоте, а некоторые из них, не достигнув цели, поворачивали обратно. В эту ночь ущерб, причиненный центральной части Лондона, был значительно меньше, чем в предыдущую.

Ночные налеты немецкой авиации на Лондон продолжались без перерыва с 7 сентября по 13 ноября. Все налеты (за исключением налетов в течение десяти ночей) проводились значительными силами, и в каждом из них на столицу Англии сбрасывалось не менее 100 тонн фугасных бомб. Иногда активность действий авиации противника снижалась из-за плохой погоды. Обычно налет, продолжавшийся в течение нескольких часов, осуществлялся силами от 150 до 300 бомбардировщиков.

К середине ноября немецкие самолеты сбросили на Лондон свыше 13 000 тонн фугасных и около 1 000 000 штук зажигательных бомб. Кроме того, над значительной

частью страны ночью одиночные самолеты совершали беспокоящие налеты; ряд мощных отвлекающих ударов был произведен по Бирмингему, Ковентри и Ливерпулю. Основными объектами немецкой авиации в Лондоне были доки и коммуникации. Большой ущерб был также нанесен железнодорожной сети вне пределов Лондона. В сентябре в 667 местах были разрушены железнодорожные линии. Одно время в результате применения немцами бомб замедленного действия простаивали 5000—6000 вагонов. Только в сентябре и октябре в результате бомбардировок было убито свыше 13 000 жителей Лондона и около 20 000 ранено. Однако лондонцы с удивительным спокойствием переносили налеты вражеской авиации.

В период с 7 сентября по 13 ноября немецкая авиация произвела на Лондон свыше 12 000 самолето-вылетов. За этот период был уничтожен только 81 немецкий самолет.

Если даже предположить, что противник занизил потери своей авиации примерно на одну треть, то и в этом случае коэффициент потерь немецких ВВС был низким и составлял менее одного процента от общего количества самолетов, участвовавших в налетах. Так как в строевых частях было свыше 1400 бомбардировщиков дальнего действия и каждый месяц с заводов поступало около 300 самолетов, противник не должен был испытывать затруднений в проведении ночных налетов в течение продолжительного времени.

Для усовершенствования противовоздушной обороны были использованы все имевшиеся в наличии средства. Были сделаны попытки испытать так называемые воздушные мины. В одном варианте их предлагали сбрасывать с самолетов на маршрутах полетов немецких самолетов. Небольшой заряд взрывчатого вещества подвешивался на проволоке длиной 600 метров, прикрепленной к небольшому парашюту. Второй вариант предусматривал создание завесы из подобных воздушных мин, которые подвешивали к тросам свободных аэростатов, запускаемых вдоль маршрутов полета самолетов противника.

Однако оба эти варианта себя не оправдали, так как открытые пространства для самолетов противника оставались очень большими.

В это же время испытывался прожектор, установленный на самолете, снабженном радиолокационным прицелом. Идея этого изобретения сводилась к тому, чтобы осветить цель для другого атакующего самолета. Однако из-за трудности взаимодействия двух самолетов в ночном бою и технических дефектов в конструкции прожектор не оправдал возлагаемых на него надежд.

Большое внимание уделялось разработке новых видов и усовершенствованию существующих образцов радиолокационной аппаратуры. Было создано несколько типов приборов управления артиллерийским зенитным огнем с радиолокатором, однако они имели ряд дефектов и нуждались в дополнительном усовершенствовании. С октября 1940 года, когда была разработана приставка к радиолокатору для расчета высоты цели, такие приборы управления артиллерийским зенитным огнем стали применяться в зенитных батареях в системе обороны Лондона. Это позволяло вести заградительный огонь достаточной точности по невидимым целям. Радиолокационные установки приспособлялись и для управления прожекторами.

Большие перспективы применения радиолокации открывались перед истребительной авиацией. К лету 1940 года ученые научно-исследовательского центра министерства авиации при активной помощи инженеров и технологов радиопромышленности разработали радиолокационную станцию управления истребителями в воздухе при перехвате самолетов противника над территорией Англии. Как только были закончены испытания этой станции, немедленно последовал срочный заказ на производство 12 таких станций. В середине октября в Шорхеме начала действовать первая такая радиолокационная станция с радиусом действия около 70 километров. Оператор ее мог одновременно наблюдать за самолетами противника и следовавшими на их перехват своими истребителями. Передавая указания по радио, оператор мог подвести свой истребитель к бомбардировщику противника на расстояние до 900 метров. После этого летчик-истребитель наблюдал за самолетом противника при помощи бортового радиолокационного прицела А.1. Применение наземной

радиолокационной станции для управления своими истребителями в воздухе в сочетании с бортовым радиолокационным прицелом А. I должно было произвести революцию в нашей противовоздушной обороне. Однако эта радиолокационная станция имела серьезный недостаток: ее можно было одновременно использовать для перехвата только одной, максимум двух целей противника.

По существу успех противовоздушной обороны страны в ночное время теперь зависел от скорости поступления на вооружение ВВС ночных истребителей «Бофайтер» и новой наземной радиолокационной установки. Кроме того, необходимо было улучшить использование истребительной авиации в системе противовоздушной обороны в ночное время. Для изучения этого вопроса был создан специальный комитет под председательством маршала авиации Салмонда. В него входили такие известные маршалы авиации, как Фримэн, Джуберт, Теддер и Дуглас. Этот комитет рекомендовал всем летчикам, отбираемым в ночную истребительную авиацию, пройти испытания ночного зрения и сдать экзамены по специальному курсу летной подготовки на ночном истребителе; Истребительному командованию рекомендовалось создать при штабе специальный отдел по руководству и контролю боевыми действиями истребительной авиации в ночное время; оснастить ночные истребители новым аэронавигационным оборудованием. Все эти рекомендации были проведены в жизнь в течение нескольких месяцев.

После 12 октября 1940 года, когда вторжение в Англию было отложено до будущей весны, немецкому командованию стало ясно, что воздушное наступление на Англию своей основной цели не достигло. Теперь основные усилия авиации немецкое командование решило направить не на подрыв морального духа населения Лондона, а на уничтожение военной промышленности и торгового флота Англии.

Наша разведка своевременно выявила намерения противника. 12 ноября английскому командованию стало известно, что в ближайшем будущем немецкая авиация намеревается провести массированные налеты на

Ковентри, Бирмингем и Вулверхемптон. В связи с этим командование английских ВВС осуществило ряд мощных ударов по аэродромам бомбардировочной авиации противника и некоторым немецким городам. Несмотря на это, Ковентри и Бирмингем подверглись нападению и были основательно разрушены. Вулверхемптон избежал этой участи, так как противнику, по-видимому, стало известно об усилении противовоздушной обороны этого города.

Новая фаза воздушного наступления противника началась налетом на Ковентри в ночь на 15 ноября. Полная луна и хорошая видимость благоприятствовали проведению налета, который проходил в соответствии с намеченным планом. В 18:17 около 12 немецких бомбардировщиков «Хейнкель-111» из состава 100-й авиагруппы появились над заливом Лайм и пересекли побережье Англии. Самолеты этой авиагруппы, оборудованные сложной радионавигационной аппаратурой «X-Gerat»¹, уже добились в прошлом немалых успехов в налетах на мосты в Варшаве и на английские авиационные заводы. На этот раз самолеты этой авиагруппы выполняли роль самолетов наведения. Их задача состояла в том, чтобы обнаружить цель и сбросить на нее зажигательные бомбы. После них должен был появиться эшелон основных сил бомбардировщиков и сбросить бомбы на огни возникших пожаров. Всего в налете на Ковентри участвовало 437 немецких самолетов, сбросивших на город 56 тонн зажигательных бомб, 394 тонны фугасных бомб и 127 парашютных мин. Налет продолжался до 6 часов утра.

В результате налета получили повреждения двенадцать авиационных и девять других крупных заводов, расположенных в городе. Была выведена из строя газо-

¹ Самолет летел по точно направленному на цель узкому радиопеленгу в центре более широкого радиопеленга. Он перехватывался тремя радиопеленгами близ цели: первый был как общее предупреждение, второй — предварительный сигнал, третий — главный сигнал. От этой третьей точки перехвата оставалась короткая расчетная дистанция до цели. После прохода третьей точки бомбы сбрасывались автоматически. — *Прим. авторов*

вая система и водоснабжение, вследствие чего в течение некоторого времени в городе ощущался недостаток воды и газа. Большие повреждения были причинены железно-дорожному транспорту. Последствия налета были бы еще более тяжелыми, если бы не исключительно хорошая работа местной противовоздушной обороны. Зенитная артиллерия поддерживала сильное огневое заграждение, вынуждавшее самолеты противника держаться на большой высоте.

В течение следующих двух ночей авиация противника возобновила налеты на Лондон. В ночь на 18 ноября немецкие самолеты нанесли удар по Саутгемптону, затем подряд в течение трех ночей последовали массированные налеты на Бирмингем. В течение последней недели ноября немецкая авиация совершила крупные налеты на Саутгемптон, Лондон, Ливерпуль, Бристоль и Плимут. Варварские налеты авиации противника продолжались и в декабре, и к списку городов, подвергшихся налетам, прибавились Манчестер и Шеффилд.

Геринг придерживался своей политики периодического воздействия немецкой авиации по трем основным группам целей вплоть до второй половины февраля 1941 года. Из 31 крупного налета, проведенного немецкой авиацией в период с середины ноября 1940 года до середины февраля 1941 года, 14 налетов были проведены на порты, 9 на промышленные города в глубине Англии и 8 налетов на Лондон. Помимо многочисленных беспокоящих налетов, авиация противника каждую ночь концентрировала свои усилия на каком-либо одном промышленном центре, причем на один и тот же город проводилось два-три бомбардировочных налета через короткие промежутки времени, чтобы помешать его восстановлению. В январе из-за плохой погоды немецкая авиация сократила число налетов, но и в этом месяце ночным массированным налетам впервые подверглись три промышленных центра — Кардифф, Портсмут и Авонмут. В феврале активность действий немецкой авиации снизилась. В этом месяце было произведено только 1200 самолето-вылетов, тогда как в декабре и ноябре — соответственно 6000 и 4000 самолето-вылетов.

За четыре месяца, с начала ноября и до конца февраля, немецкая авиация произвела на территорию Англии около 12 000 самолето-вылетов, однако общее количество самолетов противника, уничтоженных средствами нашей противовоздушной обороны, было небольшим и, по нашим данным, не превышало 75 самолетов. Из этого количества примерно две трети приходились на долю зенитной артиллерии и одна треть на долю истребителей.

Если у нас плохо обстояло дело с уничтожением самолетов противника в воздухе, то мы добились значительных успехов в отвлечении авиации противника на ложные цели и создании помех его радионавигационным системам.

В ноябре 1940 года у нас не было средств для подавления немецкой радионавигационной системы «X-Gerat», но вскоре такая аппаратура была создана. В начале 1941 г. радионавигационные системы противника подавлялись нашими средствами радиопротиводействия настолько сильно, что немцы перестали направлять радиопеленги на объекты заранее, после полудня, а ждали, пока их самолеты пересекут побережье Англии. Исключением были отдельные случаи, когда противник вводил в заблуждение наши истребители, направляя радиопеленг на ложную цель.

В общем, несмотря на многочисленные недостатки, работа нашей противовоздушной обороны активизировалась. В истребительные эскадрильи начали прибывать летчики, подготовленные для полетов в ночных условиях. Совершенствовались бортовые навигационные приборы и аэродромное оборудование для ночных полетов. С поразительной быстротой завершалось создание первой очереди радиолокационных станций для наведения и управления истребителями в воздухе. Эффективнее стали действовать наши зенитчики. Вместо 20 000 снарядов, расходовавшихся в сентябре на каждый сбитый самолет противника, в феврале затрачивалось менее 3000 снарядов; и наконец, на вооружение нашей противовоздушной обороны начали поступать батареи невращающихся реактивных снарядов.

Результаты этих мероприятий должны были сказаться в течение следующей, последней фазы немецкого воздушного наступления.

В феврале 1941 года германское верховное командование решило пересмотреть план боевого использования своих военно-воздушных сил. Критика Кейтеля и Йодля боевого использования авиации получила поддержку со стороны Редера, который 4 февраля на совещании у Гитлера заявил, что немецким ВВС не удалось расстроить английскую промышленность и поколебать моральный дух англичан. Уязвимыми местами Англии, утверждал Редер, являются ее зависимость от импорта и недостаток тоннажа торгового флота. С учетом использования этих слабых мест Англии, по мнению Редера, и должна быть построена стратегия немецких военно-воздушных сил.

Действия по портам, судостроительной промышленности и судоходству Англии с самого начала были составной частью немецкого плана ведения войны. Отныне этим задачам отводилась главенствующая роль. Поскольку немецкая армия в соответствии со стратегическим планом с мая 1941 года будет действовать на Восточном фронте, Англию надлежало поставить на колени путем блокады, осуществляемой совместными усилиями немецкого военно-морского флота и военно-воздушных сил. В то время как немецкие подводные лодки будут топить английские корабли и суда в море, немецкая бомбардировочная авиация должна наносить удары по судостроительным верфям и портам Англии. В то же время нужно было связать действия английских ВВС, совершая время от времени налеты на объекты английской авиационной промышленности. Эти положения были изложены в официальной директиве Гитлера от 6 февраля 1941 года.

В соответствии с этой директивой, как только улучшилась погода, крупные силы немецкой авиации обрушились на английские порты, особенно те, которые больше всего использовались для судоходства на жизненно важном для Англии направлении — через Атлантический океан. В период с 20 февраля по 12 мая немецкие самолеты произвели на Англию 61 массированный

налет, в каждом из которых участвовало более 50 самолетов. Семь налетов были проведены на Лондон, пять на Бирмингем, два на Ковентри и один на Ноттингем. Остальные 46 налетов были совершены на порты Портсмут, Плимут, Бристоль, Авонмут, Суонси, Белфаст и порты, расположенные в устье рек Мерсей и Клайд. На восточном побережье Англии интенсивным атакам подвергся Гулль. Кроме того, за этот же период производились налеты небольшими группами и отдельными самолетами на английские суда, непрерывно осуществлялась постановка мин с воздуха.

Несомненно, при выполнении этих задач авиация противника добилась определенных успехов, но теперь эти успехи доставались ей не так легко и дешево, как прежде. К марту 1941 года шесть эскадрилий Истребительного командования были оснащены радиолокационным прицелом нового типа А. I-IV, причем пять эскадрилий были вооружены новыми ночными истребителями «Бофайтер». К апрелю уже действовали 11 наземных радиолокационных станций наведения и управления истребителями в воздухе. Восемь эскадрилий, вооруженных истребителями «Уорри кейн» и «Дефиант» и предназначенных исключительно для ночных действий, накапливали боевой опыт. Чтобы помешать проведению ночных налетов немецкой авиации, 23-я истребительная эскадрилья¹ с декабря 1940 года начала совершать ночные налеты на немецкие аэродромы. Как только стало известно о новых планах противника, все эти средства были умело распределены для обеспечения максимально возможной защиты наших портов.

В январе наши ночные истребители сбили только 3, а зенитная артиллерия 12 немецких самолетов. В феврале

¹ 23-я истребительная эскадрилья, вооруженная двухмоторными истребителями «Бленхейм», вела блокирование аэродромов противника ночью. Патрулируя в районе вражеского аэродрома, эти истребители атаковали взлетающие или заходящие на посадку самолеты противника и наносили бомбовые удары по самолетам на старте. — *Прим. ред.*

истребители сбили 4, а зенитная артиллерия 8 самолетов. Но начиная с марта потери противника стали расти, причем на долю истребителей теперь приходилось большее количество сбитых самолетов, чем на долю зенитной артиллерии. В марте нашими истребителями в ночное время были сбиты 22 немецких самолета, зенитной артиллерией — 17 самолетов. В апреле истребители сбили 48, зенитная артиллерия 39 самолетов противника. Несмотря на то что к концу мая активность действий немецкой авиации значительно ослабла, в этом месяце было сбито максимальное количество — 138 самолетов, из них 96 истребителями, 32 зенитной артиллерией и 10 самолетов были уничтожены другими средствами противовоздушной обороны.

Количество сбитых в мае самолетов противника составляло не более 3,5 процента от общего количества самолето-вылетов, произведенных немецкой авиацией за этот месяц. Однако и эти потери значительно превышали потери немецкой авиации осенью 1940 года. Количество немецких самолетов, сбитых английской истребительной авиацией, распределялось почти поровну между обычными истребителями и истребителями, оснащенными бортовыми радиолокационными прицелами, действовавшими в системе радиолокационных станций управления истребителями в воздухе. Однако было отмечено, что начиная с января истребители, оснащенные бортовыми радиолокационными прицелами, осуществили перехват почти вдвое большего числа самолетов противника, чем обычные истребители, хотя и произвели более чем в два раза меньше самолето-вылетов. Таким образом, будущее принадлежало бортовому радиолокационному прицелу и наземным радиолокационным станциям управления и наведения истребителей.

В тот период, когда Германия сосредоточивала свои армии на Востоке и обеспечивала свой правый фланг в Греции и Югославии, немецкие ВВС с удвоенной яростью обрушились на Англию. Несомненно, основной целью этого воздушного наступления являлось стремление нанести нам возможно больший ущерб за оставшийся небольшой отрезок времени. Во второй половине апреля

немецкая авиация совершила два массированных налета на Лондон, сбросив на город максимальное количество фугасных бомб по сравнению со всеми предшествовавшими налетами. В ночь на 17 апреля было сброшено 876 тонн и в ночь на 20 апреля 1010 тонн бомб. В промежутках между этими налетами были проведены мощные налеты на Портсмут и Плимут. В начале мая крупным налетам немецкой авиации подверглись порты, расположенные в устье рек Мерсей и Клайд. В заключение в ночь на 11 мая был произведен налет на Лондон — на город было сброшено 700 тонн бомб.

Начиная со второй половины мая немецкая авиация начала передислоцироваться на новые театры военных действий, и в мае и июне на цели, расположенные в Англии, было совершено всего лишь четыре налета, причем во время каждого налета сбрасывалось немногим более 100 тонн бомб.

К концу июня две трети немецких ВВС были переброшены на Восточный и Южный фронты.

С чисто экономической точки зрения немецкое воздушное наступление на Англию, несомненно, достигло определенных успехов. Производство самолетов в Англии значительно снизилось как в результате прямого ущерба, нанесенного промышленности, так и вследствие вынужденного рассредоточения заводов. Только в феврале 1941 года выпуск самолетов достиг уровня августа предыдущего года. От налетов немецкой авиации пострадали сталелитейная и судостроительная промышленность, сети коммуникаций, сократилось производство электроэнергии, было уничтожено некоторое количество запасов нефти, продовольственных и других резервов. Нам приходилось держать более 600 000 человек в системе противовоздушной обороны. В результате воздушных налетов было убито около 40 000 жителей и 46 000 ранено, разрушено более миллиона жилых домов. Таких результатов немецкая авиация достигла ценой потери 600 самолетов, что составляло не более 1,5 процента от общего количества самолето-вылетов, произведенных на Англию. В результате налета немецкой авиации на Ковентри выпуск самолетов на непродолжительное время сокра-

тился на 20 процентов, потери немцев в этом налете составили всего один самолет.

И все же результаты воздушного наступления были весьма далеки от того, чтобы их можно было считать большой стратегической победой противника. Каким бы значительным ни был ущерб, причиненный этим наступлением, его влияние на общее промышленное производство Англии не имело решающего значения. За пять месяцев интенсивных воздушных налетов на доки и порты Англии в 1941 году было уничтожено только около 70 000 тонн продовольственных резервов и лишь полпроцента наших нефтяных запасов. Разрушения, причиненные линиям коммуникаций, были быстро ликвидированы. Повсюду, за исключением авиационной промышленности, уменьшение выпуска продукции было весьма незначительным и серьезно не повлияло на обороноспособность страны.

Частично это объясняется тем, что при проведении как ночных, так и дневных налетов немецкой авиации в период битвы над Англией командование немецких ВВС допустило ряд серьезных ошибок в вопросе боевого использования своей авиации. Хороший комплекс целей представляли собой крупные электростанции Англии, авиационные заводы, порты и судостроительные верфи. Однако немецкое командование колебалось в выборе объектов действий и использовало свою авиацию для нанесения ударов сразу по всем трем комплексам целей. А так как большинство бомб, сброшенных немецкими самолетами, упало далеко от этих целей, что в значительной степени следует отнести к заслугам нашей противовоздушной обороны, то большую часть своих усилий немцы израсходовали впустую. Воздушное наступление обошлось им довольно дешево, и свои потери в самолетах и экипажах они полностью оправдали достигнутыми результатами. В период немецкого воздушного наступления мы были вынуждены держать внутри метрополии большое количество истребителей и зенитных средств, в которых в это время так остро нуждались наши войска на Среднем Востоке. Это было основным достижением, которого добились немцы своим воздушным наступлением на Англию.

Глава VI

НЕМЕЦКАЯ БЛОКАДА. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОЙ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ

Воздушное наступление на Англию было одним из наиболее ярко выраженных усилий Гитлера завоевать Англию, пока она была в одиночестве. Но в течение долгих месяцев воздушного наступления противник применял другой, более коварный способ борьбы, действие которого проявлялось не так быстро, но который был не менее опасным. Таким способом была немецкая блокада на море.

До весны 1940 года преимущества войны на море были на стороне Англии. Мы привели к застою заморскую торговлю Германии, воспретили действия рейдеров на наших морских коммуникациях, в значительной степени нейтрализовали действия подводных лодок и успешно боролись с магнитными минами. Даже в трагическом для нас эпизоде — высадке немцев в Норвегии — нам удалось до-

биться того, что боевые действия в Норвегии стоили немецкому военно-морскому флоту одной трети его крейсеров и почти половины эскадренных миноносцев.

Однако оккупация немцами Норвегии была лишь началом цепи важных событий, которые вскоре привели к падению Франции и Голландии и вступлению в войну Италии. Теперь подводные лодки, торпедные катера и самолеты противника приобрели новую смертоносную силу. Действуя с баз, расположенных на западном побережье Франции, немецкие подводные лодки и самолеты начали охотиться за нашими кораблями на западных подступах к Англии и стали появляться далеко в водах, куда они раньше не заходили. Действуя с норвежских баз, немецкий флот и авиация расстраивали наше судоходство у восточных берегов Англии и вели борьбу с нашими разведывательными самолетами над Северным морем. Из Сардинии и Сицилии, Южной Италии и с островов Додеканес итальянские корабли и самолеты угрожали перерезать коммуникации, связывавшие нас с Египтом, и вынудить нас добираться туда длинным окрестным путем вокруг мыса Доброй Надежды.

В этих условиях военно-морской флот Англии испытывал острый недостаток в эскортных кораблях. Перед Береговым командованием английских ВВС в этот период стояли следующие задачи: проведение воздушного патрулирования над Северным морем и Ла-Маншем с целью предупреждения вторжения противника в метрополию; прикрытие истребителями дальнего действия западных подходов к Англии; разведка вражеского побережья.

Эскортирование конвоев и патрульные полеты с целью поиска и уничтожения немецких подводных лодок нашим самолетам приходилось теперь проводить на очень большие расстояния. Для выполнения этих задач Береговое командование в июне 1940 года имело только 500 самолетов, из них лишь 34 летающие лодки «Сандерленд» могли действовать на удалении свыше 800 километров от своих аэродромов.

Вначале немецкие самолеты и подводные лодки добились значительных успехов на юго-западных подходах

к Англии. В связи с этим наши конвои стали подходить к Англии с северо-запада. Вскоре противнику стало известно об этом, и борьба переместилась в район севернее и западнее Ирландии. Это обстоятельство привело к еще большему напряжению сил Берегового командования, так как оно не имело подходящих аэродромов и гидроаэродромов в этом районе. Обстановка для нашего судоходства ухудшилась еще и в связи с тем, что начиная с августа 1940 года немецкие подводные лодки стали применять новую тактику действий. В течение светлого времени они находились на поверхности и держались на значительном расстоянии от наших конвоев и сопровождавших их самолетов, производя сближение и атаку в надводном положении лишь с наступлением темноты.

Против такой тактики действий противника Береговое командование пока не выработало необходимых контрмер. Оборудование аэродромов Берегового командования для ночных полетов в северо-западной части Англии было весьма примитивным, и обычные самолеты могли обнаружить подводные лодки только в лунные ночи. Таким образом, в темные ночи при поиске кораблей и подводных лодок в море вся надежда возлагалась на бортовые радиолокаторы, которыми были оборудованы около 15 процентов самолетов Берегового командования.

К сожалению, эта аппаратура в то время была далеко не совершенной и обладала слабой чувствительностью и небольшой дальностью действия. Например, бортовой радиолокатор мог обнаружить подводную лодку лишь на расстоянии не более пяти километров при условии, что она находится на поверхности воды. И даже обнаружив с помощью такого радиолокатора подводную лодку, наши самолеты не имели средств для ее освещения.

По этой причине и главным образом вследствие нехватки самолетов и кораблей для организации надежного воздушного и надводного эскортирования морских конвоев наше судоходство несло чрезвычайно большие потери. Тоннаж союзных и нейтральных торговых судов, потопленных противником в период с начала июня и до конца 1940 года, составил свыше 3 миллионов тонн,

или в среднем около 450 000 тонн в месяц. 59 процентов этого тоннажа составляли суда, потопленные немецкими подводными лодками, 12 процентов — авиацией противника и 29 процентов — надводными кораблями (сюда входят суда, подорванные на минах). За этот период потери в тоннаже нашего торгового флота превысили его пополнение более чем на 2 500 000 тонн, а объем нашего импорта сократился на 20 процентов.

На этом этапе мы испытывали острую нужду в эскадренных миноносцах, самолетах с большим радиусом действия, в более совершенных бортовых радиолокаторах, противолодочных бомбах, бортовых прожекторах и светящихся авиационных бомбах.

В этот напряженный для нас период министр авиационной промышленности лорд Бивербрук предложил передать Береговое командование в распоряжение Адмиралтейства. Адмиралтейство же не решалось взять на себя столь большую ответственность, и было принято решение, которое в известной степени шло навстречу пожеланиям военно-морского флота. Согласно этому решению, численность самолетного парка Берегового командования к 1 июня 1941 года должна была увеличиться на 18 эскадрилий. Береговое командование по-прежнему должно было входить в состав английских ВВС как в административном отношении, так и в вопросах технического обеспечения и подготовки кадров; однако эскадрильи, входившие в состав командования, не могли отвлекаться для выполнения задач, не связанных с ведением войны на море, без санкции Адмиралтейства. Начиная же с апреля 1941 года Береговое командование переходило под оперативный контроль Адмиралтейства, который должен был осуществляться через командующего Береговым командованием. За исключением некоторого улучшения связи между Береговым командованием и Адмиралтейством, это решение фактически не внесло каких-либо существенных изменений. Как и ранее, Адмиралтейство ставило общие боевые задачи Береговому командованию, которое в свою очередь решало, как и какими средствами должны быть удовлетворены запросы Адмиралтейства.

В январе 1941 года было принято важное решение — использовать Исландию для базирования самолетов Берегового командования. К середине лета 1941 года туда были переброшены три эскадрильи, входившие в состав 15-й авиагруппы.

Штормовая погода, стоявшая в начале 1941 года, сильно затрудняла действия немецких подводных лодок. 24 февраля Гитлер объявил, что война на море будет закончена через два месяца. В марте и апреле усилия противника в войне на море достигли апогея. В борьбу на море противник бросил новые подводные лодки, самолеты «Хейнкель-111» и «Фокке-Вульф-200», линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау», броненосец «Адмирал Шеер» и тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер». В марте потери союзного торгового флота составили 532 000 тонн, в апреле — 644 000 тонн, из которых не менее 296 000 тонн было потоплено авиацией противника. Обеспокоенное столь большими потерями торгового флота, английское правительство 6 марта издало директиву «о битве за Атлантику». Согласно этой директиве был создан специальный комитет для контроля и руководства боевыми действиями в Атлантике и проведен ряд практических мероприятий, связанных с войной на море. Бомбардировочное командование передало Береговому командованию несколько самолетов «Бленхейм» для ведения разведки над Северным морем, а выполнявшие эту задачу эскадрильи Берегового командования были переброшены в наиболее угрожаемые районы в северо-западной части страны. К сожалению, мы не могли разместить нашу авиацию на такой удобной территории, как Эйре, однако нам удалось быстро построить аэродромы в Северной Ирландии, на Гебридских островах и в Исландии. На торговых судах было установлено дополнительное вооружение, включены в состав конвоев суда с катапультным устройством для истребителей. Береговое командование имело теперь достаточно сил, чтобы проводить не только оборонительные, но и наступательные действия. Самолеты командования начали проводить поиск немецких подводных лодок на значительном удалении от своих конвоев.

Проведение этих мероприятий и повышение активности действий Берегового командования дали положительные результаты. Немецкие подводные лодки, вынужденные ежедневно по нескольку часов находиться на поверхности моря для зарядки аккумуляторов, очень скоро почувствовали силу ударов нашей авиации и стали отступать все дальше и дальше от берегов Англии. К маю 1941 года воздушное прикрытие конвоев и противолодочные операции проводились на удалении уже до 650 километров от берегов Англии и Исландии. Немецкие подводные лодки вынуждены были действовать преимущественно у берегов Западной Африки или в центральных районах Атлантики. Борьбу с подводными лодками противника, действовавшими у побережья Западной Африки, осуществляли летающие лодки «Сандерленд» и бомбардировщики «Хадсон», переброшенные на вновь созданные аэродромы в районе Фритауна. Центральная часть Атлантики оставалась пока вне досягаемости как самолетов Берегового командования, так и немецких самолетов «Фокке-Вульф-200», без помощи которых немецкие подводные лодки не могли действовать успешно. В то же самое время такие мероприятия, как усиление противовоздушной обороны наших конвоев и сформирование в составе Берегового командования первой эскадрильи (252-й) истребителей дальнего действия «Бофайтер», также способствовали успеху борьбы с самолетами «Фокке-Вульф-200». В мае 1941 года потери союзников и нейтральных стран были уже менее 500 000 тонн, в июне они еще сократились, в июле и августе потери в среднем не превышали 125 000 тонн.

Таким образом, была устранена смертельная угроза, которая нависла над союзным судоходством. Переломным моментом в этой борьбе, несомненно, было потопление в марте пяти немецких подводных лодок. Однако окончательный удар по надеждам Гитлера достигнуть быстрой победы на море был нанесен в результате вывода из строя линейного корабля «Гнейзенау» и потопления линейного корабля «Бисмарк».

Согласно первоначальным намерениям немцев, «Бисмарк», только что построенный линейный корабль

огромной мощности, должен был действовать в Северной Атлантике совместно с линейными кораблями «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Тоннаж союзных судов, потопленных этими двумя кораблями за один рейд, закончившийся в Бресте 22 марта 1941 года, составил около 116 000 тонн, но они не могли противостоять нашим линейным кораблям, привлекавшимся для эскортирования конвоев. Появление в Атлантике «Бисмарка», который, как считалось, не имел равного себе корабля, должно было устранить эту слабость. Теперь, по планам немецкого командования, три линейных корабля, действуя совместно, должны были парализовать наши морские коммуникации.

Однако намерения противника были сорваны. Согласно директиве премьер-министра от 6 марта 1941 года, военно-воздушным силам было приказано направить основные усилия против объектов противника, которые оказывали непосредственное влияние на битву за Атлантику. 28 марта наша воздушная разведка подтвердила присутствие в Бресте двух немецких линейных кораблей. В течение последующих нескольких ночей погода была неблагоприятной для полетов, и, хотя в налетах участвовало около 200 бомбардировщиков, немецкие корабли уничтожить не удалось. Однако усилия авиации не пропали даром. Одна попавшая в «Гнейзенау» и неразорвавшаяся 100-кг бомба вынудила немцев вывести 5 апреля корабль из дока на внешний рейд, где он сразу же был обнаружен самолетом «Спитфайр». На следующий день для бомбардировки «Гнейзенау» командование направило группу бомбардировщиков-торпедоносцев из состава Берегового командования. На рассвете 6 апреля для атаки линейного корабля были высланы четыре самолета «Бофорт». одному из них удалось в тумане обнаружить «Гнейзенау», стоявший у причала внутренней гавани, которую прикрывали 270 зенитных орудий, расположенных на прилегающих к гавани высотах. Три корабля ПВО, стоявшие на якоре на внешнем рейде, и грозное вооружение самого линейного корабля еще более усиливали противовоздушную оборону порта Брест. Летчик проскочил между двумя кораблями ПВО и сбросил торпеду с расстояния 450 метров. По самолету был

немедленно открыт мощный зенитный огонь, и он был сразу же сбит. Торпеда, сброшенная с самолета, пробила корму «Гнейзенау» ниже ватерлинии, повредив правый гребной вал. В ночь на 11 апреля самолеты Бомбардировочного командования произвели повторный налет на «Гнейзенау», находившийся уже в доке, и четырьмя прямыми попаданиями нанесли ему новые повреждения. На ремонт корабля потребовалось около восьми месяцев. «Шарнхорст» в этом налете не был поврежден, но его ремонт затянулся в связи с повреждениями в доке.

Таким образом, замысел противника прорваться тремя линейными кораблями на наши коммуникации в Атлантике был сорван. Теперь эту задачу предстояло выполнить «Бисмарку», следовавшему в сопровождении тяжелого крейсера «Принц Ойген». 20 мая «Принц Ойген» и «Бисмарк», проходящие через пролив Каттегат, были впервые обнаружены, хотя и не опознаны шведским военным кораблем. Через несколько часов английский военно-морской атташе в Стокгольме доложил об этом Адмиралтейству. На следующий день оба корабля были обнаружены недалеко от Бергена. Плохая погода в районе Бергена не допускала использования авиации. 22 мая в условиях очень низкой облачности самолет «Мэриленд» из состава военно-морской авиации на небольшой высоте пробылся к Бергену и, возвратившись, доложил, что немецкие корабли покинули Берген. Вскоре «Бисмарк» и «Принц Ойген» были обнаружены в Датском проливе между Исландией и Гренландией, когда они пытались прорваться в Атлантику. Самолеты Берегового командования и морские самолеты совместно с кораблями английского флота приступили к преследованию противника. 24 мая между нашими и немецкими кораблями завязалось сражение, в ходе которого был потоплен линейный крейсер «Худ». Линейный корабль «Принц оф Уэлс» повредил топливные цистерны «Бисмарка», снизив тем самым скорость его хода. Командир «Бисмарка» принял решение повернуть в Брест. 26 мая самолет «Каталина» из состава 240-й эскадрильи Берегового командования обнаружил «Бисмарка», который следовал в направлении Бреста. К этому времени стало ясно, что наши корабли не

успеют сблизиться с «Бисмарком», прежде чем тот достигнет Бреста. К тому же с каждой милей они подвергались бы все большей опасности нападения со стороны немецких бомбардировщиков, базировавшихся во Франции. Теперь все зависело от наших авианосных самолетов. Наведенные на цель следовавшим за «Бисмарком» нашим крейсером, который они атаковали по ошибке, самолеты «Свордфиш» с авианосца «Арк Ройял» произвели удачную атаку немецкого линейного корабля. Прямым попаданием торпеды было выведено из строя рулевое управление «Бисмарка», и вскоре он был потоплен нашими кораблями.

«Один военно-морской флот не может выиграть войну, одержать победу можно только с помощью военно-воздушных сил. Поэтому наши основные усилия должны быть направлены на завоевание господства в воздухе. Истребительная авиация может защитить нас, но обеспечить победу может лишь бомбардировочная авиация. Следовательно, мы должны развивать именно тот вид авиации, который способен уничтожить промышленность Германии и научные учреждения, от которых зависит военный потенциал противника. Это вынудит его держаться на почтительном расстоянии от нашего острова. Никакого другого пути для ликвидации колоссальной военной мощи Германии в настоящее время нет...»

С этими словами Черчилль обратился к Военному кабинету в день первой годовщины войны. Командование английских ВВС было полностью согласно с такой установкой и лишь сожалело, что еще не началась интенсивная бомбардировка объектов немецкой промышленности.

После падения Франции боевые действия Бомбардировочного командования носили преимущественно оборонительный характер и имели своей целью сначала ослабить угрозу со стороны немецкой авиации, а затем сорвать подготовку противника к вторжению. В связи с этим проведению наступательных операций по таким объектам противника, как нефтеперерабатывающие заводы, английская бомбардировочная авиация уделяла незначительное внимание. Это происходило не по вине ко-

мандования английских ВВС, которое всегда настаивало на проведении наступательных воздушных операций с целью разрушения стратегических объектов противника. Преимущественное использование бомбардировочной авиации в оборонительных целях было вызвано общей военной обстановкой, сложившейся в то время. Почти целый год после капитуляции Франции немцы, не связанные боевыми действиями на других театрах военных действий, направляли все свои усилия против Англии. Битва над Англией, морская блокада — таковы последовательные этапы наступления противника. Обладая огромным численным превосходством на земле и в воздухе и имея мощный надводный и подводный флоты, немцы прочно удерживали инициативу до тех пор, пока мы не отразили их натиск, использовав для этого все виды оружия, имевшиеся в нашем распоряжении.

В сентябре 1940 года, когда противник был вынужден отказаться от проведения дневных массированных налетов и рассредоточить флотилии судов, собранных для вторжения в Англию, для нас миновал первый и самый серьезный кризис. Убедительным фактом, свидетельствующим о приверженности штаба английских ВВС к концепции стратегического воздушного наступления, является то, что даже в самый мрачный период для нашей страны Бомбардировочное командование не ограничивалось действиями чисто оборонительного характера. В июле и августе 1940 года 24 процента всех усилий нашей бомбардировочной авиации было направлено против немецких нефтеперерабатывающих заводов; и только в сентябре, когда больше половины всех усилий было направлено на уничтожение десантных кораблей и судов противника, лишь четыре процента общего количества самолето-вылетов бомбардировочной авиации было направлено против нефтеперерабатывающих заводов Германии.

В своем намерении возобновить наступательные воздушные операции против стратегических объектов противника командование английских ВВС нашло полную поддержку со стороны премьер-министра. Но мнения военных и политических руководителей страны относительно наступательных операций нашей авиации были

далеко не едиными. Во время интенсивных налетов немецкой авиации на Лондон английские политические деятели требовали прежде всего нанесения ответных ударов с воздуха по Берлину. Однако штаб военно-воздушных сил, прекрасно сознавая, что для нанесения удара по Берлину нашим самолетам придется преодолеть расстояние, в пять раз большее, чем немецким самолетам до Лондона, настаивал на проведении налетов на более близкие объекты противника. Существо же этих разногласий было значительно глубже, чем выбор между бомбардировкой Берлина и бомбардировкой Рура. Наши политические деятели, выведенные из себя немецкими бомбардировками и учитывавшие настроение лондонцев, хотели не просто налета на Берлин, а беспощадной бомбардировки немецкой столицы. С этой целью Военный кабинет на заседании 19 сентября рекомендовал применять парашютные бомбы. Штаб английских ВВС был против такого использования нашей бомбардировочной авиации.

Спор закончился компромиссом. Командование английских ВВС согласилось включить Берлин в список целей, предусмотренных директивой по проведению бомбардировочного наступления в качестве одного из основных объектов бомбардировки, но при этом настаивало, чтобы удар наносился не вообще по городу, а по вполне определенным объектам: электростанциям, газовым заводам и заводам электротехнической промышленности. Что же касается беспощадной бомбардировки населения, то до появления атомной бомбы она была самым расточительным из всех видов нападения. Командование английских ВВС было заинтересовано в подрыве морального духа немецкого населения не меньше, чем политические деятели, но считало, что успешнее всего этого можно достичь путем уничтожения жизненно важных промышленных объектов противника. Что же касается жертв среди гражданского населения, то их будет достаточно и от бомб, которые не попадут на те или иные заводы.

В соответствии с директивой от 21 сентября 1940 года для действий по Берлину была выделена одна бомбардировочная авиагруппа, при этом основное внимание уделялось бомбардировке берлинских электростанций. Объектами

бомбардировки на территории Германии были нефтеперерабатывающие, авиационные и алюминиевые заводы, железные дороги, каналы и верфи, на которых строились подводные лодки. В ночь на 24 сентября группа в составе 119 бомбардировщиков «Уитли», «Веллингтон» и «Хэмпден» произвела первый ответный удар по Берлину. Погода затрудняла действия бомбардировщиков, и только 84 из них достигли Берлина. Главным объектом бомбардировки были газовые заводы и электростанции, в качестве вспомогательных целей были выбраны сортировочные станции и аэродром Темпельхоф. Налет в целом был неудачным. Более или менее значительный успех был достигнут в Шарлоттенбурге, где зажигательными бомбами был подожжен газгольдер. Многие бомбы вообще не взорвались, в том числе и бомба, попавшая в сад канцелярии Гитлера. В результате бомбардировки в городе было убито 22 человека, то есть на 10 человек больше, чем мы потеряли летного состава в этом налете.

Хотя результаты этого налета были неудовлетворительными, нельзя сказать, что он не воздействовал на противника. Жители Берлина ожидали теперь налетов английской авиации с не меньшей тревогой, чем лондонцы ждали налетов немецких самолетов. Кроме ущерба промышленным объектам и городскому коммунальному хозяйству, налеты такого рода нарушали работу транспорта, вели к сокращению производства. Они показали немецкому народу, что война — это не одни лишь непрерывные победы.

6 октября было принято решение возобновить налеты бомбардировочной авиации на объекты в Италии. До этого по объектам в Италии было произведено около 100 самолетов-вылетов, причем большая часть из них не дала положительных результатов. Нейтральная Швейцария не возражала против пролета наших самолетов над ее территорией. Однако намерения бомбардировать объекты в Италии не осуществились, так как по требованию Адмиралтейства около одной трети всех вылетов бомбардировщиков в октябре было направлено против немецких кораблей «Шарнхорст» и «Гнейзенау», стоявших в Киле, и против других морских объектов.

В конце октября 1940 года на пост начальника штаба английских ВВС был назначен маршал авиации Чарльз Портал, бывший до этого командующим Бомбардировочным командованием. 30 октября он издал директиву, в которой были поставлены задачи военно-воздушным силам на зимний период. В этой директиве нефтеперерабатывающие заводы Германии относились к объектам первостепенной важности. Однако существо новой политики сводилось к тому, чтобы такие объекты, как нефтеперерабатывающие заводы, электростанции и авиационные заводы, выбирались для атак только в крупных промышленных центрах и городах. При налетах на промышленные объекты предусматривалось разрушение жилых кварталов, прилегающих к этим объектам. Так возник термин «бомбометание по площади».

В соответствии с этой директивой небольшие силы бомбардировщиков произвели в ноябре налеты на Берлин, Эссен, Мюнхен и Кельн. Во всех случаях выбирались объекты, расположенные в центре промышленных районов этих городов.

12 декабря Военный кабинет принял решение провести массированные бомбардировочные налеты на немецкие города по типу удара немецких ВВС по Ковентри. В ночь на 17 декабря было решено осуществить операцию «Абигайл» с привлечением 235 бомбардировщиков, которые должны были нанести максимально возможные разрушения одному из немецких городов: Бремену, Дюссельдорфу или Мангейму. Окончательное решение о выборе целей принималось незадолго до вылета самолетов в зависимости от прогноза погоды. В связи с ухудшением погоды было решено произвести налет на Мангейм; в налете участвовало 134 бомбардировщика.

Во второй половине декабря по требованию Адмиралтейства основные усилия Бомбардировочного командования были направлены против баз немецких подводных лодок в Лориане и Бордо и против других морских объектов.

Следующим городом, по которому была произведена бомбардировка по площади в начале января 1941 года, был Бремен. Вскоре на основании доклада комитета Ллойда о состоянии немецкой нефтяной промышленнос-

ти взгляды по вопросу выбора целей в Германии резко разделились. В докладе подчеркивалось, что страны Оси будут испытывать острый недостаток нефти, если Германия не увеличит производства синтетического горючего внутри страны и не преодолет затруднений в транспортировке нефти из Румынии. Комитет считал, что критический период с жидким топливом в Германии наступит в первой половине 1941 года. В течение этого времени всякое значительное сокращение производства синтетического горючего в Германии (по мнению комитета, в результате бомбардировок нашей авиации оно уже сократилось на 15 процентов) будет иметь чрезвычайно важное значение. Если бы удалось уничтожить 9 самых крупных (из 17) заводов синтетического горючего в Германии, то его производство уменьшилось бы на 80 процентов. 15 января Бомбардировочному командованию была направлена директива, в которой указывалось, что основной целью бомбардировочных налетов на Германию до получения дальнейших указаний является уничтожение немецких заводов синтетического горючего. Запасными целями, если погода окажется неблагоприятной для нанесения ударов по этим объектам, должны быть промышленные центры и коммуникации Германии.

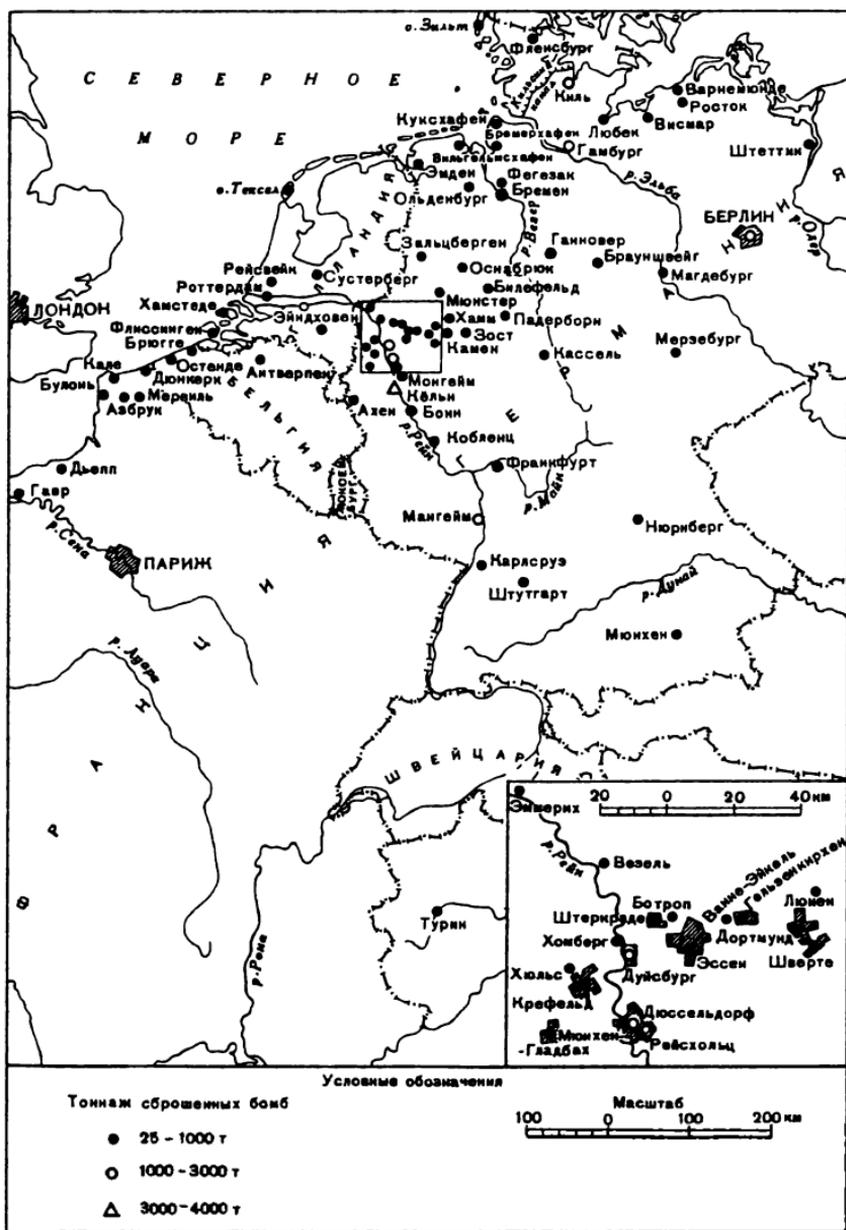
Эта повторная попытка сконцентрировать усилия нашей бомбардировочной авиации для действий по заводам синтетического горючего Германии не была осуществлена, так как возникла угроза нашему судоходству. Прошло лишь несколько дней после издания директивы, как Бомбардировочному командованию была поставлена задача по постановке минных заграждений. Затем командование получило приказ произвести бомбардировку тяжелого крейсера «Адмирал Хиппер», находившегося в Бресте, и аэродромов противника в Бордо и Ставангере, на которые базировались бомбардировщики «Фокке-Вульф-200». После этого самолеты Бомбардировочного командования в течение двух месяцев участвовали в налетах с целью задержать строительство линейного корабля «Тирпиц» в Вильгельмсхафене; наконец, самолеты «Бленхейм» привлекались для патрулирования в Северном море. Выполнение всех этих задач, а также неблагоприятная погода

привели к тому, что в январе и феврале 1941 года бомбардировочная авиация действовала против своих основных объектов, то есть заводов синтетического горючего, всего лишь в течение трех ночей, а против морских объектов противника — в течение девятнадцати ночей. За эти два месяца был совершен только один массированный налет (10 февраля) на промышленный район Ганновера, где производились части для подводных лодок. Общее число бомбардировщиков, участвовавших в налете, составило 221 самолет. Это было самое большое количество самолетов, вылетавших до этого для бомбардировки одного города.

Все это происходило до 6 марта 1941 года, когда премьер-министр издал директиву, в которой основные усилия авиации направлялись на уничтожение объектов, непосредственно влияющих на ход боевых действий в Атлантике. В течение последующих семи недель после издания этой директивы более половины всех самолето-вылетов бомбардировочной авиации было направлено против морских объектов противника. На немецкие корабли, находившиеся в Бресте, за это время было сброшено 1655 тонн бомб, 2-я авиагруппа, вооруженная бомбардировщиками «Бленхейм», полностью переключилась на дневные операции и в течение этих двух месяцев наносила удары по кораблям и судам противника, действовавшим от Норвегии до Британии. В самой Германии основные усилия нашей бомбардировочной авиации были направлены теперь не на Рур, Берлин и нефтеперерабатывающие заводы, а на северные порты и города, где находились судостроительные верфи: Гамбург, Бремен, Киль и Вильгельмсхафен.

На линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау», находившиеся в Бресте, самолеты Бомбардировочного командования произвели в течение восьми недель 1161 самолето-вылет, однако только четыре бомбы попали в цели.

Операции против северных портов Германии оказались более успешными, чем многократные налеты на «Шарнхорст» и «Гнейзенау». На Гамбург, второй по величине город Германии, в первой половине 1941 года было совершено восемь крупных налетов, в каждом из которых принимало участие от 50 до 150 самолетов. Были полностью уничтожены или серьезно повреждены многие

Основные объекты действий Бомбардировочного командования с 3 августа 1939 по 31 августа 1941 г.

промышленные предприятия, среди них авиационные и машиностроительные заводы, электростанции, доки и судостроительные верфи.

Еще более успешными были налеты нашей авиации на Киль. Главная база немецкого военно-морского флота и один из крупнейших центров судостроительной промышленности Германии Киль постоянно привлекал к себе внимание нашего командования. В первые два месяца 1941 года Киль не подвергался сильным налетам, поскольку Адмиралтейство отдавало предпочтение Вильгельмсхафену, где заканчивалось строительство «Тирпица». Но с середины марта и до конца мая Бомбардировочное командование произвело на Киль не менее 900 самолето-вылетов — больше, чем на какой-либо другой немецкий город. В середине апреля на Киль были произведены два массированных налета; в первом из них участвовали 288, а во втором 159 бомбардировщиков. В результате этих налетов, проводившихся подряд в течение двух ночей, в городе было уничтожено много промышленных предприятий, в том числе получили значительные повреждения три крупнейшие судостроительные верфи Германии: «Дойче Верке», «Крупп Германия Верфт» и «Кригсмариневверфт», которые, согласно немецким данным, временно сократили производство соответственно на 60, 25 и 100 процентов.

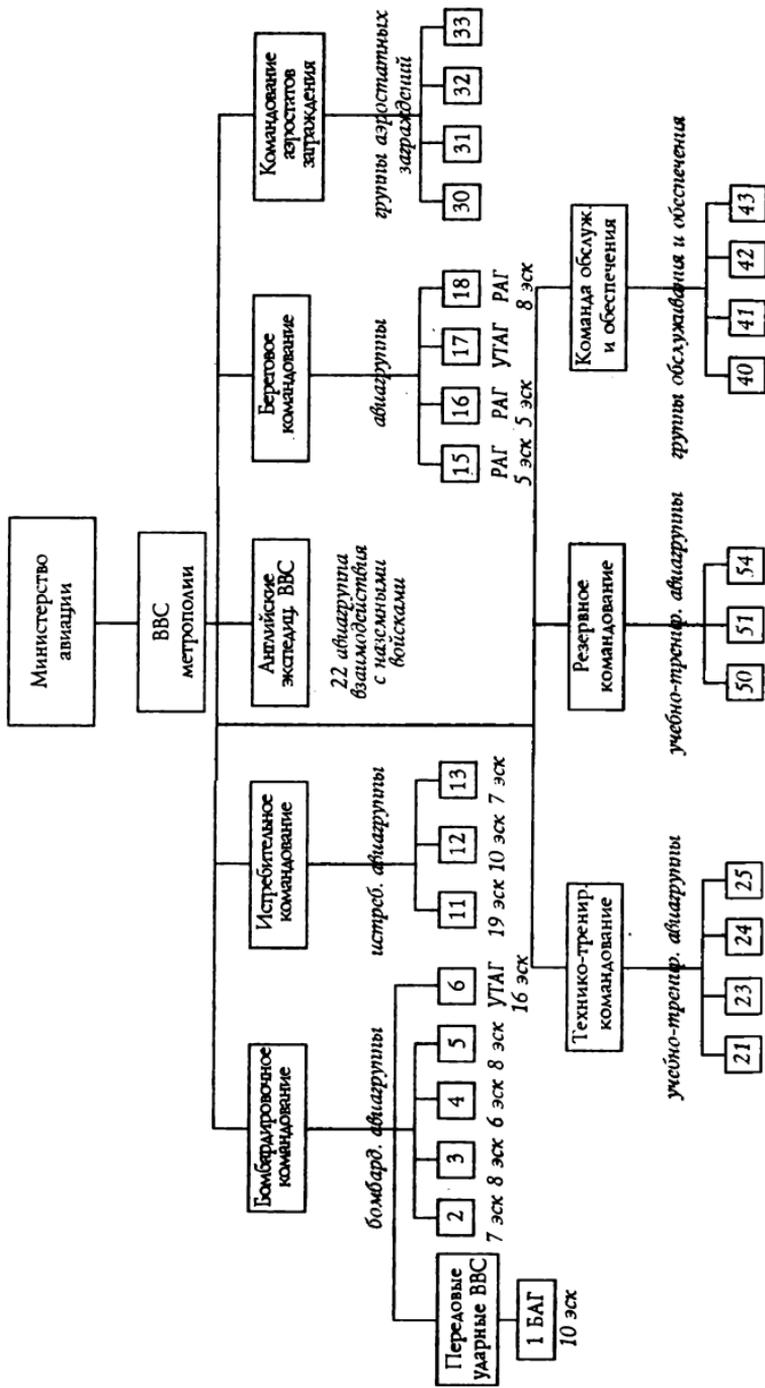
К июлю 1941 года, когда миновал наиболее трудный период в битве за Атлантику, Бомбардировочное командование могло проводить наступательные операции. Тактика ночных бомбардировок, к которой мы были вынуждены прибегать из-за сильного противодействия немецкой противовоздушной обороны, показала, что существовавшие средства и методы самолетовождения не обеспечивали успеха действий бомбардировочной авиации в условиях применения противником светомаскировки, при неблагоприятной погоде или в безлунные ночи. При налетах на объекты, находившиеся на довольно близком расстоянии от наших аэродромов и легко опознаваемые по их расположению у воды, как, например, на порты на севере Германии или на побережье Ла-Манша, ночная бомбардировка была исключительно успешной; в других же местах, особенно в затаенном дымом Руре, большая часть усилий нашей бомбар-

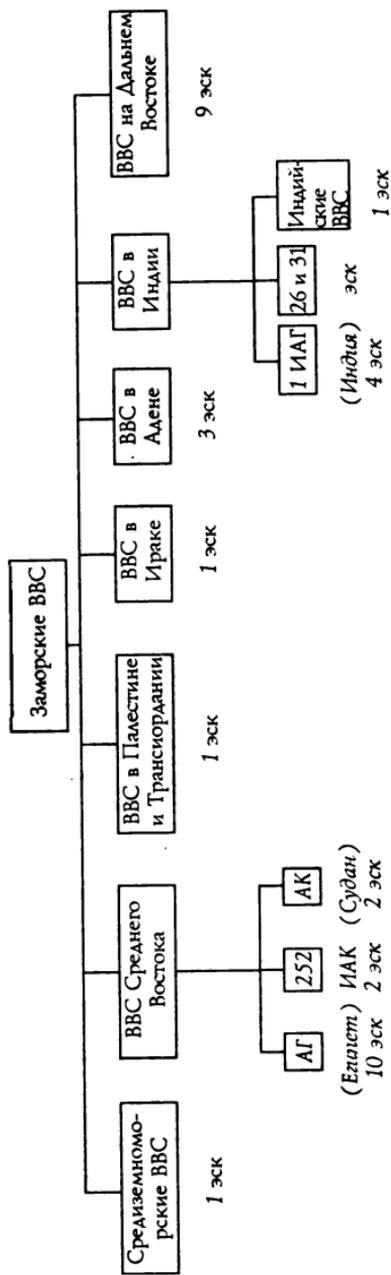
дировочной авиации была затрачена впустую. Известно, что не менее 49 процентов бомб, сброшенных на объекты Юго-Западной Германии в период с мая 1940 года по май 1941 года, упали вне целей. И все же Бомбардировочное командование стойко выдержало самые трудные испытания. Низкие результаты бомбометания породили деморализацию экипажей, что могло сорвать осуществление всего плана стратегического воздушного наступления, на которое возлагалось так много надежд. Наши ученые создали первые образцы надежных радионавигационных средств для бомбардировщиков даже несколько раньше, чем в них возникла острая необходимость. К августу 1941 года была разработана и успешно прошла испытания новая радионавигационная система «Джи», но потребовалось еще несколько месяцев, прежде чем эта аппаратура была произведена в нужном количестве.

Основными недостатками в боевой работе частей Бомбардировочного командования являлись неточное самолетовождение и бомбометание, снижавшие успех воздушного наступления. Штаб английских ВВС беспокоило то обстоятельство, что боевые возможности бомбардировочной авиации в целом были очень низкими. Экипажи бомбардировщиков приходилось отправлять на переучивание в учебно-тренировочные части, на Средний Восток, передавать Береговому командованию, а также использовать для перегонки самолетов «Бленхейм» и «Веллингтон» в Египет. В довершение всего большая часть наличных сил Бомбардировочного командования использовалась против морских и береговых объектов Германии. По тем или иным причинам в течение зимы 1941 года почти половина всех экипажей Бомбардировочного командования не могла принять участие в боевых действиях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что немецкая промышленность мало пострадала от нашего воздушного наступления.

И все же, несмотря на все затруднения и многочисленные ошибки, Бомбардировочное командование проделало большую полезную работу. Оно сыграло значительную роль в срыве немецких планов вторжения в Англию, внесло большой вклад в ликвидацию немецкой блокады на море и вынудило противника держать свыше миллиона

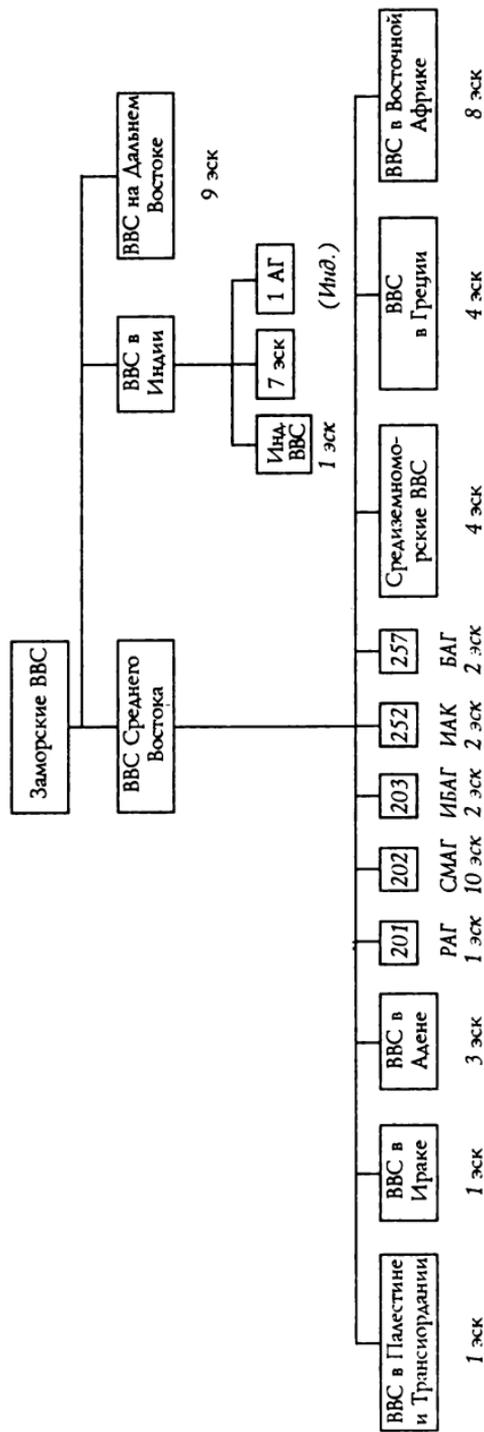
Организация ВВС Великобритании на 1 сентября 1939 г.

Сокращения:

- АГ — авиagруппа
- БАГ — бомбардировочная авиagруппа
- ИАГ — истребительная авиagруппа
- РАГ — разведывательная авиagруппа
- УТАГ — учебно-тренировочная авиagруппа
- АК — авиакрыло
- ИАК — истребительное авиакрыло

Сокращения:

- АГ — авиатруппа
- ИБАГ — истребительно-бомбардировочная авиатруппа
- СМАГ — смешанная авиатруппа
- РАГ — разведывательная авиатруппа
- УТАГ — учебно-тренировочная авиатруппа
- ГС — группа связи
- БАК — бомбардировочное авиакрыло
- ИАК — истребительное авиакрыло

человек в системе противовоздушной обороны. Даже в тот период, когда Бомбардировочное командование было слабым, оно было единственным из всех компонентов английских вооруженных сил, которое донесло войну до сердца Германии. Теперь командование стало грозной силой. В мае 1941 года, когда улучшилась погода и приступила к боевым действиям вновь сформированная 1-я авиагруппа, Бомбардировочное командование провело на немецкие порты 19 налетов, причем в каждом налете участвовало более 50 бомбардировщиков; а в ночь на 8 мая был проведен массированный налет, в котором участвовало более 300 бомбардировщиков. Увеличивался калибр бомб. В конце мая на Эмден были сброшены первые бомбы весом в 1800 килограммов. На вооружение командования начали поступать новые типы тяжелых бомбардировщиков — «Манчестер», «Стирлинг» и «Галифакс».

Таким образом, с наступлением лета 1941 года перед английскими ВВС открылись широкие перспективы. Воздушное наступление против Англии кануло в прошлое, потери английских кораблей и торговых судов значительно уменьшились, стратегическая инициатива постепенно переходила в наши руки. Наша истребительная авиация, не связанная больше необходимостью сосредоточивать свои усилия на обороне, завоевывала превосходство в воздухе по другую сторону Ла-Манша. Правда, наспех организованный и плохо обеспеченный фронт на Балканах быстро развалился, но «черный ход» в Египет через Ирак удерживался нами так же прочно, как и «парадный» подъезд со стороны Ливийской пустыни. Будущее всюду казалось более обещающим. 22 июня, когда нацистские орды двинулись на Россию, стало очевидным, что благодаря безрассудству Гитлера и нашим собственным усилиям мы получили передышку. Воздушное наступление противника на Англию, натолкнувшееся на столь продолжительное и стойкое сопротивление нашей авиации, захлебнулось. И наоборот, мы наконец могли наращивать силы для воздушного наступления на Германию, которое на многие месяцы стало основной задачей Бомбардировочного командования английских ВВС.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ВВС союзников 10.05.1940–25.08.1940

ВВС Бельгии

Истребители

Тип самолета

Gladiator	15
Hurricane	11
Fox-VII	41
CR-42	23
Всего	90

Бомбардировщики и разведчики

Тип самолета

Fox-VIC	34
Battle	14
R-31	21
Всего	69

ВВС Голландии**Истребители****Тип самолета**

D-XXI	28
G-1	23
Всего	51

Бомбардировщики и разведчики**Тип самолета**

T-V	12
C-X	11
C-V	6
Всего	29

ВВС Франции**Истребители****Тип самолета**

MS-406	278
C-714	40
D-520	36
MB-152	94
Potez-63	32
Hawk-75	98
Другие	70
Всего	648

Бомбардировщики

Тип самолета

Amiot-143	36
Amiot-354	18
Breguet-691	32
Potez-633	54
Другие	60
Всего	200

ВВС экспедиционного корпуса Англии

Тип самолета

Hurricane	170
Battle	128
Blenheim	96
Wellington	80
Всего	474

Общее соотношение сил на 10.05.1940

Типы самолетов	Западные страны	Германия
Одномоторные истребители	850	897
Двухмоторные истребители	55	219
Одномоторные бомбардировщики	176	38
Двухмоторные бомбардировщики	340	1093
Пикирующие бомбардировщики	—	316
Тактические разведчики	138	234
Дальние разведчики	—	180
Всего	1559	2975

Потери за операцию

Типы самолетов	Западные страны	Германия
Одномоторные истребители	590	360
Двухмоторные истребители	40	82
Одномоторные бомбардировщики	120	12
Двухмоторные бомбардировщики	260	200
Пикирующие бомбардировщики	—	56
Тактические разведчики	75	н/д
Дальние разведчики	—	н/д
Всего	1085	710

Приложение II

Самолеты союзников

ВВС Бельгии

Истребители

Истребитель-разведчик Fox VI

Год принятия на вооружение — 1933

Размах крыла, м — 11,58

Длина, м — 9,17

Высота, м — 3,35

Площадь крыла, м² — 30,1

Масса, кг:

 пустого самолета — 1480

 нормальная взлетная — 2245

Тип двигателя — 1 ПД Hispano-Suiza 12Y

Мощность, л.с. — 1 х 860

Максимальная скорость, км/ч — 365

Крейсерская скорость, км/ч — 312

Практическая дальность, км — 600

Максимальная скороподъемность, м/мин — 705

Практический потолок, м — 11 200

Экипаж — 2

Вооружение — 1(2) стационарных синхронных

7,7-мм пулемета и 1 подвижный

7,7-мм пулемет, легкие бомбы

Модификации самолета:

Fox III — серийный вариант Fox II со звездообразным двигателем Armstrong Siddeley Serval мощностью 340 л.с., общий выпуск — 12 машин.

Fox IIIC — модифицированный Fox II с закрытой фонарем кабиной и двигателем Kestrel V; кроме того, был выпущен один экземпляр Fox IIICS со спаренным управлением (общий выпуск — 48 машин).

Fox IIIS — учебный вариант со спаренным управлением (общий выпуск — 4 машины).

Fox V — прототип Fox VI, полученный путем переоборудования модели Fox II 12-цилиндровым двигателем Hispano-Suiza мощностью 650 л.с.

Fox VII Mono — одноместный истребитель; максимальная скорость 375 км/час, вооружение четыре пулемета (два в фюзеляже и по одному в каждом крыле).

Fox VIII — улучшенный Fox VI (общий выпуск — 12 машин).

Истребитель-бомбардировщик S.47

Год принятия на вооружение — 1939

Размах крыла, м — 13,20

Длина, м — 10,61

Высота, м — 3,20

Площадь крыла, м² — 23,80

Масса, кг:

пустого самолета — 2100

нормальная взлетная — 3200

Тип двигателя — 1 ПД Hispano-Suiza 12 YCrS

Мощность, л.с. — 1 x 860

Максимальная скорость, км/ч — 501

Крейсерская скорость, км/ч — 480

Практическая дальность, км — 900
Практический потолок, м — 10 500
Экипаж — 2
Вооружение — 1 20-мм пушка и 3 7,7-мм пулемета
Growning, 2 50-кг бомбы или в ро-
ли ударного самолета — 10 10-кг
бомб

Бомбардировщики и разведчики

Бомбардировщик Battle

Год принятия на вооружение — 1936
Размах крыла, м — 16,46
Длина, м — 20,30
Высота, м — 4,72
Площадь крыла, м² — 39,00
Масса, кг:
 пустого самолета — 3015
 нормальная взлетная — 4895
Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin III
Мощность, л.с. — 1 x 1440
Максимальная скорость, км/ч:
 у земли — 338
 на высоте — 412
Крейсерская скорость, км/ч — 338
Практическая дальность, км — 1609
Максимальная скороподъемность, м/мин — 275
Практический потолок, м — 7620
Экипаж — 3
Вооружение — 17,7-мм пулемет в правой консоли
крыла, 17,7-мм пулемет Vickers
«К» в задней кабине, бомбовая на-
грузка до 454 кг

Разведывательный самолет Renard R-31

Год принятия на вооружение — 1934

Размах крыла, м — 14,40

Длина, м — 9,19

Высота, м — 2,92

Площадь крыла, м² — 32,00

Масса, кг

пустого самолета — 1380

максимальная взлетная — 2122

Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Kestrel IIS

Мощность, л.с. — 1 x 520

Максимальная скорость, км/ч — 295

Крейсерская скорость, км/ч — 262

Практическая дальность, км — 1000

Практический потолок, м — 8650

Экипаж — 2

Вооружение — 1 синхронизированный 7,92-мм пулемет FN Browning в носовой части и такой же на кольцевом лафете в кабине наблюдателя, до 80 кг бомб

Модификации самолета:

R-31 Lograine — второй самолет R.31 с двигателем Lograine Petrel мощностью 650 л.с.

R-32 — усовершенствованный вариант R.31 с перепроектированным фюзеляжем и прозрачным фонарем кабины экипажа; первый самолет поднялся в воздух в августе 1936 г., оснащенный звездообразным двигателем Gnome-Rhone 14 NO1; второй потерпел катастрофу, покинутый пилотом из-за дыма в кабине от двигателя Hispano-Suiza 12Ybrs мощностью 830 л.с., который обеспечивал максимальную скорость 350 км/час.

ВВС Голландии

Истребители

Истребитель Fokker D-XXI

Год принятия на вооружение — 1937

Размах крыла, м — 11,00

Длина, м — 8,20

Высота, м — 2,92

Площадь крыла, м² — 16,20

Масса, кг

 пустого самолета — 1490

 нормальная взлетная — 2050

Тип двигателя — 1 ПД Pratt & Whitney R-1535
 Twin Wasp Junior

Мощность, л.с. — 1 x 1050

Максимальная скорость, км/ч — 410

Крейсерская скорость, км/ч — 334

Практическая дальность, км — 880

Максимальная скороподъемность, м/мин — 750

Практический потолок, м — 9300

Экипаж — 1

Вооружение — 2 7,69-мм пулемета М.36 в передней части фюзеляжа с боекомплектом по 500 патронов на ствол и 2 крыльевых М.36 с боекомплектом по 300 патронов на ствол

Истребитель G-1

Год принятия на вооружение — 1938

Размах крыла, м — 17,14

Длина, м — 11,50

Высота, м — 3,40
Площадь крыла, м² — 38,30
Масса, кг
 пустого самолета — 3323
 нормальная взлетная — 4790
Тип двигателя — 2 ПД Bristol Mercury VIII
Мощность, л.с. — 2 х 830
Максимальная скорость, км/ч — 475
Крейсерская скорость, км/ч — 355
Практическая дальность, км — 1500
Скороподъемность, м/мин — 787
Практический потолок, м — 9250
Экипаж — 2—3
Вооружение — 8 направленных вперед 7,9-мм пулеметов в носовой части и 1 7,9-мм пулемет, подвижно закрепленный на шкворне в хвостовом конусе, до 400 кг бомб

Средний бомбардировщик Fokker T-V

Год принятия на вооружение — 1938
Размах крыла, м — 21,00
Длина, м — 16,00
Высота, м — 5,10
Площадь крыла, м² — 66,20
Масса, кг
 пустого самолета — 4640
 нормальная взлетная — 7235
Тип двигателя — 2 ПД Bristol Pegasus XXVI
Мощность, л.с. — 2 х 925
Максимальная скорость, км/ч — 415
Крейсерская скорость, км/ч — 320

Практическая дальность, км — 1630
Максимальная скороподъемность, м/мин — 405
Практический потолок, м — 7700
Экипаж — 5
Вооружение — 2 7,9-мм пулемета в носу и по 1 7,9-мм пулемету в надфюзеляжной, подфюзеляжной, боковой и хвостовой огневых точках, до 1000 кг бомб

Легкий бомбардировщик Fokker C-X

Год принятия на вооружение — 1935
Размах крыла, м — 12,00
Длина, м — 9,20
Высота, м — 3,30
Площадь крыла, м² — 31,70
Масса, кг
 пустого самолета — 1550
 нормальная взлетная — 2990
Тип двигателя — 1 ПД Bristol Pegasus XII или XXI
Мощность, л.с. — 1 х 835
Максимальная скорость, км/ч — 335
Крейсерская скорость, км/ч — 275
Практическая дальность, км — 900
Максимальная скороподъемность, м/мин — 500
Практический потолок, м — 8100
Экипаж — 2
Вооружение — 1 7,62-мм пулемет переднего огня и
 1 7,62-мм пулемет в задней кабине,
 бомбы массой до 400 кг

ВВС Франция

Истребители

Истребитель MS-406

Год принятия на вооружение — 1938

Размах крыла, м — 10,60

Длина, м — 8,15

Высота, м — 2,80

Площадь крыла, м² — 16,00

Масса, кг

 пустого самолета — 1900

 нормальная взлетная — 2470

Тип двигателя — 1 ПД Hispano-Suiza 12Y 31

Мощность, л.с. — 1 х 860

Максимальная скорость, км/ч — 485

Крейсерская скорость, км/ч — 330

Практическая дальность, км — 800

Максимальная скороподъемность, м/мин — 710

Практический потолок, м — 9400

Экипаж — 1

Вооружение — 1 20-мм пушка, установленная на двигателе и стрелявшая через втулку винта, и 2 7,5-мм пулемета

Истребитель CR-714

Год принятия на вооружение — 1939

Размах крыла, м — 8,97

Длина, м — 8,53

Высота, м — 2,87

Площадь крыла, м² — 12,50

Масса, кг
пустого самолета — 1400
нормальная взлетная — 1750
Тип двигателя — 1 ПД Renault 12Ro1
Мощность, л.с. — 1 х 450
Максимальная скорость, км/ч — 485
Крейсерская скорость, км/ч — 320
Практическая дальность, км — 900
Максимальная скороподъемность, м/мин — 400
Практический потолок, м — 9100
Экипаж — 1
Вооружение — 4 7,5-мм пулемета

Другие модификации самолета:

CR-720 — учебно-тренировочный вариант самолета *CR-714*, оснащенный двигателем Renault Bengali 6Q мощностью 220 л.с. или двигателем Renault 4 Pei мощностью 100 л.с.

CR-760 — опытный экземпляр с двигателем Delta RC 40 компании Isotta Fraschini мощностью 750 л.с.

CR-770 — опытный экземпляр с двигателем Renault 626 мощностью 800 л.с.

Истребитель Dewoitine D-520

Год принятия на вооружение — 1939
Размах крыла, м — 10,20
Длина, м — 8,60
Высота, м — 2,57
Площадь крыла, м² — 15,97
Масса, кг
пустого самолета — 2036
нормальная взлетная — 2677

Тип двигателя — 1 ПД Hispano-Suiza 12Y 45
Мощность, л.с. — 1 х 935
Максимальная скорость, км/ч — 534
Крейсерская скорость, км/ч — 435
Практическая дальность, км — 1530
Максимальная скороподъемность, м/мин — 690
Практический потолок, м — 10 500
Экипаж — 1
Вооружение — 1 установленная в фюзеляже и стреляющая через втулку винта 20-мм пушка HS 404 и 4 крыльевых 7,5-мм пулемета MAC 34 M39

Другие модификации самолета

D-521 — обозначение одного самолета D.520 после установки рядного двигателя Rolls-Royce Merlin III мощностью 1030 л.с.; серийно не производился.

D-524 — обозначение, присвоенное самолету D-521 после замены двигателя Merlin на двигатель Hispano-Suiza 12Z мощностью 1200 л.с.; дальнейшее его усовершенствование было прекращено.

Истребитель MB-152

Год принятия на вооружение — 1938
Размах крыла, м — 10,55
Длина, м — 9,10
Высота, м — 3,95
Площадь крыла, м² — 15,00
Масса, кг
 пустого самолета — 2020
 нормальная взлетная — 2680

Тип двигателя — 1 ПД Gnome-Rhone 14N
Мощность, л.с. — 1 x 1030
Максимальная скорость, км/ч — 515
Крейсерская скорость, км/ч — 450
Практическая дальность, км — 600
Максимальная скороподъемность, м/мин — 570
Практический потолок, м — 10 000
Экипаж — 1
Вооружение — 4 7,5-мм пулемета

Истребитель Potez-630

Год принятия на вооружение — 1939
Размах крыла, м — 16,00
Длина, м — 11,07
Высота, м — 3,61
Площадь крыла, м² — 32,70
Масса, кг
 пустого самолета — 2450
 нормальная взлетная — 3850
Тип двигателя — 2 ПД Hispano-Suiza 14Ab 10/11
Мощность, л.с. — 2 x 720
Максимальная скорость, км/ч — 448
Крейсерская скорость, км/ч — 412
Практическая дальность, км — 1300
Максимальная скороподъемность, м/мин — 620
Практический потолок, м — 10 000
Экипаж — 2
Вооружение — 2 передних 7,62-мм пулемета MAC 34
и один такой же пулемет на турели в
задней кабине

Истребитель Potez-631

Год принятия на вооружение — 1939

Размах крыла, м — 16,00

Длина, м — 11,07

Высота, м — 3,61

Площадь крыла, м² — 32,70

Масса, кг

 пустого самолета — 2450

 нормальная взлетная — 3760

Топливо, л — 765

Тип двигателя — 2 ПД Gnome-Rhone GR14Mars

Мощность, л.с. — 2 х 660

Максимальная скорость, км/ч

 на высоте — 442

 на уровне моря — 360

Крейсерская скорость, км/ч — 240

Практическая дальность, км — 1220

Максимальная скороподъемность, м/мин — 710

Практический потолок, м — 9500

Экипаж — 2

Вооружение — две неподвижные стреляющие вперед 20 мм пушки Hispano-Suiza HS 9 или HS 404 с боекомплектом 60+30 снарядов на ствол (некоторые машины имели один пулемет и одну пушку), один задний подвижный 7,5 мм пулемет MAC 1934 (1000 патронов). На некоторых машинах устанавливались 4 дополнительных пулемета в подкрыльевых обтекателях

Бомбардировщики*Бомбардировщик Amiot-143*

Год принятия на вооружение — 1935

Размах крыла, м — 24,50

Длина, м — 18,00

Высота, м — 5,00

Площадь крыла, м² — 100,00

Масса, кг

 пустого самолета — 6100

 максимальная взлетная — 9700

Тип двигателя — 2 ПД Gnome-Rhone 14Kirs/Kjrs
Mistral Major

Мощность, л.с. — 2 x 870

Максимальная скорость, км/ч — 310

Крейсерская скорость, км/ч — 270

Практическая дальность, км — 1200

Максимальная скороподъемность, м/мин — 290

Практический потолок, м — 7900

Экипаж — 4-6

Вооружение — (начиная с 41-й машины) 4 7,5-мм пулемета МАС — по одному в носовой, задней, нижней башне и в нижней носовой части фюзеляжа, до 800 кг бомбовой нагрузки во внутреннем отсеке

Модификации самолета:

Amiot-140 — прототип (два самолета).

Amiot-142 — доработанный прототип (один самолет).

Amiot-143 — предсерийная и серийная модель (138 самолетов).

Amiot-142 (доработанный) — основанный на третьей модели, но с другими двигателями (один самолет).

Amiot-144M — модель с доработанными крыльями и убирающимся шасси (один самолет).

Amiot 150BE — прототип разведывательного/торпедного бомбардировщика; два двигателя Gnome-Rhone мощностью 740 л.с., сменное колесное или поплавковое шасси (один самолет).

Бомбардировщик Amiot-354

Год принятия на вооружение — 1940

Размах крыла, м — 22,83

Длина, м — 14,50

Высота, м — 4,08

Площадь крыла, м² — 67,08

Масса, кг

пустого самолета — 4725

максимальная взлетная — 11 300

Тип двигателя — 2 ПД Gnome-Rhone 14N 48/49

Мощность, л.с. — 2 x 1060

Максимальная скорость, км/ч — 450

Крейсерская скорость, км/ч — 380

Практическая дальность, км — 2500

Максимальная скороподъемность, м/мин — 2500

Практический потолок, м — 10 000

Экипаж — 4

Вооружение — 1 20-мм пушка в надфюзеляжной турели, 2 7,5-мм пулемета МАС в носовом и подфюзеляжном отсеках, 1200 кг бомб

Бомбардировщик Breguet-693

Год принятия на вооружение — 1940

Размах крыла, м — 15,37

Длина, м — 9,67

Высота, м — 3,19

Площадь крыла, м² — 29,20

Масса, кг

 пустого самолета — 3010

 нормальная взлетная — 4500

 максимальная взлетная — 4900

Тип двигателя — 2 ПД Gnome-Rhone 14M-6/7

Мощность, л.с. — 2 x 700

Максимальная скорость, км/ч

 на высоте — 427

 у земли — 390

Крейсерская скорость, км/ч — 400

Практическая дальность, км — 1350

Скороподъемность, м/мин — 556

Практический потолок, м — 8400

Экипаж — 2

Вооружение — 1 20-мм пушка Hispano-Suiza 404, 2 7,5-мм передних пулемета Darne MAC1934, 1 7,5-мм пулемет Darne на подвижном креплении в задней кабине (100 патронов), 1 7,5-мм неподвижный пулемет, установленный наклонно под фюзеляжем для обстрела задней полусферы (500 патронов). На поздних вариантах по 1 7,5-мм пулемету в гондолах двигателя для обстрела задней полусферы. Бомбы массой до 400 кг (8 x 50 бомб)

Легкий бомбардировщик Potez-633

Год принятия на вооружение — 1938

Размах крыла, м — 16,00

Длина, м — 11,07

Высота, м — 3,61

Площадь крыла, м² — 32,70

Масса, кг

пустого самолета — 2900

нормальная взлетная — 4260

максимальная взлетная — 4500

Топливо, л — 765

Тип двигателя — 2 ПД Gnome-Rhone 14M-6

Мощность, л.с. — 2 x 670

Максимальная скорость, км/ч — 440

Крейсерская скорость, км/ч — 244

Практическая дальность, км — 1300

Максимальная скороподъемность, м/мин — 570

Практический потолок, м — 8000

Экипаж — 2

Вооружение — первоначально: 1 неподвижный передний (300 патронов) и 1 неподвижный подфюзеляжный 7,5-мм пулемет заднего обстрела МАС 1934 (300 патронов), один 7,5-мм пулемет на управляемом креплении в задней кабине (500 патронов)

Самолеты выпуска 1940 г. снабжались 2 дополнительными неподвижными пулеметами переднего огня и 2 дополнительными подфюзеляжными 7,5-мм пулеметами заднего обстрела МАС калибра. Большинство самолетов также имело 4 неподвижных 7,5-мм пулемета МАС 1934 под внешними консолями крыла.

Нормальная нагрузка — 4 50-кг бомб на подкрыльевых креплениях. Максимально — до 400 кг бомб (8 по 50-кг)

Самолеты Британских ВВС

Бомбардировщики

Легкий бомбардировщик Battle

Год принятия на вооружение — 1936

Размах крыла, м — 16,46

Длина, м — 20,30

Высота, м — 4,72

Площадь крыла, м² — 39,00

Масса, кг

 пустого самолета — 3015

 нормальная взлетная — 4895

Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin III

Мощность, л.с. — 1 x 1440

Максимальная скорость, км/ч

 у земли — 338

 на высоте — 412

Крейсерская скорость, км/ч — 338

Практическая дальность, км — 1609

Максимальная скороподъемность, м/мин — 275

Практический потолок, м — 7620

Экипаж — 3

Вооружение — 17,7-мм пулемет в правой консоли крыла, 17,7-мм пулемет Vickers «К» в задней кабине, бомбовая нагрузка до 454 кг

Средний бомбардировщик Blenheim Mk.IV

Год принятия на вооружение — 1937

Размах крыла, м — 17,17

Длина, м — 12,98

Высота, м — 3,00

Площадь крыла, м² — 43,57

Масса, кг

пустого самолета — 4441

нормальная взлетная — 6532

Тип двигателя — 2 ПД Bristol Mercury XV

Мощность, л.с. — 2 х 905

Максимальная скорость, км/ч — 428

Крейсерская скорость, км/ч — 319

Практическая дальность, км — 2350

Максимальная скороподъемность, м/мин — 457

Практический потолок, м — 8310

Экипаж — 3

Вооружение — 5 7,7-мм пулеметов (1 в левой консоли крыла, 2 в надфюзеляжной турели с механическим управлением и 2 с дистанционным управлением на опоре под носовой частью для обстрела задней полусферы), до 454 кг бомб в бомбовом отсеке и 145 кг на внешних подвесках

Тяжелый бомбардировщик Halifax B.Mk.I Srs I

Год принятия на вооружение — 1940

Размах крыла, м — 31,75

Длина, м — 21,82

Высота, м — 6,32

Площадь крыла, м² — 118,45

Масса, кг

пустого самолета — 17 345

нормальная взлетная — 29 484

Тип двигателя — 4 ПД Bristol Hercules XVI

Мощность, л.с. — 4 x 1615

Максимальная скорость, км/ч — 454

Крейсерская скорость, км/ч — 346

Практическая дальность, км — 3840

Боевая дальность, км — 1658

Максимальная скороподъемность, м/мин — 170

Практический потолок, м — 7315

Экипаж — 7

Вооружение — 1 7,7-мм пулемет на подвижном креплении в носовой части и по 4 таких же пулемета в надфюзеляжной и хвостовой турелях, бомбовая нагрузка до 5897 кг

Модификации самолета:

Halifax B.Mk.I Srs II — в основном похожий на самолет B.Mk.I Srs I, но с усиленной конструкцией для полетов с большей суммарной массой.

Halifax B.Mk.I Srs III — вариант самолета B.Mk.I Srs I с увеличенным запасом топлива; последние серийные экземпляры были оснащены двигателями Merlin XX.

Halifax B.Mk.II Srs I (Special) — переобозначение самолетов B.Mk.II Srs I, которые имели в своем служебном варианте всевозможные усовершенствования модели B.Mk.II Srs IA.

Halifax B.Mk.V Srs IA — такой же, как самолет B.Mk.II Srs IA, кроме установленного шасси Доути (Dowty); компания обозначила его как H.P.63.

Halifax B.Mk.V Srs I (Special) — такой же как самолет B.Mk.II Srs I (Special), кроме установленного шасси Доути и гидравлики.

Halifax B.Mk.VI — в основном похожий на самолет B.Mk.III, но оснащенный двигателями Bristol Hercules мощностью 1249 кВт (1675 л.с.), развивавшими на

высоте 3050 м (10 000 футов) мощность в 1342 кВт (1800 л.с.); компания обозначила его как Н.Р.61.

Halifax В.Мк. VII — такой же, как самолет В.Мк. VI, но из-за нехватки двигателей Hercules 100 переделанный под установку звездообразных двигателей Bristol Hercules XVI; компания обозначила его как Н.Р.61.

Средний бомбардировщик Hampden В.Мк. I

Год принятия на вооружение — 1938

Размах крыла, м — 21,08

Длина, м — 16,33

Высота, м — 4,55

Площадь крыла, м² — 60,75

Масса, кг

пустого самолета — 5343

нормальная взлетная — 8508

максимальная взлетная — 9525

Топливо, л — 2973

Тип двигателя — 2 ПД Bristol Pegasus XVII

Мощность, л.с. — 2 x 1000

Максимальная скорость, км/ч — 426

Крейсерская скорость, км/ч — 349

Практическая дальность, км — 3203

Боевая дальность с максимальной загрузкой, км — 1400

Максимальная скороподъемность, м/мин — 300

Практический потолок, м — 6920

Экипаж — 4

Вооружение — 2 7,7-мм передних пулемета калибра и два 7,7-мм пулемета, установленные в надфюзеляжной и подфюзеляжной позициях, бомбовая нагрузка до 1814 кг

Средний бомбардировщик Manchester

- Год принятия на вооружение — 1941
Размах крыла, м — 27,46
Длина, м — 21,13
Высота, м — 5,94
Площадь крыла, м² — 105,63
Масса, кг
 пустого самолета — 13 350
 нормальная взлетная — 25 401
Тип двигателя — 2 ПД Rolls-Royce Vulture
Мощность, л.с. — 2 x 1760
Максимальная скорость, км/ч — 426
Крейсерская скорость, км/ч — 298
Практическая дальность, км — 2623
Максимальная скороподъемность, м/мин — 170
Практический потолок, м — 5850
Экипаж — 7
Вооружение — 8 7,7-мм пулеметов (по два в носовой и надфюзеляжных турелях и четыре в хвостовой турели), до 4695 кг бомб

Средний бомбардировщик Maryland Mk.I

- Год принятия на вооружение — 1940
Размах крыла, м — 18,69
Длина, м — 14,22
Высота, м — 4,57
Площадь крыла, м² — 50,03
Масса, кг
 пустого самолета — 5086
 нормальная взлетная — 7624
Тип двигателя — 2 ПД Pratt & Whitney R-1830-S3C4G
 Twin Wasp
Мощность, л.с. — 2 x 1200

Максимальная скорость, км/ч — 489
Крейсерская скорость, км/ч — 399
Практическая дальность, км — 2092
Максимальная скороподъемность, м/мин — 300
Практический потолок, м — 8990
Экипаж — 3
Вооружение — 4 установленных в крыле 7,62-мм пулемета Browning по 1 7,7-мм пулемету Vickers «К» на верхней и нижней поверхностях фюзеляжа, бомбовая нагрузка до 907 кг

Тяжелый бомбардировщик Stirling Mk.I

Год принятия на вооружение — 1940
Размах крыла, м — 30,20
Длина, м — 26,59
Высота, м — 6,93
Площадь крыла, м² — 135,63
Масса, кг
 пустого самолета — 19 595
 нормальная взлетная — 31 751
Тип двигателя — 4 ПД Bristol Hercules XVI
Мощность, л.с. — 4 x 1650
Максимальная скорость, км/ч — 435
Крейсерская скорость, км/ч — 325
Практическая дальность, км — 4830
Боевая дальность, км — 950
Максимальная скороподъемность, м/мин — 250
Практический потолок, м — 5180
Экипаж — 7
Вооружение — 8 7,7-мм пулеметов в носовой, надфюзеляжной и хвостовой турелях, бомбовая нагрузка до 6350 кг

Средний бомбардировщик Wellington

Год принятия на вооружение — 1939

Размах крыла, м — 26,26

Длина, м — 19,69

Высота, м — 5,31

Площадь крыла, м² — 79,10

Масса, кг

 пустого самолета — 9189

 нормальная взлетная — 14 969

Тип двигателя — 2 ПД Rolls-Royce Merlin X

Мощность, л.с. — 2 x 1130

Максимальная скорость, км/ч — 435

Крейсерская скорость, км/ч — 290

Практическая дальность, км — 3540

Максимальная скороподъемность, м/мин — 170

Практический потолок, м — 7163

Экипаж — 4

Вооружение — 4 7,7-мм пулемета

Нормальная бомбовая нагрузка — 1134 кг

Максимальная — 1814 кг

Модификации самолета:

Wellington Mk.I — первая серийная модификация.

Wellington Mk.IA — модификация с ПД Pegasus Mk.XVIII.

Wellington Mk.IB — модификация с улучшенным вооружением.

Wellington Mk.IC — улучшенная версия Mk.IB.

Wellington Mk.II — модификация с ПД Merlin Mk.X.

Wellington Mk.III — модификация с 8 пулеметами и ПД Bristol Hercules XI (1500 л.с.).

Wellington Mk.IV — модификация с ПД R-1830-S3C4G (1184 л.с.).

Wellington Mk.V — модификация с ПД Hercules Mk.XI.

Wellington Mk.VI — модификация с ПД Merlin Mk.60 (1579 л.с.).

Wellington Mk.VIG — модификация с улучшенным БРЭО.

Wellington Mk.VII — модификация для тестирования вооружения.

Wellington Mk.VIII — торпедоносец с РЛС ASV.Mk.II.

Wellington Mk.IX — экспериментальная версия.

Wellington Mk.X — модификация с ПД Hercules Mk.XVI (1653 л.с.).

Wellington Mk.GR.XI — модификация с РЛС ASV.Mk.II, 6 пулеметами, ПД Hercules Mk.XVI.

Wellington Mk.GR.XII — модификация с РЛС ASV.Mk.III.

Wellington Mk.GR.XIII — модификация с ПД Hercules Mk.XVII, РЛС ASV.Mk.II.

Wellington Mk.GR.XIV — модификация с РЛС ASV.Mk.III, узлами подвески для НУРС.

Wellington Mk.C.XV — транспортная версия Mk.IA.

Wellington Mk.C.XVI — транспортная версия Mk.IC.

Wellington Mk.T.XVII — модификация GR.XI с РЛС SCR 720AI для подготовки пилотов ночных бомбардировщиков.

Wellington Mk.T.XVIII — модификация GR.XII с РЛС SCR 720AI для подготовки пилотов ночных бомбардировщиков.

Средний бомбардировщик Whitley

- Год принятия на вооружение — 1937
Размах крыла, м — 25,60
Длина, м — 21,49
Высота, м — 4,57
Площадь крыла, м² — 105,63
Масса, кг
 пустого самолета — 8777
 нормальная взлетная — 15 195
Тип двигателя — 2 ПД Rollse-Royce Merlin X
Мощность, л.с. — 2 x 1145
Максимальная скорость, км/ч — 370
Крейсерская скорость, км/ч — 338
Практическая дальность, км — 2414
Максимальная скороподъемность, м/мин — 250
Практический потолок, м — 7925
Экипаж — 5
Вооружение — 4 7,7-мм пулемета в электроуправляемой хвостовой турели, 1 7,7-мм пулемет в носовой турели, до 3175 кг бомб

Истребители*Дальний истребитель Beaufighter Mk.IF*

- Год принятия на вооружение — 1940
Размах крыла, м — 17,63
Длина, м — 12,70
Высота, м — 4,83
Площадь крыла, м² — 46,73

Масса, кг
пустого самолета — 7076
максимальная взлетная — 11 431
Тип двигателя — 2 ПД Hercules XVII
Мощность, л.с. — 2 x 1770
Максимальная скорость, км/ч — 488
Крейсерская скорость, км/ч — 401
Практическая дальность, км — 2366
Максимальная скороподъемность, м/мин — 380
Практический потолок, м — 4570
Экипаж — 2
Вооружение — 4 20-мм пушки и 6 неподвижных пулеметов переднего огня калибра 7,7-мм, 1 поворотный пулемет Vickers «К» калибра 7,7 мм вверху фюзеляжа, 1 торпеда и 2 бомбы массой 113 кг или 8 41-кг РС

Тяжелый истребитель Blenheim IVF

Год принятия на вооружение — 1938
Размах крыла, м — 17,17
Длина, м — 12,12
Высота, м — 3,89
Площадь крыла, м² — 43,57
Масса, кг
пустого самолета — 4013
нормальная взлетная — 5947
Тип двигателя — 2 ПД Bristol Mercury VIII
Мощность, л.с.
взлетная — 2 x 725
на высоте — 2 x 840
Максимальная скорость, км/ч — 426
Крейсерская скорость, км/ч — 320
Практическая дальность, км — 1480
Скороподъемность, м/мин — 458

Практический потолок, м — 7772

Экипаж — 3

Вооружение — один пулемет 7,7-мм Vickers в левом крыле с 400 патронами, один 7,7-мм пулемет Lewis в верхней башне, четыре пулемета Browning в подфюзеляжном контейнере

Истребитель Gladiator

Год принятия на вооружение — 1937

Размах крыла, м — 9,83

Длина, м — 8,36

Высота, м — 3,53

Площадь крыла, м² — 30,01

Масса, кг

пустого самолета — 1562

нормальная взлетная — 2206

Тип двигателя — 1 ПД Bristol Mercury VIIIA/AS

Мощность, л.с. — 1 х 830

Максимальная скорость, км/ч

у земли — 346

на высоте — 417

Практическая дальность, км — 714

Максимальная скороподъемность, м/мин — 677

Практический потолок, м — 10 211

Экипаж — 1

Вооружение — 4 неподвижных 7,69-мм пулемета Browning: 2 по бокам носовой части фюзеляжа, каждый с боекомплектом по 600 патронов в ленточных ящиках, и 2 под нижними крыльями (вне плоскости диска винта) с боекомплектом по 400 патронов в ленточных ящиках.

(На первые 70 Gladiator I устанавливали подкрыльевые пулеметы Lewis или Vickers с боекомплектом по 97 или 100 патронов в барабанных магазинах.)

Истребитель Hurricane Mk.I

Год принятия на вооружение — 1938
Размах крыла, м — 12,20
Длина, м — 9,59
Высота, м — 3,96
Площадь крыла, м² — 23,93
Масса, кг
 пустого самолета — 2118
 нормальная взлетная — 2994
Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin III
Мощность, л.с. — 1 x 1030
Максимальная скорость, км/ч — 520
Практическая дальность, км — 965
Максимальная скороподъемность, м/мин — 702
Практический потолок, м — 10 900
Экипаж — 1
Вооружение — 8 7,7-мм пулемета MG

Истребитель Hurricane II

Год принятия на вооружение — 1940
Размах крыла, м — 12,19
Длина, м — 9,81
Высота, м — 3,99
Площадь крыла, м² — 23,92
Масса, кг
 пустого самолета — 2566
 нормальная взлетная — 3422
 максимальная взлетная — 3649
Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin XX
Мощность, л.с. — 1 x 1260
Максимальная скорость, км/ч — 529
Практическая дальность, км — 1480
Боевая дальность, км — 740

Максимальная скороподъемность, м/мин — 838
Практический потолок, м — 11 125
Экипаж — 1
Вооружение — 4 20-мм пушки Hispano или Oerlikon с общим боекомплектом в 364 снаряда или 12 7,7-мм пулеметов в ранних модификациях

Истребитель Spitfire Mk.I

Год принятия на вооружение — 1938
Размах крыла, м — 11,23
Длина, м — 9,12
Высота, м — 2,69 (3,02)
Площадь крыла, м² — 22,50
Масса, кг
 пустого самолета — 2261
 нормальная взлетная — 2812
Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin II
Мощность, л.с. — 1 x 1030
Максимальная скорость, км/ч — 582
Боевая дальность, км — 683
Максимальная скороподъемность, м/мин — 771
Практический потолок, м — 9723
Экипаж — 1
Вооружение — 8 7,69-мм пулеметов Browning с боекомплектом по 300 патронов на ствол

Истребитель Spitfire Mk.V

Год принятия на вооружение — 1941
Размах крыла, м — 11,23
Длина, м — 9,12
Высота, м — 3,48
Площадь крыла, м² — 22,50

- Масса, кг
 пустого самолета V_a/V_c — 2250/2313
 нормальная взлетная V_a/V_c — 2829/3078
 максимальная взлетная V_c — 3810
- Топливо, л
 внутреннее — 386 + 136,182
 дополнительные баки — 409
- Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin 45,50,55
- Мощность, л.с. — 1 x 1585 (1470)
- Максимальная скорость, км/ч — 605
- Практическая дальность, км — 1826
- Боевая дальность, км — 726
- Максимальная скороподъемность, м/мин — 1653
- Практический потолок, м — 11 278
- Экипаж — 1
- Вооружение — V_a — восемь 7,69-мм пулеметов
 Browning с 350 патронами на ствол.
 V_b — две 20-мм пушки с 60 снарядами
 на ствол и четыре 7,69-мм пулемета
 с 350 патронами на ствол.
 V_c — обычно типа «b» но со 120
 снарядами на ствол, некоторые с че-
 тырьмя 20-мм пушками.
 $LF.V$ — тип «b» с 60 или 120 снарядами
 для пушек, что зависело от ис-
 ходной модификации, из которой
 его переделывали.
 Бомбы: V_b и V_c — две по 113 кг или
 одна 227-кг.

Истребитель Defiant

- Год принятия на вооружение — 1939
- Размах крыла, м — 11,99
- Длина, м — 10,77
- Высота, м — 3,45
- Площадь крыла, м² — 23,23

-
- Масса, кг
пустого самолета — 2849
нормальная взлетная — 3821
Тип двигателя — 1 ПД Rolls-Royce Merlin XX
Мощность, л.с. — 1 x 1280
Максимальная скорость, км/ч
у земли — 485
на высоте — 504
Крейсерская скорость, км/ч — 418
Практическая дальность, км — 748
Максимальная скороподъемность, м/мин — 590
Практический потолок, м — 9250
Экипаж — 2
Вооружение — 4 7,62-мм пулемета MG Browning,
установленных в надфюзеляжной
турели с силовым приводом

Содержание

От издателя 5

Даниил Проэктор

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

Глава IV

«СТРАННАЯ ВОЙНА» И ПОДГОТОВКА
СОЮЗНИКОВ К ОТПОРУ ГЕРМАНСКОГО
ВТОРЖЕНИЯ 9

Глава V

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИЕЙ НАПАДЕНИЯ
НА ФРАНЦИЮ, БЕЛЬГИЮ И ГОЛЛАНДИЮ.
БОРЬБА ЗА НОРВЕГИЮ 68

Глава VI

НАЧАЛО ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ.
«БИТВА ЗА ФРАНЦИЮ» 133

Глава VII

РАЗВИТИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ НА ЗАПАДЕ 189

Глава VIII

ОТ ПОБЕДЫ НА ЗАПАДЕ К НАЧАЛУ
АГРЕССИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 304

БРИТАНСКИЕ ВВС

ПРЕДИСЛОВИЕ	325
<i>Часть I</i>	
НЕРАВНАЯ БОРЬБА	328
<i>Глава I</i>	
РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКИХ ВВС с 1934 по 1939 год	336
<i>Глава II</i>	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ ВВС НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ	358
<i>Глава III</i>	
СКАНДИНАВСКАЯ НЕУДАЧА	376
<i>Глава IV</i>	
КАТАСТРОФА НА ЗАПАДЕ	391
<i>Глава V</i>	
БИТВА НАД АНГЛИЕЙ	422
<i>Глава VI</i>	
НЕМЕЦКАЯ БЛОКАДА. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОЙ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ	478
<i>Приложение I</i>	503
<i>Приложение II</i>	507

Издательство АСТ
представляет книги серии
«Военно-историческая библиотека»

Серия составлена из книг самых разнообразных жанров, от сугубо теоретических исследований и военных трактатов до биографий и мемуаров, созданных историками, биографами, полководцами прошлого и современности. В рамках серии читателям предоставлена уникальная возможность впервые ознакомиться с ранее не издававшимися трудами по истории различных военных кампаний.

В серии вышли:

- Ф.Шерман** *«Война на Тихом океане (Авианосцы в бою)»*
Э.Манштейн *«Утерянные победы»*
Б.Урланис *«История военных потерь»*
К.Типпельскирх и др. *«Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных»*
К.Типпельскирх *«История Второй мировой войны»*
Б.Такман *«Первый блицкриг. Август 1914»; «Первый блицкриг (Августовские пушки)»*
Б.Лиддел-Гарт *«Энциклопедия военного искусства» («Стратегия непрямых действий»); «Вторая мировая война»*
Ю.Каторин и др. *«Уникальная и парадоксальная военная техника»*
Ф.Меллентин *«Танковые сражения»*
Е.Разин *«История военного искусства». В 3 т.*
Ф.Руге *«Война на море. 1939 – 1945»*
Ф.Меринг *«История войн и военного искусства»*
К.Дениц *«Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне»*
Р.Ф.Толливер, Т.Дж.Констебль *«Лучший ас Второй мировой»*
Д.Хорикоши, М.Окумия, М.Кэйдин *«Японская авиация во Второй мировой войне»*
Т.Тулейя, Д.Вудворд *«Сумерки морских богов (Германский флот во Второй мировой войне)»*
Э.Миддельдорф *«Русская кампания: тактика и вооружение»*
Э.Дурмшид *«Победы, которых могло не быть»*
Д.Хорикоти *«Японская авиация во Второй мировой войне»*
Ф.О.Саусверд *«Слоны и пеишки»*
В.Яковлев *«История крепостей»*
П.Бриксилл, Р.Беркер *«Убийцы кораблей. Затопить Германию»*

- М.А.Брагадин** «Битва за Средиземное море. Взгляд побежденных»
- М. Галактионов** «Париж, 1914»
- Э. Саундерс** «Сто дней Наполеона»
- С.У.Роскилл** «Флаг Святого Георгия (Английский флот во Второй мировой войне)»
- К. Макси** «Упущенные возможности Гитлера»; «Вторжение, которого не было» и др.
- С.Переслегин и др.** «Тихоокеанская премьера»
- А.Больных** «Морские битвы Первой мировой». Т. 1. «Схватка гигантов»; Т.2. «Трагедия ошибок»; Т.3. «На океанских просторах»
- Н.Попель** «В тяжкую пору»; Т.1. «Танки повернули на Запад»; Т.2. «Впереди Берлин»
- К.Блэйр** «Подводная война Гитлера. 1939 – 1942. Волки». В 2 т.; «Подводная война Гитлера. 1943 – 1945. Жертвы». В 2 т.
- М. Зефиров** «Асы Люфтваффе: Дневные истребители». В 2 т.; «Асы Люфтваффе: Бомбардировочная авиация»; «Союзники Люфтваффе: Эстония, Латвия, Финляндия»; «Союзники Люфтваффе: Италия»; «Асы Люфтваффе: Реактивные истребители»
- «Штурмовая авиация Люфтваффе»; «Ночные истребители Люфтваффе»
- И. Серебренников** «Гражданская война в России: Великий отход»
- В.Доценко** «Флоты в локальных войнах»
- И.Можейко** «Западный ветер, ясная погода»
- М.Филиппи, Г.Фриснер** «Припятская проблема»; «Проигранные сражения»
- А. Широкопад** «Гений советской артиллерии»; «Бог войны Третьего рейха»; «Падение Порт-Артура»; «Россия – Англия: Незвестная война» «Северные войны России»
- У. Стьюк** «Корейская война»
- Ф. Гальдер** «Военный дневник». В 3 т.
- П. Смит** «Пикирующие бомбардировщики»
- К. Мерецков** «На службе народу»
- С. Амброз** «День Д»
- К.М. Бэйр** «Суда-ловушки против подводных лодок»

А. Гове, Я. Масао, Д. Гейвин «Воздушные десанты Второй мировой войны»

М. Катуков «На острие главного удара»

А. Шталь «Малые войны 1920 – 1930-х годов»

Д. Поуп, Б. Скофилд «Полярные конвои»

Э.Б. Поттер «Адмирал Нимиц»

«Танковый погром 41 г.»

«Мировая война. 1939 – 1945 гг.»

«Битва за Средиземное море. Взгляд победителей»

«Крах Третьего рейха»

«Великие адмиралы»

«Подводная война на Тихом океане»

«Подводные диверсанты во Второй мировой войне»

«Гражданская война в России: Оборона Крыма»

Готовятся к выходу:

«Арабо-израильские войны»

«Блицкриг в Западной Европе: Норвегия. Дания»

Б. Ковалев «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России»

О. Романько «Мусульманские легионы во Второй мировой войне»

Н. Скрицкий «Флагманы Петра Великого»

**По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:**

Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж

Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ»

можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ISBN 5-17-022735-3

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Блицкриг в Европе Война на Западе

Ответственный редактор А. Поляхов
Выпускающий редактор С. Абовская
Редактор Б. Лозовский
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю. Хаджи
Технический редактор М. Белякова
Корректоры Е. Артемьева, Ю. Голубева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1 «Б».
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 1247.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа». 220600, Минск, ул. Красная, 23.

